

Коркина слобода

Краеведческий альманах

Выпуск четвертый

Ишим - 2002

Краеведческий альманах "Коркина слобода" - N 4 - 2002
Электронная версия - www.ershov.ishimkultura.ru

П.П. Ершов
(1815-1869)

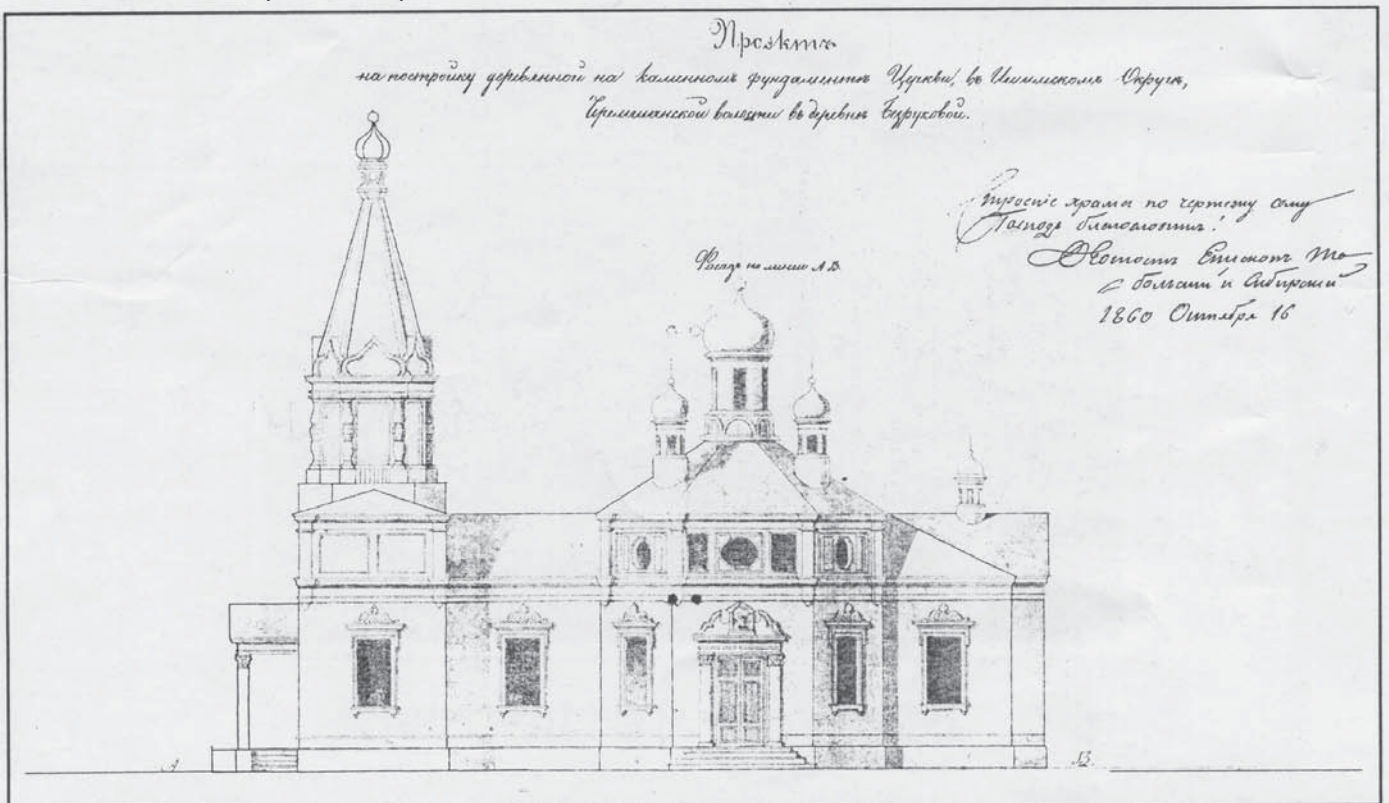
Его Превосходительству,
Святейшему Епископу Мелитскому
и Сисирецкому,
Статскому Советнику
Петру Ершову

Пропишите:
Государственные крестьяне Ишимского округа Черемшанской волости деревни Безруковой и Завьяловой челночными мерами ходатайствуют у Вашего Превосходительства о дозволении построить им в деревне Безруковой однопрестольную деревянную на каменном фундаменте церковь. Представляя при сем два подлинных примера крестьян челночных деревен, а именно: чисты покорнейше просит Ваше Превосходительство о дозволении построить в деревне Безруковой церкви во имя преподобного отца Петра Столпника и исповедника, которому память церкви совершается 22-го февраля и для пособия в постройке церкви вымошкити енайдити крестьян деревень Безруковой и Завьяловой хитрого для сбора приношений на все время до окончательного устройства и освящения церкви

Ставший Саватомия М. Ершов

Августия 2, дня
1859 года.

Краеведческий альманах "Коркина слобода" - N 4 - 2002
Электронная версия - www.ershov.ishimkultura.ru

Неизвестные автографы П.П.Ершова. Храм во имя Петра Столпника в д.Безруковой Ишимского округа - читайте в разделе "Культура края".

Администрация г.Ишима
Ишимский краеведческий музей
Ишимский государственный педагогический институт
им.П.П.Ершова

Коркина слобода

Краеведческий альманах

Выпуск четвертый

Ишим - 2002

Краеведческий альманах "Коркина слобода" - N 4 - 2002
Электронная версия - www.ershov.ishimkultura.ru

ББК 63.3 (253.3)
К 66
УДК 908.571.12

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ишимского государственного педагогического института им.П.П.Ершова

Главный редактор
Зам. гл. редактора

Т.П.Савченкова
Н.Л.Проскурякова

Общественный редакционный совет:

В.А.Рейн
В.Б.Белоусов
Н.П.Кузовкова
А.С.Тихонов
Л.М.Тиховская
Г.Е.Лукошина
Г.А.Крамор

Рецензент:

доктор исторических наук,
профессор В.Г.Истомин

К 66

Коркина слобода. Краеведческий альманах. - Ишим: изд-во ИГПИ им.П.П.Ершова, 2002. - 168 с.

Четвертый выпуск “Коркиной слободы” включает в себя статьи, очерки, мемуары, фотоматериалы, относящиеся к истории Ишима и Приишимья. Альманах адресован широкому кругу читателей.

ISBN 5-900142-33-7

© ИГПИ им.П.П.Ершова, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ ПРИИШИМЬЯ	5	Пашков Ф.М. Как Коркина слобода стала Ишимом
<i>На первой стр. обложки: Троицкая церковь в селе Шабали- но Армизон- ского района. Фотография Г.Крамора.</i>	9	Филь С.Г. Поляки в ишимской ссылке: первая половина XIX века
	14	Меньшиков В.Н. Об укреплении берега реки Ишим и строительстве Синкинского канала
<i>На второй стр. обложки: Чертеж хра- ма во имя Петра Столпника в д.Безруко- вой Ишимско- го округа.</i>	24	Коновалова Е.Н. Типографское дело в Ишиме и Ялуторовске (конец XIX - нач. XX вв.)
	30	Шулдяков В.А. Казачество Приишимья в начале Гражданской войны (лето 1918 года)
<i>На третьей стр. обложки: Владимир Кривых. Пейзажи Приишимья.</i>	48	Симонов Д.Г. Ишимский полк: из истории белогвардейских вооруженных сил в Сибири (1918 год)
	56	Курышев И.В. Пасынки судьбы (Гражданская война в документах)
	63	Примаков И.В. Редкие птицы Приишимья
КУЛЬТУРА КРАЯ	69	Савченкова Т.П. Храм во имя Петра Столпника в д.Безруковой Ишимского округа (неизвестные автографы П.П.Ершова)
	76	Нечволода О.П. “Только начинается Россия с городов таких, как мой Ишим” (Ишим в жизни и творчестве В. Нечволоды)

**ЛИКИ
ПРОШЛОГО
И НАСТОЯЩЕГО**

81 Афонасьева Л.И.
Николай Иванович и Екатерина
Васильевна Палопеженцевы

85 Мишкина О.А.
Аркадий Антонович Смолич -
ученый и педагог

90 Смолич А.А.
Зона лиственных лесов и займищ Сибири
на меридиане г.Ишима.
Публикация Анны Аркадьевны Смолич

100 Проскурякова Н.Л.
Генерал Иван Копец

106 Копец Н.П.
На пять лет без суда (воспоминания).
Публикация Натальи Ивановны Копец.
Вступительная заметка О.Н.Маракулиной

114 Косовичева А.Н.
Гелиофизик Александр Георгиевич
Косовичев

**МУЗЕЙ
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ**

120 Проказова Т.И.
Музей Второпесьяновской школы

**ЖУРНАЛЫ
И ГАЗЕТЫ ЛЕТ
МИНУВШИХ**

123 Страницы "Тобольских губернских
ведомостей"

**ПЫТЛИВЫЙ
ПОСОХ
СТРАННИКА**

126 Малышев В.Н.
Встречь солнцу

129 Крамор Г.А.
Паломничество в "озерный край"

**СТРАНИЦЫ
МЕМОАРОВ**

142 Калинина М.Ф.
Времена. Люди и судьбы (из истории
кафедры русской и зарубежной
литературы ИГПИ им.П.П.Ершова).

164 Приложение: Герман Дербенев.
Лирика.
Подготовка к печати и публикация
Марии Федоровны Калининой

**ВКРАТЦЕ
ОБ АВТОРАХ**

167

К статье Д. Симонова “Ишимский полк: из истории белогвардейских вооруженных сил в Сибири”.

16-й Ишимский полк в Верхотурском монастыре. 1918 г.

Фотография из фондов ИКМ.

К статье О. Нечволоды “Только начинается Россия с городов таких, как мой Ишим”.

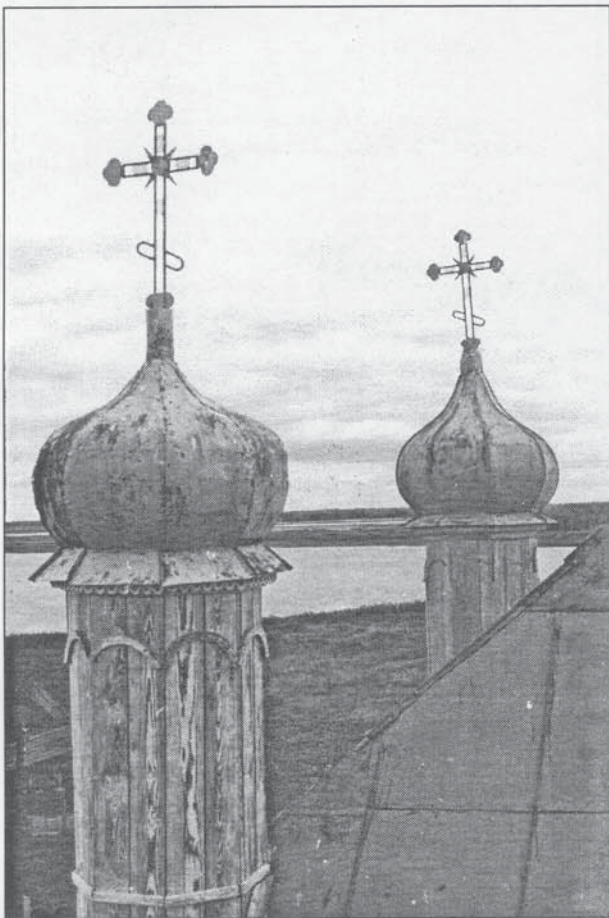
**Владимир и Ольга
в Ишимском
городском загсе
13 марта 1965 года.**

**Владимир Нечволода.
Ишим. 1966.**

К статье Г.Крамора "Паломничество в "озерный край".

Вид с колокольни на озеро Шабалино.

К статье Т.Савченковой "Храм во имя Петра Столпника в д.Безруковой Ишимского округа".

Автограф П.П.Ершова.

*Въ Шабалинском Духовном
Консистории*

*Давременнаго крестьянина
Деревни Безруковой Ишим-
скаго округа, Симеона
Саваткина Ершова*

Докоселе

*Представляю план и про-
садъ на иждивеніи устроеныя
церковь изъ дерева безруковой
иждиво ксенія покардѣице) при
сѣтъ шабалинско Духовную
Консисторию, по надлежущему
утвержденіи, влѣчатъ ордена-
нныя планъ и просадъ по при-
надлежности, вѣдѣютъ ей раз-
писаніи устроеныя церкви*

Стажскій Саваткинъ Ершовъ

К статье В.Малышева
"Встречь солнцу".

**Алтарная икона Архангела
Гавриила.**

**Валерий Сергеевич Степанов
в период восстановления
храма в селе Шабалино.**

К статье Н.Проскуряковой "Генерал Иван Копец".

Иван Копец.

1929.

**Иван Копец
с женой Ниной.**

1930.

К статье
О.Мишкиной
"Аркадий Антонович
Смолич - ученый
и педагог".

**Областные курсы географов
в Ишимском педагогическом
техникуме.
А.А.Смолич со своими учениками.
1934.**

**Аркадий
Антонович
Смолич.
1935.**

К статье А.Косовичевой
“Гелиофизик Александр
Георгиевич Косовичев”.
**Александр
Георгиевич
Косовичев. 1983.**

К статье Л.Афонасьевой
“Николай Иванович и Екатерина
Васильевна Палопеженцевы”.
**Екатерина Васильевна
Палопеженцева. Омск.
1890-е гг.**

К статье М.Калининой “Времена. Люди и судьбы”.
**Мария Федоровна
Калинина.
2001.**

**Герман Иннокентьевич
Дербенев.
1972.**

История и краеведение Пришимья

Ф.М.ПАШКОВ

Как Коркина слобода стала Ишимом

Как известно, Коркина слобода была преобразована в город Ишим в 1782 году. И в нынешнем 2002-м году у нашего города юбилей. В январе ему исполнилось ровно 220 лет. Но вопрос о преобразовании некоторых слобод в города, в том числе и Коркиной, рассматривался правительством России еще в 1764 году. И как ни странно, причиной этому послужило взяточничество чиновников - это извечное зло России.

В 1764 году Екатерина II издала указ, в котором говорилось: «Изыскивая избавить наших верноподданных от притеснений и взятков безжалованных судей и канцелярских служителей, прошлого 1763 года декабря 15-го дня в изданных штатах положили не только в главных правительствах, но и во всех судебных местах, не минуя городских канцелярей, судьям и канцелярским служителям давальное жалование, которое они получая, не имели уже причины сверх того к богоненавистой корысти и в случае на них о том прошения не могли извинить себя тем, что они не получая жалования, принуждены для своего пропитания в преступление входить»¹.

Оказывается, до этого указа судья и канцелярские служители на местах не получали жалованья, что и принуждало их брать взятки. Но и с созданием этого указа взяточничество продолжалось, так как во многих канцелярских учреждениях выдача жалованья задерживалась из-за нехватки денег на его выдачу. С целью изыскания средств на эти цели императрица указала Правительствующему сенату сократить административно-управленческие расходы и по согласованию с губернаторами составить новое расписание городов. Этим расписанием некоторые города объединяются в одно воеводство с одним воеводой. Так по Сибирской губернии в одно воеводство объединились города Верхотурье, Туринск, Пелым. В городах Сургуте, Нарыме, Нице, Березове, Мангазее воеводства упраздняются, а учреждаются комиссарства с их меньшими штатами².

Однако образовывались и новые воеводства, где было достаточно средств на содержание дополнительных штатов. Так, новые воеводства образовывались в центрах сибирских дистриктов Ишимском и Ялуторовском. В обоснование этого решения по Ишимскому дистрикту принималось во внимание, что Коркина слобода по своему местоположению имела по существу стратегическое значение, находясь рядом с новой Ишимской линией, на границе с киргиз-кайсацкой ордой. Учитывалось, что в составе дистрикта четыре слободы, что дистрикт снабжает провиантом и фуражом воинские команды, стоящие на Ишимской линии, и количество заготавливаемого провианта и фуража в дальнейшем возрастет. Дистрикт также обеспечивает эти команды и денежным довольствием ввиду того, что «подушных так и кабацких, соляных и других сборов бывает великая сумма»³. Учитывалось и то, что в Ишимском дистрикте много соляных озер, которые надо охранять от воровского вывоза соли. Принималась во внимание и удаленность Коркиной слободы - центра дистрикта - от Тобольска и других слобод, например, от Ялуторовска. Отсюда и решение: Коркину слободу «надлежит учредить по всем вышеписанным неоминимостям и переименовать, как и Ялуторовский дистрикт городом и быть воеводскому правлению на таком основании, как и Ялуторовский дистрикт»⁴.

По Ялуторовску в обоснование быть городом было то же, что и по Коркиной слободе: рядом киргизская граница, снабжение воинских команд и слободу нельзя

соединить с другими слободами. Кроме того Ялуторовский дистрикт был многочисленным по населению - 20293 души⁵.

7 июня 1766 года Правительствующий сенат по предложению Сибирского губернатора Чичерина, согласно его рапорту еще от 3 февраля 1765 года, постановил: «Быть в Ялуторовском и Ишимском дистриктах воеводским правлениям». Но пока Ялуторовская и Коркинская слободы не стали городами, штаты их воеводских канцелярий сократить против существующих в других городах на «товарыща воеводского, канцеляриста одного, подканцеляриста одного, копииста одного», а после наименования их городами восстановить полную штатную численность.

В своем рапорте губернатор Чичерин просил: «если повелено будет учредить по вышеписанному росписанию воеводские правления и учрежденные комиссарства, то имеет быть городов воеводского правления:»⁶

На городскую одну канцелярию воеводского правления

	Число людей	Одному рублей в год	Всем рублей
Воевода	1	375	375
Воеводский товарищ	1	250	250
Городовой секретарь	1	200	200
Канцеляристов	2	60	120
Подканцеляристов	3	40	120
Копиистов	3	30	90
Сторож	1	18	18
Подпорутчик	1	126	126
Сержант	1	15	15
Капралов	2	11	22
Рядовых	24	7 руб. 50 коп.	180
Барабанщик	1	7 руб. 50 коп.	7 руб. 50 коп.
На канцелярские расходы	-	-	50

Далее перечисляются суммы на содержание военной команды, будущего гарнизона города Ишима, на провиант и фураж, обмундирование, белье, починку ружей, амуниции, а всего содержание военной команды, без жалованья, составляло 1479 руб. 35 коп.

Правительствующий сенат 15 января 1768 года решил: «В дистриктах Ялуторовском в ведомстве которого в одиннадцати слободах состоит дватцать тысяч двести девяносто три души, вместо бывшей там до ныне управительской канцелярии для представленных от губернатора обязательств, учредить воеводское правление с положенным по штату чинами и жалованием и той воеводской канцелярии быть в Ялуторовском остроге, в котором ныне управительская канцелярия состоит, переименовав сие место городом.

Ишимском, в котором число душ состоит меньше Ялуторовского, а имянно - четырнадцать тысяч четыреста семьдесят девять, а хотя губернатор и полагает во оном также, как и в Ялуторовском, быть воеводскому правлению. Но в разсуждении количества душ и что имеющиеся там земские дела по большей части состоящие только в приготовлении для находящихся на тамошних линиях военных команд провианта и обыкновенных подушных и прочих зборов, каковы до ныне управляемы были от находящейся там управительской канцелярией. Сенат лучшее находит вместо сей канцелярии учредить только комиссарство, против прочих с положенными по штоту чинами»⁷.

Однако эти решения Правительствующего сената по каким-то причинам не были исполнены. Прошло еще целых 12 лет, когда правительство России вновь обратилось к вопросу о новом расписании городов. В архивных документах я не нашел причин этой задержки. Лишь в 1780 году правящий должность Генерал-губернатора Пермского и Тобольского Кашкин представил в Сенат свои соображения по новому устройению Тобольской губернии. Он предложил преобразовать губернию в Тобольское наместничество и разделить ее на две области: Тобольскую и Томскую. В Тобольской области образовывалось 10 уездов: Тобольский, Тарский, Омский, Ишимский, Курганский, Ялуторовский, Тюменский, Туринский, Березовский и Сургутский. В Томской - 6 уездов: Томский, Ачинский, Енисейский, Мангазейский, Нарымский и Каинский⁸.

Слободы Ялуторовскую и Коркину, в которых насчитывалось к тому времени соответственно 18000 и 16000 душ (в Ялуторовской население почему-то показано меньше, чем в 1764 году - *Ф.П.*), он предложил назвать городами, определив в них соответствующие штаты, которые позволяли бы «следить за сельскими жителями, дабы за линию (новую Ишимскую) самовольно не проходили, ... а через то многие пропадали», чтоб не торговали тайно с киргизами, от чего бывают «несогласия и смертоубийство», и чтобы чиновники не захватывали самовольно крестьянские земли⁹.

Прошло еще два года, прежде чем представления Сибирского губернатора и постановления Правительствующего сената воплотились в жизнь. Только в 1782 году Екатерина II издала указ, а сенат принял постановление о новом расписании городов в Сибири, по которому в Коркиной слободе учреждено все же воеводское правление, а не комиссарство, как решил сенат.

«По имянному Ея Императорскаго величества указу, данному сенату сего 1782 года генваря 17-го дня за подписанием собственныя Ея Императорскаго величества руки в коем написано, всемилостивейше повелеваем нашему Генерал-порутчику, правящему должность Генерал-губернатора Пермского и Тобольского Кашкину в августе нынешняго 1782 года в наместничестве Тобольском составя оное из двух областей, Тобольской и Томской, из коих к первой принадлежать будут десять уездов, а имянно: Тобольской, Тарской, Омской, Ишимской, Курганской, Ялуторовской, Тюменской, Туринской, Березовской и Сургутской; ко второй шесть уездов: Томской, Ачинской, Енисейской, Туруханской, Нарымской и Каинской. Вследствие чего пригороды и селения, по коим названы уезды, переименовать городами, а в прочем постановление о границах Тобольского наместничества с прикосновенным к нему, возлагаем на соглашение генерал-губернаторов, правящих ту должность о чем равно как и число душ, из коих вся губерния и в ней области и уезды составлены будут, подать в наш Сенат ведомость.

Правительствующий сенат приказали: сей высочайший Ея Императорскаго величества указ слово от слова прописать в указе от Правительствующего сената Господину Генерал-порутчику, правящему должность Генерал-губернатора Пермскаго и Тобольскаго кавалеру Кашкину»¹⁰.

Как видим, города Туринск, Березов и Сургут сохранили свои воеводства, которых они лишались указом от 1764 года. Кроме шести старых городов возникли четыре новых: Омск, который до этого носил название Омская крепость, а также Курган, Ишим, Ялуторовск, бывшие ранее слободами: Царев Курган, Коркина и Ялуторовская. Этим же указом устанавливались штаты городских администраций. Так, в новообразованном городе Ишиме штатами предусматривались следующие управленческие структуры и должности:¹¹

	Число людей	Оклад жалования каждому в год рублей
Городничий	1	300
В нижнем надворном суде:		
Надворные судьи	2	300
Заседатели девятого класса	4	250
Секретари четырнадцатого класса	2	200
В уездном казначействе:		
Уездный казначей девятого класса	1	250
Присяжных из отставных гвардии унтер-офицеров	4	80
В нижнем земском суде:		
Земский капитан - исправник девятого класса	1	250
Дворянских заседателей девятого класса	2	200
Сельских заседателей	2	60
Секретарей четырнадцатого класса	1	200
В городском магистрате:		
Бургомистров двенадцатого класса	2	120

Краеведческий альманах

Ратманов тринадцатого класса	4	100
В нижней расправе:		
Расправный судья девятого класса	1	250
Заседателей	4	60
Секретарь четырнадцатого класса	1	200
Уездный землемер	1	300
Уездный стряпчий (прокурор)		
одиннадцатого класса	1	150
Доктор городской и уездный	1	300
Лекарь городской и уездный	1	140
Подлекарей	2	60
Лекарских учеников	2	30

Согласно этому штатному расписанию город возглавлял уже не воевода, а городничий. Кроме указанных должностей и окладов предусматривались деньги на канцелярских служителей: канцеляристов, подканцеляристов, копиистов, но их численность сенатом не регламентировалась. Расходы на их содержание объединялись с канцелярскими расходами. Эта общая сумма составляла по городу Ишиму 2435 рублей в год.

Итак, Коркина слобода стала городом. Но ведь в каждом городе должен быть военный гарнизон. Появился он и в Ишиме и насчитывал в своем составе 34 человека разного звания, в том числе:

Звание	Число людей	Оклад жалования каждому в год рублей
Подпоручик	1	126 руб. 38 коп.
Сержант	1	15
Капралов	3	11
Рядовых	28	7 руб. 50 коп.
Барабанщик	1	7 руб. 50 коп.

При этом в числе рядовых было восемь конных драгун, а в числе трех капралов один командовал драгунами¹².

Постановление Правительствующего сената заканчивалось словами: «На подлинном подписано собственною Ея Императорскаго величества ТАКО

Быть по сему. Екатерина.

В Санктпетербурге, генваря 21 дня 1782 года»¹³.

А вот и первые назначения на должности в новом городе Ишиме:¹⁴

	Штатное число	Кем назначен
Городничий, титулярный советник Андрей Путилов	1	По указу Правительствующего сената
Уездный казначей	1	Вакансия
Присяжных	4	Вакансии
В нижнем земском суде:		
Капитан-исправник поручик Тренглут	1	Генерал-губернатором
Дворянские заседатели:		
Поручик Андрей Столбовский	1	->-
Отставной регистратор Александр Дружинин	1	->-
Сельских заседателей	2	Должны выбираться по баллам
В секретарской должности канцелярист Иван Сумских		Генерал-губернатором
В нижней расправе:		
Расправный судья подпоручик Петр Глазунов	1	->-
Заседателей	4	Должны выбираться по баллам
В должности секретарской подканцелярист Егор Самсонов	1	Генерал-губернатором
Уездный землемер	1	Вакансия

Уездный стряпчий (прокурор)

отставной почтальон

Василий Лушиков

1

Генерал-губернатором

Доктор

1

Вакансия

Лекарь

1

->-

Подлекарей

2

->-

Лекарских учеников

2

->-

И в этом, уже действующем, штатном расписании тоже произошли изменения. Из него исключен магистрат с его бургомистрами и ратманами, хотя, как утверждают Н.М.Черняковский и В.И.Штейнгейль, магистрат в Ишиме был¹⁵.

Теперь нам известна фамилия первого городничего - «первого мэра» города Ишима. Им был титулярный советник Андрей Путилов, назначенный на эту должность Правительствующим сенатом.

Так Коркина слобода стала городом.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. РГАДА. Ф. 248. Оп. 42. Кн. 3588. Л. 32.

2. Там же.

3. Там же. Л.л. 385-386.

4. Там же.

5. Там же.

6. Там же. Л. 397.

7. РГАДА. Ф. 248. Оп. 43. Кн. 3771. Л. 165.

8. РГАДА. Ф. 24 (двадцать четыре). Оп. 1. Л. 60. Ч.1. Л. 172.

9. Там же. Л.л. 210, 211.

10. РГАДА. Ф. 248. Оп. 149. Кн. 6521. Л. 35.

11. Там же. Л.л. 37-39.

12. Там же. Л. 43.

13. Там же. Л. 44.

14. Там же. Л. 96.

15. Коркина слобода. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2-й. - Ишим, 2000.

С.Г.ФИЛЬ

Поляки в ишимской ссылке: первая половина XIX века

Римско-католическому храму в Ишиме повезло меньше других костелов Тобольской губернии (Тобольск, Курган, Тюмень). Не сохранилось ни самого здания, ни даже открытки или фотографии с его изображением. Не найдены и документы, связанные с его возведением, или какие-либо костельные бумаги: метрические книги, протоколы, списки и т.п. Копия утраченного подлинника фотографии ишимских детей у входа в костел, его рисунок-схема по памяти, данные справочных изданий второй половины XIX - начала XX столетий по Западной Сибири и Тобольской губернии, несколько документов РГИА, воспоминания детей расстрелянных в 1937 г. прихожан, сведения переписей католиков России (1914 г.) и СССР (1923 г.), а также Архива Тюменского регионального управления ФСБ РФ - вот тот исходный материал, на котором основано повествование о последнем римско-католическом храме Тобольской губернии.

Строительство костела всегда консолидировало колонию поляков в любом городе вне родной земли. А именно поляки и были практически единственными носителями римско-католической веры в Урало-Сибирском регионе как на начало XX в., период активного возведения католических святынь, так и вплоть до их закрытия и арестов прихожан в 1937-1938 гг.

Построив храм, они получали созданный своими силами религиозный и культурный центр, в котором становились возможны не только отправление на польском языке всех религиозных обрядов, но и совместная встреча праздников в плебании у ксендза, чтение польской художественной литературы и периодической печати в костельной библиотеке.

Если согласиться с тем, что возведение римско-католической церкви - кульминация консолидации польской колонии, то его истоки - в самом формировании этой колонии, входившей длительное время в созданный в середине XIX в. тобольский приход, а впоследствии ставшей самостоятельной общиной.

Ишим повидал за свою историю немало поляков. Здесь в 1771 г. отмечено пребывание барского конфедерата Грабовского, потом костюшковцев Понятовского и Войцеховского. Именно прибывшие из Ишима в Тобольск в марте 1814 г. пленные поляки из наполеоновских войск поручик Винценты Яворский и подпоручики Жозеф Соханьский и Томаш Лизовский возглавили неповиновение 99 солдат тобольского батальона, впоследствии амнистированных и вернувшихся домой.

Однако само образование польской колонии в Ишиме следует отнести к 1830-м гг. В этот период здесь зафиксировано более 20 ссыльных польского происхождения.

Дворяне, подполковник Северин Кшижановский (1787-1839) и майор Анзельм Ивашкевич (ок.1786 - после 1856), были арестованы еще в 1826 г. Первый как один из руководителей, а второй как один из активных членов Патриотического Общества. За плечами С. Кшижановского на момент ареста было участие в боевых действиях на стороне Наполеона в 1808-1814 гг., за что еще в 1811 г. он был награжден кавалерским крестом *Virtuti Militari* по представлению верховного главнокомандующего войсками Варшавского княжества князя Юзефа Понятовского. Член польских конспиративных организаций с 1815 г., он был одним из тех, кто вел переговоры с представителями Южного общества Михаилом Бестужевым-Рюминым и Сергеем Муравьевым-Апостолом о совместных действиях в случае выступления против царя. Отказавшийся спастись бегством после поражения восстания 14 декабря 1825 г., С.Кшижановский был арестован в результате свидетельств его участников. А. Ивашкевич, обвиненный в переписке с бунтовщиками и хранении их писем, также знал декабристов. Поэтому оба были вывезены для перекрестных допросов с ними в Санкт-Петербург, где содержались в Петропавловской крепости.

В Тобольской губернии С. Кшижановский оказался вначале в Березове (18 февраля 1830 г.) в результате изменения приговора с бессрочного пребывания в крепости на поселение в Сибири. Как и все польские повстанцы и заговорщики 1820-х - 1830-х гг., отправленные в сибирскую ссылку, при этом он был лишен чинов и, как многие из них, имевшие «дворянское достоинство», - дворянства. Затем, в начале 1832 г., по состоянию здоровья, подорванного следствием и ссылкой, С.Кшижановского перевели в Ишим. За год до смерти с параличом ног и признаками умопомешательства он был вывезен в Тобольск под присмотр властей.

Иначе сложилась судьба А. Ивашкевича, приговоренного 24 февраля 1828 г. к 8 годам поселения в Сибири. В Ишиме он оказался раньше С.Кшижановского и, по отбытии в нем полного срока, в 1837 г. был переведен в Пермь, а в 1841 г. вернулся на родину.

Вслед за «декабристами» в ишимскую ссылку «пожаловали» участники Ноябрьского восстания 1830-1831 гг. Биография части из них может быть прослежена достаточно полно, а некоторых - не известна совсем: их фамилии встречаются только в письмах товарищей по несчастью.

Каспер Бабский, участник Ноябрьской ночи, пролога восстания 1830-1831 гг., был сослан в Тобольскую губернию и в 1835 г. уже находился в Ишиме, где пробыл до 1841 г. В этот период здесь пребывали на поселении Томаш Кициньский и Липский, о которых больше сообщить пока не представляется возможным: о них упорно молчат как российские, так и польские источники.

Князь Циприан Воронецкий, раненный в Подолии, был приговорен к поселению в Сибири 10 декабря 1831 года. Вскоре после оглашения приговора он оказался в Ишиме. Дворянин Циприан Хородецкий был арестован в 1831 г. раненым и с оружием в руках, в битве под Владимиром на Волыни. На поселение в Ишим он был сослан в мае 1832 г. Грохольские Леон (умер в 1841 г.) и Миколай (ок. 1799 - после 1855), дворяне и землевладельцы из-под Овруча на Волыни, были арестованы в родных местах в 1831 г. за участие в битвах, вооружение своих крестьян-бунтовщиков и недоносительство. 11 февраля 1832 г. по решению суда Леон был определен в Сибирский корпус. В 1835 г. он служил солдатом в Ишиме, где спустя шесть лет и умер.

Миколай же по Конфирмации верховного главнокомандующего I Армии, утвержденной Николаем I 29 января 1832 г., отправлялся в Ишим на поселение, где в 1834 г. и ... был освобожден. Таким образом, проведя в Сибири 2,5 г., М. Грохольский вернулся к прежней жизни со своей семьей, но только под тайным надзором полиции.

В 1831 г. в Москве были арестованы за попытку бегства в повстанческие отряды в Литве дворяне: корнет Ингерманландского полка гусар Павел Цеплинский (ок. 1812 - после 1856), выпускник медицинского факультета Московского университета Каспер Шанявский (ок. 1812 - после 1855) и поручик Аренсбургского батальона внутренней охраны Михал Морачевский (ок. 1805 - после 1859). По Высочайшей Конфирмации от 24 декабря 1831 г. все трое были отправлены в Ишим, традиционно лишившись «чинов и дворянского достоинства». При этом К. Шанявскому не дали возможности получить диплом об образовании, хотя он прошел полный курс обучения в университете и сдал все экзамены. В Ишиме П. Цеплинский пробыл до 1841 г., затем служил в Омске, откуда 1 марта 1845 г. вернулся домой. К. Шанявский прожил здесь тоже до 1841 г., перебравшись в Тобольск, откуда возвратился на родину лишь в 1854 г. М. Морачевский, женившись на богатой вдове, переехал с ней в Тобольск, где с 1841 г. стал служить в канцелярии губернатора. Только в 1859 г. с женой и сыном он покинул Сибирь.

Валерий Ваксман (род. около 1804 или 1810 (в 1855 ему - 45 лет, в 1865 - 61 год) - после 1866), дворянин Звенигородского уезда Киевской губернии, бывший канцелярист, также провел несколько лет в Ишиме в середине 1830-х гг. Участник Ноябрьского восстания, по Конфирмации от 24 марта 1832 г. он был приговорен к поселению в Сибири с лишением гражданских прав и конфискацией имущества.

В феврале 1832 г. В.Ваксман находился уже в Тобольской губернии: вначале в Таре, потом - в Ишиме. В 1841 г., получив позволение вступить на гражданскую или военную службу в границах Сибири, он стал служить в Тарском земском суде. В Таре же и женился. В 1857 г. с женой, сыном и двумя дочерьями В. Ваксман вернулся в Сквирский уезд после оглашения Манифеста 1856 г.

В 1834 г. по решению военного суда в Ишиме оказались дворяне Юзеф Новак (1783 - после 1841) и Евгений Лемпицкий (ок. 1811 - после 1863). Унтер-офицер 3 полка пехоты армии Царства Польского Юзеф Новак был, несомненно, опытным и храбрым военным: участником кампаний 1809 и 1812 гг., отмеченным крестом *Virtuti Militari* в период Ноябрьского восстания. Во время штурма Варшавы он потерял ногу, что, однако, не смягчило наказания. Отданный под суд 29 октября/10 ноября 1833 г., в 1834 г. по его приговору он был отправлен в сибирскую ссылку «за дерзкие слова о царе» и публичное признание, что готов первым «выстрелить ему в голову из пистолета». Ю.Новак оставался в Ишиме и после 1841 г. Дальнейшая его судьба не известна. Е.Лемпицкий участвовал в восстании в 18 полку пехоты, только что закончив учебу в Пултуске и Плоцке. Спустя полгода после ареста он был освобожден по состоянию здоровья. Но в ноябре 1833 г. за помощь партизанам едой и одеждой его арестовали вновь. В Ишиме Е.Лемпицкий пробыл 8 лет, до 1842 г., после чего ему было разрешено покинуть Сибирь.

В 1835 г. в Ишим прибыли выпускник Виленского университета и друг А.Мицкевича Адольф Янушкевич (1803-1857) и выпускник Варшавского университета Густав Зелиньский (1809-1881), оба отпрыски дворянских фамилий. А.Янушкевич, арестованный в марте 1831 г., спустя год оказался в Тобольске. В 1833 г. он был переведен в деревню Жилиякова под Ишимом, а в сентябре 1835 г. - в Ишим. Здесь он купил дом, в котором создал библиотеку для ссыльных. В 1841 г. после амнистии А.Янушкевич переехал в Омск, затем в 1853 г. в Нижний Тагил, откуда в середине 1856 г., получив разрешение, отбыл в имение матери. Г.Зелиньский, участник Ноябрьской ночи и битвы под Варшавой, амнистированный весной 1832 г., в конце 1833 г. был арестован за помощь раненому. Приговоренный к поселению в Сибири 29 июля 1834 г., 1 сентября того же года он прибыл в Тобольск, а в конце июля 1835 г. уже находился в Ишиме, где близко сошелся с А. Янушкевичем. Пользуясь его библиотекой, Г. Зелиньский серьезно занялся самообразованием и продолжил занятия творчеством. Здесь им было написано лучшее произведение, поэма «Киргиз» (издана в Вильне братом А. Янушкевича в 1842 г.), и начата работа над поэмой «Степи». В 1842 г. Г. Зелиньскому было разрешено вернуться домой.

Некоторое время в Ишиме с середины 1830-х гг. проживали братья Хелмицкие Евстахий (умер в 1852) и Роман (около 1790 - после 1870). Рожденные в деревне Фабьянки в Липновском округе около Влоцлавка, сыновья Тадеуша и Марианны из Карнковских были дворянами и землевладельцами. Евстахий, проживавший в своей деревне Витошин этого же округа, капитан войск Варшавского княжества и Войска Польского до 1821 г., был арестован в Варшаве в 1833 г. по обвинению в предоставлении своего дома для укрытия повстанцев Михала Волловича и Юзефа Яцкевича, отправке их на лошадях в деревню Винница Липновского округа и частые встречи с активным членом правления Патриотического Общества и партизаном Артуром Завишей, который посвящал его в свои планы. За контакты с участниками похода Юзефа Заливского, предоставление Артуру Завише и его товарищам убежища в своем доме, доставку им оружия и провианта, а также помощь при переправе на левый берег Вислы одновременно с братом был взят под стражу Роман Хелмицкий, в 1808 г. учившийся в Школе Права и Администрации в Варшаве.

На основании заключения Следственной Комиссии от 14/26 ноября 1833 г. оба были осуждены военным судом в 1834 г. к ссылке в Сибирь с «лишением гражданских прав». Евстахия направили в Нарым Томской губернии, а Романа - в Курган. Однако вскоре они уже были вместе в Нарыме, потом - в Ишиме, пока не попали в Курган. Из ссылки братья Хелмицкие вернулись в июле 1840 г.

В 1838 г. колония польских ссыльных в Ишиме пополнилась членами Общества Польского Народа. Поэт Кароль Балиньский (1817-1864), «поэт-пророк заговора», автор распространяемых от руки стихотворений «К певцу» и «Прощание», прибыл в Сибирь по приговору военного суда, который состоялся по решению наместника Царства Польского Ивана Паскевича от 1/13 ноября 1838 г. Ссылке предшествовали 5 месяцев пребывания в X павильоне Варшавской цитадели. В Ишиме он провел меньше 3 лет, вернувшись в Варшаву в 1841 г.

По тому же приговору, что и К.Балиньский, в Сибири оказался Александр Ратульд (ок. 1811 - после 1865), вольнонаемный врач, выпускник Краковского университета. Из Ишима он вернулся домой в 1840 г. благодаря жене Юлии из Мадалинских. С письмом-просьбой об освобождении супруга она бросилась прямо под экипаж императора, что и повлияло на решение Николая I.

По всей видимости, последним ссыльным поляком Ишима 1830-х гг. стал дворянин Михал Лемпицкий (1817 - после 1882), выпускник Варшавской гимназии. Осужденный тем же военным судом, что и другие члены Общества Польского Народа, он прибыл в Ишим в 1839 г. без лишения чинов и дворянства. В 1840 г. М.Лемпицкий получил разрешение вернуться, которым воспользовался в 1841 г.

На смену ссыльным членам Патриотического Общества и участникам Ноябрьского восстания в Ишим прибыли польские заговорщики 1840-х - 1850-х гг.

Чуть меньше 10 лет провел в Ишиме Владислав Комар (род. в 1827 в Сувалках - после 1863), сын Игнатия, владельца поместья в Хожеле и президента Кредитного Земельного общества в Августове, и Юлии из Вольмеров. Ученик гимназии в Сувалках, он был калекой: одним глазом почти не видел, другим - очень слабо.

Несмотря на это, за написание и расклеивание по городу возмутительных стихов, а также планирование ареста администрации Августовской губернии и ее принуждения к передаче оружия и денег участникам грядущего восстания В. Комар был арестован и препровожден в Варшавскую цитадель.

В соответствии с заключением Следственной Комиссии от 4/16 марта 1848 г. он оказался в Сибирском корпусе, из которого вскоре был переведен в инвалидную команду в Ишиме. Только в 1857 г., после издания Коронационного манифеста 1856 г. он получил разрешение вернуться и в 1859 г. прибыл в Сувалки.

Манифест 1856 г. сделал свободным еще одного польского ссыльного Ишима, ксендза Юзефа Плешковского (род. около 1818; в 1855 ему - 37 лет), рожденного в деревне Оборы Варшавского уезда в семье счетовода Бальтазара (умер в 1825) и Марианны из Жегоцких. После окончания школы пиаров, семинарии Св. Яна (в 1832) и Духовной академии (1836-1840) в Варшаве он стал учителем в уездной школе в Ленчице, а с 1844 г. - профессором семинарии Св. Яна в Варшаве.

За связи с членами т.н. Организации 1848 г., демократические проповеди и декла-

мазию антиправительственных стихов 8/20 марта 1851 г. кс. Ю.Плешковский был заключен в Варшавскую цитадель. По распоряжению наместника Царства Польского И. Паскевича от 6/18 марта 1852 г. его ссылают на житье в Тобольскую губернию. С 10 мая 1852 г. по 17 января 1856 г. он пробыл в Ишиме, живя на ежегодное пособие в размере 132 рублей. После оглашения Манифеста 1856 г. и получения разрешения на выезд он вернулся в Варшаву.

6 лет провел в Ишиме Юзеф Сплешиньский (1808-1879), евангелический священник, суперинтендант Евангелически реформированного костела в Царстве Польском. За участие в политическом заговоре в 1850 г. он был сослан в Ишим, где его освободил Манифест 1856 г. Из ссылки кс. Ю.Сплешиньский возвратился в Варшаву.

Помимо самого Ишима польские ссыльные 1830-х - 1850-х гг. размещались также и в Ишимском округе. Так Захариаш Буневич (род. около 1782; в 1855 ему - 73 года), неподтвержденный дворянин Белицкого уезда Могилевской губернии, участвовавший в Ноябрьском восстании на Виленщчизне в районе Тракая в отряде Матусевича, был определен на поселение в Жилияковскую волость Ишимского округа Тобольской губернии в июле 1833 г.

Арестовали его еще в 1830 г. и по Конфирмации верховного главнокомандующего действующей армии И. Паскевича, утвержденной 29 января 1831 г. императором Николаем I, приговорили к каторжным работам, но по состоянию здоровья смягчили приговор. С 21 октября 1841 г. З.Буневич проживал в Локтинской волости Ишимского округа, постоянно находясь под надзором полиции. Известно, что в 1855 г. уже в Ишиме, женившись и обзаведясь дочерью и сыном, он занимался сапожным ремеслом. В феврале 1856 г. в отношении З.Буневича снова велось следствие. Однако чего оно касалось и чем завершилось неизвестно.

В 1855-1857 гг. в Ишимском округе, а потом и в Тобольске (до 1862 г.) находился ссыльный Юзеф или Алоизий Глэмбоцкий, представлявшийся ксендзом-капуцином. Все это время его опекал настоятель Тобольского римско-католического прихода кс. Антоний Анкудович, безрезультатно старавшийся добиться для него финансовой помощи в Министерстве внутренних дел.

Приведенный выше список имен поляков 1830-х-1850-х гг. в ишимской ссылке не является окончательным и постоянно пополняется. Находившийся в 1834-1850 гг. в ссылке недалеко от Енисейска Игнатий Орпишевский (1811 - после 1881) в переписке с Г.Зелиньским упоминал некоего Терпиньского, ссыльного в Ишиме, который в 1841 г. был переведен в один из городов Центральной России. Ничего пока неизвестно об ишимском ссыльном Носовиче, портрет которого акварелью и тушью в 1835 г. написал Ю.Краевский (хранится в фондах Музея литературы им. А. Мицкевича в Варшаве), о поляке Воликовском, сосланном в Тобольск и умершем в Ишиме, и Владиславе Царанкевиче, наделенном в 1845 г. 15 десятинами казенной земли в Ларихинской волости Ишимского округа.

Не все названные ссыльные поляки Ишима находились в городе одновременно и длительное время. Многие, за редким исключением, отбывали ссылку без жены и детей, даже в том случае, если имели их до приезда в Сибирь. Условия, в которых они жили, хоть и не были каторжными, но тяжелыми, без сомнения, могут быть названы. Мало кто из упомянутых польских ссыльных нашел себя в новых условиях, как, например, Г.Зелиньский или А.Янушкевич. К.Балиньский почти ничего не писал, С.Кшижановский сошел с ума и был парализован, а Л.Грохольский и Воликовский умерли в Ишиме. И все же именно с 1830-х гг., именно с этого времени можно начинать говорить о польской колонии Ишима, которая уже не исчезнет, а будет расти за счет ссыльных, чиновников и переселенцев.

До сих пор в Ишиме и его окрестностях живут потомки Людвика Шаде - сына Альфонса (род. около 1822 (в 1855 ему - 33 года) - после 1860) в 4-м - 7-м поколениях. Основоположник ишимских Шаде родился в деревне Калиши Варшавского округа. Он был 16-летним подмастерьем пекаря, когда в 1848 г., тайно выехав за границу, вступил в ряды познаньских повстанцев. После поражения восстания его арестовали и выслали во Францию. В 1850 г. Л.Шаде прибыл в Гамбург, откуда выехал в Царство Польское, где и был заточен в Варшавскую цитадель.

Заключения Следственной Комиссии от 26 августа/7 сентября 1850 г. направить

Л.Шаде в Оренбургский корпус наместник Царства Польского И.Паскевич не утвердил, подписав 11/23 сентября того же года распоряжение предать его военному суду. В марте 1851 г. Л.Шаде продолжал фигурировать в списке лиц, убежавших за границу и взываемых к возвращению под угрозой вечного изгнания и лишения гражданских прав.

После ареста его приговорили к телесному наказанию (500 палок) и двум годам тяжких работ на заводах. Приговор он отбывал на Екатерининском винокуренном заводе под Тарой Тобольской губернии. С 1853 г. Л.Шаде находился на поселении в Логиновской волости Тарского округа. В Сибири он женился на Паулине Корсак - дочери Людвига, от которой имел 6 детей, двое из которых умерли в детстве. В 1856 г. вместе с семьей Л.Шаде был переведен в деревню Ужурское Ачинского округа Енисейской губернии. Конкретного занятия он не имел и получал пособие из казны в 17 рублей 72 копейки серебром ежегодно. В 1857 г. он получил разрешение на выезд на основании положений Коронационного манифеста 1856 г., но решил остаться в Сибири, обосновавшись с семьей в Ишиме, где его жена получила известность как портниха, две дочери вышли замуж за местных купцов (см. дальше), одна за старшего приказчика, а сын заведовал бакалейным магазином в одной из окрестных деревень.

(Продолжение следует).

В.Н. МЕНЬЩИКОВ

Об укреплении берега реки Ишим и строительстве Синкинского канала*

Как известно, город Ишим в конце XVIII — начале XIX века располагался на так называемом Киселевском мысе, омывавшемся водами реки Ишим. В то время река имела вид длинной изогнутой полосы, образовывавшей южную (на юг от Киселевского мыса) и северную (вдоль западного берега мыса) «петли». Грунт Киселевского мыса — песчано-глинистый, отличался рыхлостью, берега разрушались, большая опасность угрожала домам, расположенным поблизости от реки. Проведение канала через озеро Синкино, находившееся к юго-западу от Киселевского мыса, позволило «отсечь» обе петли и создать искусственное русло Ишима, существующее и по сей день.

В Омском архиве сохранились документы за 1804 - 1833 гг. Дело под названием «Об укреплении берега реки Ишим» включает переписку Тобольского губернатора с Сибирским генерал-губернатором за 1804 г.; заключение ревизоров о состоянии г. Ишима за 1827 г.; сметы на исправление берега р. Ишим и проведение Синкинского канала; протоколы заседаний Тобольского общего управления и совета Главного управления Западной Сибири (1827 - 1832 гг.) и заключительный акт по освидетельствованию проведенных работ по укреплению берега р. Ишим за 1833 г. (ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 598). Они дают представление о начальном этапе строительства Синкинского канала. Выясняется, что жители Ишима не раз по собственной инициативе принимали сильные меры для устранения опасности, исходившей от разливавшейся весной реки. Как правило, обносили плетнем прилегающие к домам части берега. Например, в 1800 г. таким способом обезопасил на несколько лет свое жилище, находившееся на берегу Ишима, коллежский асессор Эрн (ГАОО. Ф.3. Оп.2. Д. 598. Л.5.)

В 1804 г. губернские власти попытались обратить внимание Сибирского генерал-губернатора на бедственное положение г. Ишима. При этом, в надежде на получение материальной помощи со стороны генерал-губернатора, указывалось, что сами жители «при настоящем своем положении не имеют более капитала чем 1195 руб. 33 1/4 коп., поступивших в пользу города от питейной продажи и взысканных в штрафах, и сверх того вносимых от собственного усердия 200 только рублей». Тобольский гражданский губернатор представил на рассмотрение Сибирского генерал-губернатора два спо-

---

* В альманахе «Коркина слобода» за 1999 г. (вып. 1-й) краевед Г.П. Кузурманов выдвинул версию строительства Синкинского канала, изменившего в XIX столетии русло реки Ишим. Автор данной статьи на основе обнаруженных в ГАОО документов освещает некоторые стороны этой обширной и малоизученной темы — **прим. ред.**

соба защиты от разрушения берега реки Ишим. Первый, предложенный губернским землемером, требовал значительных средств в размере 11135 руб. (подробности данного проекта неизвестны); второй предполагал обнесение берега плетнем, причем оговаривалось: «на дальнейшее же время починку и поправку отнести к попечению общества».

Однако Сибирский генерал-губернатор равнодушно отнесся к нуждам г. Ишима, отметив в своем ответе от 30 сентября 1804 г., что «по недостаточному состоянию ишимских граждан первое средство не может быть приведено ими в действие». Он предписал производить все необходимые работы по укреплению берега, как и раньше, силами самого ишимского общества, на деньги, вырученные от питейной продажи, и «предоставить при том каждому хозяину против своего дома по возможности делать укрепление...» (Там же. Л. 6.).

Таким образом, население г. Ишима было предоставлено собственной судьбе. В 1824 и 1825 гг., после сильных разрушений берега, вызванных «большой» водой выше города, жители пытались частично отвести течение реки и сделали два прокопа, «но труды их остались тщетными, ибо вода, потопляя берега сих канав, стремилась по причине... покалостности к прежней своей постели, занеся те прокопы илом» (Там же. Л. 59).

Так бы продолжалось и далее, но «грянул гром», и ставший уже привычным ход событий был нарушен. В 1827 г. неожиданно для Сибирского генерал-губернатора вопрос о судьбе разрушаемого берега р. Ишим возник вновь. В ходе ревизии Западной Сибири, произведенной по «высочайшей воле», сенаторы Жилин и Серебренников, посетив г. Ишим, нашли его в «опасном состоянии», оттого что ежегодно весной берег подмывается водой. Особое беспокойство у ревизоров вызвал следующий факт: река угрожала единственной церкви в городе — Богоявленскому собору, находившемуся на расстоянии шестидесяти сажень от берега реки. Вскоре последовало распоряжение Тобольскому гражданскому губернатору «неотложно» принять меры «к отвращению видимой опасности для города... которая с каждым годом увеличивается и угрожает церковному зданию». Нелицеприятно для местных властей звучал общий вывод о том, что «кроме слабых средств, принимаемых со стороны жителей, не видно никаких распоряжений ни со стороны местного городничего, ни со стороны губернаторского начальства» (Там же. Л. 3).

2 июня 1827 г. Тобольский гражданский губернатор обратился к командиру Сибирского инженерного округа с просьбой направить в г. Ишим «для изыскания какого-либо средства к отведению воды» одного из офицеров. Вследствие чего в августе того же года инженер-поручик Горскин выехал из Тобольска в Ишим и составил проект и смету «на укрепление в г. Ишиме речного берега, залитого водой против тамошней церкви с западной стороны, и на проведение каналов для отведения воды по прежнему течению р. Ишим».

Поручик Горскин стал автором первого широкомасштабного проекта, направленного на реальное решение многолетней социальной проблемы при помощи государства. Для осуществления этого плана по смете Горскина требовалось 23445 руб. 45 коп. Проект Горскина предполагал проведение двух каналов «по прежнему течению реки Ишим, а также укрепление берега с западной стороны мыса «фашинным ряжем» на протяжении 655-и сажень, «для чего следовало вынуть 2750 кубических сажень земли» (Там же. Л. 23-26). Суть фашинного метода заключалась в том, чтобы связанные между собой стволы ивы укрепить кольями, а пространство между несколькими такими рядами засыпать навозом и землей. В определении существовавших цен на необходимые для укрепления берега материалы и найм рабочих участвовали городничий Мищенко и городской староста Корнильев.

Получив проект Горскина, Тобольский гражданский губернатор 26 сентября 1827 г. распорядился о рассмотрении этого вопроса на первом же заседании Совета Общего Губернского Управления. Но и в декабре 1827 г. данное дело в Совет не поступило. В ходе разбирательства вина была возложена на начальника первого отделения Старцева, которому надлежало вовремя доложить Совету Общего Губернского Управления этот важный вопрос. Старцев, занимавший должность начальника отделения с 1825 г., сослался на незнание им сущности вопроса для составления подробной записки, с целью чего «для полноты дела» он пытался поднять в архиве материалы многолетней переписки

по укреплению берега р. Ишим, но так как дела в губернском архиве находились в «самом как только можно представить расстроеном состоянии», переписку, как заявил Старцев, «отыскать и донести невозможно». Тем не менее, чиновник получил строгое замечание за то, что оставил дело в «безгласности».

Наконец 21 декабря 1827 г. губернский Совет, всесторонне рассмотрев все обстоятельства данного вопроса, пришел к следующему выводу: «Коль жители г. Ишима по недостаточному состоянию сами собою не могут сделать благонадежного укрепления берега р. Ишим, а городские доходы так малы, что на удовлетворение необходимых статей недостаточны, между тем берега реки Ишим время от времени уничтожаются, так что если допустить сие завтра, весь город подвергнется неминуемому разрушению, особенно церковь, стоящая значительного капитала — ходатайствовать перед Главным Управлением Западной Сибири об ассигновании на осуществление проекта Горскина из казны 23445 руб. 80 коп.» (Там же. Л. 7). Это решение исходило из реального социально-экономического положения г. Ишима в 1827 г. Из городской сметы, составленной на 1828 г., видно, что доходы ожидалось в размере 2503 руб. 23 коп., расходная же часть достигала 6367 руб. 29 коп.

Главное Управление Западной Сибири внесло существенные поправки в полученный от Тобольского Совета Общего Губернского Управления проект инженера-поручика Горскина. Идея проведения Синкинского канала родилась и получила право на существование в ходе состоявшегося в г. Омске 2 января 1828 г. заседания Совета Главного Управления Западной Сибири. Вероятно, авторами этого проекта следует считать лиц, подписавших журнал совещания: членов присутствия Алексея Резанова, Леонида Коллета, Ивана Машмейера, Владимира Протопопова и Алексея Пономарева. Совет Главного Управления Западной Сибири постановил: «Необходимо нужным дать реке Ишим иное против нынешнего течения реки направление и на сей конец провести канал через озеро Синкино с устройством предположительно отводного крыла» (Там же. Л. 9).

Очевидно, это направление совпадало с «планируемой копанью», указанной на плане Ишима 1828 г., то есть первой частью будущего Синкинского канала, которая соединяла напрямую находившиеся с западной и восточной стороны мыса «рукава» и отсекала так называемую «южную петлю» р. Ишим, изогнувшуюся южнее Киселевского мыса. Подтверждением тому служит упоминание в тексте решения Совета Главного Управления Западной Сибири о том, что «при перемене, таким образом, течения реки Ишим, прежнее стремление оной... к северу («южная петля» имела характерный изгиб сначала на север, затем — на юго-запад — В.М.) и потом на западную сторону городских строений, должно уже само собой прекратиться». «Для лучшего успеха в том и в отвращении всякой опасности городу» ставилась задача завалить лог реки по прежнему направлению земель, убранных при проведении канала.

При строительстве Синкинского канала намечалось проведение на противоположном берегу реки отводного крыла из фашин, «чтобы стремление воды делая в оное ударение, отражало струю в вышеописанный канал, и тем способствуя проложить себе новое направление...» (Там же. Л. 16). Проведение второго канала, предусматривавшегося в проекте Горскина, с восточной стороны мыса, отменялось, «по исключению большой опасности для города от течения реки Ишим по восточную сторону оного, столько же и по той причине, чтобы с удалением реки посредством сего канала от города не затруднить жителей в достатке для их потребностей воды».

Тобольским губернским властям было предписано сократить обозначенную в смете сумму 23445 руб. 80 коп. более чем втрое, предпринималась попытка хотя бы частично переложить необходимые затраты на ишимское городское управление. В постановлении Совета Главного Управления Западной Сибири указывалось: «Истребовать от Ишимской Градской Ратуши, каковую статью верного городского дохода числом до 500 руб. ежегодно, могла бы она по соображению своему назначить к уплате в казну на случай, если бы из сей последней разрешено было позаимствовать нужные к употреблению на отвод реки Ишим деньги, равным образом не могут ли жители и в какой мере участвовать добровольным пожертвованием денег на означенные предположения для их же собственной пользы» (Там же. Л. 10). Тобольский гражданский губернатор должен был известить сенаторов, поставивших во время проведения ревизии вопрос о

бездействии местных властей, о принятых решениях, что и было исполнено в январе того же 1828 г. Одновременно Тобольский гражданский губернатор, через посредство ревизоров, «испросил мнения» у командира Сибирского инженерного округа «касательно учиненных Советом Главного Управления в отмену составленного плана предложений».

Командир Сибирского инженерного округа генерал-майор Булыгин, судя по всему, не счел нужным как-либо противоречить высокому начальству и в целом одобрил основные положения проекта проведения Синкинского канала: он согласился с отменой строительства второго канала, с решением завалить лог реки землей и т.д. Большой частью его послание имело довольно обтекаемый характер. Опять же с целью снижения финансовых затрат возлагались определенные надежды на инициативу органов городского управления, которое может «распорядиться приглашением из ближайших окрестных деревень крестьян, которые подвозкою таковых прутьев на связку фашин, могут принести значительную выгоду, и тем уменьшить сумму положенную по смете...».

В соответствии с внесенными Советом Главного Управления Западной Сибири изменениями полевым инженером-поручиком Горскиным была составлена новая смета, на этот раз «на проведение канала для перемены нынешнего течения реки Ишим через озеро Синкино с отводными из фашин крыльями» на сумму в 6366 руб. (Там же. Л. 22).

Для претворения плана строительства Синкинского канала в жизнь требовалось его утверждение с санкции Министерства внутренних дел Комиссией проектов и смет при Главном Управлении Путей сообщения.

Рассмотрев оба варианта проектов, Комиссия проектов и смет 7 апреля 1828 г. одобрила второй из них — относительно проведения Синкинского канала, но высказала ряд замечаний. В частности запрещалось создание в намеченном месте отводного крыла, так как оно «будет способствовать только размыванию противоположного берега» и предполагалось его расположение в другом месте при устье канала. Отклонялся также планируемый завал лога реки землей, «ибо вода неминуемо сделает прорыв». Необходимо было придать дну канала небольшую наклонность от озера к реке и т.п. В замечаниях комиссии было высказано и следующее предложение, которое в дальнейшем, независимо от ее выводов, будет обсуждаться более подробно, но уже в качестве инициативы, самостоятельно разработанной инженером Тобольского строительного отделения Путей сообщения майором Шмитом: «Берег, на котором не предусмотрено укрепления, в случае надобности можно отрыть с надлежащей отлогостью и сделать фашинную покрывку, употребляя для прибития оной свежие ивовые колья, которые со временем, пустив ростки, укрепят берег» (Там же. Л. 37).

Вследствие того, что в Комиссию проектов и смет при Главном Управлении Путей сообщения не были доставлены поперечные профили реки и канала, что не давало возможности судить о необходимой для канала ширине и глубине, а также в силу высказанных замечаний, комиссия оставила смету без проверки, и Министр внутренних дел генерал-адъютант Закревский, возвращая всю документацию Тобольскому и Томскому генерал-губернатору Вельяминову, велел «приказать кому следует сообразить те замечания с местным положением и затем, приведя в ясность все замеченное, составить тому смету о потребных издержках на укрепление берега реки Ишим». Министра внутренних дел интересовало: «Не можно ли будет при этом издержку на оное укрепление отнести не на счет казны, но на такие суммы, от коих имеются в экономии отстатки».

Итак, летом 1828 г. решение вопроса о строительстве Синкинского канала снова пришлось отложить и приступить к более тщательному исследованию местности с учетом предъявленных комиссией требований. К этому времени «высочайшая» ревизия Западной Сибири закончилась, и местные чиновники могли «вдохнуть» более свободно. Дело об укреплении берега р. Ишим из разряда наиболее важных отодвигается на задний план. К тому же за год, прошедший после состоявшегося решения Комиссии смет и проектов при Главном Управлении Путей сообщения, вероятно, произошли кадровые изменения в тобольской администрации. Все обстоятельства рассматриваемого вопроса за это время были основательно подзабыты, и предположительно, о чем косвенно свидетельствуют документы, новое исследование местности

проводилось уже вне всякой связи с высказанными Комиссией смет и проектов замечаниями. Более того, сама идея проведения Синкинского канала была или забыта, или отвергнута по причине отсутствия необходимых денежных средств.

В августе 1829 г. по приказу Тобольского гражданского губернатора в Ишим был отправлен майор Шмит, состоящий при Главном Управлении Западной Сибири Тобольского строительного отряда Путей сообщения. Ему предписывалось «осмотреть местоположение сего города и сделать предположение, могущее отвратить его от видимой опасности». Управление опиралось лишь на первый проект поручика Горскина со сметой в 23445 руб. 80 коп. О проекте же строительства Синкинского канала не упоминалось вообще. О том, что оно не имело на момент заседания точных представлений обо всех подробностях данного дела, говорит и следующая цитата из протокола Тобольского Общего Губернского Управления: «Обстоятельство сие (о бедственном положении г. Ишима — **В.М.**) в конце 1827 г. представлено на рассмотрение Совета Главного Управления Западной Сибири, но утвержден ли проект Горскина, разрешения не последовало» (Там же. Л. 48).

Таким образом майор Шмит, отправляясь в Ишим, был знаком только с первым проектом инженера-поручика Горскина (со сметой 23445 руб. 80 коп.) и произвел самостоятельное исследование берега реки Ишим, не зная о существовании проекта строительства Синкинского канала.

Фигура инженера Тобольского строительного отряда Путей сообщения майора Шмита в истории г. Ишима занимает особое место. Благодаря его стараниям были сделаны практические шаги по разрешению давно назревшей проблемы, что в течение многих десятилетий в значительной степени способствовало сохранению берега реки Ишим от разрушения.

Как указывалось выше, майор Шмит отправился в Ишим в августе 1829 г. Тобольский гражданский губернатор не сразу добился разрешения на его поездку, так как Главное Управление Западной Сибири после окончания ревизии края не очень торопилось вновь поднимать вопрос об укреплении берега реки Ишим. В донесении Сибирского генерал-губернатора Управляющему Министерством внутренних дел от 3 августа 1829 г. говорилось о командировке Шмита в Ишим: «Предположение сие приостановилось до сего времени, по случаю занятия господина Шмита другими не менее нужными делами...»

Вернувшись из Ишима, Шмит 11 февраля 1830 г. представил на имя исполнявшего должность Тобольского губернатора Нагибина рапорт с подробным анализом увиденного и конкретными предложениями по устранению существовавшей для города опасности. Раскрывая суть данного явления, Шмит писал: «Когда в продолжительных зимах бывают морозы жестокие, и весной вдруг делается тепло, растаивают вскорости снега и чему и весной здесь бываемые морозы не препятствуют. То почти при самом вскрытии реки Ишим от льда, явится самая большая вода, жителями каменною или верховою называемая., которая поднимаясь выше обыкновенных своих берегов на четыре сажени и неся с собою громады льдин, порывом своим причиняет сильную осьыпь краям мыса» (Там же. Л. 65). В своем описании Шмит дал точную характеристику географического положения, климатических условий исследованной им местности, местами излагая увиденное образно и эмоционально.

Майор Шмит был опытным специалистом своего дела. В 1815 г. он осуществлял «ближайший надзор» в ходе работ по укреплению берега реки Двины возле крепости Динабург, когда вышедшая из берегов вода, «стремясь со льдинами около набережных крепостных верхов, разрушила совершенно деревянные их одежды». Результаты работы были одобрены высшим начальством.

Будучи в Ишиме Шмит обратил внимание на то, что более всего разрушение берега угрожает находившемуся неподалеку от этого места Богоявленскому собору. Он критически отозвался по поводу использования прокопов как способа для отведения воды, «ибо луговые места, через которые должны быть проведены прокопы, потопляются каждой весной и имея приметное наклонение к берегам холма, на коем расположен город, неминуемо будут способствовать воде к выступлению из берегов прокопа...» (Там же. Л. 51).

Майор Шмит, предлагая различные меры решения проблемы укрепления берега

реки Ишим, ни разу не упоминает о Синкинском канале, существовавший проект которого, согласно уже высказанному предположению, скорее всего был ему неизвестен. Однако у него возникает мысль, сходная по своей направленности с идеей проведения указанного канала, но в другом варианте и на другом месте: «... прорыть перешеек холма у острога... и для обращения сообщения с оставшеюся на образующемся от того острове частью города построить мост». Но, как отмечал Шмит, «в таком случае надлежит срыть многие дома», а «прокопание» перешейка «по значительной вышине мыса» потребовало бы значительных средств. Отверг он и еще один дорогостоящий вариант бревенчатого укрепления берега на значительном расстоянии: «Равным образом береговое укрепление из бревен обошлось бы не дешевле по причине дальней доставки оных гужем слишком за 200 верст расстояния и было бы притом не прочно, ибо бревна находясь то в воде, то на воздухе и всегдашней сырости, скоро сгниют. Обложить же мыс сей каменной или кирпичной стеной на 1350-и саженом протяжении при четырех саженьях вышины, с надежным по правилам строительного искусства подведенным фундаментом, вероятно более стоило перестройке города на другое место» (Там же. Л. 60).

В качестве наиболее осуществимого способа Шмит предложил «сделать отлогую отсыпь из навоза с уступами». Проявляя служебное рвение Тобольский гражданский губернатор Нагибин, «находя предположение майора Шмита способом легчайшим и не требующим никаких издержек», тут же предписал Ишимскому городничему «при первом удобном случае приступить к исполнению предположения господина Шмита средствами города» (Там же. Л. 49).

В апреле 1830 г. Шмит был повторно направлен в Ишим и составил «Подробное описание», представленное им на усмотрение Генерал-губернатора Западной Сибири. Суть предложений Шмита сводилась к следующему. Вывозимый жителями со своих дворов навоз необходимо было сваливать вдоль по берегам, вскапывая их перед этим с целью выравнивания склонов: «...произшедшую же от того пологость возводить от самого низу до верхнего края мыса, уступами из навоза, перемешанного с землей... и ограда их плетнями из свежей ивы по реке Ишим во множестве растущей, вбивать оные накрепко колотушками... навоз удабривая суховатый грунт земли вспомоществует сим ивовым кольям распускать корни... и тем самым сильно укрепится берег, который будучи отложнее вскопан не подвергнется более осыпи» (Там же. Л. 61). Предполагалось, что упругие ивовые кольца будут снижать силу напора воды и раскалывать льдины, а приносимый водой ил останется за плетнями и тем самым укрепит их. Делает честь майору Шмиту его сочувственное отношение к жителям г. Ишима. Говоря о том, что хотя предложенный им способ укрепления и можно осуществить с помощью самого населения «по возможности время и сил их», он однако «в уважение совершенной бедности здешних жителей, трудной и продолжительной работы, причем даже некоторые при вскопании берегов отложнее против нынешнего, принуждены будут перенести дома свои на другие места», предложил выделить «для вспоможения» им до 6000 руб. в распоряжение городского начальства, «в чем и подвергать оное строгой отчетности и ответственности» (Там же. Л. 62). Учитывая, что осуществление работ спасет от разрушения местную приходскую церковь, Шмит считал нужным привлечь к укреплению берега причисленных к приходу крестьян из окрестных деревень.

В случае, если бы данный способ показался бы Генерал-губернатору Западной Сибири недостаточно надежным, Шмит выдвинул и второй вариант — фашинный способ укрепления берега реки Ишим. Для чего необходимо было использовать фашинные стволы разных размеров, связать их с обоих концов и уложить плотными рядами — комлями к берегу, верхушками к воде и прибить к земле кольями. Затем следовало прибить фашины второго ряда и так далее до самого верха. Вся же фашинная кладка засыпалась землей и навозом на расстоянии 1350 саженой. По смете, составленной Шмитом, на выполнение данного плана испрашивалось 25987 руб. 50 коп. (Там же. Л. 65).

Рассмотрев рапорт майора Шмита, Генерал-губернатор Западной Сибири Вельяминов сделал на нем пометку, свидетельствующую о его нежелании заниматься «выбивкой» средств из казны и стремлении использовать старый и испытанный метод «опоры на собственные силы»: «Справиться, назначена ли какая-либо сумма на укрепление

берегов Ишима в самом городе Ишиме по сметам издержек на будущее трехлетие? Если не назначена, то одно средство остается — позаимствовать из остатков земского сбора и исчисленные издержки включить потом в предбудущую смету, то есть с 1834 по 1837 гг.» (Там же. Л. 97).

Генерал-губернатор Вельяминов препроводил проекты Шмита в Министерство внутренних дел, которое и перенаправило их для рассмотрения в Комиссию проектов и смет Главного Управления Путей сообщения.

Согласно ее решению первый вариант «не представляет, по мнению комиссии, надлежащей прочности и потому вовсе ею отвергается, как не соответствующий описанному в записке... свойству реки Ишим». Комиссия проектов и смет, не вдаваясь в подробные объяснения, перечислила недостатки второго предложения Шмита: земля между фашинными рядами будет подвергаться размыву водой, колья слишком коротки и неправильно расположены, количество фашинных стволов очень большое, что, по мнению комиссии, «менее обеспечивает прочность берега, чем меньшее число оных, иначе расположенных». В целом, как и первый, второй вариант, «хотя и сообщает гораздо более прочности», комиссией принят не был.

«По сим уважениям» и «за неодобрением» проекта Шмита, комиссия не стала делать проверку представленной сметы, «так как неизвестна комиссии цена прутьяному канату, требующемуся по проекту ее для связывания фашин вдоль откосов», и распорядилась составить новый проект «устроения фашинной обделки», наподобие осуществленного на левом берегу реки Оки возле Нижегородского ярмарочного гостиного двора (Там же. Л. 72). Главным аргументом в пользу последнего являлось то, что данный способ укрепления уже был удостоен утверждения «Главного Начальства».

Самым вероятным следствием этого довольно поверхностного «отписного» решения комиссии могло стать новое затягивание решения вопроса об укреплении берега реки Ишим на неопределенное время, а возможно и его полное забвение, если бы не упорство майора Шмита, который усомнился в правильности предъявленных Комиссией смет и проектов при Главном Управлении Путей сообщения условий и осмелился высказать свое несогласие.

Непокорность провинциального сибирского майора вызвала резкое раздражение у столичных чиновников. Шмиту было поставлено «на вид». Но комиссия была вынуждена отреагировать на возражения Шмита, более внимательно ознакомиться с данной проблемой, внести конкретные поправки и потребовать незамедлительного исполнения своего решения. Таким образом, хотя и в варианте Комиссии смет и проектов, но более тщательно разработанном и с подробными объяснениями, необходимыми Шмиту для проведения работ, проект укрепления берега реки Ишим наконец-то обрел практическую плоскость.

Эта ситуация, ставшая началом перелома в разрешении многолетней социально-экономической проблемы г. Ишима, заслуживает того, чтобы рассмотреть ее более подробно.

Прежде всего, у Шмита большое сомнение вызвала сама структура фашинного укрепления, предписанная комиссией: «...фашины сии лежат одна на другой в трех и более рядах и касаясь земли только одними комлями могут дать отростки? Сомнение здесь тем более увеличивается, что фашины сии по длине составленные из двух или трех хворостин неудобно будут прилегать к земле., то не должно ли опасаться, что фашины, палимые зноем солнца без прикрытия землей, совершенно высохнут?» (Там же. Л. 74). Обратил он внимание и на то, что на чертеже комиссии не была представлена длина каната, необходимого для связки фашин.

Своими доводами, изложенными в письменном виде в рапорте от 10 ноября 1830 г. Тобольскому гражданскому губернатору Нагибину, Шмит сумел убедить губернатора, засомневавшегося «как бы не пожертвовать напрасно 25000 руб.».

Делая определенный жест в сторону Комиссии смет и проектов в том смысле, что предложенный ею проект может быть более прост и надежен, чем его собственные, и что он не смеет его оспаривать, Шмит, тем не менее, твердо отстаивал свою точку зрения: «Нахожу я нужным излагать здесь мое сомнение». Помимо высказанных замечаний он отметил и еще один существенный недостаток в проекте комиссии: «Сбережения экономии от сего способа ожидать нельзя, ибо хотя и потребно фашин половинным количеством менее, но зато будучи толще и почти в три раза длиннее, также и цена на оные должна возвыситься трижды. Сберегаемое же число рабочих

людей при кладке сих фашин, следует на место того полагать на сделание прутяного каната и на укрепление оногo по откосам» (Там же. Л. 78). Защищая свое первое предложение, Шмит ссылался на сделанные ранее жителями «опыты», которые доказывали полезность предложенного им способа, отмечая при этом, что, к сожалению, для плетней использовались не ивовые стволы и прутья, а березовые. Не вызывала сомнения у Шмита и надежность выдвинутого им второго — «фашинного» варианта. Он с гордостью вспоминал о своей работе по укреплению берега реки Двины при крепости Динабург, отмечая, что «пятнадцать уже лет противостоит сия фашинная отделка невредимо всякому порыву воды и льдин!»

В заключение своих рассуждений Шмит полагал нужным иметь у себя предложенный комиссией проект в более подробном виде, «дабы в случае неудачи при производстве сего предположения в действие, не приписали то к отступлению от начертанных правил».

Реакция Комиссии проектов и смет на «поведение» майора Шмита, ставшего к этому времени подполковником, последовала незамедлительно. На заседании комиссии 9 мая 1831 г. было отмечено, что «предложения ее на счет удобнейших и выгоднейших способов производства работ, тогда когда они удостоены утверждения Главного Начальства, препровождаются к господам инженерам и производителям работ не с тем, чтобы они оные замечания и предложения рассматривали, но к непременному исполнению, и потому майору Шмиту (примечательно, что комиссия «не замечает» нового звания Шмита, хотя далее в тексте он упоминается как подполковник — **В.М.**)... следовало бы привести немедленно оные к исполнению, не теряя напрасно времени и не обременяя начальство совершенно излишней перепиской. Гнев вышестоящих чиновников оказался настолько велик, что в заключении комиссии — документе сугубо технического содержания, в нескольких местах встречаются откровенные выпады в адрес Шмита, посмеявшегося возразить «Высокому Начальству».

Особое негодование вызвала настойчивость Шмита по поводу дополнительных объяснений, что, по мнению комиссии, «есть вовсе излишнее и даже не совместное, равно как и суждение его о том, что не смея оспаривать, что способ комиссией предлагаемый... несомненно проще и может быть еще и надежнее, находит он нужным здесь излагать свое мнение» (Там же. Л. 95). Случайно выяснилось, что к представленным ранее предложениям Шмита в комиссию прилагался чертеж, который был утерян по вине тобольской администрации, но и это обстоятельство не смягчило негативную реакцию членов комиссии против Шмита.

Познакомившись с ответом Комиссии проектов и смет на свои предложения, подполковник Шмит 1 августа 1831 г. пишет «объяснительную» Генерал-губернатору Западной Сибири Вельяминову, в которой с честью и достоинством высказывает свою точку зрения. Отмечая, что согласно указанию бывшего Тобольского гражданского губернатора Нагибина ему не предписано было «тотчас приступить к приведению в исполнение вышеизъясненного предположения оной комиссии, как она прописывает, но требовалось от меня рассмотрение и мнение, что мною и по чистой совести исполнено. Обязан и готов всегда исполнить в точности волю начальства я и в сем случае не осмеливаюсь отозваться от точного исполнения и сего поручения, когда оно на меня возложено будет; но как означенная комиссия ни слова не упоминает в опровержение о сделанных мною замечаниях, но требует только от Высшего начальства воспретить мне на будущее время делать оные, то и остаюсь не разрешенным в моих сомнениях» (Там же. Л. 93).

Надо полагать, деловые качества подполковника Шмита, несмотря на скандальный характер сложившейся ситуации, не вызывали сомнений у Генерал-губернатора Вельяминова. Он не был отстранен от службы.

Осенью 1831 г. Шмит составил смету, сделал все необходимые расчеты. Разработал инструкции и график проведения работ по укреплению берега реки. Они начались весной 1832 г. и продолжались до поздней осени (Там же. Л. 118-127). Жителям города представилась редкая возможность стать свидетелями проведения невиданного ранее рода работ, проводившихся ускоренными темпами, ширококомасштабных и хорошо организованных.

Фашинные ряды настилались снизу вверх. Ивовые стволы во избежание рассыхания

заготавливали за день до употребления. Всего в работах по укреплению берега было занято 120 рабочих. Из них 60 человек изготавливали фашинные щиты, по десять в день на одного человека. 20 человек вытесывали кольца, по 90 колец в день каждый. Фашинные щиты подвозились к месту работ на тридцати подводах, на пятнадцати подводах доставлялись кольца. Таким образом в день для укладки одного фашинного ряда на 100 погонных сажень требовалось 600 фашинных щитов и 1800 колец. Непосредственно в работах по укреплению берега было задействовано 40 человек. На работы по фашинной кладке, на которые по расчету подполковника Шмита требовалось 135 дней, предполагалось истратить по смете 20250 руб. Общая же сметная сумма расходов составила 23435 руб. Что касается обнесения берега прутяным канатом, Шмит, которому этот вид работы был незнаком, а каких-либо инструкций на сей счет не существовало, предположил, что денежная сумма, необходимая для осуществления этой цели, не должна была превышать десятой части от выделенных для создания фашинной кладки средств, то есть 2025 руб.

Тобольское Общее Губернское Управление распорядилось выдать Шмиту оставшийся от расформированных военно-рабочих сухопутных команд дорожный инструмент, хранившийся с 1828 г. в г. Тюкалинске. Остальной инструмент закупался в необходимом количестве по мере надобности. Каждый рабочий получал за работу по 80 коп. в день, возчики на подводах — по 1 руб. 20 коп. Шмит считал возможным через Ишимское Окружное казначейство производить выплату рабочим денег через каждые семь дней. Однако Общее Губернское Управление сочло правильным осуществить оплату труда рабочих через каждые три дня, так как «раздача платы в семь дней стеснила бы рабочих в продовольствии», а выдачу денег возложила на Ишимского Городничего, который по предъявлении рабочими квитанций, выписанных производителем работ, сам получал в Ишимском Окружном казначействе деньги и выдавал их рабочим с записью в специальной книге «имен и прозваний каждого рабочего и с означением сколько кому и за какое время выдано», и сверх того «каждую статью» выдачи утверждал своим «подписом».

По настоянию Шмита выплачивались «порционные» деньги чертежнику Главного Управления Западной Сибири по 1 руб. 50 коп. ежедневно и двум казакам Тобольского Городового казачьего полка, командированным в Ишим в помощь чертежнику и в непосредственное распоряжение Шмита — по 25 коп. в сутки каждому при условии, что «сия издержка удовлетворена будет из остатков исчисленной им (Шмитом) по смете на совершение укрепления суммы 23435 руб.»

Подполковнику Шмиту пришлось производить работы в условиях довольно жесткого финансового ограничения. Совет Главного Управления Западной Сибири выражал уверенность, что «в назначении платы рабочим господин инженер подполковник Шмит не ограничится сделанными назначениями, но при содействии местного Начальства будет иметь попечение о понижении платы, и не выходя ни в каком случае из цен справочных не выйдет также и из сметной суммы им исчисленной». Из выданной на руки Шмиту суммы 500 руб. на экстренные расходы он должен был купить два точила для лопат и топоров, «на все прочие предметы расходов деньги должны быть отпускаемы не иначе как по особенным назначениям начальника губернии и предписаниям о том Казенной палаты». Все расходы, сделанные Шмитом, подвергались строгой проверке.

Ишимским городским властям было предписано всемерно способствовать успешному окончанию работ. Помимо указанных выше обязанностей, на ишимского городничего возлагалась приемка необходимого инструмента от тюкалинского земского исправника и сдача его обратно в целостности и сохранности после окончания работ «не иначе как под квитанции». Городничий обязан был «исполнять неукоснительно» все требования «господина подполковника Шмита и предъявления чертежника в случае отбытия первого, касающиеся до понуждения, полицейского исправления и сыска рабочих и оказывать всякое другое законное содействие на предмет успешного производства работ». Ишимскому земскому исправнику вменялось в обязанность на всем протяжении работ регулярно информировать подполковника Шмита «о ценах, существующих на наем чернорабочих одного и с лошадей... и уведомлять его каждый раз, когда в ценах сих последует изменение», всячески содействовать в найме рабочих «по выгоднейшим ценам».

В ходе проведения работ по указанию подполковника Шмита «для отвода в полноводие сильного стремления воды, коею подмывается берег главной части города и впоследствии для образования фарватера реки Ишим (была) углублена.. начатая прежде жителями канава на расстоянии 266-и сажений, каковой провод канавы для означенного предположения признается весьма полезным». То есть речь идет о фактическом начале первой части будущего Синкинского канала. Приведенная цитата взята нами из акта по освидетельствованию произведенных работ, составленного в 1833 г. уже упоминавшимся ранее Горскиным, к данному моменту состоявшим уже в звании не поручика, а штабс-капитана. Как свидетельствует этот документ, жителями города еще до 1832 г. была предпринята попытка проведения прокопа в этом направлении. Следовательно, подполковник Шмит в ходе осуществления работ пришел к мысли о важности продолжения этого мероприятия. Неизвестно, знал ли к этому времени подполковник Шмит о существовавшем ранее плане проведения Синкинского канала? Имел ли в виду Шмит продолжение в дальнейшем этой «канавы» через озеро Синкино? И существовал ли вообще в этот период конкретный план по дальнейшему ее проведению на уровне «Высокого Начальства»? Но так или иначе, именно под руководством подполковника Шмита на профессиональном уровне было осуществлено начатое по почину жителей Ишима в виде прокопа строительство первой половины будущего Синкинского канала. К сожалению, какие-либо более подробные сведения об этом начальном этапе строительства отсутствуют, неизвестно также, какое количество человек было задействовано на устройство данной «канавы». Ее проведение обошлось Шмиту в 1920 руб. На укрепление берега фашинным способом было употреблено 20000 руб. 80 коп. Всего после завершения работ к ноябрю 1832 г. от сметной суммы 23435 руб. «осталось в сбережении» 837 руб. 50 коп.

Работы завершились к намеченному сроку и с наименьшими для казны затратами. Берег реки Ишим на расстоянии 1150 погонных сажений был укреплен фашинной кладкой, «облицовано местами одним прутяным канатом на 205 погонных сажений, а всего берегового укрепления сделано на 1355 сажений.. Ряды укрепления сложены по соображению высоты и крутости берегов высотой в шесть, семь, восемь, девять и десять слоев; среднее же число оных по всему протяжению составит в восемь слоев» (Там же. Л. 145).

Выполнив возложенную на него трудную и ответственную миссию, подполковник Тобольского строительного отряда Путей сообщения Шмит в начале ноября 1832 г. сдал чиновнику Общего Губернского Управления статскому советнику Троцкому шнуровые тетради, выданные ему Тобольским и Ишимским окружными управлениями под запись прихода и расхода отпущенных средств, все сопроводительные документы и отчет «о числе рабочих людей и лошадей на месте бывших». Необходимо было до начала зимы освидетельствовать и принять сделанную работу. Однако сделать это сразу не удалось. Как сообщал Шмит, «члены Ишимского окружного управления от свидетельства работ по укреплению берега реки Ишим отозвались неумением разобрать чертежа, составленного на производство сего укрепления» (Там же. Л. 133). Вскоре наступила зима и осмотр сделанной работы был отложен до лета будущего года.

Для проведения освидетельствования предполагалось отправить одного военного инженера и губернского архитектора Трофимова. Архитектор отказался от этого поручения, «потому что для исполнения одного должно будет ему употребить не менее десяти дней, в течение которых он может закончить в Тобольске другие нужные дела, и в особенности проект об исправлении корпуса при Архиерейском доме для помещения Консисории и Попечительства, которым он ныне занимается». В итоге в Ишим выехал один штабс-капитан Горскин.

2 июля 1833 г. Горскин в сопровождении ишимского окружного начальника Барташевича провел освидетельствование выполненных под руководством подполковника Шмита гидротехнических работ. Будучи профессиональным военным инженером штабс-капитан Горскин высоко оценил качество сделанной работы и пришел к однозначному выводу: «Вся сия работа произведена действительно в натуре и в тех частях города, где берега реки более подвергались подмыву и обрушению, и само фашинное укрепление сделано сообразно чертежа, составленного Комиссией проектов и схем, и по настоя-

щему в натуре устройству хорошо предохраняет берега от осыпей и обрушения, лучшую прочность коего составит ожидаемая растительность тала» (Там же. Л. 145).

Не знаем, стала ли известна эта оцeнка подполковнику Шмиту, который умер летом 1833 г. (Там же. Л. 144).

Штабс-капитан Горский, покидая Ишим, высказал пожелание «вменить в обязанность каждого жителя города... дабы они во всякое время года оказывающиеся в низких местах выбоины засыпали бы благовременно землей с навозом...».

Проведенное подполковником Шмитом укрепление берега реки Ишим фашиным способом десятки лет надежно предохраняло его от разрушения. Однако в дальнейшем городское управление неоднократно возвращалось к вопросу об укреплении берега. Так, в начале 60-х гг. XIX в. в расходную часть городского бюджета было заложено для выполнения этой цели 100 рублей. Обращались к этой проблеме и в 80-90 гг. XIX в. А в первую мировую войну городской голова С.И. Двойников предпринял попытку осуществить новое укрепление берега реки Ишим с помощью использования дешевого труда военнопленных, прибытие которых ожидалось в городе в начале осени 1914 г., но эта идея не была реализована по независящим от органов городского самоуправления обстоятельствам.

Такова далеко не полная история вопроса об укреплении берега реки Ишим и строительстве Синкинского канала.

Е.Н. КОНОВАЛОВА

Типографское дело в Ишиме и Ялуторовске (конец XIX - нач. XX вв.)

С конца 60-х годов XIX века в Тобольской губернии стали появляться частные типографии: К.Н. Высоцкого (1869 г.), А.А. Крылова (1897 г.), А.М. Афромеева (1910 г.), «Товарищества А. Брюханова и К^о» (1910 г.) в Тюмени; А.Г. Калининой (1876 г.) в Тобольске; И. Шубина (1884 г.) в Кургане; И.В. Анисимова (1900 г.), А.Я. Симоновой (1914 г.), М.Н. Тычинского (1913 г.) в Ялуторовске; И.В. Анисимова (1892 г.), С. Двойникова (1899 г.) в Ишиме.

В Ишиме (1892 г.) и в Ялуторовске (1900 г.) начало печатного дела было положено Иваном Васильевичем Анисимовым. Об этом свидетельствуют архивные документы Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области.

Иван Васильевич был старшим сыном в семье. Его отец Василий Кондратьевич Анисимов в 1873 году переехал в село Александровское Ивановской волости Ялуторовского уезда. Имел дом, водяную мельницу. Иван Васильевич закончил Курганское уездное училище, работал конторщиком на стекольном заводе в селе Боровлянка Курганского уезда, позже переехал в г. Ишим, где в 1892 году обзавелся типографией. Сохранились прошение Ивана Васильевича Анисимова на имя Тобольского губернатора от 13 февраля 1892 года об открытии типографии в г. Ишиме; расписка Анисимова о получении свидетельства на право открытия в Ишиме им типографии от 26 марта 1892 г.; рапорт окружного исправника на имя Тобольского губернатора от 23 марта 1893 г. и ответ губернатора исправнику. Ввиду ценности документов, приводим их полностью.

Прошение его превосходительству Господину Тобольскому губернатору

Желая открыть в городе Ишиме типографическое заведение, в котором предполагаю иметь одну скоропечатную машину и один типографский ручной станок и имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство о выдаче мне законного дозволения на содержание этого заведения. Ишим, февраля 13 дня 1892 года.

Крестьянин Курганского округа, Марайской волости и села Иван Васильевич Анисимов¹.

Свою типографию Иван Васильевич приобрел «в г. Таре, от бывшего содержателя И.М. Звездина». До получения разрешения на открытие типографии она временно находилась «под надзором Тарской полиции». Из-за «прекращения санного пути и большой затруднительности перевозки типографского имущества летним путем» из Тары в Ишим окружной исправник вторично обращается к губернатору с просьбой

о своевременной высылке свидетельства Анисимову «на содержание типографии»². Большую помощь в приобретении типографии и «заведении собственного дела» Анисимову оказал ишимский купец Смолин, у которого он служил доверенным лицом.

Свидетельство (от 18 марта 1892 г. за № 198) на право открытия типографии в г. Ишиме Анисимов получил в марте, о чем свидетельствует его расписка:

«1892 года марта 26 дня. Я, нижеподписавшийся крестьянин Курганского округа, Марайской волости и села Иван Васильевич Анисимов, дал сию подписку, Господину Ишимскому окружному исправнику в том, что, присланные предписание Господина Тобольского Губернатора от 18 марта с.г. за № 198, свидетельство на право открытия мною типографии в г. Ишиме, и я обязуюсь во первых не допускать ни под каким предлогом к типографским работам политических ссыльных или лиц неодобрительного поведения и во вторых вообще по содержанию типографии буду соблюдать точно и неуклонно все установления и впредь могущие последовать на сей предмет законоположения и правительственные распоряжения... в противном случае взыскания по закону.

В том и подписываюсь, крестьянин Курганского округа Марайской волости и села Иван Васильевич Анисимов»³.

На запрос Тобольского губернатора ишимский окружной исправник в рапорте от 4 августа 1892 г. сообщает: «... в г. Ишиме существует одна типография Анисимова, разрешенная и открытая в настоящем году. Ответственное по типографии лицо - содержатель ее крестьянин Курганского округа, Марайской волости Иван Васильевич Анисимов. Типография исполняет частные заказы»...⁴

Типография И.В. Анисимова выполняла заказы различных ведомств, учреждений и частных лиц. В его типографии в основном издавались уставы и отчеты. На сегодняшний день выявлены следующие издания:

1892

1. Устав Ишимского попечительного общества о бедных: (Утв. 21 нояб. 1891 г.). - Ишим: Тип. И.В. Анисимова, [1892]. - 8 с.

1896

2. Отчет Совета общества попечения о начальном образовании в г. Ишиме за 1895 г.: (с 1 нояб. 1894 г. по 20 янв. 1896 г.). - Ишим: Тип. И.В. Анисимова, 1896. - 9 с.

1897

3. Отчет Совета общества попечения о народном образовании в г. Ишиме за 1896 год. - Ишим: Тип. И.В. Анисимова, 1897. - 10 с.

1898

4. Отчет Ишимского попечительного общества о бедных за 1897 год. - Ишим: Тип. И.В. Анисимова, [1898] - 14 с.

5. Устав общества вспомоществования нуждающимся учащимся в начальных училищах 4-го крестьянского участка Ишимского округа Тобольской губернии. - Ишим: Тип. И.В. Анисимова, 1898. - 16 с.

В 1893 г. И.В. Анисимов обратился к Ишимскому окружному исправнику с просьбой «о дозволении ему перепечатки изданного под покровительством ее Императорского Высочества Принцессы Евгении Максимимановны Ольденбургской под заглавием «Первая помощь в несчастных случаях до прибытия врача холерой. Пособие при заболевании холерой...»⁵. На ходатайство Анисимова окружной исправник ответил отказом, мотивируя тем, что «подобные ходатайства могут возникнуть и в последующее время». И чтобы «устранить по этому предмету недоразумений» исправник пишет рапорт на имя Тобольского губернатора (от 23 марта 1893 г.), в котором просит «дать знать, в каких случаях и соблюдением каких условий может быть дозволяемо перепечатывание изданий подобных»⁶. Отказ исправника губернатор признал правильным, считая, «что на будущее время все подобные ходатайства должны быть направлены к губернатору, который в исключительных случаях может принять особые меры...»⁷

К большому сожалению, правила цензуры, царившие в России, не позволили напечатать И.В. Анисимову в своей типографии очень нужную и полезную книгу, которая имела практическое значение и была обращена, в первую очередь, крестьянскому населению. В Тобольской губернии издавна свирепствовала сибирская язва, от которой погибал скот, умирали люди, исчезали целые деревни.

В 1899 г. И.В. Анисимов свою типографию продал крестьянину Екатеринбургского уезда Касминской волости Семену Ивановичу Двойникову⁸. Она просуществовала до октябрьской революции. К сожалению, автору статьи о жизни С.И. Двойникова и его типографии ничего не известно. В его типографии в 1910, 1911 г. работало 11, 1912 г. - 13, 1913 г. - 10 рабочих⁹. С.И. Двойников, как и И.В. Анисимов, выполнял частные заказы, печатал отчеты, уставы. В 1913 г. в его типографии было напечатано 133 наименований реклам, плакатов, открытых писем, книг, брошюр¹⁰.

1899 г.

6. Газов И. Катехизические поучения «О надежде»: (Молитва господня и блаженства) / Сост. свящ. Гольшманов прихода Ишимск. уезда Тобол. губернии, Иоанн Газов. - Ишим: Тип. С. Двойникова, 1899. - 90 с. - 2000 экз.

(Книга вышла с разрешения СПб. Духовного цензурного комитета.)

1913 г.

7. Асямолов И., Петрухин М.Л., Сурнов В. Краткие сведения из годового отчета об операциях артельных маслоделен за 1912 год, находящихся в Северо-Ишимском районе Тобольской губернии. - Ишим: Тип. С.И. Двойникова, [1913]. - 19 с. - После введения авт.: Петрухин; В конце текста: Инструктор М.Л. Петрухин. Техники маслоделия: В. Сурнов, Ив. Асямолов.

8. Устав братства для вспомоществования воспитанникам Ишимского духовного училища. - Ишим, 1913.

1915 г.

9. Отчет о деятельности Частоозерского сельскохозяйственного общества за 1914 год. - Ишим: Тип. С.И. Двойникова, 1915. - 16 с.

1917 г.

10. Отчет Ишимского общества взаимного от огня страхования за 1916 год: (Третий операц. год.) - Ишим: Тип. С.И. Двойникова, 1917. - 10 с.

В Ялуторовске, в отличие от Тюмени и Тобольска, периодические издания стали выходить намного позже: в начале XX века (1906-1907 гг.). Ими были «Крестьянская газета» и «Ялуторовская жизнь». Издание этих газет было связано с политическими ссыльными.

В 1900 г., после смерти отца и брата Константина, Иван Васильевич Анисимов приезжает в Ялуторовск, который с давних времен был местом ссылки людей разных сословий, веры, национальностей, политических взглядов. С конца XIX и начала XX века здесь отбывали ссылку участники польского освободительного движения, затем народовольцы, позже - социал-демократы, революционеры-марксисты. В 1906 году колония ялуторовских ссыльных насчитывала около тридцати человек. Среди них деятели революционного движения И.В. Русаков, В.А. Вановский, В.В. Филиппов и др. Чуть позже прибыло несколько десятков повстанцев-грузин из Горийского уезда и крестьян - участников аграрных восстаний в Саратовской губернии. Переселенцы из Центральной России и политические ссыльные оказывали большое влияние на местное население. В начале века в Ялуторовске был образован кружок саморазвития, который с 1905 года активно вел революционную работу. В кружок входили Иван Васильевич Анисимов и его дети - сын Сергей и дочь Елена; И. Герасимов, В.В. Захаров, С.В. Филиппов, Г. Назаров, М.И. Лагин, И.В. Первухин и многие другие¹¹.

В Ялуторовске И.В. Анисимов продолжил знакомое и любимое свое типографское дело. По воспоминаниям старожил Ялуторовска внука Ивана Васильевича - Льва Сергеевича Анисимова, типография находилась на углу улиц Якушкина и Революции (современные названия). В типографии Ивана Васильевича кроме частных заказов печатались листовки, прокламации, воззвания, перепечатывались пролетарские газеты, изданные в Красноярске, Чите, Екатеринбурге. До наших дней их сохранилось очень мало:

1. Высочайший манифест 17 октября 1905 г. и что он дает / Изд. Ялутор. Отд. Моск. о-ва сел. х-ва. - Ялуторовск: Тип. И.В. Анисимова, 1905. - 36 с.

2. Прейскурант Ялуторовского склада сельскохозяйственных орудий и машин. - Ялуторовск, [б. г.] - 8 с.

3. Ялуторовский отдел Московского общества сельского хозяйства в чрезвычайном собрании 19 июня 1905 г. - Ялуторовск, 1905. - 10 с.

И.В. Анисимов кроме того принимал активное участие в кружке саморазвития и в

работе Ялуторовского отдела Московского общества сельского хозяйства (МОСХ), который с 1903 года издавал научные «Труды Ялуторовского отдела Московского общества сельского хозяйства». «Труды» выходили с 1903 по 1905 гг. и с 1908 по 1913 годы. Они выходили ежегодно по мере накопления материала от 1 до 4 выпусков в год. Выход их зависел в основном от денежных средств общества.

Труды Ялуторовского отдела Московского общества сельского хозяйства.

- Ялуторовск, 1903-1905, 1908-1913.

1903 Вып. 1 (30 июня) - вып. 4 (5 дек.)

1904 Вып. 5 (янв./июнь). - вып. 6 (июль/дек.)

1905 Вып. 7 (янв.) - вып. 8 (февр./июнь)

1908/1909 - (1910)

1910 (1911)

1911 Вып. 1 (окт./ноябрь)

1912 Вып. 2 (янв./февр.) - вып. 3 (дек.) 1913

1913 Вып. 1 (б.д.) - вып. 4 (дек.). 1914 - 5, 6.

Ялуторовский отдел МОСХ был известен в то время многим организациям. Отдел проводил выставки лучших семян зерновых культур, имел опытное поле, пасеку, занимался закупкой и распространением сельскохозяйственных машин фирм Мак Кормик, Осборн, Мильвоки и др., владел прокатным пунктом, мастерскими по ремонту техники, занимался пропагандой книг, газет, журналов на сельскохозяйственные темы. Агрономы, ветврачи, юристы, входящие в общество, помогали крестьянам советами, указаниями, как вести хозяйство, давали юридические консультации. Одним из главных видов деятельности Отдела являлась публикация научных трудов. Члены общества в них помещали статьи, доклады, сельскохозяйственные обзоры на различные темы. В «Трудах Ялуторовского отдела МОСХ» публиковались статьи не только на сельскохозяйственные темы. 23 марта 1906 года Тобольский губернатор в рапорте министру внутренних дел сообщает: *«Иван и Сергей Анисимовы, Герасимов, Захаров и Филиппов были крайне деятельными членами Ялуторовского отдела Московского общества сельского хозяйства. Вся деятельность которых за последний год была направлена исключительно к политической пропаганде среди крестьян всякого рода революционных идей путем широкой рассылки возмутительного рода постановлений и докладов»*¹².

В ночь с 20 на 21 февраля были произведены обыски у членов кружка саморазвития, в типографии И.В. Анисимова. В Тобольском архиве хранится Дело о Ялуторовском кружке саморазвития и Ялуторовском отделе Московского общества сельского хозяйства, в котором находятся протоколы обысков членов кружка и арест типографии И.В. Анисимова¹³. Объем статьи не позволяет всесторонне раскрыть содержание этого дела, поэтому оно требует отдельного разговора. Во время обыска были обнаружены листовки, брошюры, воззвания¹⁴. Среди них:

1. Герасимов И., Захаров В. Откуда казна наша получает доходы и как их тратит / Изд. И.В. Анисимова. - Ялуторовск: Тип. И.В. Анисимова, 1905. - 9 с.

2. Записка Ялуторовского отдела Московского общества сельского хозяйства «О необходимых основах земства в Сибири». - Ялуторовск: Тип. И.В. Анисимова, 1905. - 9 с.

3. Назаров Г. Отчего на Руси пошла смута / Изд. И.В. Анисимова - Ялуторовск: Тип. И.В. Анисимова, 1905. - 9с.

4. Назаров Г., Шершеневич Г.Ф. Высочайший манифест 17 октября 1905 года и что он дает / Изд. Ялутор. отд. Моск. о-ва сельского х-ва. - Ялуторовск: Тип. И.В. Анисимова, 1905. - 36 с.

Этих изданий нет ни в одной библиотеке страны, они хранятся только в ТФ ГАТО в одном экземпляре. Их тираж при аресте типографии был полностью уничтожен, поэтому их относят к редчайшим изданиям.

В этом же рапорте ниже губернатор пишет: *«По вышеупомянутым соображениям, в целях прекращения явно преступной политической пропаганды, я покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство приказать выслать в северные уезды следующих лиц: купеческого сына Михаила Ивановича Лагина - сроком на 5 лет, Владимира Васильевича Филиппова, И.В. Анисимова, ветврача Ивана Герасимовича Герасимова также на 5 лет, Владимира Валентиновича Захарова - 3 года»*¹⁵.

Прошение было выполнено, типография закрыта и конфискована. Арестованные заключены в Ялutorовский тюремный замок. После нескольких недель содержания отправлены в Тобольск.

Арестованные казались губернатору настолько опасными, что он отдал приказ начальнику Тюменской тюрьмы содержать ялutorовцев на особом режиме и «даже не допускать к пасхальной заутрене». Позже для Ивана Васильевича Анисимова была ссылка в с. Елизарово Березовского уезда, после которой, тяжело больной, он проживает в д. Александровка. К типографскому делу не возвращается. В 1914 году скончался и был похоронен на кладбище д. Александровка.

Кроме «Трудов» Ялutorовский отдел МОСХ издавал «Крестьянскую газету».

Крестьянская газета: Еженед. орган Ялutorов. отд. Моск. о-ва сел. хоз-ва; с 1907 г. - Газ. обществ.- полит., экон. и с-х. / Ред. К.С. Колмаков, пред. Ялutorов. отд. МОСХ, изд. Ялutorов. отд. МОСХ. - Ялutorовск, 1906-1908.

Загл.: с 21 июля по 20 окт. 1907 Ялutorовская жизнь.

1906 □ 1 (14 окт.) - □ 10 (16 дек.)

1907 □ 1 (25 нояб.) - □ 2 (1 дек.)

1908 □ 1 (20 янв.) - □ 8 (8 марта)

По резолюции Тобол. окр. суда от 16 дек. 1906 г. газ. временно приостановлена. - С 21 июля по 20 окт. 1907 г. подписчикам высылалась газ. «Ялutorовская жизнь».

Она считается первой официальной газетой в Ялutorовске. 9 августа 1906 года председатель Ялutorовского отдела МОСХ К.С. Колмаков писал Тобольскому губернатору: «Годичное собрание Ялutorовского отдела Московского общества сельского хозяйства 5 февраля 1906 г. постановило превратить издающиеся им нерегулярно выходящие «Труды» в еженедельный орган с расширенной программой под названием «Крестьянская газета». И далее объясняет необходимость выпуска этого печатного органа: информировать членов отдела о его деятельности, дать возможность крестьянам иметь недорогую местную газету с «общеполезными сведениями». Будущий редактор планировал вести дело так, что средства, вырученные при подписке, должны покрывать расходы на печатание «Трудов»¹⁶.

Разрешение на издание газеты губернатор дал, и первый номер вышел 14 октября 1906 года. Газета помещала протоколы заседаний, труды членов отдела, сведения по складу, статьи, заметки, корреспонденции по вопросам сельского хозяйства, торговли, промышленности и общественной жизни, и, кроме того, читатели получали юридические консультации, ответы на многочисленные вопросы по сельскому хозяйству, отзывы на вновь выпущенную сельскохозяйственную литературу. Газета, как и «Труды», печаталась в собственной типографии Ялutorовского отдела МОСХ.

С выходом первых номеров «Крестьянской газеты» возникли трудности в доставке ее подписчикам. Все члены ЯОМОСХ получали газету бесплатно, подписчики - за 2 рубля в год. Но вице-губернатор Тройницкий запретил пересылать номера «Крестьянской газеты» по земской почте. Об этом писал в октябре 1906 г. секретарь отдела Г.Я. Назаров и просил «отменить распоряжение вице-губернатора или указать на законность сделанного им распоряжения»¹⁷. Редактором газеты был председатель ЯОМОСХ, купец Заводоуковска Кириак Степанович Колмаков. Кроме членов отдела сотрудниками «Крестьянской газеты» являлись и политические ссыльные. Поэтому на страницах «Крестьянской газеты» зачастую помимо статей по сельскохозяйственной тематике появлялись статьи пропагандистского характера. Например, в одном из номеров газеты был опубликован материал, где речь шла о выборах в Думу, куда от Ялutorовска баллотировались крупнейшие купцы и землевладельцы. В нем говорилось: «Улучшение местной жизни невозможно там, где на пост высшего контролера государственного порядка и строительства - в лице Государственной думы - призваны все те же 130000 помещиков». По резолюции Тобольского окружного суда, после выхода этого номера 16 декабря 1906 года, издание «Крестьянской газеты» было приостановлено¹⁸.

За два месяца существования газеты вышло всего десять номеров. В связи с закрытием «Крестьянской газеты» возникла необходимость организовать другой печатный орган. Такую обязанность на себя взяли Герман Яковлевич Назаров и Павла Яковлевна Чеснокова, задумав печатать газету с названием «Ялutorовская жизнь». До 1907 года Назаров и Чеснокова уже имели опыт революционной борьбы. Герман Яковлевич являлся орга-

низатором и руководителем «Союза рабочих». В Тюмени на Малоразъездной улице, в доме Макухина, где жил Назаров с женой, часто собирались социал-демократы. При клубе было организовано женское отделение, которое вело культурно-просветительскую и политическую работу среди работниц. Одним из организаторов этого отделения была и П.Я. Чеснокова.

22 июня 1907 года Тобольский губернатор получает заявление от мещанки г. Екатеринбургa Павлы Яковлевны Чесноковой, проживающей в г. Ялуторовске, с просьбой «выпускать повременное издание - «газету» с названием «Ялуторовская жизнь». Для того, чтобы убедить в необходимости и благих намерениях начинаемого дела, П.Я. Чеснокова предложила программу, которую полностью позаимствовала у «Крестьянской газеты». Годовая стоимость газеты предлагалась в сумме 2 руб. 40 коп. (25 коп. в месяц). П.Я. Чеснокова брала на себя обязанности и редактора, и издателя¹⁹.

Губернатор, прежде чем дать разрешение, наводит справки о просительнице. В левой верхней части заявления пишет: «Запросить исправника. Кто такая Чеснокова?»²⁰

18 июля 1907 года ялуторовский уездный исправник Новосильцев сообщает: «...проживающая в городе Ялуторовске мещанка города Екатеринбургa Павла Чеснокова приехала в город Ялуторовск в октябре 1906 г. вместе со своим зятем, бывшим производителем Ялуторовской землеустроительной партии Германом Назаровым; оседлости у Чесноковой в городе нет; определенных занятий она не имеет, а существует на средства, высылаемые ей зятем Назаровым. ...Чеснокова направления либерального, ведет близкое знакомство с водворенными в городе политическими ссыльными, хотя ни в чем предосудительном замечена не была». Если бы ялуторовский исправник был информирован о том, что в начале января 1906 г. в г. Тюмени полиция арестовала членов группы социал-демократов, в том числе Г.Я. Назарова и П.Я. Чеснокову, то вряд ли П.Я. Чеснокова получила разрешение на издание своей газеты²¹.

Тобольский губернатор получил рапорт 25 июля и, несмотря на последнюю фразу сообщения, разрешение дал. Но, видимо, Павла Яковлевна ответа и не ждала, а делала первый номер газеты, и он вышел 21 июля 1907 года. Газета печаталась в типографии Ялуторовского отделения Московского общества сельского хозяйства. «Ялуторовская жизнь» высылалась подписчикам вместо временно приостановленной «Крестьянской газеты».

С 21 июля по 20 октября 1907 года было издано всего 14 номеров.

Ялуторовская жизнь: Газ. обществ., полит., эконом. и с.х. / Ред. - изд. П.Я. Чеснокова. - Ялуторовск, 1907. Еженед.

1907 □ 1 (21 июля) - □ 14 (20 окт.)

Через два месяца после получения подписчиками первых номеров, департамент полиции запрашивает Тобольского губернатора о направлении «Ялуторовской жизни» и о составе ее редакции. Ответ последовал сразу: «В числе негласных сотрудников газеты состоят многие из проживающих, как в Ялуторовске, так и в соседних местностях политические ссыльные, сотрудничество которых делает направление газеты более левым и примыкающим к партии трудовиков».

В □ 10 от 22 сентября в газете была перепечатана из газеты «Вятский край» статья о финансовой и налоговой политике российского государства под названием «Куда исчезают народные миллионы». Публикация вызвала недовольство губернатора, и уже 29 сентября вышло постановление: «наложить на редактора - издателя газеты «Ялуторовская жизнь», издающейся в городе Ялуторовске, - П.Я. Чеснокову трехмесячный арест за нарушение п.1 обязательного постановления моего от 30 июня 1907 года»²².

«Ялуторовская жизнь» была закрыта. А пока она выходила, организаторы «Крестьянской газеты» боролись за ее существование. Дело по обвинению К.С. Колмакова из Тобольского окружного суда 12 июня 1907 года передано было в Омскую судебную палату, которая оправдала редактора.

Уже 25 ноября «Крестьянскую газету» вновь получали подписчики Ялуторовского уезда, а 8 марта 1908 г. вышел ее последний номер. Причиной послужил пожар, уничтоживший типографию Ялуторовского отдела МОСХ. И хотя редакция 12 марта извещала о временном закрытии газеты, издание прекратилось.

В Тобольской губернии в период первой русской революции (1905-1907 гг.), когда усиливается поляризация классовых и общественных интересов, партии социал-

демократов, организации РСДРП для пропаганды своих политических взглядов и программ обращались очень часто к печатному слову - листовкам, брошюрам, газетам. Для этого они подчиняли себе уже существующие издания, как «Сибирский листок» в Тобольске, либо организовывали новые, как «Крестьянская газета» в Ялуторовске, «Тюменский рабочий» в Тюмени.

Однако цензура осуществляла жесткий контроль над легальной печатью и типографиями, о чем свидетельствуют вышеизложенные многочисленные архивные материалы.

Издания, напечатанные в типографиях А.И. Анисимова, С. Двойникова и других, являются большой библиографической редкостью. Они разбросаны по многочисленным книгохранилищам страны и сохранены в единичных экземплярах.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 14. Д.13. Л. 1.
2. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 14. Д.13. Л. 2.
3. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 14. Д.13. Л. 4.
4. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 14. Д.88. Л. 18.
5. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 14. Д.26.
6. Там же.
7. Там же.
8. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 23. Д. 220.
9. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 14. Д. 88.
10. Там же.
11. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 19. Д. 36; Зубарев Н. Ялуторовск - Свердловск, 1978. - с.57 - 65.
12. Афоняева Л.И. Возвращаясь к напечатанному 86 лет назад // Ялуторовская жизнь. -1993. - 1 июля.
13. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 19. Д. 36. 520 лл.
14. Там же.
15. Там же.
16. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 56. Д. 683. Лл. 3 - 4.
17. Там же, л.7.
18. Зубарев Н. Ялуторовск. - с.64.
19. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 561. Д. 723. Л. 1.
20. Там же.
21. ТФ ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 28. Лл. 5 - 35.
22. ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 56. Д. 683. Л. 4.

В.А. ШУЛДЯКОВ

Казачество Пришимья в начале Гражданской войны (лето 1918 г.)

Сибирское казачье войско, сыгравшее в Белой борьбе на востоке страны выдающуюся роль, считалось третьим по старшинству казачьим войском России, после войск Донского и Терского. Оно вело свое начало от дружины Ермака, точнее - от легендарного дня принятия е^п на царскую службу в 1582 г. В этот день, 6 (19) декабря, отмечался войсковой праздник.

Войско состояло из трех военных отделов: 1-й - с центром в Кокчетаве, 2-й - в Омске, 3-й - в Усть-Каменогорске. Отделы делились на станицы (к 1914 г. всего 48 станиц). «Столицей» войска являлся г. Омск, где находились все общевойсковые учреждения. Население войска к 1 января 1914 г. (ст. ст.) насчитывало 298 284 чел., в том числе 167 985 душ войскового сословия, остальные были разночинцами («иногородние»)¹. Казаки делились так: 1 349 чел. - генералы, офицеры и чиновники с семьями, нижних чинов с семьями - 166 636 чел.² Этнический состав сибирского казачества был таким: 94,3 % - русские, 4,89 % - мордва, 0,81 % - татары³. Последние - мусульмане. Раскольников и сектантов среди сибирцев был 1 %. Остальные 98,19 % - православные⁴. Проживали казаки в 48 станичных поселениях (центрах станиц), 123 поселках и 16 выселках⁵. В 1917 г. большинство казачьих поселков выделилось в самостоятельные станицы, число которых к 9 августа 1917 г. (ст.

ст.) достигло 133. В Омском уезде, например, не осталось ни одного поселка, все стали станицами⁶.

Когда-то сибирское казачество проживало, несло службу и на землях, занимаемых ныне Ишимским районом Тюменской области. Однако в связи с созданием регулярной армии, с перенесением государственной границы и строительством Ново-Ишимской (Пресногорьковской) военной линии казаки в XVIII в. были частью переселены на юг, частью обращены в другие сословия: в солдат, крестьян, мещан, - и в начале XX столетия в Тюменской губернии казачьих поселений не было. Станицы Сибирского войска находились в Акмолинской и Семипалатинской областях, а также на юге Томской губернии. Географически к Ишимскому уезду были наиболее близки станицы Пресной и западной половины Горькой линий, находившиеся почти на северной кромке Петропавловского уезда: Пресногорьковская, Пресновская, Новорыбинская, Становская, Петропавловская и Медвежинская с их поселками. Некоторые казачьи станицы и поселки располагались непосредственно в долине р. Ишим, а именно (с севера на юг): Новопапавловский, Петропавловская, Бишкульский, Кривоозерный, Архангельская, Новокаменский, Вознесенская, Надеждинский, Боголюбовский и Новоникольская. Большой массив казачьих земель находился в Кокчетавском уезде, на правобережье Ишима, между рекой и трактом Кокчетав - Атбасар: Лобановская, Аиртавский, Имантавская, Арык-Балыкский, Верхне-Бурлукский, Нижне-Бурлукская, Якши-Янгизтавская и Акан-Бурлукская.

К началу XX в. основная масса казачества превратилась в «военное крестьянство»: в земледельцев, отбывавших воинскую повинность на отличных от остальных граждан основаниях⁷. Чем сильнее втягивалось казачье хозяйство в рыночные отношения, тем болезненнее чувствовалась двойственность положения казака как «военного крестьянина». Самоснаряжение на службу, лагерные сборы, проверки амуниции и обмундирования отнимали силы, время и средства казака, он не мог максимально сконцентрироваться на производительном труде и тяготился своей обременительной воинской повинностью.

В то же время пришел конец свободному природопользованию. «Легкие» источники существования (рыбный и лесной промыслы, извоз) иссякали, и казачеству пришлось основательно заняться трудоемким земледелием. Однако наиболее удобные и доходные земли общины были уже заняты, захватно-явочным путем, более зажиточными и инициативными одностаничниками. А правительственная политика переселения и землеустройства привела к тому, что, выезжая со станичного юрта, казак натыкался на межи крестьянских наделов, офицерских и казенных участков. Арендные цены на землю из-за увеличения плотности населения сильно выросли. Происходит быстрое наполнение территории войска переселенцами - разночинцами. Среди них были предприниматели-аграрии, но преобладала крестьянско-ремесленная беднота.

Казаки болезненно реагировали на продажу офицерских участков богатым разночинцам и требовали возвращения их в войсковой запас, а с другой стороны - опасались радикализма и земельных притязаний малоимущих разночинцев, которые, в отличие от станичников, никаким правом на юртовый надел не обладали. Острее стало ощущаться и имущественное расслоение внутри казачьей общины. Войсковой агроном Н.Г. Овчинников в 1915 г. признавал, что в Сибирском войске «нет правильных переделов, а есть захват общественной земли сильными людьми»⁸. Малоземельные общинники стали требовать уравнительного передела пашен. Начался переход казачьей поселковой общины от заимочно-захватного землепользования к уравнительно-передельному. Кризис вольнозахватной общины в Сибирском войске и Российская революция совпали по времени. Экономические позиции «кулаков» и примыкавших к ним зажиточных «середняков» (с посевом более 15 десятин на хозяйство) в Сибирской казачьей станице были очень сильны: составляя в 1917 г. лишь 22 % казачьего населения, они сконцентрировали в своих руках почти 53 % посевов и являлись главными среди казаков владельцами товарного зерна⁹.

Мировую войну и революцию Сибирское казачье войско, впрочем, как и вся Россия, встретило с ослабленными внутренними социальными связями. Одни материальные противоречия казачьей жизни: между хозяйственной потребностью и воинской повинностью, между юртовым и офицерским землевладениями и т.д., - толкали сибирского казака к радикальным решениям. Другие: противоречия между казаками, с одной стороны, и разночинцами, крестьянами, казаками, с другой, - выступали как сдерживавшие факторы¹⁰. Такое сложное переплетение разнонаправленных тенденций неизбежно должно было наложить, и наложило, на политическое поведение казачества в период Смуты отпечаток противоречивости и двойственности. Царское правительство своевременно не распутало сложный клубок казачьих и околоказачьих проблем. Революция же разрубила его со всей беспощадностью.

С марта 1917 по январь 1918 г. в Сибирском войске мирно противоборствовали два

основных политических течений: «староказаки» и «новоказаки» («трудовые казаки»). Первые выступали за сохранение казачьего сословия и борьбу с «германо-большевизмом» до победного конца. Вторые были за отказ от сословности, сближение с крестьянством на почве раздела частновладельческих, в том числе офицерских, земель. Они ориентировались на «революционную демократию» (социалистов) и страстно желали мира. Оба течения имели во главе выборные представительные учреждения: «староказаки» - Войсковое правительство (управа и штаб), станичные и поселковые правления, а «трудовые казаки» - Войсковой совет казачьих депутатов строевых частей, комитеты в самих частях. Политический раскол казачества приобрел облик конфликта между «фронтом» и «тылом», «детьми» и «отцами». На одной стороне были «фронтвики», «молодежь», станичная «голытьба», на другой - офицерство, интеллигенция, «старики» в станицах. Конфликт внутри войскового сословия постоянно форсировался внешними силами, особенно большевиками после захвата ими власти в столицах и в Омске.

26 января 1918 г. (ст. ст.) Совказдеп арестовал Войсковое правительство и приступил к проведению в войске революционных преобразований. Фронтвики, довольные демобилизацией армии и возвращением домой, разъехались по станицам и сгладили то впечатление, которое вызвал у населения насильственный переворот. Политическому течению «трудовое казачество» с помощью фронтвиков удалось получить поддержку большинства депутатов на 3-м войсковом круге (III-IV.1918). После круга избранный на нем Совказдеп приступил к проведению внутривойсковой бессословной социализации земель (отмена частной собственности на землю, уравнительный передел всех категорий земель между всем населением войска и т.д.). Но весной, с началом полевых работ, учащаются земельные конфликты. Претензии разночинцев, крестьян и казахов на станичные юрты раздражают казаков. К тому же в мае 1918 г. большевики начинают вводить продовольственную диктатуру. Сибирские казаки отворачиваются от советской власти. Социальная база Совказдепа резко сужается. Однако вооруженное выступление на территории войска было ускорено восстанием Чехословацкого корпуса.

В конце мая - начале июня 1918 г. (н. ст.) Сибирское казачье войско включилось в полномасштабную Гражданскую войну и вплоть до конца 1919 г. принимало в ней активнейшее участие. Но антисоветскому восстанию, положившему начало открытой вооруженной борьбе, предшествовало почти полгода подпольной работы «староказаков» и части офицерства.

В Петропавловском уезде «ядро тайной организации по свержению советской власти» возникло в январе 1918 г. Образовалось оно при Петропавловском станичном правлении. Входили в него казаки Петропавловской и ближайших станиц, а также казачьи офицеры¹¹. Вскоре фактическим руководителем организации стал командующий Отдельной Сибирской казачьей бригады полковник П.П. Иванов, занимавшийся в Петропавловске расформированием своей бригады, которую привел в войско с Кавказского фронта. Иванов «во имя оказания дружного отпора вредным новшествам» сумел сплотить вокруг себя многочисленных «домовитых казаков-хозяев» богатой Петропавловской станицы, парализовал этим влияние молодежи и «голытьбы» и поставил станицу в почти независимое положение от советских властей города¹².

29 марта 1918 г. в Омск нелегально прибыла делегация Добровольческой армии, направленная в Сибирь генералом А.Г. Корниловым¹³, который по происхождению, как известно, был потомственным сибирским казаком¹⁴. В делегацию входили генерал от инфантерии В.Е. Флут и подполковник В.А. Глухарев. Целью ее было создание подпольной ячейки Добровольческой армии в Омском регионе. Для этого предстояло объединить под единым началом все местные военные и политические организации, которые признают «Программу генерала А.Г. Корнилова». Но для руководства такой организацией требовался авторитетный человек, обладающий рядом необходимых качеств. Делегации рекомендовали полковника П.П. Иванова «как лицо, пользующееся большим влиянием среди казачества и имеющее обширный административный опыт». В середине апреля Флут съездил в Петропавловск, познакомился с Ивановым и нашел его кандидатуру подходящей. Комбриг же Отдельной Сибирской казачьей дал согласие возглавить Омский военный подотдел Добровольческой армии¹⁵. В 20-х числах апреля, соединив и реорганизовав белое подполье Омска и Петропавловска, миссия генерала Флута убыла далее на восток: в Томск. А полковник Иванов (подпольная кличка - Ринов) к началу лета объединил под своим началом белые тайные организации «всей Степной Сибири»¹⁶, т.е. Акмолинской и Семипалатинской областей.

Преемником Иванова-Ринова по руководству Петропавловской организацией стал войсковой старшина В.И. Волков, бывший командир 7-го Сибирского казачьего полка, один из храбрейших офицеров Сибирского войска, заслуживший в мировую войну орден Святого

Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие¹⁷. Одним из его ближайших помощников по руководству подпольем являлся купец Нагаткин¹⁸.

Данные о численности белого подполья Петропавловска сильно разнятся. По сведениям первого историографа Степного корпуса Сибирской армии поручика Б.Б. Филимонова, тайная организация Волкова насчитывала 60-70 человек, главным образом казачьих и пехотных офицеров¹⁹. Советский историк В.Д. Вегман, ссылавшийся на опрошенных им бывших белых подпольщиков-анонимов, полагал, что у Волкова к концу мая был «довольно сильный отряд» в 300 «бойцов», подчинявшийся непосредственно Омскому военному штабу Иванова-Ринова²⁰. Возможно, первая цифра отражает реальный масштаб организации, а вторая - количество людей, на которых белые подпольщики рассчитывали, надеясь поставить их под ружье в первый же день восстания. В частности, рядовые казаки Петропавловской станицы в большинстве своем, несомненно, не входили в круг белых подпольщиков. Однако, будучи настроены антисоветски, они по первому призыву поднялись на восстание и вместе с офицерами участвовали в бою.

Несмотря на размах подпольной работы волковцев, местные власти, имевшие органы для борьбы с контрреволюцией (например, «Петропавловский карательный отряд»²¹), так и не смогли раскрыть и ликвидировать организацию Волкова.

Большое значение в агитационно-пропагандистской подготовке переворота сыграл полулегальный «Союз православных братчиков и сестриц» («Братство»), одним из инициаторов создания которого в Петропавловске стал бывший полковой священник 8-го Сибирского казачьего полка о. А.А. Русецкий (1871 - ?), сын дьякона, выпускник Минской духовной семинарии. Он провел с сибирскими казаками на позициях более двух с половиной лет, имел награды, в том числе боевой орден Св. Анны 3 степени с мечами. Официально Союз являлся лишь просветительским и благотворительным обществом. Его представители звали народ к братскому единению, создавали местные ячейки «Братства», собирали пожертвования, направлявшиеся на помощь «Союзу увечных воинов», приюту, беженцам, заключенным тюрьмы. Русецкий лично открыл 83 отдела «Братства», собрал на благотворительные цели 23 тыс. руб. Но, помимо этого, организация была глубоко оппозиционна советской власти и вела подрывную работу. Тот же о. Русецкий в качестве проповедника «совершает с опасностью для своей жизни миссионерские поездки по [Омской] епархии, силою своего мощного слова бичует большевизм». По оценке современника, этот священник сумел поднять воинский дух казаков. При белых, в конце 1918 г., А.А. Русецкий был назначен Главным священником Сибирской армии, а после поражения А.В. Колчака эмигрировал в Китай²².

Для моральной подготовки населения к свержению советской власти была использована и трибуна уездного учительского съезда, начавшего свою работу в Петропавловске 15 мая и закрывшегося накануне переворота. На съезде резко критиковал коммунистов заведующий высшим начальным училищем станицы Новорыбинской И.И. Сиротенко²³.

Дальнейшие события тесно связаны с историей Чехословацкого корпуса. Корпус был создан в России из эмигрантов и военнопленных Австро-венгерской армии. После Брестского мира и выхода Советской России из мировой войны было достигнуто соглашение о вывозе корпуса через Владивосток в Европу для продолжения войны с «австро-германцами». Однако коммунисты нарушили соглашение. Они попытались остановить и полностью разоружить чехов, эшелоны которых растянулись от Поволжья до Приморья. Это привело сначала к столкновениям, а затем и к общему восстанию Чехословацкого корпуса, которое было поддержано выступлениями местных белых и эсеровских подпольных организаций.

Активную роль в свержении советской власти в Степной Сибири сыграли интеллигентная молодежь, в составе тайных военных организаций, и станичные дружины Сибирского казачьего войска. Перевороты в Петропавловске, Акмолинске, Павлодаре, Омске и Усть-Каменогорске сопровождались вооруженными стычками, перестрелками, боями, кровопролитием.

Утром 25 мая на станции Куломзино перед Омском коммунисты попытались разоружить один из эшелонов 6-го чешско-словацкого стрелкового Ганацкогo полка. Эшелон под началом поручика Дзихо отошел на запад, к станции Марьяновка, где в тот же день произошел кровопролитный бой. Красный отряд Успенского в 300 штыков был разбит наголову, потеряв 70 человек убитыми, 160 пленными. У чехов погибло 22 легионера. Так образовался «Западно-Омский фронт», на котором, впрочем, с 27 мая было установлено перемирие. Обе стороны собирались с силами²⁴.

На станции Петропавловск в это время стояли два эшелона Чехословацкого корпуса. В них следовали на восток 3-я ударная рота, 2-я рота 3-го чешско-словацкого полка²⁵, а также французская военная миссия, состоявшая при корпусе. Получив сообщение о собы-

тиях под Омском, Петропавловский совдеп объявил город на осадном положении, мобилизовал все силы. По линии железной дороги в обе стороны было послано по одному вагону с паровозом с рабочими для разбора путей на случай дальнейших самочинных действий чехословаков. Чехи со станции прислали делегацию (1 офицер, 6 солдат) и просили не принимать против них репрессивных мер до выяснения обстоятельств вооруженных конфликтов, случившихся под Омском и в Челябинске. Совдеп пошел им навстречу. Чехи станцию пока не занимали, но начали вести себя вызывающе. В частности, самочинно заходили на телеграф, требовали прямого провода и силой заставляли телеграфистов обслуживать их переговоры с Челябинском и Исилюкулем, уже занятыми другими чехословацкими эшелонами. Совдеп потребовал оставлять ленты переговоров на телеграфе, но чехи проигнорировали. Красногвардейские патрули смогли отобрать у них лишь одну ленту: с чешской оперативной сводкой из Челябинска. 28 мая в Петропавловске случился первый инцидент. Патруль чехов бросил бомбу в здание штаба красной гвардии. Правда, от взрыва никто не пострадал, т.к. штаб был уже перенесен в менее опасное место: на Консервный завод, - поближе к своим рабочим-красногвардейцам²⁶.

Французская миссия во главе с майором Гинэ, бывшая при чешских эшелонах, остановившихся у Петропавловска, пожелала принять участие в мирных переговорах между чехами и западносибирскими коммунистами. 30 мая она прибыла в Петропавловский совдеп и просила отправить ее в Омск для переговоров о разоружении эшелонов и о дальнейшем продвижении их на восток. Миссия была отправлена на автомобиле через г. Ишим. Французы благополучно добрались до Омска и 1 июня включились в переговорный процесс. При отъезде из Петропавловска миссия заверила, что остающиеся чехи без ее ведома никаких военных действий предпринимать не будут. Это успокоило местных советских руководителей. Рассчитывая на мирный исход, они распустили часть вооруженных ранее рабочих по заводам для возобновления работ. Под ружьем остался только гарнизон (более 300 красноармейцев²⁷) да дежурившие при пулеметах красногвардейцы²⁸. Однако к отъезду французской миссии в Омск чехи уже окончательно склонились к тому, чтобы пробивать себе путь на восток силой оружия и при поддержке антисоветского подполья. Штабс-капитан Жак, взявший на себя командование чешскими эшелонами, стоявшими у Петропавловска²⁹, договорился с В.И. Волковым о совместном восстании.

Переворот в Петропавловске произошел в ночь на 31 мая 1918 г. Чехословаки и подпольщики выступили одновременно: в 1 час ночи. Чехи, заняв без выстрела станцию, неожиданно повели наступление на Консервный завод, где находился штаб красной гвардии и главные военные силы коммунистов. Они овладели заводом после полуторачасового боя, взяв 8 советских пулеметов, винтовки, пленных. Военная организация войскового старшины В.И. Волкова, сосредоточившись тайно в станице Петропавловской (подгорная часть города) и выступив по сигналу боевой казачьей трубы, повела наступление на нагорную часть Петропавловска. Подступы к совдепу со стороны станицы прикрывал дежурный взвод красноармейцев с пулеметом и ручными гранатами. Он оказал сопротивление. После двадцатиминутной перестрелки офицеры и казаки опрокинули взвод: частью уничтожили, частью пленили. Советские патрули ружейным огнем пытались замедлить продвижение волковцев, но не смогли. Повстанцы окружили совдеп. До его здания оставалось шагов триста. Красные отстреливались из пулеметов, а когда восставшие стали стягивать кольцо, пустили в ход ручные гранаты. Но и подобравшиеся белые, в свою очередь, начали метать гранаты в ограду совета. Оборонявшиеся были сломлены и, судя по всему, сдались. Из членов уездного исполкома не попали в плен только двое, благодаря темноте им удалось бежать в Ишим. В руках чехов и волковцев оказался весь Петропавловск. Победители, не откладывая дела в долгий ящик, выпороли членов совдепа и некоторых красноармейцев нагайками³⁰. А 22 венгров-интернационалистов, плененных в здании совдепа, увели за город и расстреляли³¹. Восставшие потеряли убитыми четверых: одного казачьего офицера и троих стрелков-чехов³². Данных о раненых, как и о потерях советской стороны, нет. В вооруженном выступлении приняла какое-то участие и нелегальная эсеровская дружина. Часть командного состава советского гарнизона, из офицеров «старой» армии, изменила коммунистам и перешла на сторону повстанцев³³.

В.И. Волков объявил себя начальником Петропавловского военного района и немедленно сформировал районный штаб: начштаба - войсковой старшина П.И. Блохин, начальник мобилизационного отдела - штабс-ротмистр Ф.И. Поротиков, комендант города - полковник Панкратов³⁴. Штаб сразу же начал рассылать по Петропавловскому уезду людей для агитации и организации казачьих дружин. Так, 31 мая из города на автомобиле по станицам Пресновской линии, на запад, был отправлен уже упоминавшийся заведующий высшим начальным училищем станицы Новорыбинской И.И. Сиротенко. В конечном итоге, он

установил связь с оренбургскими казаками станицы Звериноголовской. А затем Волков послал его поднимать настроение станичников в Кокчетавский уезд³⁵.

В г. Кокчетав Волков направил небольшой отряд на двух грузовиках с пулеметом. Отряд прибыл в Кокчетав утром 2 июня. Накануне сход станицы Кокчетавской решил ликвидировать советскую власть в городе, но дальше слов не пошел. Петропавловские повстанцы помогли кокчетавцам разоружить красную гвардию и мобилизовали местных офицеров, из которых составили дружину под началом есаула Н.А. Асанова³⁶.

Деятельность Петропавловского штаба, его отрядов и агитаторов имела исключительное значение для огромного района. И.И. Сиротенко даже называл станицу Петропавловскую Нижним Новгородом «Второго смутного времени», В.И. Волкова сравнивал с князем Пожарским Смуты начала XVII в., а себя во время выступлений на казачьих сходах, по «скромному» признанию, невольно чувствовал Мининым³⁷...

Один из поэтов, печатавшихся в петропавловской газете «Приишимье», так описал переворот в крае:

«Было много слухов, было много толков,
Но вопрос на деле оказался прост:
Не успел проехать с казаками Волков,
Как вся свора мигом вновь поджала хвост.
Не слышать собачьих большевистских лаев,
Как рукою сняло вихрь мятежных бурь, -
Волкова сподвижник, славный Катанаев,
Из голов дурацких сразу выбил дурь.
Шлю привет героям и пред всеми Вами
С твердой верой в сердце я сказать берусь:
- С этими орлами, с этими штыками
Возродится скоро боевая Русь!»³⁸

В ряде мест края переворот произошел под влиянием одной информации о петропавловских событиях. Так, в Атбасар В.И. Волков послал краткую телеграмму: «Граждане Атбасара! Власть насильников пала. Прошу организовать земскую управу». Атбасарский станичный атаман М. Волосников сразу же откликнулся на призыв и поднял своих станичников. Казаки окружили казарму и разоружили красную гвардию без боя. Военным комендантом г. Атбасара стал полковник А.И. Белов. Для поимки разбежавшихся по уезду советских деятелей было снаряжено два отряда: автомобильный (50 чел.) и конный (30 казаков)³⁹. В Акмолинске восставшие офицеры и казаки во главе с прапорщиком Кучковским встретили сопротивление, но смогли быстро сломить красных⁴⁰.

Ишимская подпольная организация Колыбина (около 30 человек), узнав о событиях в Петропавловске и предполагая наступление оттуда повстанцев, решила взорвать мост через р. Карасуль, чтобы отрезать коммунистам путь отхода из города по железной дороге. Однако местная ЧК случайно открыла организацию и предотвратила диверсию. Было арестовано 11 подпольщиков, остальные бежали из Ишима на Петропавловск⁴¹.

На юге Ишимского уезда, несомненно, действовали отряды и агитаторы Петропавловского военного штаба. Однако немедленно наступать на сам город Ишим войсковой старшина Волков не стал. Красные по железной дороге легко могли перебросить в Ишим сильные подкрепления из Омска или Тюмени. Наступать на Ишим означало в ближайшие же дни втянуться в боевые действия. Но только что вышедшая из подполья организация серьезной военной силы из себя пока не представляла. На сколачивание строевых, по-настоящему боеспособных частей, требовалось некоторое время и более-менее спокойная обстановка. Военно-организационная и мобилизационная работа Петропавловского районного штаба началась сразу после захвата власти в городе.

Штаб объявил о мобилизации в Сибирскую армию офицеров, юнкеров, военных чиновников и врачей и о наборе в нее добровольцев из других категорий граждан. В первых числах июня в Петропавловске из явившихся на сборные пункты были сформированы Отдельная инструкторская рота капитана Васильева (до 60 офицеров) и добровольческая рота, главным образом из учащихся (реалистов и гимназистов), также начали формироваться казачья конная сотня, в которую вступило до 40 казаков, и добровольческая киргизская рота⁴². Чтобы не отвлекать формирующиеся добровольческие части на охранную службу, В.И. Волков попытался переложить ее на горожан. По его просьбе городская дума 2 июня вынесла постановление, которым обязало все мужское население города являться в районный военный штаб для временного несения воинской службы по охране города и уезда. Возраст, сроки явки и условия временной службы устанавливались особыми приказами начальника Петропавловского военного района⁴³.

Очень важным был вопрос о создании новой гражданской власти. Войсковой старшина Волков попытался сделать ставку на дофевральскую, цензовую, городскую думу. Он приказал бывшему петропавловскому городскому голове Черемисину организовать временное городское самоуправление «из людей опыта и знания», а не политиков-говорунгов 1917 года. Созыв избранного в 1917 г. уездного земского собрания, на котором настаивали местные эсеры, Волков первоначально запретил, считая этот орган недееспособным и политически вредным. 2 июня Черемисин собрал частное совещание, которое постановило возобновить работу разогнанной большевиками городской, послефевральской, думы, исключив из нее левых социалистов и заполнив освободившиеся места гласными дофевральской думы, общественными деятелями и представителями казачества. Пополненная цензовыми элементами и казаками Петропавловская городская дума заявила о возобновлении своей работы.

В тот же день, 2 июня 1918 г., на Соборной площади Петропавловска прошел митинг в поддержку созыва Сибирского Учредительного собрания. Затем собравшиеся отправились на вокзал: к эшелонам чехословаков. Здесь с приветствиями выступили представители от различных общественных организаций и групп населения: от местной организации партии эсеров, Союза увечных воинов, народных учителей, казачества, крестьянства, поляков и т.д. В ответ представитель чехословаков призвал манифестантов к единению и восстановлению противогерманского фронта.

Усиление роли цензовых элементов вызвало недовольство социалистов-революционеров. Уполномоченный Западно-Сибирского комиссариата «Временного правительства автономной Сибири» эсер М.М. Чекушин (Шаньгин) заявил протест и, не имея собственной реальной силы, обратился за помощью к чехам. Те оказали давление на штаб В.И. Волкова. Почти непрерывные заседания городской думы, посвященные ее конструированию, персональному составу и распределению ролей, шли в течение нескольких дней. Русским военным властям и цензовикам пришлось пойти на уступки: в думу вошли не только многие гласные избрания 1917 г., но и представители рабочих профсоюзов.

Втягивания иностранцев во внутренние русские дела, да еще в интересах социалистов, Волков простить не мог. Он отказался признавать полномочия Чекушина-Шаньгина и выразил сомнение в правомочности «Правительства автономной Сибири». Войсковой старшина надеялся, что власть в Сибири возьмет формирующееся на КВЖД правое правительство генерала Д.А. Хорвата. По-видимому, за Чекушиным установили слежку и вели перлюстрацию его корреспонденции. Эсеровский комиссар послал в Омск, в подпольный военный штаб, шифрованный доклад, в котором критиковал политику Волкова. Но волковцы перехватили доклад. Когда стало известно о падении советской власти в Омске, Чекушин решил отправиться туда лично. Возможно, именно это намерение стоило ему жизни. При невыясненных обстоятельствах эсер был убит. Расследование или не проводилось, или ничего не дало. Не исключено, что Чекушин-Шаньгин открыл собой список социалистов-антибольшевиков Сибири, физически устраненных офицерами-монархистами⁴⁴.

Социалисты и профсоюзы получили в Петропавловской городской думе влияние большее, чем хотелось русским военным. Однако войсковой старшина Волков держал местную гражданскую власть под жестким контролем. Более того, в города Кокчетав, Атбасар, Акмолинск, очищенные от коммунистов, он назначил из числа офицеров «главных начальников уездов» и прямо подчинил им председателей восстановленных городских дум. Таким образом, В.И. Волков утвердил в крае преобладающее значение военной власти над гражданской.

6 июня 1918 г. под станцией Марьяновка чехословаки и партизаны есаула Б.В. Анненкова разгромили войска Западного Омского фронта. Этот 2-й Марьяновский бой решил судьбу советского Омска. Анненковцы и казаки дружины бросились от Марьяновки к станциям Любино и Называевка, чтобы перерезать железнодорожную линию Омск - Тюмень. 7 июня коммунисты оставили Омск, эвакуировавшись на пароходах вниз по Иртышу. На заключительной стадии красной эвакуации подняла восстание тайная военная организация Иванова-Ринова. Штаб подпольщиков обосновался в «Доме Свободы» (бывший дворец генерал-губернатора)⁴⁵. В приказе № 1 по Омскому гарнизону полковник П.П. Иванов-Ринов заявил: «Временным Сибирским правительством я назначен командиром Степного корпуса. Вся полнота власти с сего числа принадлежит мне и уполномоченному Временного Сибирского правительства А.А. Кузнецову впредь до передачи власти земским и городским общественным управлениям». Приказом № 2 от 7 июня Иванов-Ринов создал штаб Степного корпуса⁴⁶, который сразу же приступил к формированию боевых отрядов.

В течение восемнадцати дней, с 25 мая по 11 июня 1918 г., совместными усилиями тайных военных организаций, частей Чехословацкого корпуса, партизанских отрядов и казачьих дружин вся территория Сибирского казачьего войска была очищена от советских войск. Переворот произошел сравнительно легко. Об этом говорят, например, потери

станичных дружин 2-го военного отдела Сибирского войска (Омский уезд и восточная половина Петропавловского уезда). По данным управления 2-го отдела, в ходе восстания в нем было убито 5 казачьих офицеров и 8 казаков. Правда, в эти данные не включены потери партизанских отрядов, командиры которых не подали сведений⁴⁷.

Расширение петропавловского очага восстания и особенно падение красного Омска поставили ишимских коммунистов в критическое положение. Обнаружение разведки неприятеля в 80 км от города повергло их в панику. В ночь на 8 июня они без боя оставили Ишим и направились железной дорогой на Ялуторовск. Коммунисты вывезли из города свои семьи, вооружение, часть материальных ценностей. Семьи и имущество были эвакуированы в Тюмень, а отряд ишимских красногвардейцев под командой Карякина (более 200 штыков) остался в Ялуторовске и принял участие в боях⁴⁸. Ишим занял отряд повстанцев, пришедший из Петропавловска. Вместе с ним вернулись в город и местные подпольщики, менее недели до того бежавшие от ишимских чекистов. В Ишиме началось формирование Отдельной Ишимской офицерской роты, в которую сразу же записалось до 30 добровольцев, а также воссоздание дооктябрьского городского самоуправления⁴⁹.

Руководители белоказачьих военных организаций, еще работая в подполье, планировали в случае успеха восстания сразу же приступить к сбору первоочередных частей Сибирского казачьего войска. Как кадровые офицеры они прекрасно понимали, что без воссоздания настоящей, регулярной армии, одними только малочисленными добровольцами и не очень стойкими дружинниками, с коммунистами не справиться. Свергнув советскую власть в Петропавловском, Кокчетавском, Атбасарском и Акмолинском уездах, войсковой старшина В.И. Волков переименовал себя в «начальника Акмолинского района», т.е., фактически всей освобожденной к тому моменту от большевиков части Акмолинской (Омской) области. Волков приказал назначенным им главным начальникам уездов срочно мобилизовать, во-первых, всех офицеров⁵⁰, во-вторых, молодых казаков нарядов (призывов) 1918, 1917, 1916 годов и сформировать из них конные сотни штатного состава⁵¹. В частности, в 1-м военном отделе Сибирского войска (Кокчетавский, Атбасарский, Акмолинский уезды и западная половина Петропавловского уезда) приказано было сформировать четыре сотни в Кокчетаве и две - в станице Пресновской⁵². Непосредственное руководство этой работой осуществлял начальник мобилизационного отдела штаба Волкова штабс-ротмистр Ф.И. Поротиков, казак Боголюбовской станицы Петропавловского уезда⁵³. К 12 июня призванные Кокчетавского уезда уже собрались, за исключением казаков Нижне-Бурлукской и Арык-Балыкской станиц, которые ожидалось со дня на день. Предполагалось кокчетавских казаков слить в один, четырехсотенный, полк, а две пресновские сотни влить в другую часть⁵⁴.

После переворота с 8 по 11 июня 1918 г. в Омске работала конференция восставшего казачества. На ней съехались представители 35 ближайших к Омску станиц. Конференция постановила быстрее созвать 4-й Чрезвычайный большой войсковой круг и образовала временные органы управления войском. Всю полноту власти в войске делегаты станиц передали Временному Войсковому правительству, составленному из членов старого Войскового правительства, избранного 2-м большим кругом (IX.1917) и свергнутого Советом казачьих депутатов (I.1918), а также из шести выборных от самой конференции. Председателем нового правительства был избран войсковой старшина Г.И. Иванов, а временно исполняющим должность войскового атамана - генерал-майор И.С. Ефтин⁵⁵.

Для борьбы с большевиками казачья конференция постановила призвать на действительную военную службу четыре наряда: 1918, 1917, 1916, 1915 годов, - и сформировать из них три первоочередных, отдельных, полка (по 6 сотен) и один конноартиллерийский дивизион (три батареи по 2 орудия). Чтобы вооружить строевые части, предполагалось собрать хотя бы часть винтовок, привезенных казаками с Германского и Кавказского фронтов, а также изыскать другие источники. Принятое конференцией «Положение о службе» предусматривало сохранение прежних воинских чинов и званий, введение в частях строгой воинской дисциплины. Однако вне службы все военнослужащие: и офицеры, и рядовые казаки, - признавались равноправными гражданами. Вне строя разрешалось даже носить штатскую одежду⁵⁶.

После 12 июня выбранные омской казачьей конференцией войсковые власти взяли руководство мобилизацией и вообще всей военно-организационной работой в Сибирском войске на себя. Был установлен «единый источник распоряжений призыва казаков»: Войсковой штаб в Омске. Он стал действовать через управления атаманов военных отделов, т.е. по традиционной для казачьего управления схеме. Мобилизация казаков проводилась теперь не по уездам, как приказал ранее начальник Акмолинского района войсковой старшина В.И. Волков, а по военным отделам, и на местах руководили ею уже не главные начальники уездов, а отдельные атаманы. В Кокчетав атаманом 1-го отдела был направлен из Омска

полковник Е.Н. Осипов⁵⁷. Атаманом 2-го отдела был назначен войсковой старшина М.Д. Жуков⁵⁸.

Одной из наиболее важных проблем, вставших в начале 10-х чисел июня 1918 г. перед войсковым начальством, был вопрос: призывать на службу наряд 1915 года или нет? Естественно, глубоко волновал он и станичников. В.И. Волков приступил в своем повстанческом районе к мобилизации только трех нарядов: 1918, 1917 и 1916 гг. А омская казачья конференция постановила призвать и наряд 1915 г., т.е. она восстанавливала существовавшую до революции четырехлетнюю действительную военную службу. Но из четырех призывавшихся конференцией молодых возрастов наряд 1915 г., несомненно, был самым беспокойным. Казаки этого года призыва прослужили около 2,5 лет и значительную часть этого времени провели на фронте. В 1917 г. в казачьей среде, в том числе на войсковых кругах, широко обсуждался вопрос о сокращении срока действительной службы. Обычно называвшийся срок - два года - прочно врезался в общественное сознание. И казаки наряда 1915 г. полагали, что они свой долг стране и государству отдали: реальный срок выслужили. Офицеры, хорошо знавшие психологию и настроение нижних чинов, понимали, что «15-й наряд» лучше пока не трогать. Тем более, возможность для этого была.

Наряды 1918, 1917 и 1916 гг. были многочисленны и почти не понесли потерь на мировой войне. В 1-м отделе, например, сразу стало ясно, что укомплектовать штаты 1-го Сибирского казачьего полка можно одними этими тремя нарядами, и еще останется излишек в 100-200 человек⁵⁹. После рассмотрения вопроса Войсковой штаб разрешил атаману отделов освободить от призыва наряд 1915 г., но только если тремя младшими годами можно полностью укомплектовать штаты отдельского полка⁶⁰. Фактически, в изменение постановления казачьей конференции, «15-й наряд» от мобилизации был освобожден⁶¹.

По всему Сибирскому войску призыв трех нарядов начался 14 июня, а днем формирования первоочередных полков было установлено 23 июня⁶². Штаб Степного корпуса принял решение временно свести все первоочередные части Сибирского казачьего войска: три полка и один артдивизион - в отдельную конную дивизию (18 сотен, 3 батареи). Временно исполняющим должность начальника дивизии стал полковник А.И. Белов, начальником штаба - подьесаул А.Н. Федоров, дивизионным интендантом - войсковой старшина А.Ф. Васильев⁶³. Управление дивизии, дивизионные команды (связи и конно-саперная), а также Сибирский казачий конноартиллерийский дивизион должны были формироваться в Омске. Четыре сотни 1-го Сибирского казачьего полка, его штаб и полковые команды (пулеметная и команда связи) формировались в Кокчетаве, а две сотни - в станице Пресновской. 4 сотни 2-го полка, штаб и команды формировались в Петропавловске, а 2 сотни - в Омске. Места дислокации полков были выбраны с военным расчетом. Например, Петропавловск одновременно был близок и к густозаселенным приишимским станицам, и к Тюменскому фронту, на который и отправился враскоряку 2-й полк.

Однако на формирование казачьих первоочередных частей требовалось время, а война не ждала. Мобилизованных, даже казаков Петропавловского и Кокчетавского уездов, собранных согласно приказу В.И. Волкова несколько ранее, уже к 12 июня, предстояло еще вооружить огнестрельным оружием, доснарядить, сколотить в подразделения. Поэтому новая власть в ведении боевых действий пока могла рассчитывать главным образом на офицерство и добровольцев. За прошедшие полмесяца добровольческие части более-менее организовались, снарядились и увеличились численно. Так, в Петропавловске к 17 июня инструкторская (офицерская) и добровольческая роты и казачья конная сотня⁶⁴ выросли до 150 человек в каждой, сформированная там же пешая пулеметная команда насчитывала 18 человек. Более чем в два раза возросла офицерская рота в Ишиме⁶⁵.

Остатки советских войск Томска, Омска и Тобольска стягивались к Тюмени, где был создан Военно-революционный штаб Западной Сибири. Штаб лихорадочно собирал силы. Восточнее станции Голышманово нарождался еще один фронт русской гражданской войны.

18 июня командующий Западно-Сибирской армией приказал Степному корпусу «в кратчайший срок очистить территорию Западной Сибири к западу и северо-западу от Омска и обеспечить Западную Сибирь от вторжения неприятельских войск занятием проходов через Уральские горы»⁶⁶. Корпусу предстояло овладеть красной Тюменью. 19 июня комкор П.П. Иванов-Ринов отдал оперативный приказ № 1 о сосредоточении ударной группировки и о переходе ее в наступление на Ялуторовск. Местом сосредоточения был избран г. Ишим. К вечеру 24 июня здесь должны были собраться следующие части: 1-й и 3-й Степные стрелковые полки, сотни 2-го Сибирского и Сводного казачьих полков, две роты из Петропавловска, Ишимская рота, две артбатареи. 23 июня командиром этого «Ишимского отряда» был назначен начальник 1-й Степной дивизии полковник Г.А. Вержбицкий⁶⁷, кадровый офицер 44-го Сибирского стрелкового полка, выпускник Одесского пехотного юнкерского училища.

За плечами Григория Афанасьевича Вержбицкого были Японская кампания, военная экспедиция в Китай (1913), наконец, мировая война. Последнюю он закончил комбригом, причем имел опыт командования в маневренных операциях, сборными отрядами из пехоты, кавалерии и артиллерии. С Германского фронта вернулся в Сибирь, имея много боевых наград, в том числе орден Св. Георгия 4-й ст., Георгиевское оружие, а также солдатский Георгиевский крест 4-й ст. с пальмовой ветвью. Такими Георгиевскими крестами в 1917 г. офицеры награждались только за личную храбрость в боях и только по решению солдатских собраний. Вержбицкий участвовал в антисоветском перевороте в Усть-Каменогорске. Оттуда его вызвали в Омск и назначили начальником 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии. Для зарождавшейся Сибирской армии он был драгоценной находкой. В Омск Вержбицкий прибыл 20 июня, а уже на следующий день с отрядом в 348 человек отправился в Ишим⁶⁸.

В Ишиме части отряда Г.А. Вержбицкого доформировывались. Например, 1-й Степной Сибирский стрелковый полк капитана В.Э. Жилинского, формирование которого началось в Омске, прибыл в Ишим, имея в четырех своих ротах более 200 штыков. Здесь в него влили Ишимскую офицерскую роту. Полк простоял в городе три дня, а затем был двинут к Гольшманово.

А.И. Митропольский, тогда поручик, командир отделения в 4-й роте 1-го Степного полка, вспоминал о своей части: «Не полк, а полчок, не полчок даже - батальонишка! ...а духом, готовностью драться, волею к победе - крепко сбитая, отличная героическая часть. Рядовыми бойцами офицеры, крепкорукие, прицелистые сибирские прапорщики, пылающая энтузиазмом молодежь: студенты, гимназисты, кадеты... Мы были захвачены восторгом переворота, кутерьмой формирования; мы, уже отдохнувшие от войны, вновь хотели возбуждающего свиста пуль, визга и тьякванья шрапнелей, той очаровательной обстановки походов и боев, когда все в жизни становится просто и ясно... ...мы верили в то, что мы, офицеры-фронтовики и интеллигентная молодежь-энтузиасты, - первыми выстрелами разгоним ту красную сволочь, что хочет бороться с нами... Ишим. Квартира в школе. Душистое сено на полу, сытные харчи, сибирские калачи. Иногда, к борщу, полстакана спиртяги, солдатской радости...»⁶⁹

Мобилизованные казаки собирались достаточно быстро. Однако формирование первоочередных казачьих частей встретило значительные сложности. Согласно традиции и многолетней практике, казак являлся на призывной пункт со строевым конем, седлом, шашкой, обмундированием и снаряжением. За это он получал денежное пособие от казны. Но на этот раз исправно снаряженных казаков явилось мало. Подчас отсутствовали самые необходимые предметы, и взять их было просто негде. Помощник войскового атамана по военной части полковник Е.С. Сергеев телеграфировал в управления отделов: «При приеме обмундирования, снаряжения не требуется однообразия, безупречной чистоты, лишь бы проносили месяца два, далее будет выдано казенное». Сергеев разрешил также не требовать у призванных всего набора предметов. В Войсковом штабе рассудили, коль некоторые вещи купить все равно негде, лучше удерживать соответствующие суммы из пособия, а казакам потом, в полку, выдавать казенное⁷⁰. Недостающее обмундирование, огнестрельное оружие и патроны казачьим сотням, формировавшимся в Кокчетаве, Петропавловске и станице Пресновской, присылали из Омска. На транспортировку требовалось время. Плохо обстояло дело со строевыми лошадьми. Так, на Кокчетавский сборный пункт около половины призванных явились пешими⁷¹. К бесплатным конским реквизициям власти тогда еще не прибегали. Войсковой штаб надеялся доукомплектовать конский состав с помощью закупок у казахов и обратился за содействием в Акмолинский областной и уездные киргизские комитеты⁷².

Но самой главной проблемой был внутренний настрой мобилизованных, нежелание многих казаков воевать. Семьи отрывали их от себя с надрывом, со слезами, с самогоном. Полгода еще не прошло, как фронтовики вернулись в станицы. Люди расслабились, настроились на то, что служить больше не будут. Теперь психологически очень тяжело было снова покидать дом. Тем более, призывали не на парад. Трудно было, только-только вздохнув мирного воздуха и раздобрев душой, вновь идти рисковать жизнью, убивать! Тем более, цели новой войны многим до конца ясны не были. Были и зацепки, чтобы саботировать распоряжения властей. Законен ли призыв, если решение о нем приняла конференция, а не войсковой круг, т.е. только часть, а не все сибирское казачество? Распределенных по подразделениям казаков, взбудораженных призывом и еще не утомившихся, трудно было ввести в рабочую колею и поставить в строгие отношения служебной субординации. Это требовало времени, а также больших усилий, ума и такта со стороны командного состава. Рядовые пытались обсуждать командиров и их распоряжения. Начальство пресекало проявления «комитетчины» 1917 года, но офицеры не всегда верно брали тон, иногда срывались. При

таких настроениях и обстоятельствах мобилизация не могла пройти без сбоев и конфликтов.

Формы протеста мобилизованных варьировались, но не выходили за рамки пассивных. В 1-м отделе сопротивление встретила отправка части призванных в Омск на укомплектование штаба Сибирской казачьей дивизии и казачьего артдивизиона. В 20-х числах июня в Кокчетаве казаки, назначенные к отправке в Омск, выставили условие: пусть власти сначала выplatят им пособие за коней и снаряжение. В станице Пресновской казаки, предназначенные в штаб дивизии и артдивизион, в большинстве вообще отказались следовать в Омск⁷³. Наверное, мобилизованные замитинговали, споря законен призыв или нет. Под шумок некоторые недовольные ушли с Пресновского сборного пункта по домам.

Дезертирство и неисполнение приказов были самыми серьезными, и опасными, актами неповиновения. Самый масштабный конфликт между мобилизованными и командным составом случился в Петропавловском сборном пункте в начале 20-х чисел июня. Там, еще по приказу войскового старшины В.И. Волкова, началось спешное формирование четырехсотенного дивизиона 2-го Сибирского казачьего полка. К 17 июня в этом дивизионе числилось уже 33 офицера и 572 казака⁷⁴. Но когда поступил приказ командира Степного корпуса о передислокации дивизиона в г. Ишим, к фронту, значительная часть казаков вышла из повиновения и разошлась по станицам. Вероятно, с этим связан тот факт, что к началу июля на Тюменский фронт прибыли только три сотни 2-го Сибирского казачьего полка, а не все шесть. То же самое случилось и с дивизионом Сводного казачьего полка, направленным из Омска в Ишим. По пути к месту назначения из 370 казаков дивизиона разошлись по домам 230 человек⁷⁵.

Карать дезертиров по законам военного времени Войсковой штаб не мог. Не таково было состояние общественного мнения, и слишком массовым был антивоенный протест. Тем более, под ним имелись нравственные и формально-правовые основания. Необходимость гражданской войны, братоубийства, еще не укладывалась в сознание большинства народа. А на службу призывал не Император, не Всероссийское правительство, даже не войсковой круг, а всего лишь конференция представителей станиц района Омска. Если бы Временное Сибирское правительство казаков, военнотруженное сословие, слой простонародья, наиболее приученный к порядку и дисциплине, заставляло служить себе силой, то что бы оно тогда делало с крестьянами и рабочими? В том то и дело, что казаков надо было не принудить, а убедить. В июне 1918 г. офицерству приходилось более уговаривать. Среди казачьего населения была проведена тогда большая разъяснительная работа. Благо белоказакки смогли опереться на законопослушных станичников старших возрастов.

Временное Войсковое правительство созвало съезд делегатов станиц Петропавловского уезда, относящихся ко 2-му отделу войска. Съезд прошел 28 июня в Петропавловске. Прибыли на него представители 21 станицы. На съезд из Омска приехал исполнявший должность войскового атамана генерал И.С. Ефтин. Съезд прошел в нужном начальству ключе: полностью поддержал Сибирское и Войсковое правительства, осудил беспорядки в первоочередных полках, призвал, не останавливаясь перед применением оружия, пресечь в станицах большевистскую агитацию, а главных виновников, агитировавших не исполнять приказы, судить по всей строгости закона. «Казаков, не исполнивших боевого приказа и ушедших в станицы, - говорилось в постановлениях съезда, - вернуть на сборный пункт, составить из них отдельные команды и не вливать в сотню до тех пор, пока они своим поведением не докажут своей готовности беспрекословно выполнить свой долг перед родиной и подчиняться всем распоряжениям начальников. Не прибывших считать дезертирами»⁷⁶. В том же духе белоказакки провели разъяснительную работу и на Пресновской линии, т.е. в западной половине Петропавловского уезда, что видно из приговоров станичных обществ этого района (Починовского и др.).

Опираясь на решения казачьих районных съездов и сходов, войсковое начальство могло уже применять и репрессии. Например, в станицах Петропавловского уезда: Михайловской, Боголюбовской, Полтавской в начале июля станичные атаманы провели аресты лиц, агитировавших против мобилизации и участия в гражданской войне⁷⁷.

Все точки над *i* в вопросах мобилизации и воинской дисциплины поставил 4-й Чрезвычайный войсковой круг, работавший в Омске с 4 по 18 июля 1918 г. Круг полностью поддержал военно-мобилизационную деятельность Войскового правительства, потребовал немедленного и беспрекословного выполнения распоряжений И.С. Ефтина о призыве молодых казаков. В постановлении круга «О военном управлении войском, о призыве первоочередных полков» говорилось: «Привлечь к ответственности по всей строгости законов военного времени всех, не исполняющих приказы и нарушающих дисциплину, и с особой суровостью карать зачинщиков, подстрекателей и смутьянов»⁷⁸.

В июле 1918 г. белоказаки Сибирского войска окончательно справились с пассивным сопротивлением молодых казаков и водворили в первоочередных частях дисциплину и порядок. Разошедшиеся по домам теперь возвращались на сборные пункты, кто сам, кто в сопровождении своего станичного атамана. Пристыженные старшими одностаничниками, приструненные угрозой применения силы вчерашние ослушники и смутьяны каялись и обещали слушать командиров. Судя по всему, вторично явившихся казаков 2-го полка не стали собирать в особые, по сути исправительные, команды, как предлагал Петропавловский районный съезд. Их сразу же вливали в конные сотни, которые отправлялись на фронт. 18 июля новый войсковой атаман генерал П.П. Иванов-Ринов сообщил 4-му кругу «о снятии с казаков 2-го Сибирского казачьего полка наказания за несоблюдение дисциплины ввиду их раскаяния, подчинения приказанию и боевых отличий»⁷⁹. К 21 июля на Тюменском фронте находился уже весь, или почти весь, 2-й полк.

Приказом Сибирскому войску № 239 от 14 июня 1918 г. были назначены командующие казачьих полков: 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк - есаул А.А. Асанов, 2-й полк - войсковой старшина Н.П. Кубрин, 3-й полк - войсковой старшина П.П. Копейкин. В тот же день, 14 июня, приказом войску № 242, командиром Сибирского казачьего конно-артиллерийского дивизиона был назначен полковник Самсонов. Вскоре, однако, последовали изменения комсостава. Командиром 1-го полка назначили войскового старшину В.И. Волкова⁸⁰, а помощником командира этого полка стал подьесаул А.В. Катанаев. 10 июля В.И. Волков получает новое назначение: командиром бригады Сибирской казачьей дивизии. 1-й полк принял А.В. Катанаев⁸¹.

Упомянутая бригада была выделена внутри Сибирской казачьей дивизии потому что командование планировало использовать части сибирцев на разных фронтах: 3-й полк в Семиречье, а основные силы дивизии - под Тюменью. Управление дивизии оставалось в Омске как координирующий центр. Чтобы иметь под Тюменью сильный конный кулак, подчиненный одной воле, и создали казачью бригаду в составе 1-го, 2-го Сибирских казачьих полков и артдивизиона⁸². Забегая вперед, скажем, обстановка на фронтах заставила расплыть силы бригады Волкова, и целым соединением она так и не стала.

Первым начальником Сибирской казачьей дивизии был назначен полковник А.И. Белов, но ему не удалось предотвратить уход части мобилизованных казаков с призывных пунктов по домам. 22 июня Иванов-Ринов снял Белова с должности и назначил вместо него войскового старшину Н.П. Кубрина⁸³. 2-й полк после Кубрина принял войсковой старшина Н.К. Рагозин. В течение одного дня, до 23 июня, до прибытия в Ишим Вержбицкого, Кубрин считался не только начальником формирующейся казачьей дивизии, но и командующим всем Ишимским отрядом Западно-Сибирской армии.

Николай Павлович Кубрин (1876-1920) - заслуженный боевой командир Сибирского войска, сын войскового старшины. Его путь типичен для большинства кадровых казачьих офицеров: Сибирский кадетский корпус (Омск, 1893), Николаевское кавалерийское училище (СПб., 1895), Китайский поход 1900 г., русско-японская война, служба в Семиречье в 1-м полку. Естественно, награды: боевые и мирного времени. ...И раны: в Маньчжурии японская пуля пробилась подьесаулу Кубрину правую ногу ниже колена. Перед мировой войной он занимал должность помощника атамана 1-го отдела. На Германский фронт попал в качестве командира 1-й сотни 7-го Сибирского казачьего полка. Был контужен в голову. Вернулся с фронта войсковым старшиной, помощником командира 4-го Сибирского казачьего полка, кавалером орденов Св. Анны и Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом⁸⁴. Эти ордена говорили о многом. Владимир 4 степени - очень высокое отличие, дававшееся в мирное время только за 25 лет честной и беспорочной службы в офицерских чинах, а в военное - за два подвига, например, за две конные атаки. Начдивом 1-й Сибирской казачьей Кубрин прошел всю гражданскую войну, заслужив славу, генеральские погоны и... пулю красного палача.

20 июля 1918 г. управляющий военным министерством и командарм генерал А.Н. Гришшин-Алмазов утвердил временные штаты первоочередных частей Сибирского войска, разработанные Войсковым штабом: конный полк с пулеметной командой и командой связи - 37 офицеров, 6 чиновников, 1144 казака (в том числе 954 строевых), 1190 лошадей; двухорудийная конноартиллерийская батарея - 2 офицера, 93 казака (в том числе 83 строевых), 116 лошадей; управление дивизии - 6 офицеров, 2 чиновника, 57 казаков⁸⁵.

В середине июня Войсковой штаб приказал считать формой одежды строевых частей прежнюю походную форму, но без погон⁸⁶. Известно, что многие партизаны есаула Б.В. Анненкова были в это время в погонах⁸⁷. Не исключено, что войсковой старшина В.И. Волков первыми же своими распоряжениями ввел погоны во всех частях «Акмолинского района», на это есть косвенные указания.

К 23 июня первоочередные части формально были созданы. Однако реально к бою казачьи полки еще не были готовы. Часть казаков разошлась по домам. Сказывалась нехватка строевых и обозных лошадей, винтовок, конской упряжи и пр. Призванные только начали получать денежное пособие. Для реального формирования 1-го Сибирского казачьего полка, например, потребовалось еще около десяти дней, в течение которых ермаковцам выдали пособие, огнестрельное оружие, в основном укомплектовали полковой обоз, посадили на коней половину пеших казаков. Это дало основание атаману отдела полковнику Е.Н. Осипову 3 июля доложить в Омск, что 1-й полк сформирован⁸⁸. Но сотням 2-го Сибирского казачьего полка боевая судьба не дала столько времени.

Во всех строевых частях Сибирского войска много еще было безлошадных казаков. Надежды на широкую помощь киргизских комитетов не оправдались. Пришлось Войсковому штабу создавать собственные комиссии для приобретения коней в степных уездах. Комиссиям поставили задачу закупить 1250 годных к строевой службе лошадей.

Полки Сибирской казачьей дивизии, по свидетельству ее начальника Н.П. Кубрина, были брошены на фронты «недосформированными, плохо обученными»⁸⁹. Оживление на Тюменском фронте началось 25 июня, а 28-го отряд полковника Г.А. Вержбицкого, сконцентрировавшийся в Ишиме и усиленный подразделениями 2-го и 6-го чехословацких полков, перешел в решительное наступление вдоль Северной линии Транссиба. В боях 28-29 июня за станцию Гольшманово подразделения 2-го Сибирского казачьего полка приняли боевое крещение гражданской войны и понесли первые потери. Казаки зашли в тыл противника, но красные, из Петроградского продотряда, отбили их ружейно-пулеметным огнем⁹⁰. Под Гольшманово сибирцы потеряли убитыми подесаула Г.В. Дорохова и казака А. Копелова, ранеными - 6 нижних чинов⁹¹.

К 3 июля 1918 г. на Тюменском фронте оперировали три сотни 2-го Сибирского казачьего полка, в их боевом составе было 18 офицеров, 432 шашки, 7 пулеметов. Это была основа конницы Ишимского отряда Вержбицкого⁹². Затем в течение июля к фронту подтягивали другие сотни 2-го полка.

Судьбу красной Тюмени предопределили бои 14-20 июля 1918 г. на реке Пышме, в районе станции Богандинская. Здесь, натолкнувшись на упорное сопротивление, войска Вержбицкого были вынуждены временно перейти к обороне. А советское командование попыталось провести сложную операцию по фланговому охвату и окружению Ишимского отряда.

В ночь на 15 июля в районе деревни Мулашевской большой матросский отряд Заславского (до 400 штыков, 10 пулеметов), воспользовавшись темнотой и отсутствием сплошной линии фронта, обошел правый фланг белых, оказался в их тылу и на время, для отдыха, укрылся в лесу. Но красные не сумели соблюсти скрытности маневра. Против них были брошены две роты чехословаков и 1-я сотня 2-го Сибирского казачьего полка под общим командованием чешского поручика Брача. Казаки и чехи, напав врасплох на спящих, вырезали почти всех матросов, включая командира отряда Заславского, спаслось бегством только 20-30 человек! Чехи и белые взяли 9 пулеметов, много винтовок и другие трофеи.

В ночь на 16 июля у деревни Головино другой советский отряд (около 400 штыков, несколько пулеметов) попытался обойти левый фланг Вержбицкого. Против него был направлен сборный отряд из двух сотен 2-го Сибирского казачьего полка и пяти взводов чехословаков под командой войскового старшины П.И. Блохина, помощника командира 2-го полка по строевой части. Одной сотне совместно с ротой чехов пришлось брать с боем само Головино. Спешенная полусотня и чехи обложили деревню с двух сторон. Другая полусотня, несмотря на численное и техническое преимущество противника, атаковала деревню в конном строю. Казаки дорвались до врага и начали рубку. Красные бросились бежать к переправе на реке Пышме. Но казаки перерезали путь отступления и перекололи часть беглецов пиками. Успевшие проскочить переправлялись, где придется. При этом паника была такова, что около ста красноармейцев утонуло в Пышме. Кроме того, советский отряд оставил на поле боя 90 убитых. Современник так писал о виде Головино после этого боя: «Трупами красных были завалены улицы, и свиньи, выползая из дворов, пробовали рвать еще теплые тела...» Чехо-белым достались большие трофеи: 6 пулеметов, винтовки, шинели и пр.⁹³

Пока шла борьба основных сил противников на рубеже Пышмы, 80 сибирских казаков отличились во время рейда сборного отряда подполковника И.С. Смолина в глубокий тыл советской Тюмени. В критический момент боя на станции Подъем 16 июля несколько казаков, вызвавшихся добровольно, подобрался к красному бронепоезду, с криком «Ура!» кинулись к его бронированным вагонам, забросали их через бойницы гранатами. Затем один из сибирцев, казак Н. Дрягин, смог ворваться в вагон. Внутри, орудуя шашкой, он

зарубил нескольких красноармейцев (!), сам был тяжело ранен, но каким-то образом сумел ухватить два пулемета (!!) и выскочить с ними из бронепоезда (!!!), после чего, обессиленный, потерял сознание... Никандр Дрягин, несомненно, совершил удивительный боевой подвиг. После двухчасового боя бронепоезд был захвачен.

19 июля отряд Смолина, которому Вержбицкий прислал подкрепление в полторы сотни сибирских казаков, ударил в тыл пышменских позиций красных и овладел деревней Червишево. Одновременно основные силы Ишимского отряда атаковали позиции противника с фронта. Красные дрогнули и начали отступать⁹⁴. Бои на Пышме и диверсии Смолина имели то значение, что, перемолов живую силу и технику врага, чехо-белые наконец-то добились численного и технического превосходства и захватили стратегическую инициативу. Военно-революционный штаб Западной Сибири был вынужден сдать Тюмень без боя. 20 июля около 17.00 в город вступили передовые подразделения белых - сотни 2-го Сибирского казачьего полка⁹⁵.

Советские войска были дезорганизованы поражениями. У казаков 2-го полка после взятия Тюмени было много удачных дел. В коротких схватках в районе деревень Холкино, Черемхово и Талица 29-30 июля красные только убитыми потерял до 300 человек⁹⁶. Одна из сотен полка совершила удачный рейд в тыл противника: взорвала железнодорожный мост и полотно, испортила телеграфную линию между станцией Егоршино и Ирбитским заводом⁹⁷. В стычке с сибирскими казаками у деревни Горки, в районе г. Камышлава, 9 августа погиб председатель Военно-революционного штаба Западной Сибири Г.А. Усиевич, видный коммунист, один из руководителей Октябрьского переворота в Москве⁹⁸.

С занятием Ирбита войска Степного корпуса вышли за административные пределы собственно Сибири. Впереди вздымался Урал. Позади был месяц боев на Тюменском фронте. 2-й Сибирский казачий полк сыграл в них исключительную роль. Успехи Степного корпуса были обусловлены не только высокими качествами командного и рядового состава, но и большим удельным весом конницы (до четверти всех сил фронта), что позволяло вести маневренную войну, удерживать инициативу и навязывать противнику свою волю.

В последующем 2-й Сибирский казачий полк продолжали использовать в качестве корпусной конницы Западно-Сибирского отряда генерала Вержбицкого. В боевом составе полка 2 октября было 864 пашки и 5 пулеметов⁹⁹. В течение девяти месяцев 2-й полк непрерывно находился на противобольшевистском фронте, по словам генерала В.И. Волкова, «без отдыха бил мадыро-латышских гадов». В марте 1919 г. его сняли с позиций и направили в Омск для отдыха, пополнения и воссоединения с остальными частями Сибирской казачьей дивизии¹⁰⁰.

6 июля 1918 г. под командой подьесаула А.В. Катанаева 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк выступил из Кокчетава на Омск¹⁰¹. Точнее, не весь полк, а основная его часть (без Пресновского дивизиона): штаб, 4 сотни, пулеметная команда и команда связи, - всего 28 офицеров, 575 конных и 184 пеших казаков. «Настроение людей отличное», - докладывал атаман 1-го отдела полковник Е.Н. Осипов¹⁰². 13 июля полк прибыл в Омск, к зданию, в котором шло заседание 4-го войскового круга. Круг, в лице своих представителей, приветствовал сотни и напутствовал их в связи с предстоявшей в скором времени отправкой на фронт. Расквартировали ермаковцев под городом: в станицах Новой и Черемуховской¹⁰³. Сюда же, в Новую станицу, прибыл 22 июля и Пресновский дивизион полка, переброшенный до Омска железной дорогой¹⁰⁴.

17 июля на Казачьей (Никольской) площади Омска 1-й полк в конном строю участвовал в торжественной церемонии вручения новому войсковому атаману насаки - «знака атаманского достоинства и атаманской власти». После молебна в Войсковом Никольском соборе, вручения генералу П.П. Иванову-Ринову атаманской насаки и обхода им строя казаков 1-й полк посотенно переменным аллюром с пиками на бедро прошел перед войсковым атаманом, депутатами войскового круга и публикой, - а затем с песнями двинулся к месту расквартирования. Ермаковцы приступили к ускоренной боевой учебе. Подучиться, однако, толком не удалось.

1-й полк сначала хотели направить, как и 2-й, под Тюмень¹⁰⁵, но затем обстановка заставила послать его на Алтай, где части Западно-Сибирской армии никак не могли окружить и уничтожить сильный красный отряд П.Ф. Сухова¹⁰⁶. Сухов сначала пробивался на Омск, затем, узнав, что он пал, резко повернул на юго-восток, чтобы через Горный Алтай, Монголию и Китай уйти в советский Туркестан. Между станциями Шипуновка и Поспелиха красные смогли пересечь Алтайскую железную дорогу. У Сухова оставалось около 800 человек, вооруженных винтовками и пулеметами. Но это была реальная сила - бойцы: шахтеры Кузбасса и интернационалисты, венгры и немцы, из военнопленных мировой войны. Для стрелков Западно-Сибирской армии преследование было трудно потому, что отряд Сухова

передвигался на подводах и уклонялся от боя. Убегая, красные первыми занимали деревни и меняли уставших лошадей на свежих. Преследователи же пользовались тем, что оставалось. Для окончательной ликвидации Сухова требовалась маневренная, по сравнению с добровольческой пехотой, конная строевая часть.

В начале 20-х чисел июля из Омска на Алтай железной дорогой был отправлен 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк (до 860 шашек) с приданными одним или двумя орудиями Сибирского казачьего арtdивизиона. Командовал этим отрядом войсковой старшина В.И. Волков. Правой его рукой был командир 1-го полка подьесаул А.В. Катанаев. Сотенные командиры ермаковцев: хорунжий Ф. Глебов (1-я сотня), подьесаул Г. Толмачев (2-я), есаул В. Водошнянов (3-я), подьесаул Д. Васильев (4-я), есаул Н. Асанов (5-я), сотник А. Сарайкин (6-я). Полк и артиллерия миновали Барнаул, выгрузились на станции Алейской и пошли в конный поход за красными. На комбрига сибирцев В.И. Волкова было возложено общее руководство операцией по ликвидации отряда П.Ф. Сухова.

4 августа 1918 г. у горной деревни Тележиха белые: Новониколаевский добровольческий отряд, станичники Бийской линии и подразделения Волкова - смогли окружить красных. В тяжелом многочасовом бою Сухов потерял половину своих людей (только убитыми более 200 человек), но с остатками отряда все-таки прорвался. Казакам и добровольцам достались значительные трофеи: пулеметы, мотоциклы, санитарный отряд и т.д.¹⁰⁷ В деле у Тележихи отличились казаки-артиллеристы. Под сильным пулеметным огнем они выкатили орудие на прямую наводку, быстро нашли и уничтожили вражеский пулемет, наиболее мешавший развитию операции. За это наводчик орудия младший урядник Сибирского казачьего арtdивизиона Тимофей Гробылев был награжден Георгиевским крестом 4-й степени¹⁰⁸.

Войсковой старшина В.И. Волков умело организовал преследование и взаимодействие с местными казачьими и инородческими дружинами. Финальная фаза операции заняла три дня. В горном ущелье возле деревни Тюнгур отряд Сухова угодил 10 августа в засаду и был частью уничтожен, частью пленен. По приказу Волкова все пленные, в том числе Сухов, были расстреляны¹⁰⁹.

Завершив операцию, 1-й полк с артиллерией погрузился в Бийске в вагоны и железной дорогой 30 или 31 августа вернулся в Омск¹¹⁰. Ермаковцы стали нести в городе охранно-гарнизонную службу. В боевом составе 1-го Сибирского казачьего полка 2 октября было 988 шашек и 4 пулемета¹¹¹.

Итак летом 1918 г. казачество Приишимья: в составе добровольческих партизанских отрядов и мобилизованных первоочередных частей Сибирского войска - сыграло выдающуюся роль в освобождении от коммунистов Западной Сибири и прилегающих районов Казахстана и Урала. К тому времени народ в массе своей смертельно устал от мировой войны, опьянен от революционных свобод, жаждал спокойной домашней жизни и никакую власть с оружием в руках защищать не хотел. Особенно сильно недугом государственного распада были поражены солдаты-фронтовики. Вот почему Временное Сибирское правительство, приступив к строительству массовой армии по призыву, мобилизовало молодежь 1898 и 1899 годов рождения, т.е. 20- и 19-летних юношей. Причем призыв этот начался только в августе 1918 г. Сибирское казачество послало своих сынов в Белую армию на два месяца раньше других слоев населения. При этом оно дало не два года призыва, а три. И в отличие от крестьянства - не зеленых новобранцев, а 21-23-летних казаков, более или менее обученных и в значительной части (наряды 1916 и 1917 гг.) имевших опыт военной службы и даже фронта. Белоказаки прекрасно справились с задачей убеждения населения Сибирского войска и, наводя порядок, обошлись без сколько-нибудь широких репрессий в отношении лиц войскового сословия. Благодаря упорной самоотверженной работе Войскового штаба, офицерства, депутатов казачьих конференций, съездов и 4-го войскового круга, благодаря увещеваниям стариков-станичников удалось в короткий срок собрать молодых казаков, восстановить дисциплину в первоочередных полках и превратить их в боеспособные строевые части. Казачьи полки стали опорой Временного Сибирского правительства.

В Сибирском казачьем войске после антисоветского переворота политическое течение «староказаков», загнанное в предшествующий период в подполье, взяло власть и превратилось в белоказачье военно-политическое движение. Оно провело внутривойсковые контрреформы, а во внешней жизни всемерно поддерживало сначала Временное Сибирское правительство, затем - Всероссийскую власть адмирала А.В. Колчака. «Трудовые казаки», подавленные как политическое течение, конечно продолжали существовать как определенный социально-психологический слой, который проявил себя во время развала колчаковского фронта, внутренне разлагая обессиленные военными поражениями казачьи строевые части. Самоотверженная, героическая борьба белоказаков окончилась крахом. Вместе с режимом адмирала Колчака и его Русской армией Сибирское войско погибло под ударами коммунистов.

Остатки войсковых соединений ушли на восток. Но большинство казаков в ходе «Великого Сибирского исхода» отстали от своих строевых частей и положили оружие перед красными. Однако, познакомившись поближе с системой военного коммунизма, сибирцы вместе с крестьянами подняли в 1920-1921 гг. ряд восстаний (Бухтарминское, Иртышское и др.), увы, обреченных на поражения. Окончилась крахом попытка воссоздать войско, предпринятая казаками Приишимья во время Западно-Сибирского восстания 1921 года. Часть казаков-повстанцев смогла вырваться из России, многие из них нашли свой конец в Китае и Монголии осенью - зимой 1921 года. Стойкие же белоказаки, отступившие на Дальний Восток, сражались с коммунистами до ноября 1922 г., когда вместе с Земской ратью генерала М.К. Дитерихса отступили в Китай.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1913 год. Омск, 1914. Ч. II (гражданская). С. 15.
2. Там же. Приложение □ 1. Подсчет.
3. Там же. С. 18.
4. См.: Там же. С. 19 — 20, приложение □ 2.
5. Там же. С. 10.
6. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 1706. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 — 11 об.
7. См.: Шуддяков В.А. Сибирское казачье войско: становление, организация, основные противоречия жизни накануне революции // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1996. □ 4. С. 187—209; Он же. Сибирское казачье войско — основные этапы развития: Тезисы к дискуссии // Казачество: История и современность. Омск, 1996. С. 47—63.
8. Овчинников Н.Г. Очерки хозяйства казаков Сибирского войска. Омск, б. г. С. 12.
9. См.: Ишмаев Н.Е. Сибирское казачество: Статистический и экономический очерк. Самара, 1920. С. 10, 20—32, 39. Подсчет.
10. См.: Шуддяков В.А. О причинах гибели Сибирского казачьего войска // Казачество на государевой службе: Материалы научной конф. Екатеринбург, 1993. С. 93—95; Он же. К вопросу о гибели Сибирского казачьего войска в 1917—1922 гг. // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994. С. 150—170.
11. ГАОО. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 10. Л. 4 об.
12. Флуг В.Е. Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. IX. С. 254.
13. Там же. С. 250. Здесь и далее даты по новому стилю.
14. См.: Шуддяков В.А. Лавр Корнилов: Годы в Сибири // Сибирская газета. Новосибирск, 1992. □ 20. С. 6.
15. Флуг В.Е. Указ. соч. С. 253.
16. Там же. С. 287.
17. См.: Шуддяков В.А. Дело под Ардаганом: Сибирские казаки на службе Отечеству // Военная быль. М., 1995. □ 7 (136). С. 12—18; Он же. Переворот // Третья столица. Омск, 2001. □ 43 (93) от 14 ноября. С. 6.
18. Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. Новосибирск, 1973. С. 173.
19. Филимонов Б.Б. На путях к Уралу: Поход Степных полков летом 1918 года. Шанхай, 1934. С. 18.
20. Вегман В.Д. Сибирские контрреволюционные организации в 1918 году // Сибирские огни. Новониколаевск, 1928. □ 1. С. 140.
21. Известия Петропавловского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 7 марта.
22. Маркович К. Отрадное явление // Иртыш. Омск, 1918. □ 40. С. 11; ГАОО. Ф. 54. Оп. 3. Д. 4. Л. 101 об.
23. Безродный К.Э. Рукопись И.И. Сиротенко «Россия и Германия» // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII — XX вв.). Омск, 1995. Т. II. С. 184.
24. См.: Шуддяков В.А. Падение красного Омска: История без прикрас // Омский вестник. 1994. 7, 14 июля.
25. Новиков П.А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май — август 1918 г.) // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2000. □ 7. С. 15.
26. Омский вестник. 1918. 2 июня.
27. Григорьев В.К. Противостояние: Большевики и непролетарские партии в Казахстане. 1917—1920 гг. Алма-Ата, 1989. С. 145.
28. Омский вестник. 1918. 5 июня.

29. Новиков П.А. Указ. соч. С. 15.
30. Омский вестник. 1918. 5 июня.
31. Юрасов Ф.К. Большевизация Петропавловского Совета // В огне революции: Сб. восп. Алма-Ата, 1957. С. 167.
32. «Чешско-словацкий дневник» // Омский вестник. 1918. 12 июня. С. 2.
33. Григорьев В.К. Указ. соч. С. 144—145.
34. Филимонов Б.Б. Указ. соч. С. 19.
35. «Обыватель». Слова и дело // Иртыш. Омск, 1919. □ 6. С. 9—11; Безродный К.Э. Указ. соч. С. 184.
36. См.: Архив Управления ФСБ по Омской области (АУФСБОО). Д. П-14195. Л. 21 об., 23—24. Протоколы допросов Н.А. Асанова и П.М. Киселева; Омский голос. 1919. □ 3. С. 8—9; Терещук В.А. Рассказы о Кокчетаве. Кокчетав; Омск, 1992. С. 169.
37. Безродный К.Э. Указ. соч. С. 184, 183.
38. Благодарю за предоставленное стихотворение ишимского историка И.В. Курышева.
39. Калюта Ф. В степях Приишимья: Восп. Алма-Ата, 1957. С. 22, 24.
40. Познанский В.С. Указ. соч. С. 195.
41. Лагунов К. Двадцать первый: Хроника Сибирского мятежа // Урал. 1989. □ 5. С. 164.
42. Филимонов Б.Б. Указ. соч. С. 19—20; Звегинцов В.В. Добровольческие части в Сибири // Военная быль. Париж, 1968. □ 90. С. 26; Симонов Д.Г. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства (1918 г.) // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 70.
43. Омский вестник. 1918. 16 июня.
44. См.: Омский вестник. 1918. 12, 19 июня; Журавлев В.В. Взаимоотношения гражданских и военных властей сибирской контрреволюции в мае — июле 1918 г. // Материалы XXXIV Международной научной студенческой конференции: История. Новосибирск, 1996. С. 79—82.
45. Шуддяков В.А. Падение красного Омска // Омский вестник. 1994. 14 июля.
46. Омский вестник. 1918. 11 июня.
47. ГАОО. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
48. Масленников Ф.А. На подступах к красной Тюмени // От Зимнего до Перекопа: Сб. восп. М., 1978. С. 75, 77.
49. Филимонов Б.Б. Указ. соч. С. 20; Звегинцов В.В. Указ. соч. С. 26; Лагунов К. Указ. соч. С. 164.
50. ГАОО. Ф. 1531. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
51. АУФСБОО. Д. П-13413. Л. 30 об., 29 об.
52. ГАОО. Ф. 1531. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
53. ГАОО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1. Л. 143. Возможно, это именно тот штабс-ротмистр Поротиков, который в 1916 г. временно исполнял обязанности полицмейстера г. Верного (см.: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 241—242; Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана. Алма-Ата, 1994. С. 129—130). Осенью 1918 г. Ф.И. Поротиков занимал должность генерала для поручений при командующем Сибирской армией и последовательно был произведен в чины есаула и войскового старшины. Он являлся активным участником колчаковского переворота. В 1919 г. полковник Флегонт Илларионович Поротиков — начальник Войскового осведомительного отдела Сибирского войска.
54. ГАОО. Ф. 1531. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
55. О генерале И.С. Ефтиме см.: Шуддяков В.А. Материалы к истории Сибирского казачьего войска периода гражданской войны: Охрана порядка и борьба с восстаниями и партизанами в тылу (1918 — 1919 гг.) // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2000. □ 8. С. 38.
56. Омский вестник. 1918. 11, 15, 22 июня; Дневник 4-го Чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска. Омск, 1918. С. 2, 25.
57. ГАОО. Ф. 1531. Оп. 1. Д. 7. Л. 3. Ефим Никитич Осипов (1865—?) — казак Бийской линии Сибирского войска, потомственный офицер, выпускник Оренбургского казачьего военного училища. В японскую войну в бою при станции Янтай-копи он получил сильную контузию. В Германскую последовательно командовал 7-м Сибирским казачьим полком, 2-й бригадой Сибирской казачьей дивизии, наконец, всей Сибирской казачьей дивизией (см.: ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 63. Л. 10 об. — 11; Оп. 3. Д. 4. Л. 49 об. — 50). В мирное время Е.Н. Осипов довольно долго служил в Семиречье помощником командира 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка по хозяйственной части. Донской атаман и писатель генерал П.Н. Краснов, в бытность полковником командовавший ермаковцами, в своих воспоминаниях дал

Ефиму Никитичу такую характеристику: «В делах хозяйственных я нашел в лице войскового старшины Осипова не только на редкость честного и бескорыстного человека, но и человека, прекрасно знающего полковое хозяйство, и умелого, распорядительного организатора» (Краснов П.Н. На рубеже Китая: Воспоминания. Париж, 1939. С. 62).

58. Приказы Сибирскому казачьему войску, 1918 г. Приказ □ 1 от 8.VI.1918 г., § 2. 18 августа 1918 г. Жуков был заменен войсковым старшиной А.Н. Шевыревым.

59. ГАОО. Ф. 1531. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.

60. Там же. Л. 8.

61. См.: Там же. Л. 27.

62. Там же. Л. 2.

63. Приказы Сибирскому казачьему войску, 1918 г. Приказ □ 239 от 14.VI.1918 г.

64. К сожалению, дальнейшая судьба этой казачьей сотни точно неизвестна. Скорее всего, входившие в нее казаки-добровольцы частью разошлись по домам, частью влились в первоочередные полки войска, частью перешли в Петропавловскую особую казачью сотню (командир — подьесаул И. Алейников), сформированную в Петропавловске в конце июля — начале августа 1918 г. Эта особая сотня, с пулеметной командой при ней (всего по штату 183 человека), также создавалась из добровольцев. Планировалось рядовой состав набрать из сибирских казаков, а командный — из офицеров регулярной кавалерии. Полностью этот план реализовать, по-видимому, не удалось. В сотню, в том числе рядовыми бойцами, активно стали поступать пехотные офицеры. К 6 августа их насчитывалось уже около 50 человек. К декабрю особая сотня была развернута в Петропавловский отдельный конный дивизион, дислоцировавшийся в Петропавловской станице (см.: Приказы Степному корпусу. Омск, 1918. Приказ □ 81 по строевой части от 26.VII.1918 г.; ГАОО. Ф. 1531. Оп. 1. Д. 6. Л. 24, 1 — 2 об.). Не исключено, что именно этот дивизион, или часть его, послужил основой созданного в 1919 г. Петропавловского уланского полка.

65. Симонов Д.Г. Белогвардейские вооруженные формирования на Тюменско-Шадринском направлении летом 1918 г. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. С. 35.

66. Там же. С. 37.

67. Там же. С. 38.

68. См.: Омские стрелки: 5 июня 1918 г. — 5 июня 1921 г. Трехлетие борьбы первых повстанцев в Сибири. Б.м.: Издание Омского стр. полка, 1921. С. 15; Филимонов Б.Б. Белоповстанцы: Хабаровский поход зимы 1921—1922 годов. Шанхай, 1932. Кн. 1. С. 57—59; Военная быль. М., 1993. □ 4 (133). С. 13—14; Бушин А.Ю. Во имя России: Генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2000. □ 7. С. 81—86.

69. Несмелов А. Екатеринбургский пленник: Воспоминания 1-го Сибирского Добровольческого полка // Военная быль. М., 1993. □ 3 (132). С. 6—7.

70. ГАОО. Ф. 1531. Оп. 1. Д. 7. Л. 19.

71. Там же. Л. 9.

72. Там же. Л. 10, 11—12.

73. Там же. Л. 17—18.

74. Симонов Д.Г. Белогвардейские вооруженные формирования... С. 35.

75. Симонов Д.Г. Белогвардейские вооруженные формирования... С. 36. Состав Сводного казачьего полка точно неизвестен. Вероятно, его основой являлся дивизион Елгина из восставших казаков, который собрался в Омске при заседавшей там казачьей конференции. Наверное, в Сводный полк планировали временно включить, после формирования, 5-ю и 6-ю сотни 3-го Сибирского казачьего полка из молодых казаков Павлодарского уезда, которые до революции традиционно квартировали в Омске.

76. ГАОО. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 413. Л. 1.

77. См.: Там же. Д. 6. Л. 226, 227.

78. Постановления 4-го Чрезвычайного войскового круга Сибирского казачьего войска. Омск, 1918. С. 17.

79. Дневник 4-го Чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска. С. 151.

80. В.И. Волков сложил с себя обязанности начальника Акмолинского военного района, расформировал свой районный штаб и приказом от 25 июня 1918 г. назначил военным комендантом Петропавловска чешского поручика В.И. Комарека. С 26 июня по приказу Комарека охрану города и порядка в нем взяла на себя чехословацкая рота прапорщика Достала (Омский вестник. 1918. 2 июля). Почти все русские части Петропавловского гарнизона ушли в Ишим, в отряд Вержбицкого. Петропавловское чрезвычайное уездное земское собрание 27 июня единогласно выразило полное доверие Временному Сибирскому правительству, а 1 июля выбрало уездную земскую управу (Омский вестник. 1918. 30 июня; Журавлев В.В. Указ. соч. С. 81). В Петропавловске и его уезде начала функционировать

более или менее нормальная гражданская власть: городское и земское самоуправление. Русские военные обратились к своим прямым обязанностям: к формированию воинских частей и ведению войны.

81. Список кавалерийских частей Сибирской армии по состоянию на 10-е числа сентября 1918 г. // Белая гвардия. М., 2001. □ 5. С. 124.

82. См.: Приказ Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего □ 116. Омск, 31 марта 1919 г. // Иртыш. Омск, 1919. □ 12/13. С. 19—20.

83. Приказы Сибирскому казачьему войску, 1918. Приказ □ 267 от 30.VI.1918 г., § 1, 2.

84. См.: ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 63. Л. 14 об.—15; Оп. 3. Д. 3. Л. 89 об.

85. Приказы Сибирскому казачьему войску, 1918. Приказ □ 485 от 6.XII.1918 г.

86. ГАОО. Ф. 1531. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

87. См.: Известия. Омск, 1918. 1, 5 июня; Иртыш. 1919. □ 24/25. С. 23 и др.

88. ГАОО. Ф. 1531. Оп. 1. Д. 7. Л. 36.

89. Иртыш. 1919. □ 12/13. С. 21.

90. Познанский В.С. Указ. соч. С. 218.

91. См.: Филимонов Б.Б. На путях к Уралу... С. 71, 73; Симонов Д.Г. Белогвардейские вооруженные формирования... С. 40.

92. Симонов Д.Г. Белогвардейские вооруженные формирования... С. 49.

93. См.: Романико И.П. У деревни Головинской // Иртыш. 1919. □ 5. С. 7; Филимонов Б.Б. На путях к Уралу... С. 125; Масленников Ф.А. Указ. соч. С. 90; Симонов Д.Г. Белогвардейские вооруженные формирования... С. 45.

94. См.: Филимонов Б.Б. На путях к Уралу... С. 112—121, 126; Симонов Д.Г. Белогвардейские вооруженные формирования... С. 46.

95. Иртыш. 1918. □ 22. С. 5.

96. Дело Сибири. Омск, 1918. 1 августа.

97. См.: Романико И.П. Казаки-сибирцы // Иртыш. 1919. □ 5. С. 4—6.

98. Деятели СССР и Октябрьской революции: Автобиографии и биографии. М., 1989. Ч. III. Стб. 180; Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 269.

99. Боевой состав Сибирской армии по состоянию на 2 октября 1918 г. // Белая гвардия. М., 2001. □ 5. С. 133.

100. Романико И.П. Чествование 2 Сибирского казачьего полка // Иртыш. 1919. □ 12/13. С. 20—22.

101. АУФСБОО. Д. П-14195. Л. 24.

102. ГАОО. Ф. 1531. Оп. 1. Д. 7. Л. 29, 30.

103. Там же. Д. 1. Л. 22, 23; Постановления 4-го Чрезвычайного войскового круга Сибирского казачьего войска. С. 35.

104. АУФСБОО. Д. П-13413. Л. 75.

105. Постановления 4-го Чрезвычайного войскового круга Сибирского казачьего войска. С. 35.

106. См.: Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 84—88; Познанский В.С. Указ. соч. С. 202—205.

107. Дело Сибири. 1918. 9 августа.

108. ГАОО. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 411а. Л. 44 об.

109. АУФСБОО. Д. П-14195. Л. 20. Протокол допроса в ОмгубЧК в 1920 г. войскового старшины Н.А. Асанова.

110. Там же. Л. 20 об.

111. Боевой состав Сибирской армии... 133.

Д.Г. СИМОНОВ

Ишимский полк: из истории белогвардейских вооруженных сил в Сибири (1918 год)

Гражданская война всегда вызывала повышенный интерес со стороны исследователей. Однако и профессиональные историки, и краеведы как правило изучали только одну из противоборствовавших сторон - большевистский лагерь. История белого движения или замалчивалась, или же рассматривалась через призму идеологических штампов, господствовавших в советских гуманитарных науках. Лишь в последнее десятилетие наметилась тенденция к восстановлению всесторонней и объективной картины Гражданской войны в России.

Широкомасштабная гражданская война в Сибири разгорелась в конце мая - начале

июня 1918 г. в результате антибольшевистского выступления чехословацкого корпуса и русских подпольных военных организаций. 25 мая чехословаки захватили Мариинск, в ночь на 26 мая - Новониколаевск, 27 мая - Челябинск. 31 мая советская власть пала в Петропавловске, 2 июня - в Кургане. 7 июня чехословацкие войска при поддержке белоказачьего отряда есаула Б.В. Анненкова взяли Омск. К 9 июня чехословаки и русские белогвардейцы установили контроль на всем протяжении железной дороги от Челябинска на западе до Мариинска на востоке.

К концу месяца политическая власть на освобожденной от большевиков территории перешла к Временному Сибирскому правительству во главе с П.В. Вологодским. Все белогвардейские вооруженные силы региона были объединены в Сибирскую армию под командованием генерала А.Н. Гришина-Алмазова. И правительство, и штаб армии располагались в Омске. Здесь также находился штаб II Степного Сибирского корпуса, в состав которого вошли регулярные формирования Сибирской армии, созданные на территории Тобольской губернии, а также Акмолинской и Семипалатинской областей.

Омск стал главным центром формирования белогвардейских войсковых частей в Сибири. 11 июня в городе была организована 1-я Степная Сибирская стрелковая дивизия в составе 1-го, 2-го и 3-го Степных полков (с 26 августа 1918 г. - 4-я Сибирская стрелковая дивизия, 13-й Омский, 14-й Иртышский и 15-й Курганский Сибирские стрелковые полки) под командованием полковника Г.А. Вержбицкого.

Одной из первых белогвардейских частей, сформированных уже в день переворота, стал 1-й Омский офицерский партизанский отряд под командованием штабс-капитана Н.Н. Казагранди. Первоначально отряд насчитывал 71 бойца, на вооружении которых помимо винтовок имелось 11 пулеметов и одно артиллерийское орудие¹. На базе этого отряда впоследствии и был создан 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк.

По приказу командира Степного корпуса полковника П.П. Иванова-Ринова 9 июня отряд штабс-капитана Казагранди на пароходе «Семипалатинец» был направлен вниз по Иртышу для преследования бежавших из Омска большевиков. Партизаны встретили противника вечером 12 июня у села Карташево, расположенного между Омском и Тарой. Это был красногвардейский отряд во главе с офицером австро-венгерской армии К. Лигетти. После короткой перестрелки 184 красногвардейца вместе со своим начальником сдались в плен. Белым достались 175 винтовок и один пулемет².

Погрузив пленных в трюм парохода, отряд штабс-капитана Казагранди двинулся в сторону Тобольска. На пристанях между Карташево и Тарой белые обнаружили пароходы «Ольга», «Иртыш» и «Товарищество». «Ольга» с донесением была отправлена в Омск. Туда же выступил и «Иртыш» с баржей, на которую были помещены пленные красногвардейцы. Утром 14 июня отряд Казагранди прибыл в Тару³.

В это время непосредственной угрозы Тобольску со стороны белогвардейцев еще не было. Тем не менее, еще рано утром 11 июня все советские учреждения были эвакуированы в Тюмень. В брошенном большевиками Тобольске в тот же день состоялось заседание членов бывшей городской думы, были восстановлены городская и земская управы. На объединенном заседании представителей думы, земства и профсоюзов вместо прежнего Совета был избран Временный комитет, переименованный вскоре в Комитет общественной безопасности. Опасаясь возвращения большевиков, комитет не осмелился признать власть Временного Сибирского правительства и официально сохранял нейтралитет в «местной войне» «до прибытия того или иного отряда победителей»⁴. Для охраны же города комитет приступил к формированию офицерского отряда, во главе которого встал полковник 43-го Сибирского стрелкового полка старой армии Киселев.

Отряд штабс-капитана Казагранди прибыл в Тобольск в ночь на 19 июня. Утром Казагранди подписал приказ, которым объявил от имени Временного Сибирского правительства советскую власть в городе Тобольске низложенной, а земские и городские самоуправления восстановленными. Вся военная и административная власть

в губернии впредь до распоряжения Временного Сибирского правительства была передана коменданту города Тобольска полковнику Киселеву ⁵.

В 6 часов утра отряд Казагранди вышел на пароходе из Тобольска по направлению к Тюмени и к 14 часам с боем занял деревню Бачалино, расположенную в 4-х верстах от слияния рек Тавды и Тобола. Белые захватили советский разведывательный пароход «Тобольск» и моторную лодку «Юрий»; красные потеряли 6 человек убитыми и 23 пленными. Последние на пароходе были отправлены в Тобольск ⁶.

По словам поручика Б.Б. Филимонова, «отряд штабс-капитана Казагранди, благодаря неустанным заботам своего командира, редко испытывал материальные затруднения и, следуя его примеру, доблестно и всегда успешно выполнял ставимые ему боевые задачи... Имя штабс-капитана Казагранди, как офицера и начальника, связанное со многими блестящими и лихими делами белых, приобрело в Сибири и Приуралье широкую и вполне заслуженную большую и добрую известность. Оба помощника штабс-капитана Казагранди - капитаны Цветков и Ушаков, были также выдающимися во всех отношениях офицерами...» ⁷.

Главной задачей для частей Степного Сибирского корпуса являлось очищение от советских войск железнодорожной линии Омск - Тюмень - Екатеринбург. Белым благоприятствовало то, что после оставления Омска до конца июня красные на этом направлении не предпринимали активных действий, предоставив своему противнику время для организации и сосредоточения войск.

Местом сосредоточения белогвардейских войск для наступления на Тюмень стал город Ишим, оставленный большевиками без боя в ночь на 8 июня 1918 г. К 24 июня здесь сосредоточились сформированные в Омске 1-й и 3-й Степные Сибирские стрелковые полки, подразделения 2-го Сибирского казачьего полка, легкая и тяжелая батареи, а также организованные в Ишиме две роты под командованием капитана Тупицына и прибывшая из Петропавловска рота штабс-капитана Федорченко. Все эти части были объединены в так называемый Ишимский отряд под командованием полковника Г.А. Вержбицкого ⁸.

26 июня полковник Вержбицкий распорядился Ишимскую офицерскую роту, насчитывавшую 96 офицеров, включить в состав 1-го Степного (впоследствии 13-го Омского) полка, а Ишимскую добровольческую роту, имевшую 3 офицера и 40 добровольцев, - в состав 3-го Степного (впоследствии 15-го Курганского) полка ⁹.

Согласно приказу командира корпуса полковника П.П. Иванова-Ринова от 19 июня ближайшей задачей Ишимскому отряду ставилось овладение Ялуторовском. Тем же приказом командир корпуса назначил штабс-капитана Казагранди командующим всеми боевыми силами в районе Тобольска и поставил перед его отрядом задачу овладеть течением р.Тобол до Ялуторовска. В подчинение Казагранди был передан располагавшийся в Таре 3-й Омский офицерский отряд штабс-капитана Черкеса (21 чел.) ¹⁰.

В ночь на 28 июня отряд Казагранди прибыл в село Покровское и обнаружил здесь противника силою до 700 бойцов при 5 пароходах, 2 орудиях, 3 бомбометах и 42 пулеметах. Утром произошло столкновение, во время которого выяснилось, что используемые красными артиллерийские снаряды начинены удушливыми газами. После короткого боя отряд Казагранди отступил в село Ярково, где и укрепился. В донесении на имя командира корпуса Казагранди писал, что для удержания занимаемых позиций ему необходимы дополнительно два тяжелых и два легких артиллерийских орудия, 10 пулеметов, 600 снарядов, 50 тыс. патронов и 300 вооруженных бойцов ¹¹. Но требуемого пополнения отряд Казагранди не получил.

5 июля комендант Тобольска полковник Киселев доложил командиру корпуса, что отряд штабс-капитана Казагранди без давления со стороны противника отошел по собственной инициативе и занял позицию у деревни Бачалино. Это решение было принято в связи с тем, что под давлением со стороны Ишима тюменские большевики якобы предполагали отступить на Тобольск, откуда по Иртышу и далее по рекам Кондре или Сосьве можно было попасть на Урал ¹².

6 июля командир корпуса приказал Казагранди во чтобы то ни стало удерживать

Бачалино, обещая помощь оружием и людьми. В тот же день комкор приказал командиру вновь сформированного в Тобольске 6-го Степного Сибирского стрелкового полка полковнику Киселеву выступить на пароходе со всеми вооруженными силами Тобольска в Бачалино. Киселеву, как старшему по должности и чину, предлагалось принять на себя командование всеми боевыми силами, действующими со стороны Тобольска, и немедленно приступить к выполнению задачи, поставленной ранее отряду штабс-капитана Казагранди¹³.

Оперативная обстановка в районе Тобольска вскоре изменилась в результате успешных действий Ишимского отряда полковника Вержбицкого. 28 июня возглавляемые им части перешли в наступление и на следующий день с боем заняли станцию Голышманово. 1 июля была взята станция Омутинская, 4 июля - станция Вагай, 8 июля - станция Заводоуковская. 10 июля красные без боя сдали Ялуторовск и отступили к станции Богандинская, расположив свои оборонительные позиции вдоль р. Пышма.

После сдачи Ялуторовска красные вынуждены были очистить и линию р. Тобол без давления со стороны отрядов полковника Киселева и штабс-капитана Казагранди. Утром 12 июля последние заняли село Покровское, откуда по р. Тура выслали разведку в направлении на Тюмень. Вечером того же дня из Бачалино на село Тавдинское по р. Тавда был выслан пароход с одной ротой 6-го Степного полка. Ближайшей задачей отрядам Киселева и Казагранди командир корпуса поставил очищение от советских войск рек Тобола и Туры до Тюмени¹⁴.

Судьба красной Тюмени решилась в боях у станции Богандинская, в районе которой войска полковника Вержбицкого разгромили своего противника. В 17 час. 20 июля в Тюмень вступили подразделения 2-го Сибирского казачьего полка. Спустя два часа в город со стороны деревни Яровское вошла разведывательная партия отряда штабс-капитана Казагранди. Основная часть отряда прибыла в Тюмень в 3 час. 30 мин. 21 июля. Не задерживаясь в Тюмени, в 10 часов утра отряд Казагранди с приданной ему полусотней казаков выступил в направлении на Туринск, находящийся в 190 верстах северо-западнее Тюмени¹⁵.

После боя в районе села Бор 25 июля 1918 г. Туринск был взят. 29 июля из села Тавдинское в Туринск прибыл отряд полковника Киселева, и на следующий день оба отряда, не встретив сопротивления, вступили в г. Ирбит (50 верст юго-западнее Туринска). Красные отступили на Егоршино¹⁶.

В Ирбите части полковника Киселева и штабс-капитана Казагранди разделились и впоследствии действовали самостоятельно. Отряд штабс-капитана Н.Казагранди из Ирбита 30 июля двинулся вдоль р. Тавда в направлении на Алапаевск и 4 августа занял село Невьянское, расположенное в 70 верстах северо-западнее Ирбита. До 21 августа серьезных столкновений с противником не было. В течение следующего месяца отряд Казагранди вел непрерывные бои с красными севернее Алапаевска: 22 - 24 августа - бой у села Невьянское; 25 - 26 августа - у сел Голубковское и Ницинское; 27 - 29 августа - наступательный бой у села Ницинское и преследование красных к Алапаевску; 30 августа - бой у села Кокуй; 1-7 сентября - оборона позиций в районе села Голубковское и деревни Жуково; 8 - 10 сентября - бои у деревень Грязнуха и Жуково; 10 - 12 сентября - оборона позиций у села Успенское; 13 сентября - бой в районе деревень Соколово, Рудная и села Кокуй; 14-16 сентября - наступление на Алапаевск и бой у села Голубковское и деревень Маньково и Михалево¹⁷.

По состоянию на 2 сентября 1918 г. в отряде штабс-капитана Казагранди насчитывалось 903 бойца при 6 пулеметах¹⁸. Отряд был самой крупной войсковой частью дивизии генерала Вержбицкого, но его организационный статус в составе дивизии был неопределенным. Само существование отряда противоречило приказам вышестоящего начальства о включении всех нештатных боевых единиц в состав регулярных полков Сибирской армии. Это противоречие было снято 13 сентября 1918 г. Согласно приказу по II Степному Сибирскому корпусу отряд штабс-капитана Казагранди был преобразован в 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк¹⁹.

Серьезное поражение красным 16-й Ишимский полк нанес в бою у деревень Федосово, Молоково и Ячменево 17 сентября 1918 г. Ишимцы захватили в качестве тро-

феев два трехдюймовых орудия, 137 снарядов, 5 пулеметов «Кольта», 2 пулемета «Льюиса», 100 тыс. патронов и много винтовок²⁰. За отличие в боях многие офицеры 16-го Ишимского полка получили производства в следующие чины, в том числе и командир полка. Приказом по войскам Сибирской армии от 18 сентября 1918 г. штабс-капитан Н.Н. Казагранди был произведен в капитаны²¹.

Для развития достигнутых успехов на участке 16-го Ишимского полка начальник 4-й Сибирской стрелковой дивизии генерал Г.А. Вержбицкий направил в распоряжение Казагранди батальон 19-го Петропавловского Сибирского стрелкового полка, сотню 2-го Сибирского казачьего полка и 2-ю Отдельную Степную Сибирскую легкую батарею. 20 сентября войска капитана Казагранди перешли в наступление и 28 сентября 1918 г. с боем вступили в Алапаевск. Фактически Алапаевск был взят одновременным ударом трех колонн, в том числе капитана Казагранди - с севера, полковника Смолина (14-й Иртышский и 15-й Курганский полки) - с юга и полковника Киселева (13-й Омский, 18-й Тобольский и 20-й Тюменский полки) - с востока²².

Потерпев поражение под Алапаевском, расстроенные части красных отступили на запад по железнодорожной линии Алапаевск - Нижний Тагил и на север по Верхотурскому тракту. Преследование противника на Верхотурском направлении генерал Вержбицкий поручил частям капитана Казагранди.

29 сентября Казагранди приступил к выполнению поставленной задачи. После боев в районе деревень Луковская и Санкино к 6 октября белые вышли на линию р. Тагил; 7 - 9 октября вели бой у деревень Сиднево, Махнево и Болотово; 10 октября - у деревни Меркулино; 11 - 12 октября - у села Красногорское и деревни Пушкарева Гора²³. 14 октября колонна капитана Казагранди с боем овладела городом и железнодорожной станцией Верхотурье²⁴. С овладением Верхотурьем белые создали потенциальную угрозу левому флангу 3-й Красной армии, и в частности Кушвинской группировке ее войск.

В последующие три недели войска Казагранди занимали оборонительные позиции в районе Верхотурья фронтом по направлению к станции Кушва. Согласно приказу генерала Г.А. Вержбицкого от 26 октября 1918 г. северная группа капитана Казагранди получила задачу: «обеспечив себя со стороны Николо-Павдинского завода, продолжать движение на юго-запад вдоль железной дороги» с тем, чтобы наладить связь с 20-м Тюменским полком полковника Б.М.Черкасова, занимавшего позиции в районе деревни Богомолово²⁵. С 15 октября по 7 ноября произошел лишь один бой, отмеченный в «перечне боев» Отряда Сибирских правительственных войск - у поселка Мурзинского 1 ноября 1918 г.²⁶

Приказом по Сибирской армии от 1 ноября 1918 г. за отличия в боях командир 16-го Ишимского полка капитан Н.Н. Казагранди был награжден чином подполковника, штабс-капитаны того же полка К. Цветков, А. Машаров, С. Сиротин и Г. Дементьев были произведены в капитаны, поручики Д. Оскирко, К. Зобнин и П. Фрейтаг - в штабс-капитаны, подпоручики П. Кузнецов, А. Мидлер, И. Плясунов, Н. Кудрин, Н. - Косимовский, И. Лоскутов, А. Рудаков, И. Гладков, Я. Бурков, Д. Конев, Г. Андреев, И. Кузьмин и А. Стеклов - в поручики, прапорщики Я. Сурнин, П. Саблин, И. Корчемкин, А. Корчемкин, А. Тутолмин, В. Осинцев, Г. Бруннер, Г. Мникович, В. Кайгородов, Н. Сухомлинов, П. Кузиванов, А. Ляхович, И. Старс, А. Торопов, Г. Бришневич, А. Щепкин, А. Пастак, А. Бровиков, А. Кочегаров, А. Рудомин, А. Болотов, П. - Семухин, А. Волынский - в подпоручики, юнкера М. Кошурников, С. Миндель, А. Чирков, И. Таранюк и И. Струпенко, а также добровольцы подпрапорщики И. Гревалов и С. Хлебин, старший унтер-офицер Н.-М. Курбан Галиев и младший унтер-офицер Д. Дерябин - в прапорщики²⁷.

Кроме того, приказом по 4-й Сибирской стрелковой дивизии от 4 ноября 1918 г. за отличия в боях против красных в период с 1 сентября по 26 октября 1918 г. по представлению командира полка 65 рядовых солдат 16-го Ишимского полка получили звание ефрейтора, 47 ефрейторов - звание младшего унтер-офицера, 19 младших унтер-офицеров - звание старшего унтер-офицера, 7 старших унтер-офицеров - звание фельдфебеля (вахмистра). Два фельдфебеля получили звание подпрапорщика, в

том числе Иван Плотников за то, что в бою под деревней Путимка 13 октября 1918 г. одним из первых ворвался в окопы красных, убил пулеметчика и захватил пулемет. Младший унтер-офицер Иван Ячменев, минуя звание старшего унтер-офицера, стал фельдфебелем за то, что в том же бою (под деревней Путимкой) под сильным ружейным и пулеметным огнем противника вынес с поля боя раненого офицера²⁸.

С 8 ноября южнее Верхотурья в районе станции Лесопильная и Николо-Павдинского завода разгорелись бои, в результате которых 19 ноября части Северной группы подполковника Казагранди заняли село и станцию Карелино, а 20 ноября после упорного боя захватили село Ново-Туринское. К 22 ноября белые опрокинули противника и овладели Николо-Тавдинским заводом, в бою у станции Карелино взяли четыре пулемета, 34 винтовки, бронепоезд, автомобиль и пленных²⁹.

Захваченный у красных бронепоезд был включен в состав Северной колонны подполковника Казагранди, получив название «Ишимец». Бронепоезд состоял из одного паровоза, трех вагонов и одной платформы. На его вооружении состояло одно трехдюймовое орудие и 8 пулеметов. Командовал «Ишимцем» поручик Панягин³⁰.

В конце ноября 1918 г. войска Екатеринбургской армейской группы, в состав которой входили части генерала Вержбицкого, предприняли генеральное наступление, конечной целью которого являлся разгром 3-й Красной армии и взятие города Перми. На первом этапе Пермской операции командующий Екатеринбургской группой генерал Р. Гайда планировал нанести поражение Кушвинской группировке советских войск. Выполнение этой задачи было возложено в основном на части 4-й Сибирской стрелковой дивизии генерала Г.А. Вержбицкого и 7-й Уральской дивизии горных стрелков генерала В.В. Голицына.

Согласно приказу генерала Вержбицкого от 27 ноября колонна подполковника Казагранди (16-й Ишимский полк, батальон 18-го Тюменского полка, 2-я легкая и 2-я гаубичная батареи, одна сотня казаков, броневой поезд и броневой автомобиль) получила задачу овладеть заводами Нижне-Туринским, Николаевским и станцией Выя, после чего энергично наступать на Верхне-Туринский завод - станция Верхняя, по взятии которых, совместно с частями полковника Черкасова, двигаться на Кушвинский завод³¹.

В исполнение поставленной задачи колонна подполковника Н.Казагранди 30 ноября в результате обходного маневра овладела станцией Выя, к исходу того же дня - Нижне-Туринским заводом, захватив при этом три орудия, 12 пулеметов, 500 винтовок, 500 трехдюймовых снарядов, 200 тыс. патронов, два бронепоезда (один взорванный), шесть паровозов, 160 вагонов и одну тысячу пленных 1-го Камышловского полка. В этом бою части подполковника Н.Н.Казагранди полностью разбили третью бригаду 29-й стрелковой дивизии красных³². Из всей бригады удалось спастись только ее командиру, начальнику штаба и комиссару.

За блестящие бои 28 ноября - 2 декабря командующий Екатеринбургской группой генерал Р. Гайда приказом от 2 декабря пожаловал на каждую батарею, роту, эскадрон, сотню и команду из числа войск, участвовавших в Кушвинской операции, по два Георгиевских креста для награждения особо отличившихся солдат³³. Кроме русских Георгиевских крестов, генерал Р.Гайда 4 декабря выделил на каждое подразделение по одной чешской медали Яна Жижки 3-й степени. Эти награды предлагалось выдать солдатам «за особенно оказываемые подвиги»³⁴. Среди награжденных были и солдаты 16-го Ишимского полка.

Генерал К.В. Сахаров, характеризуя морально-психологическое состояние войск, сражавшихся осенью 1918 г. на Северо-Уральском фронте, писал: «Дух и внутренняя спайка среди этих частей были замечательные. Офицеры и солдаты жили в общих землянках, зачастую обер-офицеры стояли в строю и в бою как рядовые. Тяжелая боевая служба среди начавшейся уже зимы неслась в высшей степени добросовестно, без отказа. Жила среди всех нас большая вера в справедливость своего дела. Между всеми было полное доверие: никаких недомолвок, недоговоренностей. Та отчужденность и подозрительность к своему офицеру, которую старательно привили и разду-

ли наши политиканствующие социалисты в 1917 году, исчезла совершенно и заменилась нормальными отношениями, чувством взаимной дружбы»³⁵.

Общественность Ишима оказывала посильную материальную помощь белой армии. В приказе генерала Г.А. Вержбицкого от 20 июля 1918 г. отмечалось: «Граждане города Ишима сделали для вверенного мне отряда ценный дар в виде Ишимского питательного пункта. Принося глубокую благодарность гражданам г. Ишима за столь дорогой подарок, предписываю питательный пункт включить в состав отряда»³⁶. В ноябре 1918 г. Ишимская городская дума постановила ассигновать на подарки 16-му Ишимскому полку 3 тыс. рублей, и такую же сумму - Питательному пункту имени города Ишима³⁷.

* * *

В течение лета 1918 г. войсковые части Сибирской армии состояли исключительно из офицеров, подлежавших обязательной мобилизации, и добровольцев. Но приток добровольцев оказался недостаточным для того, чтобы сформировать вооруженные силы, способные противостоять Красной Армии. Поэтому руководители белой Сибири решили осуществить массовый призыв населения в армию. Согласно указу Временного Сибирского правительства от 31 июля 1918 г. в войска призывались молодые люди из числа коренного русского населения и переселенцы, прибывшие в Сибирь до 1 января 1915 г., родившиеся в 1898 - 1899 гг.

Первым днем призыва было назначено 25 августа 1918 г. В каждом уезде призыв осуществлялся уездными воинскими начальниками или начальниками местных команд при посредстве городской и уездной милиции. Для медицинского освидетельствования новобранцев создавались специальные комиссии в составе уездного воинского начальника (начальника местной команды) или его заместителя, двух врачей и по одному представителю от уездного комиссариата, городского и земского самоуправления. Новобранцы, признанные годными к воинской службе, направлялись в запасные полки. Те же, кто признавался негодным, навсегда освобождались от службы в армии, получая соответствующие свидетельства³⁸.

На территории Ишимского уезда Тобольской губернии подлежали призыву в армию около 10 тыс. новобранцев³⁹. Явка на призывные участки была достаточно высокой. За вычетом не прошедших медицинского освидетельствования, в войска было принято 7 083 человека⁴⁰. Большинство их поступили на укомплектование дислоцировавшегося в Ишиме 4-го Степного Сибирского запасного (кадрового) полка. К 30 сентября в этом полку состояло 5 593 человека, в том числе 118 офицеров, 640 вооруженных и 4835 невооруженных солдат. Должность командира полка занимал полковник П.М. Геде⁴¹.

После непродолжительного обучения молодые солдаты кадровых полков стали направляться в действующие на фронте части Сибирской армии. Новобранцы из 4-го Степного Сибирского кадрового полка направлялись в распоряжение начальника 4-й Сибирской стрелковой дивизии генерала Г.А. Вержбицкого. Так, по неполным данным, 17 сентября на фронт из Ишима прибыли 50, 14 ноября - 247, 15 ноября - 250, 15 декабря - 235 новобранцев, а всего 782 человека. Из них 105 человек были зачислены в 13-й Омский полк, 106 - в 14-й Иртышский, 91 человек - в 15-й Курганский, 235 человек - в 16-й Ишимский, 137 человек - в 18-й Тобольский и 108 человек - в 20-й Тюменский полк⁴².

Несмотря на слабую подготовленность новобранцев, фронтовые начальники давали о них самые благоприятные отзывы. В приказе по Сибирской армии от 30 ноября 1918 г. приводится выдержка из донесения начальника 4-й Сибирской стрелковой дивизии генерала Г.А. Вержбицкого: «Молодые солдаты, приняв боевое крещение, водимые самоотверженными офицерами, ведут себя в боях отлично». В ответ на донесение временно командующий Сибирской армией генерал А.Ф. Матковский от лица службы объявил «глубокую благодарность» генералу Вержбицкому и командиру особенно отличившегося 16-го Ишимского полка подполковнику Казагранди⁴³.

Кроме 4-го кадрового полка в Ишиме дислоцировались подразделения 3-го батальона Отряда охраны железных дорог Западно-Сибирского военного округа. Фор-

мирование батальона началось 17 июня 1918 г. Его командиром состоял поручик Михайловский. В задачу батальона входила охрана железнодорожной линии Екатеринбург - Омск от станции Тугулым, через которую проходила граница бывшего Омского военного округа, до станции Куломзино. Первую и вторую роты батальона предполагалось расположить на станции Тюмень, третью и четвертую - на станции Ишим. Штаб батальона планировалось разместить в Тюмени, но так как этот город еще находился в руках большевиков, его местопребыванием временно стал Ишим⁴⁴.

Командир батальона поручик Михайловский имел приказание немедленно, не ожидая никаких особых распоряжений, по мере продвижения частей Степного Сибирского корпуса на запад, занимать железнодорожную линию охраной, выставляя ее прежде всего на мостах и у важнейших сооружений. Однако выполнить в полной мере приказание начальника отряда, имея в своем распоряжении лишь 6 офицеров и 42 солдата, поручик Михайловский не мог. Набор добровольцев в 3-й батальон шел очень медленно, в результате чего начальник отряда подполковник Баллин принял решение усилить его путем выделения команды в 40 человек из состава 2-го батальона, охранявшего участок железной дороги Омск - Татарская - Славгород. Но и этих сил оказалось крайне недостаточно. В конце июля, когда железнодорожная линия Омск - Екатеринбург была полностью занята войсками Временного Сибирского правительства, генерал Г.А. Вержбицкий вынужден был дополнительно выделить для ее охраны несколько подразделений 2-го Сибирского казачьего полка. Батальон был укомплектован до штата лишь после призыва новобранцев осенью 1918 г.⁴⁵

* * *

В начале 1919 г. все находившиеся в Ишиме новобранцы 4-го кадрового полка были отправлены на фронт и распределены в 13-й Омский, 14-й Иртышский, 15-й Курганский и 16-й Ишимский Сибирские стрелковые полки. Таким образом, ишимцы состояли в рядах всех четырех полков 4-й Сибирской стрелковой дивизии.

Весной 1919 г. 4-я Сибирская стрелковая дивизия успешно действовала против красных в Прикамье. 16-й Ишимский полк отличился при взятии Воткинского завода. При этом была разбита советская 7-я стрелковая дивизия. Но, начиная с мая 1919 г., для белых наступила полоса неудач. При попытке захвата плацдарма на берегу р. Вятка 13-й Омский и 16-й Ишимский полки были разбиты красными.

Под давлением превосходящих сил противника летом 1919 г. колчаковская армия начала свое отступление на восток. 4-я Сибирская стрелковая дивизия была одним из немногих соединений, проделавших весь «Сибирский ледяной поход» и вышедших в начале 1920 г. в Забайкалье. В Приморье (1921 г.) поредевшая в боях дивизия была сведена в 4-й Омский стрелковый полк в составе Омского, Ишимского и Барнаульского батальонов общей численностью около 700 человек⁴⁶. Полк участвовал в боях против Народно-революционной армии ДВР до конца 1922 г. и прекратил свое существование на территории Китая в начале 1923 года.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Филимонов Б.Б. На путях к Уралу. Поход степных полков. Лето 1918 года. Шанхай, 1934. С. 41-42.
2. Омский вестник. 1918. 16 июня.
3. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 62. Л. 1.
4. Роцевский П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 100-102.
5. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917 - 1920 гг.). Сборник документальных материалов. Свердловск, 1967. С. 249-250.
6. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 62. Л. 30.
7. Филимонов Б.Б. Указ. соч. С. 67.
8. РГВА. Ф. 39877. Оп.1. Д. 9. Л. 3; Д. 7. Л. 4.
9. РГВА. Ф. 39877. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.
10. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
11. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 62. Л. 43-44.
12. Там же. Л. 47.

13. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 40. Л. 13, 15.
14. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 62. Л. 54, 56, 57.
15. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 9. Л. 48.
16. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 46. Л. 4-7.
17. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 3. Л. 43-44; Д. 46. Л. 7-9.
18. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 164. Л. 7.
19. ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 38. Л. 190.
20. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 66. Л. 34.
21. Сибирский вестник (Омск). 1918. 5 октября.
22. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 3. Л. 44-45.
23. Там же. Л. 46.
24. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.
25. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 2. Л. 40.
26. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.
27. РГВА. Ф. 39877. Оп. 1. Д. 8. Л. 49.
28. Там же. Л. 29-30.
29. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 3. Л. 47; Свободное слово. 1918. 24 ноября.
30. РГВА. Ф. 39722. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.
31. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 166. Л. 60-61.
32. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.
33. Свободное слово (Тюмень). 1918. 10 декабря.
34. Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1918. 8 декабря.
35. Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 27.
36. РГВА. Ф. 39877. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.
37. Свободное слово. 1918. 24 ноября.
38. Сибирский вестник. 1918. 18 августа.
39. ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 4. Л. 192.
40. ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 59. Л. 6.
41. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 48. Л. 7.
42. РГВА. Ф. 39877. Оп. 1. Д. 8. Л. 8, 37, 57.
43. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 256. Л. 77.
44. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 93. Л. 17.
45. Там же. Л. 18.
46. Филимонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака. М.:»Рейтар», 1999. С. 85.

И.В. КУРЫШЕВ

Пасынки судьбы (Гражданская война в документах)

Годы Гражданской войны в России (1918-1921 г.г.) поистине стали временем народного лихолетья, вобрав в себя целую эпоху людских страданий, потерь, разочарований и надежд, взлетов и падений. Можно вполне согласиться с мнением писателя Бориса Васильева о том, что любая война (в том числе гражданская) – «состояние опрокинутой народной нравственности», поскольку она обесценивает человеческую жизнь, санкционирует убийства людей без суда и следствия, ликвидирует демократические свободы, делает вполне позволительным безвозмездное присвоение чужой собственности.

Огнекрылая романтика революции быстро изжила себя в непрекращавшихся грабежах и насилиях, дележе чужой собственности, жестоких расправах, испепеляющих пожарищах, в ошалелом буйстве того страшного, бессознательно жестокого, архаичного, что прячется где-то в потаенной глубине, в тени человеческой природы. Сотни и тысячи искалеченных человеческих судеб были принесены на жертвенный алтарь Революции...

Один из эмигрантских мемуаристов Сергей Штерн, оценивая масштабы той трагедии, которую принесли простым людям революция 1917 г., империалистическая и

гражданская войны, справедливо отмечал: «Люди средних классов слишком пострадали с 1914 г., вынесли слишком много лишений и горя, вытерпели слишком много ударов судьбы. Материально и морально средние классы были, бесспорно, **пасынками исторической судьбы**, они поэтому так и нуждаются в передышке, отдыхе, просвете (выделено мною – **И.К.**). События обрушились на многоликого среднего человека – среднего материально и духовно – всей своей тяжестью, не дав даже крошек с пиршеского стола баловней судьбы... Самая элементарная справедливость требует, чтобы так больше не было».

Для гражданской войны были характерны многочисленные проявления «коллективной ответственности», когда за преступления одного расстреливали, наказывали десятки и сотни лиц, не имевших к нему никакого отношения. При восприятии людей тогда, в атмосфере социальных потрясений, особо важное значение приобретали классовые стереотипы, разделение по принципу «чужой - свой», проповедывалась классовая ненависть. Все это не могло не сказаться на образе мыслей и чувств, поведении людей.

Одно из ярких тому свидетельств – приводимые ниже документы из переписки Ишимской уездной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, а также о реквизиции и конфискации движимого и недвижимого имущества у граждан Ишимского уезда (1919-1922 г.г.). Как явствует из содержания документов, даже отступление с белыми под угрозой оружия приводило нередко семьи лиц, заподозренных в малейшем соучастии в колчаковщине, к необоснованным гонениям и преследованиям после восстановления Советской власти в Сибири. В такой обстановке появилось немало «темных» личностей, которые под видом классовой ненависти стремились безнаказанно нажиться за чужой счет, свести личные счеты с бывшими представителями эксплуататорских классов, буржуазии.

Имущество, недвижимое купцов, торговцев, представителей интеллигенции, отступавших с белой армией или же подозревавшихся в этом, национализировались, передавались советским учреждениям, местному руководству, высокопоставленным служащим. Органы ВЧК на местах, политбюро устанавливали за прежними «эксплуаторами», духовенством негласную слежку, тщательно контролировали их деятельность. Понятно, что за всем этим стояла подчас человеческая трагедия. Так, несмотря на прошения в губернские и уездные органы власти, А.И.Родчеву, вдову И.Ф.Родчева, маститого купца, почетного мирового судьи Тобольского окружного суда, жителя села Викулово Ишимского уезда, лишили принадлежавшего ей по праву дома и имущества (к тому же существенно разграбленного к моменту ее приезда домой), оправдывая это тем, что ее муж – «капиталист, буржуй и эксплуататор».

При этом Ишимский уездный отдел социального обеспечения был буквально завален жалобами на невыносимые жилищно-бытовые условия, прошениями обездоленной, отчаявшейся крестьянской бедноты о предоставлении одежды, обуви, продовольствия. В связи с этим можно привести справедливое замечание известного русского социолога П.А.Сорокина: «...Возьмите сотни и тысячи тех «примазавшихся» «коммунистов», которые под покровом «высоких слов и святых мотивов» («война дворцам – и мир хижинам», «углубление революции», «защита трудового народа») попросту грабили у всех и все, что было ценно, – деньги, вещи, белье, квартиры и т.п. – «реквизировали», «секвестировали», «социализировали», следуя лозунгу: «Что твое – мое, что мое – мое». В этих и в тысяче других факторов под высокими словами кроются «низкие истины» биологических appetitov».

Настоящие «хождения по мукам» пришлось испытать в суровой Сибири беженцам из европейской части России, с Украины. Вихрь революции, империалистической и гражданской войн безжалостно разметал человеческие судьбы по всем уголкам необъятной Российской империи. Увы, революция 1917 г. не смогла решить всех «проклятых» вопросов российской действительности, сделать сразу же счастливыми и свободными всех униженных и оскорбленных.

Один из литературных деятелей 20-30-х г.г. XX в. Евг. Лунберг дал такую оценку событий 1917 – 1921 г.г.: «В революциях, какими мы их знаем из истории, есть великий истори-

ческий запрос. Есть трагическое – в беспощадном попрании личности личностью и личности тем или иным коллективом. Есть искушение – в сочетании крайностей. Жестокость и самопожертвование переплетаются так, что их очертания теряются».

Заявление в Ишимский уездный революционный комитет гражданина с.Армизон той же волости Ишимского уезда Омской губ. Никандра Лавровича Снегирева (без даты).

Я, гражданин вышеуказанного общества Снегирев, от роду мне 75 лет. При отступлении белых под угрозой штыка выехал с ними до станции Любинская Омской железной дороги в подводах обоза учебной команды 57 полка. До вышеуказанного места меня не сменяли, хотя я и просил смену. Сменившись из подвод, я прибыл в свое село 19 ноября 1919 г.

За то, что я уезжал с белыми в подводах, у меня взяли собственный дом и поместили в него квартирантов, а я живу уже два месяца без приюта. С квартирантами мне жить не приходится, потому что меня понапрасну изъедают семьи квартирантов 6 человек, а домик мой мал, и все, что мной приобретено трудом, они уничтожают.

Никаких контрреволюционных выступлений со стороны общества не имеется, а поэтому прошу дать распоряжение Армизонскому волисполкому убрать из моего дома квартирантов и впустить в мой дом меня с семьей.

Заявление в Военно-Чрезвычайную комиссию от гражданки с.Викулово Ишимского у. Анны Ивановны Родчевой 16 декабря 1919 г.

В ноябре месяце с.г. при занятии с.Викулово советскими войсками, было реквизировано наше движимое и недвижимое имущество, находящееся в с.Викулово. Причиной реквизиции было то обстоятельство, что ни одного из членов нашей семьи не было дома, во время занятия нашей местности Советскими войсками. И потому Викуловский ревком, а также Советские военные власти считали нас как бы бежавшими от советских войск с «белыми», т.е. колчаковскими войсками. В действительности наше семейство не бежало, а было в отлучке по нижеследующим причинам. Глава нашей семьи очень редко находился дома, то есть в с.Викулово, а все время проживал в г.Омске, где у нас находится свой дом на Банной улице № 68, и в последний раз выехал из с.Викулово в первых числах августа, т.е. более чем за 20 дней до первого занятия Советскими войсками с.Викулово.

Я же, Анна Ивановна Родчева, выехала из с.Викулово 10 июля в г.Тобольск. Причиной моего выезда была моя болезнь, по окончании которой я принуждена была из-за болезни моего мужа присутствовать на собственном пароходе «Коля», который в это время перевозил разные съестные продукты для почтового кооператива и для Северосоюза в г.Тобольске. С 23 июля наш пароход был занят перевозкой хлеба для остаточного населения северной части Тобольского уезда по реке Конде, а именно для сел: Болчары, Нахрачи, Левуши по 8 октября.

И вот с этого числа был **реквизирован наш пароход колчаковскими войсками** – после чего я приехала в город Тобольск, откуда выбыла в город Омск, в который и прибыла в последних числах октября. Приехав в город Омск, я застала своего мужа серьезно больным испанской инфлюэнцией (гриппом – *прим. И.К.*), от которой последовала и смерть 6 ноября. Так что я в силу вышеизложенных обстоятельств была лишена возможности выехать в с.Викулово, при этом еще мой выезд в село Викулово не мог состояться, так как невозможно было получить пропуск, потому что в это время в районе Викулово – Омск происходили военные действия, и только с занятием г.Омска советскими войсками, то есть после 11 ноября, мы могли получить пропуск на право проезда до с.Викулово, после получения которого мы и выехали из г.Омска 3 декабря и прибыли в с.Викулово 7 декабря. Сын мой Николай также не мог находиться в с.Викулово, так как он проходил курс учения в Омской 1-й мужской гимназии, где состоял учеником 5 класса. Приехав в с.Викулово, мы нашли наше имущество реквизированным, экономку (которая была нами оставлена во время нашего отсутствия) Александру Андреевну Карпову удаленной, и на нашу просьбу к Вику-

ловскому ревкому, чтобы позволить нам жить в своем доме, несмотря на все наши, как бы казалось, веские доказательства, нам было отказано. Мотивом отказа было то, что мы, якобы, бежали, и при поверхностном осмотре нашего имущества очень много его не оказалось, и на вопрос, заданный нами нашей экономке, куда девались эти вещи, она ответила, что не знает, так как ревком ее удалил, не принял от нее на учет наше имущество.

Ввиду вышеизложенного просим В.Ч.К. рассмотреть наше заявление и также проверить указанные нами факты, что мы не бежали, а действительно были в силу вышеуказанных обстоятельств в отлучке, ибо бежать нам было незачем, так как в никаких контрреволюционных выступлениях наш дом никогда не был замечен. В доказательство чего просим В.Ч.К. запросить население Викуловского района, и мы уверены, что не найдется ни одного селения, которое могло бы заподозрить нас в контрреволюционных действиях.

Доказательством чего может служить еще то обстоятельство, что когда приехал карательный отряд для расправы над советскими работниками 14 октября 1918 г., которые в том же 1918 г. реквизировали у торговцев с.Викулово товар, и мой муж, который был опрошен в числе других, не имеет ли он какой претензии по случаю реквизиции у него товара, несмотря на то, что у нас было более чем у других реквизировано товара, никакой претензии не заявил, а сказал, что получил за свой товар то, что ему следовало. Во второй раз, когда приехал карательный отряд в августе месяце с.г. (1919 – *И.К.*) и опять начались аресты лиц, сочувствующих Советской власти, то только благодаря моему мужу их освободили из-под ареста, и они не были истязаемы. Поэтому у нас не было никакой цели бежать от наступления советских войск, притом, еще нами ничего не было взято из имущества, что носило бы характер беженства. Также и то обстоятельство, что мы из Омска никуда не бежали, а находились в собственном доме, опять-таки опровергает факт беженства.

Еще раз просим В.Ч.К. рассмотреть и проверить все вышеизложенные доказательства и факты и дать нам разрешение на право пользования нашим имуществом, а также произвести расследование, где находится наше имущество, которого не хватает. Ждем от В.Ч.К. рассмотрения нашего заявления и разрешения его в благожелательном для нас смысле.

Анна Ивановна Родчева.

Обвинительный акт

21 июля 1920 г.

Народный следователь Ишимского уезда Массальский, принимая во внимание, что на предварительном следствии установлено, что гражданин села Викулово Иван Федорович Родчев, капиталист, буржуа и эксплуататор, и, что он 24 октября 1919 года умер, а наследница Анна Ивановна Родчева не проживает в селе Викуловском, из чего усматривается тот факт, что Анна Родчева не нуждается в наследстве, а потому постановил: дело передать народному судье 6 участка Ишимского уезда для конфискации имущества покойного Ивана Федоровича Родчева, находящегося в селе Викуловском.

Народный следователь 3 участка А.Массальский.

Заявление в Ишимский исполнительный комитет гр. Гугина Павла Александровича

18 февраля 1922 г.

Настоящим заявляю, что, служа ответственным кассиром от Петроградской Биржевой Штиблиц-артели в Ишимском отделении Русского для внешней торговли Банка, был эвакуирован в 1919 г. белыми в город Томск с банком, сопровождая ценности, а также со мной выехала и моя семья; имущество, состоящее из квартирной обстановки, было оставлено в той квартире, где я проживал, по улице Луначарского дом □ 35 сверху. Возвратился в Ишим в 1920 году в апреле месяце, как реэвакуированный из города Томска в город Ишим в уфинотдел, сопровождая банковское имущество.

В 1920 г. с апреля месяца находился на службе в Ишимской конторе по заготовке сена, а с 1 сентября 1920 года по 11 ноября 1921 года в Ишимской продконторе в

качестве кассира, а с 11-го по 1 ноября текущего года был уволен за сокращением штата, нахожусь без должности до сего времени, приходится жить исключительно продажей своих вещей. Не имею никакого недвижимого имущества, а семья у меня из 4-х человек, ввиду дороговизны жизни приходится нести все на базар продавать или менять на продукты, чтобы можно было существовать. Потому и прошу вернуть мне ту обстановку, которая была оставлена мною в квартире по улице Луначарского в д. □ 35 сверху, часть которой находится до сего времени там. В квартире проживает сотрудник Политбюро (уездные органы ВЧК – *прим. И.К.*) тов. Сафонов, обращался к нему частно, он заявил, что обстановка конфискована Политбюро и выдать ее он не может. Еще раз заявляю, что все те вещи куплены на свои средства, приобретались с 1912 г. в течение семи лет на грошовые сбережения.

П. Гугин.

Выписка из протокола □ 82 заседания Президиума Ишимского уисполкома

29 декабря 1922 года

Слушали:

8. Переписку с заявлениями на имя уисполкома, губисполкома и ВЦИК гражданина города Ишима Александра Васильевича Марденского (известного ишимского купца до революции 1917 г. – *прим. И.К.*) о возвращении ему дома, находящегося в г.Ишиме, по улице Луначарского, под □ 54, национализированного уисполкомом 12 сентября 1921 года по протоколу □ 39 и вновь подтвержденного (в национализации – *И.К.*) Президиумом уисполкома 3 июля 1922 г. по протоколу □ 36, каковой протокол утвержден губисполкомом 8 июля с.г. по протоколу 485.

Национализация означенного дома произведена, во-первых, как бесхозяйственного, так как Марденский отступал с колчаковским правительством, то есть **с врагами Советской власти** (выделено мною – *И.К.*) и, во-вторых, дом по оценке в дореволюционное время превышал 10000 рублей.

Постановили:

Ввиду приведенных соображений, а также приложенной справки коммуналдела от 4 декабря 1922 года в ходатайстве Марденского о возвращении ему дома отказать, согласно постановления президиума губисполкома от 2 марта 1922 г., протокол Президиума Ишимского уисполкома от 3 июля 1922 г. за □ 36 оставить в силе. Копию настоящего постановления вместе с заявлением Марденского и всей перепиской представить в губисполком.

В Ишимский уездный военно-революционный комитет

от гражданки Анны Павловны Чуркиной,
проживающей в селе Лихановском Ишимского уезда

Прошение

Село Лихановское 14 января 1920 г.

В прошлом марте месяце 1919 года муж мой Николай Игнатьевич Чуркин был мобилизован белой армией. Будучи псаломщиком вышеназванного села, он не мог чем-либо обеспечить меня, и я осталась без него с грудным ребенком без всяких средств существования. Не имея средств платить за квартиру, я перешла в дом моего отца. По первым слухам о приближении войск Красной Армии к нашему селу мой отец, лихановский гражданин Павел Георгиев Васильев, заранее наслышался разных небылиц о Красной Армии, оставил свой дом, от страха бежал с белой армией.

В настоящее время граждане села Лихановского усмотрели в этом бегстве моего отца, **как соучастника белой банды** (выделено мною – *И.К.*), и весь гнев граждан обрушился на меня, уже и так несчастную.

В прошлом декабре 1919 года волостной ревком решил строго наказать меня за поступок отца и наказал... Эти предметы (10 пудов пшеницы, прочее продовольствие – *И.К.*) были описаны волостным ревкомом и в то же время определили меня с дитем на паек в размере 1,5 фунта хлеба и полфунта мяса (фунт – старинная русская мера

веса, равная 409,5 г – *прим. И.К.*). Умоляю военно-революционный комитет ради моего дитяти снять с меня этот ужасный паек, от которого я еле таскаю ноги. В чем и подписуюсь. Гражданка села Лихановского Анна Чуркина.

Постановление □ 2

20 февраля 1920 г.

На собрании беженцев 20 февраля в количестве тридцати человек, проживающих в Ларихинской волости, на повестку дня были вынесены следующие вопросы: 1. О помощи для беженцев. 2. О жалованье для секретаря и председателя комитета.

Мы, беженцы, на общем собрании решили просить Ишимский уездный исполнительный комитет о помощи, так как мы находимся в настоящее время в критическом положении. Вы обратите внимание, что теперь – у кого хлеб – у того, разумеется, и деньги, а у нас нет хлеба, нет и денег, а которые заработали летом, те, известно, ни при чем. От нас требуют, чтобы шли работать за тридцать верст пилить дрова, но в чем же нам туда ехать работать, когда мы не имеем никакой одежды. Все обязанности, какие от нас требуются, мы исполняем, а хлеба брать неоткуда. В волостном комитете у нас ничего нет, а потребительских лавок у нас вовсе не существует.

Товарищи, обратите внимание на нас, что для нас Сибирь эта стала в настоящее время и без одежды хуже каторги, и мы просим вас, товарищи, отправить нас на родину или на помещичьи земли и казенные участки, которые в настоящее время находятся свободными.

В настоящее время у нас, если даже кто умрет из беженцев, то даже досок негде взять, сделать гроб и купить не за что, так что приходится хоронить в одной какой-нибудь худенькой рубашке.

По второму вопросу решили просить комитет о жалованье для членов нашего комитета, и все дела и пакеты, относящиеся к беженцам, посылать в Ларихинский беженский комитет, а не в исполком.

Просим комитет дать нам разъяснение настоящего постановления и, если это возможно, указать нам срок отправки на родину.

Председатель беженского комитета Сергейчик.

Секретарь Максимук.

Заявление коменданта г.Ишима тов.Корнилова председателю Чекатифа

28 февраля 1920 г.

Мною было получено заявление от гражданина Владимиров, проживающего в деревне Стрехниной (село Стрехнино – *прим. И.К.*). В заявлении он указывал на скверное помещение, где приходится ему ютиться с семьей в числе 12 человек. Помещение представляет земляную халупу, какой даже в Индии не приходилось мне видеть, семья же его наполовину болеет тифом, и не представляется здоровых изолировать от больных. Когда же тов. Владимиров обратился к председателю сельского совета с просьбой предоставить ему освободившийся дом гражданина Черепанова, на что председатель заявил, что этот дом будет занят под Народный дом. Я, в свою очередь, вызвал председателя Совета, и после переговоров со мной он согласился предоставить освободившийся дом тов. Владимирову, но, к сожалению, этого не случилось, так как явился новый тормоз в лице жиялковского волостного комиссара Черепанова. Мной был вызван комиссар Черепанов для личных переговоров, из его разговоров я понял, что этого не хотят односельчане, которым дико кажется занять человеку чужой дом.

Прошу сделать надлежащее распоряжение о предоставлении тов. Владимирову помещения, пригодного для жилья.

В Ишимский исполком

от Калмакского волисполкома

20 декабря 1922 г.

Настоящим просим дать разъяснение. Может ли волисполком возратить лавку бывшему торговцу села Калмакского Филиппову Павлу, так как эта лавка в настоя-

щее время занята под Народный Дом и оборудована так, как полагается в таком случае. П.Филиппов со дня революции проживал подалеку от своего места жительства, в настоящее время прибыл и хочет продать свою собственную лавку, и так как вик (волисполком) не осмеливается возвратить лавку, просьба в самом непродолжительном времени ответить.

ПредВИК Сурин.

(Резолюция Ишимского уисполкома): Лавка является достоянием республики, возврату не подлежит.

Циркуляр политического бюро при Ишимской уездной рабоче-крестьянской советской милиции начальнику милиции 2 района, с.Абатское

Секретно срочно (февраль 1921 г.)

Предлагается Вам принять самое неотложное и серьезное наблюдение за духовенством, следить куда они ездят и за чем, кто к ним приезжает из города или деревень. Постараться завербовать кухарок, если таковых имеют те или иные духовные лица. Если они не пожелают, то использовать их под видом обвинения (т.е. шантажировать – **прим. И.К.**), не допуская собрания духовных лиц, препятствовать под каким-либо предлогом; также тщательно следить и препятствовать каким-либо путем делать собрания церковных сходов в разрешении таковых уездотделом управления, и если последний разрешает, то обязательно на собрании должен присутствовать надежный партийный. (...)

Принять самые серьезные меры еще в следующем: на днях из города в уезд отправляется из народобраза (отдела народного образования – **И.К.**), уездвоенкомата лица с культурно-просветительной целью, поэтому (обратите внимание) на работу осведомительной сети, руководство каковой лежит на Вашей ответственности. Все даваемые сведения не должны основываться на слухах, а должны быть строго и всесторонне проверены. Осведомителям поставить в обязанность давать регулярно сведения о положении местности данного района. Настоящее распоряжение должно быть выполнено Вами лично или возложено на надежного, опытного помощника, и к 6 февраля дать по телеграфу или нарочным сведения о принятых Вами мерах в исполнении настоящего распоряжения.

Замзавполитбюро Недорезов.

Отношение начальника милиции 2 района Ишимского уезда старшему волостному милиционеру

2 марта 1921 г.

Препровождая копию отношения политбюро, предлагаю таковую точно, в срочном порядке исполнить и об исполнении срочно с нарочным донести мне.

Письмо викуловского лесничего С.Трофимова в Ишимский уездный лесной подотдел

30 марта 1920 г.

(...) Препровождая настоящую переписку в Ишимский уездный лесной подотдел, покорнейше прошу оградить меня и лесную стражу от незаконных нападков и требований, как, например, убрать лесничего. Я поставлен на должность и утвержден центральным лесным отделом (ст.74 основного закона), уволить меня может тот же центральный лесной подотдел, но ни какая-нибудь кучка крестьян, которая не признает Советской власти и не исполняет ее распоряжений; лесная стража подозревается, якобы, в контрреволюции потому только, что она за самовольные порубки составляет протоколы, избираемая же крестьянами лесная стража служит не Советской власти, а обществу крестьян.

Ходатайствую о присылке от судебной власти человека для разбора настоящего дела и проверки подписавших постановление лиц и (прошу) выяснить, кто собственно контрреволюционер, лесничий ли с лесной стражей, или же Калиновское общество крестьян, которое **домогается смены лесной стражи, чтобы безнаказанно истреблять леса** (выделено мною – **И.К.**). Наконец, Калиновское общество не имело

права делать собрание без разрешения надлежащих властей, а потому постановление, составленное 19 сего марта, нельзя считать законным.

Викуловский лесничий С. Трофимов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Васильев Б. Покаянные дни// Родина. 1990. □ 10. С.8-11.
2. Из глубины: сборник статей о русской революции / С.А.Аскольдов, Н.А.Бердяев, С.А.Булгаков и др. М., 1990. – С.20-89.
3. Кузнецов И.С. Советский тоталитаризм: очерк психоистории. Новосибирск, 1995. С.13-14.
4. Платонов А.П. Чутье правды / Сост. В.А.Верина; Предисл. и примеч. В.А.Чалмаева. М., 1990. С.12.
5. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С.131.
6. Штерн С. В огне гражданской войны: Воспоминания, впечатления, мысли. Париж, 1922. С.192.
7. ИФ ГАТюмО, ф.2, оп.1, д.2, часть 1 (Переписка Ишимской уездной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией), лл., 4-6, 14, 15, 20-24, 33, 34; д.4 (Переписка о реквизиции и конфискации движимого и недвижимого имущества у граждан Ишимского уезда), лл. 8-16, 114-117, 205; ф.18 сч., оп.4, д.9 (Списки служащих религиозных культов), лл. 60-63.

Тексты публикуемых документов воссоздаются в соответствии с орфографией и стилистическими особенностями эпохи.

И.В. ПРИМАК

Редкие птицы Приишмья

Когда едешь на автомобиле по Казанскому тракту, то на всем протяжении от города Ишима до границы с Казахстаном разорванной цепью тянется по правую сторону дороги большая группа озер различной величины. Довольно часто на их водной глади можно наблюдать необычных, даже немного несуразных птиц. Это кудрявые пеликаны.

И в один из теплых весенних дней, когда майское солнце сладко греет неодетые березы, а воздух напоен запахом талой воды и травы, можно услышать, что эти южные жители вновь пожаловали к нам в гости.

Но кудрявые пеликаны предпочитают гостить на юге Каспия или в северной части Африки, сюда же возвращаются по праву прописки, по месту жительства. Вот уже много лет как облюбовали они заросшие тростником, с открытыми мелководными плесами озера в Армизонском и Бердюжском районах. Самая большая колония кудрявых пеликанов располагается в Окуневском заказнике, на озере Тундровом, Бердюжского района. Здесь, в глухих местах, на открытых и тростниковых сплавинах, гнездится более 200 пар этих удивительных птиц.

Как правило, пеликаны устраивают свои гнезда в труднодоступных тростниковых крепях, подальше от любопытных глаз, где и выводят потомство. Но на Тундровом озере почти все гнезда находятся на совершенно открытых сплавинах. А все потому, что птицы чувствуют себя здесь в полной безопасности. Рыбная ловля запрещена, за спокойствием на озере следит егерская служба. В самих же тростниках расположили плотными группами свои гнезда родственники и напарники по рыбной ловле - большие бакланы. Их колония из нескольких сотен гнезд находится по соседству.

Проплывая на лодке большой плес, пробираясь между небольших островков с шапками ярко-зеленой осоки, попадаешь в настоящее птичье Эльдорадо. Такое ощущение, что очутился в загадочной, неизвестной стране со своими звуками, тайнами, своим населением. Словно снежная метель кружатся над головой многочисленные чайки и крачки. Прикрыв водяной «ветошью» яйца, покинули свои сырые плотники-гнезда черношейные поганки. Поудобней устроившись в лодке, замаскировав ее охажкой бурых водорослей, прозрачным июньским утром, с биноклем в руках, наблюдаю за размеренной жизнью колонии. В гнездах, больших, куполообразных, из тростника, камыша и веток, расположенных вплотную друг к другу, уже большие птенцы. Эти

жилища пеликанов и по окончании строительства напоминают ровный помост, а к моменту, когда подрастут птенцы, представляют собой хорошо утрамбованные площадки, спокойно выдерживающие взрослого человека.

В последние годы пеликаны переняли моду у людей и не обременяют себя большим семейством - в гнезде редко бывает больше двух птенцов.

У подросших пеликанят удивительная любовь к братьям: не могут они находиться автономно в своих «однокомнатных» гнездах. Очень часто собираются в одну или несколько групп, образуя своеобразные детские сады. Взрослые птицы не выделяют своих птенцов из общей массы, а кормят полупереваренной пищей наиболее проголодавшихся. Пеликанята заталкивают свою голову в широко раскрытый клюв родителя и достают пищу из пищевода. По мере подрастания птенцов родители приносят им мелких рыбешек.

Изредка из колонии доносятся глухие звуки, похожие на рычание, - это «разговаривают» пеликаны. Наверное, дают родительское наставление птенцам, а может, просто обсуждают предстоящую рыбалку.

Нырять пеликаны не умеют, поэтому для более удачной охоты устраивают иногда на мелководье шумные коллективные облавы. Образуя полукольцо, производя как можно больше шума хлопающими по воде крыльями, начинают гнать рыбу. Постепенно полукольцо замыкается в плотное кольцо, и рыба оказывается в западне. Птицы хватают ее своим клювом-сачком, глотают, набивают мешки под клювом так, что иногда с трудом могут двигаться. Взлетает пеликан только с воды, тяжело отталкиваясь обеими лапами. Летит без видимого усилия, неторопливо взмахивая крыльями, странным образом напоминая ящера-птеродактиля.

В нашем регионе встречается и три вида лебедей: малый, или тундряной, лебедь-кликун и лебедь-шипун. И если малый лебедь может быть встречен лишь изредка во время полета (гнездится он в тундрах Ямала и Гыдана), то кликун и шипун выводят свое потомство на территории Приишимья.

Из водоплавающих птиц лебедь-кликун прилетает к нам раньше всех, когда в полях еще зимняя тишина, а на спящих гривах лишь появляются первые проталины. В конце марта в небе, уже по-весеннему ярком и высоком, можно услышать громкий и трубный голос лебедя-кликун. Гнездится он по всей области, вплоть до Ямала, в лесостепи поселяясь главным образом на озерах с обширными тростниковыми зарослями. Некоторые пары живут среди больших моховых болот и труднодоступных топей. Но иногда гнездятся в довольно обжитых местах, в непосредственной близости от «цивилизации». Одна такая пара несколько лет подряд выводила свое потомство на озере Большое Кабанье Казанского района. Она устроила свое гнездо в небольшой уютной лагуне, совсем рядом с шумной автотрассой, не обращая внимания на гул моторов и шуршание шин по асфальту. И в теплые майские дни, прямо из окна автомобиля, можно наблюдать за этой птицей, а в июне, когда в прибрежных ивняках устраивают свои гнезда-чаши сорокопуть-жуланы, любоваться всем лебединым семейством, неторопливо плавающим вдоль зеленой стены тростника.

Другой же, лебедь-шипун, в полете молчалив, лишь у гнезда издает глухой звук да при угрозе шипит, за что и получил свое название. Он прилетает уже к тому времени, когда весна широким половодьем да песнями жаворонков окончательно выпроваживает уставшую зиму. На расстоянии шипун хорошо отличается от кликуна характерной позой с красиво изогнутой шеей и несколько приподнятыми крыльями. У нас он гораздо малочисленнее кликуна и на гнездовании изредка встречается по самому югу области на густо заросших тростниковых озерах. Одно из постоянных мест гнездования шипуна - озеро Таволжан Сладковского района, большая часть которого покрыта зарослями тростника и камыша.

И кликун, и шипун очень привязаны к местам гнездования и, как правило, ежегодно возвращаются к своему старому гнезду. Ежегодно подновляясь и достраиваясь, оно достигает диаметра трех метров. Кладку из 5 - 7 яиц насиживает самка, лишь изредка отлучаясь на кормежку. Лебеди в это время очень задиристы и драчливы. На занятой

гнездовой территории, в радиусе 150 - 200 метров от гнезда, - «мертвая зона». Безжалостно изгоняются все птицы: лысухи, утки, поганки и серые гуси.

В июньские дни, когда на вырубках загораются остроконечные шапки иван-чая, а на озерах распускаются белоснежные кувшинки, появляются на свет маленькие лебедята и, едва обсохнув, уходят с родителями в тростниковые лабиринты. И в эту пору, если повезет, можно наблюдать у кромки зеленого камыша двух белоснежных, настороженно покачивающихся на волнах птиц. А рядом с ними нескольких нескладных грязно-серых «гадких утят».

Молодые кликуны и шипуны не торопятся обзаводиться семьями - лишь на четвертый-пятый год находят они себе подруг. А до этого парами и небольшими группами много странствуют, появляясь в летний период на многих озерах.

Отлет лебедей начинается в сентябре, когда осень щедро раскрашивает кармином и охрой лиственные наряды деревьев. А последние стаи прощаются с нами поздней осенью, когда размахистые ветра полностью снимут с берез и осин их разноцветные сарафаны.

Весной на берегах водоемов и приозерных луговинах скапливается много пролетной и гнездящейся птицы. Гортанно звучат голоса казарок, со свистом проносятся утиные стаи; словно часовые в серых шинелях, стоят по камышовым островкам серые цапли. И на иловатом мелководье озер невольно оставляют свои «автографы» пернатые странники. Вот из незамысловатых трехзнаковых иероглифов уверенная подпись цапли, а рядом с легкомысленными строчками малого зуйка степенная роспись большого кроншнепа.

Немного в стороне, среди низкорослой осоки, размеренно вышагивает по воде долговзая, чуть меньше голубя, с контрастным черно-белым оперением и длинными красными ногами птица. Там, где другие кулики преодолевают водное пространство прибрежной акватории классическим стилем, он, словно на ходулях, где по «колону», а где и по брюхо, перебирается вброд. Одно слово - ходулочник. Изредка по соседству с ним держится его ближайшая родственница - шилоклювка. Она выделяется своим длинным, тонким, словно изогнутым кверху клювом. Оба этих красноногих вида, с внешностью фотомоделей, лишь совсем недавно пополнили местную орнитофауну и уверенно обживают самые южные районы области. Вся жизнь этих птиц проходит рядом с водой, кормятся на мелководье, выискивая в толще воды различных насекомых: жуков, рачков, личинок. Здесь же, на берегу, и потомство выводят, а ходулочники очень часто строят свои гнезда вообще среди воды. В Сладковском районе на озере Таволжан они небольшими колониями селятся на мелководье, среди тростника.

Ходулочники - птицы очень компанейские и довольно охотно соседствуют с птицами других видов. Такое многовидовое, самое северное поселение у нас в области посчастливилось наблюдать в 1999 году, у райцентра Казанское. Несколько пар ходулочников устроили свои плотные гнезда на высоких земляных кочках среди воды, рядом с зарастающим водоемом. У всех уже были полные кладки из четырех глинисто-серых пятнистых яиц, очень похожих на яйца чибисов. Ходулочники не имеют покровительственной окраски, характерной для большинства гнездящихся на земле птиц, поэтому с гнезд они слетают заранее и, свесив ноги, надоедливо «текая», летают прямо над головой. К ним незамедлительно присоединились гнездящиеся по соседству травники, чибисы, поручейники и большие веретенники.

Таким психологическим атакам, с резкими криками и налетами, они подвергают всех непрошенных гостей. Даже болотный лунь облетает стороной такие шумные общезия.

Шилоклювки, в отличие от ходулочников, предпочитают селиться по сухим, почти лишенной растительности солончаковым и песчаным берегам озер. Здесь к постройке гнезда можно отнестись более беззаботно, его заменяет небольшая вырытая ямка на сухом берегу, как у малого зуйка. Ну а если селится среди илистых отложений или грязи, то и гнездо основательное, из травы и веток.

В Бердюжском районе весной 2001 года две пары шилоклювок гнездились на песчаном

берегу озера Окуневского, совсем недалеко от деревни Окунево. Как видно, это целебное озеро, широко известное своей голубой глиной, в большом почете не только у людей.

Нас взрослые птицы встретили короткими, громкими криками, то кружа у нас над головой, то перелетая по мелководью, тем самым оповещая своих птенцов об опасности. Один такой пушистый крапчатый комочек выскочил почти из-под самых наших ног и шустро шагнул в воду. И через мгновение маленький живой кораблик стал быстро удаляться от берега, оставляя за собой ровную строчку, пересекающую зеркальную гладь озера на две части. Взрослые же птицы, не умолкая, бегали у кромки воды. А плавающие поодаль нарядные утки-пеганки немного снисходительно наблюдали за всем этим семейным переполохом.

Еще один краснокнижный кулик, изредка гнездящийся лишь по самому югу Армизонского и Бердюжского районов, - степная тиркушка. Размером она чуть больше скворца. В полете скорее напоминает большую ласточку. Сходство усиливается за счет сильно вырезанного вильчатого хвоста. Селится небольшими колониями по сухим степям, глинистым и солончаковым участкам со скудной растительностью, но, как правило, не очень далеко от воды. Гнездо ее представляет из себя небольшую ямку, лишь немного выстланную сухими растениями. Кладка чаще насиживается ночью, а днем ее в основном обогревает солнце. Вполне вероятно гнездование и в двух других южных районах - Казанском и Сладковском. Материала и наблюдений над этим интересным и редким видом у нас в области собрано пока явно недостаточно.

Шилоклювка, черныш, ходулочник, чернозобик - даже не зная птицу «в лицо», сразу понимаешь, почему ее окрестили именно так. Каждая из них полностью оправдывает свое название. Кулик-сорока из их числа. Правда, хвост совсем не сорочий, гораздо короче, зато длинному оранжевому клюву позавидует любая белобока. В области встречается довольно широко, но везде достаточно редко, а в Пришимье, видимо, могут быть встречены лишь пролетные птицы. Одинок, а чаще парами, их можно наблюдать и в окрестностях г. Ишима. Селится по берегам озер и рек с песчаными или галечниковыми отмелями, а также на лугах с редкой растительностью. Гнездо-ямка в песке или гальке, практически без выстилки, устраивается на открытом месте, недалеко от воды.

Довольно часто эта птица имитирует насиживание в стороне от гнезда. При опасности гнездо покидает заранее и с резкими криками «кипик-кипик...» летает вокруг человека. Если покой потревожит какой-либо пернатый хищник, то яростно его атакует. Питается мелкими беспозвоночными на берегу или мелководье, при необходимости может и нырнуть.

Другой редкий и не менее интересный представитель куликов - гаршнеп - у нас встречается в открытых местах только на пролете. Для гнездования же выбирает холодную северную лесотундру и глухие болота северной и южной тайги. Его размножение, ввиду большой скрытности, мало изучено. Вполне возможно гнездование и в более южных местах, в том числе и в заболоченных лесах нашего региона. Одно постоянное весеннее местопребывание и токование у нас я наблюдал в 6 км северо-западнее г. Ишима, на небольшом лесном болоте с редкими кустами ивы. Каждую весну, в течение четырех лет, начиная с 1992 г., здесь регулярно токовало не менее двух-трех гаршнепов.

Отправляясь на весенние экскурсии в лес, я часто заходил на это болото ранним-ранним утром, когда желтый диск солнца медленно стягивал с холодного майского неба темную шаль ночи. Устроившись поудобнее на сухой валежине у комля старой раздвоенной березы на опушке леса, я любил слушать, как в одиночные песни ночных солистов вливаются свежие голоса утренних исполнителей. На соседнем дереве задорно распевал звонкую раскатистую песенку франтоватый зяблик. Его менее нарядная подруга уже наверняка сидела на яйцах в теплом, уютном, облицованном лишайниками и берестой гнезде. В густых купинах ивняка «варакали», аукали на все голоса голубогрудые пересмешницы - варакуши. По сухим соломенным стеблям тростника перелетали снежно-голубые синицы, белые лазоревки - жительницы глухих

болотных займищ. Нежным звоном колокольчика приветствовала просыпающийся лес овсянка.

И среди всей этой весенней многоголосицы с трудом можно разобрать странные звуки, падающие откуда-то сверху: «тутрук-тутрук...». Как будто гонялись друг за другом по небесной мостовой маленькие скачущие лошадки. Это токовали гаршнепы. Гаршнепы - птицы скрытные и осторожные, лишь весной, во время токовых полетов, можно вдоволь налюбоваться этой интересной и редкой птицей. Обитают они в очень сырых местах, гнездо свое надежно маскируют среди густой травы.

Не менее интересной птицей является и тонкоклювый, или малый, кроншнеп. Во второй половине XIX века он считался обычным и кое-где в численности превосходил два других вида - большого и среднего. Но с тех пор популяция тонкоклювого (малого) кроншнепа стала катастрофически снижаться. Причины этого никогда не были известны.

Профессор М.А. Мензбир в своей книге «Птицы России» писал, что сведения о нахождении этой птицы весьма отрывочны, потому что большинство охотников не обращают на него достаточного внимания или путают его с другими видами кроншнепов. Основным местопребыванием этого кулика он считал бассейн Средиземного моря, откуда малый кроншнеп распространяется на восток и лишь немного заходит за Уральский хребет¹.

Но вопреки его предположениям, в 1901 г. малый кроншнеп был найден далеко на востоке, у г. Барнаула, орнитологом-любителем А.П. Велижаниным.

И все же самые интересные и полные сведения о гнездовании этого кроншнепа были собраны орнитологом В.Е. Ушаковым в Юго-Западной Сибири. Еще в 1908 г. он находит малого кроншнепа около д. Красноперовой, что в 12 верстах от г. Тары. Несколько найденных гнезд располагались среди болота на маленьких островках-гривах. В последующие годы были обнаружены и взяты под наблюдение другие гнезда этого вида.

Но самую незабываемую встречу с малыми кроншнепами судьба преподнесет весной 1924 года. Вот как В.Е. Ушаков писал об этом во втором томе «Уральского охотника» за 1925 год: «...Весной минувшего года, в двадцатых числах мая я отправился вечером на тетеревиный ток. Последний находился на одном из многочисленных островов, разбросанных среди громадного торфяного болота на юге г. Тары. Пройдя довольно скоро восьмиверстное расстояние, я уже подходил к острову, где был тетеревиный ток. Солнце еще не село. Я отчетливо слышал тетеревиное бормотание, ток был в разгаре. Не желая распугивать с вечера краснобровых чернышей, чтобы сохранить ток в целостности для утренней зари, я взял вправо от острова и пошел напрямик, без дороги, болотом, созерцая весеннюю жизнь пернатых.<...>

Вдруг я заметил несколько птиц, летевших мне навстречу. По полету и фигурам я узнал в них своих старых знакомцев кроншнепов, а когда они уже были вблизи меня и начали издавать тревожные крики, так резко отличающиеся своим глухим, дребезжащим свистом от звонких трелей обыкновенного большого кроншнепа, сомнения не осталось - передо мной вились малые кроншнепы. Я пошел туда, откуда летели вившиеся надо мной птицы, а навстречу мне вновь летели такие же кроншнепы. Вскоре их было не менее двух десятков»².

Во все последующие годы не было ни одного достоверного сообщения о фактах гнездования тонкоклювого (малого) кроншнепа. Анализ многочисленных наблюдений остатка популяции свидетельствовал о значительном сокращении численности начиная с 1960-х гг. и о дальнейшем уменьшении в 1980-х гг. В 1990 году на знаменитом болоте было организовано первое специальное обследование, но, хотя биотоп существенно не изменился, тонкоклювые кроншнепы найдены не были. Были определены две причины отсутствия кроншнепов. Первое: вид все еще гнездится в этом регионе, но плотность гнездования пар так низка, что вероятность находки очень мала. Второе, и более вероятное: тонкоклювый кроншнеп больше не гнездится в данной местности потому, что ареал вида сократился и сместился в более пригодные биотопы, расположенные далеко от данного местонахождения.

Весь юг Тюменской области является сейчас предполагаемым местом для гнез-

дования этого вымирающего вида. В настоящее время мировая популяция этого кроншнепа не превышает 100 - 150 птиц.

В последние годы регулярно снаряжались экспедиции для весенних обследований вероятных районов гнездования. В одной из таких экспедиций, организованной в 1998 году Боннской конвенцией по мигрирующим видам, приняли участие и два ишимца - автор этих строк и С.А. Левченко, а также два уральских орнитолога - Г.В. Бойко и С.В. Родионов. Была обследована территория юго-востока Тюменской области (Вагайский, Викуловский, Абатский, Ишимский, Казанский районы) и левобережье реки Иртыш до г. Тары Омской области. Обследованы обширные участки верховых болот с озерами различной величины. Было найдено несколько гнездовых колоний большого кроншнепа, обнаружена большая популяция другого краснокнижного вида - скопы - из 14 жилых гнезд, множество других интересных видов. Но все многодневные поиски тонкоклювого кроншнепа, к сожалению, не увенчались успехом.

Филин, в отличие от тонкоклювого кроншнепа, к вымирающим видам, к счастью, пока не относится. Но и Красную книгу России покидать явно не торопится. Встречаясь практически по всей области, за исключением Крайнего Севера, нигде не бывает многочисленным. В Приишимье везде очень редок. За многие годы наблюдений мне всего лишь дважды посчастливилось наблюдать его в природе. Оба раза в Ишимском районе. Осенью 1994 г. одиночного филина видел в лиственном лесу севернее д. Опеновки, а летом 1997 г. встретил взрослого и плохо летающего, с остатками пухового наряда, молодого, в 3 - 4 км юго-восточнее д. Синицыно. Птицы держались в смешанном лесу, рядом с глубоким, заросшим оврагом. Взрослый филин, на удивление, подпустил к себе очень близко, не проявляя никаких признаков гнездовой агрессии, так характерной для многих сов. Лишь недоуменно рассматривал меня своими оранжевыми глазами.

Филин по праву считается ночным властелином среди птиц. Его завораживающе-жуткий голос легко нагоняет страх на лесных путников. В природе у филина врагов нет. По-настоящему опасным для него может быть лишь человек. Зато меню самого филина отличается большим разнообразием. В него входят многочисленные полевки и суслики, полосатые бурундуки и осторожные зайцы, голуби и тетерева, даже неприступные ежи попадают ему на десерт.

Трудно увидеть полет филина: очень редок и осторожен совиный «патриарх». Но если увидеть его все-таки возможно, то услышать полет не суждено никому. Эта большая, красивая птица, с размахом крыльев до двух метров, летает абсолютно бесшумно, словно большая ночная бабочка.

Наряду с филином редкими являются практически и все остальные представители этого отряда, гнездящиеся в Приишимье. Обитающую по южным районам сплюшку на широте чуть севернее г. Ишима замещает мохноногий сыч. Воробьиный сыч и ястребиная сова также изредка встречаются в более северных районах. Очень редка серая неясыть. Более обычны на гнездовании бородатая и длиннохвостая неясыти. Одна-две пары бородатой и две-три пары длиннохвостой неясыти регулярно гнездятся в Синицынском бору в Ишимском районе. И лишь ушастая и болотная совы почти везде бывают обычными, а местами многочисленными.

К другим редким птицам нашего региона, кроме вышеописанных, относятся и некоторые представители отрядов гагарообразных, аистообразных, гусеобразных и соколообразных.

Таким образом, к наиболее редким птицам, гнездящимся на территории Приишимья, относятся следующие виды: чернозобая гагара, кудрявый пеликан, большой баклан, малая выпь, лебедь-шипун, лебедь-кликун, пеганка, белоглазая чернеть, скопа, осоед, степной лунь, луговой лунь, большой подорлик, орлан-белохвост, дербник, глухарь, ходулочник, шилоклювка, вальдшнеп, большой кроншнеп, степная тиркушка, филин, сплюшка, мохноногий сыч, воробьиный сыч, ястребиная славка.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Мензбир М.А. Птицы России. - М., 1895. - Т. 1. С. 326.
2. Ушаков В.Е. Уральский охотник. - 1925. - Т. 2. С. 32 -35.
3. Рябицев В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири. - Екатеринбург - 2001.

Культура края

Т.П. САВЧЕНКОВА

Храм во имя Петра Столпника в д.Безруковой Ишимского округа (неизвестные автографы П.П.Ершова)

Волнующее предожидание открытия появилось уже в момент беглого просмотра в апреле 2002 г. одной из описей фонда Духовной консистории Тобольского архива. Название дела под номером 231 гласило: «О разрешении крестьянам деревень Безруковой и Завьяловой выстроить вновь церковь в деревне Безруковой». После нескольких часов нетерпеливого ожидания — чувство потрясения и радости: шесть неизвестных автографов Петра Павловича Ершова и чертежи храма во имя Петра Столпника, храма, казалось еще совсем недавно, навсегда утраченного нами...

Петровская церковь в деревне Безруковой (селе Безруковском) Ишимского уезда Тобольской губернии — родине автора «Конька-горбунка», строилась с 1862 по 1876 гг. и была разрушена в июле 1969 года. До самого последнего времени о внешнем облике этого храма, возведенного при содействии самого Ершова, можно было судить только по графическому рисунку в журнале «Нива» за 1898 год и фотоснимку 1960-х годов, на котором церковь уже без колокольни и с зияющими оконными проемами. В литературе о П.П.Ершове упоминания об этой церкви и участии Петра Павловича в ее строительстве достаточно редки. О ней писал в конце XIX века Н.И.Палопеженцев, ялуторовский педагог и общественный деятель, занимавший в течение нескольких лет должность чиновника по крестьянским делам в Ишимском округе¹, а в XX веке — тюменские литературоведы и краеведы Л.Г.Беспалова², Ю.А.Дворяшин³. И все они обращались, прежде всего, к книге А.К.Ярославцова, включившей письма самого Ершова и воспоминания его жены Елены Николаевны Ершовой, урожденной Черкасовой⁴.

В книге этой есть цитаты из двух писем Петра Павловича к родным за 1858 год, когда он, будучи директором училищ всей Тобольской губернии, совершал длительные инспекторские поездки по бескрайним сибирским просторам и не пропускал ни одной возможности для посещения Безруковой. В письме от 22 февраля он сообщал: «Я остановился часа на два на своей родине, ходил смотреть место, где был комиссарский дом, в котором я родился. Смотритель училищный, провожавший меня до Безруковой, хотел посадить около места дерево — на память, а во время приноса иконы Божией Матери в Безрукову — отслужить на месте дома молебен...»⁵.

И в другом своем письме, от 23 ноября, он пишет жене следующее: «Милая Елена. Вот я и в Ялуторовске. Это последний город настоящего моего маршрута, а потом к вам, обнять тебя и милых детей. Из Ишима я выехал в субботу, в 5 часов. Обедал у смотрителя вместе с П.И., который приехал проводить меня. В 6 часов мы были уже с смотрителем в Безруковой, месте моего рождения, и пили чай. Тут явилось несколько крестьян с сельским головой, с просьбами о моем содействии — соорудить в Безруковой церковь. Они хотят составить приговор — в течение трех лет вносить по 1 рублю серебром с человека (а их — душ, примерно, до 800), что в три года составит до 2500 р.с. Мое дело будет — испросить разрешение на постройку церкви, доставить план и помочь по возможности. Смотритель сказал, что церковь надобно соорудить во имя преподобного Петра, и крестьяне согласились. Место для церкви они сами выбрали то самое, где был комиссарский дом, то есть именно там, где я родился. Признаюсь, я целую ночь не спал, раздумывая о том — неужели Господь будет так милостив, что исполнится давнишнее мое желание и освятится место моего рождения

и восхвалится имя моего Святого. Недаром же в нынешнем году в календаре в первый раз упомянуто имя его. Сближение, как ни суди, пророческое. А как приятно мне было слышать от старых крестьян нелицемерные похвалы моему отцу! Все это составило для меня 22 число одним из приятнейших дней моей жизни»⁶.

Недавно обнаруженные документы из Тобольского архива с автографами П.П.Ершова дают возможность увидеть, как осуществлялись высказанные в письме намерения писателя по поводу возведения храма на его родине, а также представить непростую историю «хождений» крестьян деревень Безруковой и Завьяловой, вознамерившихся организовать самостоятельный приход и построить церковь на свои средства и «доброхотные» пожертвования.

Дело, хранящееся в фонде Тобольской Духовной консистории, объемом в 112 листов, включает в себя прошения, донесения, сопроводительные бумаги Ершова, указы Тобольской Духовной консистории и резолюции Тобольского губернского правления, приговоры Черемшанского волостного правления и рапорты Ишимского земского суда, личные прошения крестьян епископу Феоносту, проект храма и т.д. Оно началось в феврале 1859 г., а завершилось 24 марта 1863 г.⁷.

На самом первом листе этого дела можно видеть прошение Статского Советника Петра Ершова Его Преосвященству Феоносту Епископу Тобольскому и Сибирскому:

«Государственные крестьяне Ишимского округа Черемшанской волости деревень Безруковой и Завьяловой уполномочили меня ходатайствовать у Вашего Преосвященства о дозволении построить им в деревне Безруковой однопрестольную деревянную на каменном фундаменте церковь. Представляя при сем два подлинные приговора крестьян упомянутых деревень, я имею честь покорнейше просить Ваше Преосвященство о дозволении построить в деревне Безруковой церковь во имя преподобного отца Петра Столпника и исповедника, которого память церковь совершает 22-го февраля, а для пособия в построении церкви благоволить снабдить крестьян деревень Безруковой и Завьяловой книгою для сбора приношений на все время до окончательного устройства и освящения церкви. Статский Советник П.Ершов. Апреля «4» дня 1859 года» (Там же. Л.1 и об.).

Из первого «приговора», составленного 27 февраля 1859 года на общем собрании, становится известным, что в этот день крестьяне слушали «частное письмо Господина Директора Училищ Тобольской губернии Статского Советника и Кавалера Петра Павловича Ершова, адресованное к Исправляющему Должность Штатского Смотрителя Ишимских училищ Маршалову, в котором он, господин статский советник Ершов, вследствие словесно изъявленного нами в бытность его в деревне Безруковой искреннего желания построить в деревне Безруковой церковь принимает на себя по сему делу ходатайство» (Там же. Л.2).

И далее крестьянами выносятся «суждение», состоящее из 6 пунктов: «1-е. Что хотя деревня Безрукова, имеющая 262 души мужского пола, принадлежит к Градо Ишимской Богоявленской церкви, а деревня Завьялова, имеющая 237 душ мужского пола, принадлежит к Село Тоболовской Покровской церкви, однако же быть может высшему начальству будет благородно дозволить нам составить из означенных деревень особый независимый приход и построить в деревне Безруковой однопрестольную деревянную на каменном фундаменте церковь; 2-е. Жертвуем землю, потребную под сию церковь и под ограду ее; 3-е. Во имя ли Господне, во славу ли Пречистой Матери его, или в честь кого-либо из святых будет она построена, а также избрание плана и фасада ее — все это мы предоставляем совершенно на волю господина Статского Советника Ершова; 4-е. Жертвуем для имеющих быть при церкви священника и двух причетников следующие им по закону девяносто десятин земли и обязываемся выстроить дом для священника; 5-е. На постройку церкви по числу душ мужского пола в деревнях Безруковой и Завьяловой, которых состоит по последней ревизии 499 душ, согласны вносить в течение трех лет по одному рублю серебром с каждой души, что составит одну тысячу четыреста девяносто семь рублей серебром; 6-е. Недостаток этой суммы на постройку церкви мы надеемся восполнить пожертвованиями доброхотных дателей, для чего положили просить Его Высокопреосвященство Епископа Тобольского и Сибирского Феоноста о снабжении нас книгою для сбора приношений.

В чем постановя сей приговор представляем оный вместе с просьбою к Преосвященнейшему Владыке о дозволении и благословении строить церковь — на благоусмотрение Высшего начальства. К сему приговору вместо крестьян Осипа Нечаева, Ивана Старкова, Андрея Корзухина, Агафона Шарапова, Андрея Калмакова, Михаила Карпова, Гаврилы Евдокимова, Федора Белоногова, Ивана Шихова, Власа Аверина, Григория Турунова, Семиона Иванова, Терентия Шихова, Василия Карпова, Власа Карпова, Николая Карпова, Степана Карпова, Егора Бронникова, Григория Андриянова, Артемия Баженкова, Дмитрия Дехтерева, Михаила Савенкова, Якова Афонасьева, Андрея Отвесова, Гаврилы Шихова, Феклиста Дехтерева, Павла Иванова, Василия Белоногова, Варлама Отвесова, Петра Васильева, Ефима Улеева, Иннокентия Андреева, Максима, Петра, Александра, Романа, Поликарпа Завьяловых, Василия Берешкова, Ильи Завьялова, Петра, Осипа Завьяловых, Михаила Пахтусова, Ивана Пахтусова, Матвея, Герасима, Екима, Федосея Беловых, Алексея Пахтусова, Александра Завьялова, Тимофея, Филиппа Завьяловых, Николая Завьялова, Павла Фролова, Ильи Завьялова, Ивана Пахтусова, Степана Сулова, Андрияна Завьялова, Абрама Берешкова, Федора Завьялова, Василия Завьялова, Василия, Осипа Завьяловых, Афонасия Завьялова неграмотных по их личной просьбе и за себя крестьянин Василий Дорофеев руку приложил» (Там же. ЛЛ. 2,3,об.).

Второй «приговор» от того же года, числа и с теми же подписями заключается в том, чтобы «испросить благословение на постройку в деревне Безруковой деревянной на каменном фундаменте однопрестольной церкви у его Высокопреосвященства Преосвященнейшего Владыки», а препровождать этот документ крестьяне поручают П.П.Ершову, также как и получение книги для «доброхотных дателей» (Там же. Л.4).

На заседаниях Тобольской Духовной консистории и Тобольского губернского правления было предписано Ишимскому Земскому суду собрать необходимые для разрешения постройки церкви сведения, что и было сделано ишимским заседателем Дмитриевым и депутатом с духовной стороны, священником Богоявленского собора Иоанном Вишневским, «показавшими» следующее: «1. Место, где предположено построить в деревне Безруковой деревянную на каменном фундаменте церковь, принадлежит крестьянам Илье Петрову и Ефиму Улееву, у которых находятся на том месте избы, подлежащие сносу на счет общества по обязательству, данному им; означенное место заключает в себе 34 сажени по поперечнику; церковь намерены построить посредством сбора денег в течение трех лет по 1 р. серебром и доброхотными пожертвованиями. К предполагаемому приходу должны отойти, по собственному желанию и согласию общества, деревни Безрукова от Градо Ишимского Богоявленского собора и Завьялова от Село Тоболовской церкви, первая по дальнему расстоянию и неудобному в весеннее время сообщению, а последняя по случаю тесноты помещения Село Тоболовской церкви; 2. Приход должен составиться из 440 душ; 3. Место под кладбище крестьяне отводят в 200 сажнях от церкви, под усадьбу для священноцерковнослужителей — против церкви в 30 сажнях от нее, пахотную и сенокосную землю в 99 десятин при деревне Безруковой — в 1 □ верстах от деревни и вся эта земля для предназначенной цели удобна; 4. Для содержания причта предполагают собирать с каждого работника, считая с 15 до 50-летнего возраста, каковых состоит в приходе 220 душ, по 20 копеек серебром с каждой и обязываются построить для причта удобные и приличные дома и поддерживать их на свой счет, не касаясь церковной суммы: до построения же домов дать причту удобные квартиры. По отчислению же деревень Завьяловой от Тоболовского прихода, а Безруковой от Градо Ишимского Богоявленского собора в означенных приходах остается: в 1-м — 345, а во 2-м — 2904 душ. К построению церкви в деревне Безруковой препятствий со стороны Земской полиции нет; 5. Из числа жителей деревни Безруковой 58 душ крестьян не желают поступить в предположенный приход, потому что причислились к Село Тоболовской церкви по добровольному согласию» (Там же. Л.18, об., л.19).

Последний пункт этого «рапорта», а также ряд других документов данного дела свидетельствует, что крестьяне двух деревень не были единодушны в своем решении возводить новую церковь. Несогласные с решением общего схода объясняли свой отказ тем, что ими уже были потрачены деньги на строительство Покровской церкви в селе Тоболовском.

Несмотря на это, деятельность по созданию нового прихода не прекращалась.

Настойчивость проявляют не только крестьяне, но и их «депутат» П.П.Ершов. В деле есть пять документов за 1860 г., написанных его рукой или с его подписью:

*В Тобольскую Духовную консисторию
Директора Училищ Тобольской Губернии
Июля 21 дня 1860 г.*

По доверенности крестьян Ишимского округа, деревни Безруковой, честь имею препроводить в Консисторию выданную из оной книгу для сбора доброхотных пожертвований на сооружение предполагаемой в этой деревне церкви

*Статский Советник Ершов
(Там же. Л.20).*

*В Тобольскую Духовную Консисторию
Доверенного крестьян деревни Безруковой
Ишимского округа Статского Советника Ершова
Донесение*

Представляя план и фасад на имеющую устроиться церковь в деревне Безруковой имею честь покорнейше просить Тобольскую Духовную Консисторию по надлежащем утверждении взыскать означенный план и фасад по принадлежности, вместе с разрешением устроить церковь

*Статский Советник Ершов
18 августа 1860 г.
(Там же. Л.53).*

1 октября 1860 г.

*В Тобольскую Духовную Консисторию
Статского Советника Петра Ершова*

Присланный ко мне крестьянами Тобольской Губернии Ишимского Округа Черемшанской волости деревень Безруковой и Завьяловой общественный приговор о построении церкви в деревне Безруковой при сем в Тобольскую Духовную Консисторию препроводить честь имею. Октября 1 дня 1860 года

*Статский Советник Ершов
(Там же. Л.56).*

16 октября 1860 г.

Благословенную грамоту, план и фасад на сооружение церкви в деревне Безруковой для доставления крестьянам означенной деревни получил доверенный их Статский Советник Петр Ершов

(Там же. Л.60).

*В Тобольскую Духовную Консисторию
Статского Советника Петра Ершова*

Представляя при сем приговор крестьян Черемшанской волости, деревень Безруковой и Завьяловой об избрании ими в церковностроители крестьянина Поликарпа Завьялова я имею честь покорнейше просить Тобольскую духовную консисторию сделать по сему надлежащее распоряжение

*Доверенный от крестьян
Статский советник П.Ершов.*

*Ноября «17» дня
1860 года
(Там же, Л.63).*

В этом же году Ершов вручает епископу Феогносту крестьянский приговор, в котором есть просьба «по разрешении постройки церкви» определить во вновь создаваемый приход священника. Им становится дьякон Градо Тобольской Кладбищенской церкви Семи Отроков Эфесских Николай Агафонов, который был рукоположен «Его Преосвященством, Преосвященнейшим Феогностом, Епископом Тобольским и Сибирским в 15-й день января 1861 года во храме Св. Антония и

Феодосия* во священника ко храму Святого Петра Столпника, что Тобольской Епархии Ишимского ведомства, в Безруковском селе»⁸.

Николай Агафонов, первый священник еще не построенного в 1861 году храма, и дьячок Евгений Буров, выражая желание прихожан, отправляют в Ишимское Духовное правление рапорт с просьбой «Походатайствовать у Его Преосвященства разрешения на сооружение к а м е н н о г о х р а м а (разрядка моя — Т.С.) во имя того же Св. Петра Столпника»⁹. Решение выстроить вместо деревянной церкви каменную объяснялось сложностями в доставке леса и «дороговизною онаго» (Там же. Л.73).

Тобольская Духовная консистория предписывает Ишимскому Духовному правлению доставить «сведение о состоянии прихожан с мнением, можно ли надеяться, что они выстроят каменную церковь», при этом указывая, что в Безруковском приходе всего — 382 души мужского пола — «число ограниченное» (Там же).

В своем рапорте епископу Феоносту от 22 марта 1862 священник Николай Агафонов, дьячок Евгений Буров и церковный строитель Поликарп Завьялов сообщают, что прихожане средства к сооружению каменного храма и м е ю т, так как в течение трех лет обязались вносить ежегодно по рублю серебром с души, кроме того имеются добровольные пожертвования, которых «по строительной приходной книге значится 1136 руб. 85 коп. серебром» (Там же. Л.76); в достаточном количестве церковной утвари и облачения; заготовлено 100 тысяч кирпичу и собственные кирпичные сараи. И, наконец, постройка деревянного храма по дороговизне лесных материалов обойдется немногим дешевле каменного. Выражая общее мнение, вышеозначенные лица просят разрешить «сооружать каменный храм по фасаду деревянному с тем, чтобы потолки сделать накатные, без сводов» (Там же. Л.76, об.).

К рапорту прилагалась «храмозданная грамота с фасадом». Эта грамота, жалованная епископом Феоностом 16 октября 1860 года, — очень красивый образец документа середины XIX века на плотной цветной бумаге, с орнаментом из переплетающихся стеблей, листьев, соцветий, а также рельефной сургучной печатью на прозрачной розовой ткани в виде фестоны. Печатный текст грамоты гласил:

БОЖИЕЙ МИЛОСТИЮ

По благодати, дару и власти Всесвятого и Животворящего Духа, данный нам от самого Великого Архиерея Господа и Бога нашего Иисуса Христа, чрез Святые Его Апостолы и их Наместники и Преемники, благословили мы, согласно прошению жителей деревень Безруковой и Завьяловой, состоявших в приходах Градо-Ишимского Богоявленского Собора, и Ишимского ведомства села тоболовского Покровской церкви, построить в деревне Безруковой вновь деревянную на каменном фундаменте церковь во имя Святого Петра Столпника, с образованием отдельного самостоятельного прихода. Каковая церковь должна быть заложена по чиноположению церковному, сооружена и построена во всем согласно данному плану и фасаду, с надлежащей прочностью, приличием и сообразностию во всех частях и принадлежностях. Достоверного же ради свидетельства, яко благословили мы соорудить церковь в селении Безруковском, дана сия грамота, рукою нашею подписанная и печатью утвержденная, в богоспасаемом граде Тобольске — в лето от рождества Христова тысяча восемьсот шестидесятое, октября в шестнадцатый день

Смиренный Феоност Епископ Тобольский и Сибирский.

Тот же Епископ Феоност, шестилетнее правление которого Тобольской епархией уже заканчивалось, так как 27 сентября 1862 г. он будет переведен в Псков¹⁰, вновь благословляет безруковцев. Вторая грамота, а точнее ее рукописный вариант, отличается от первой лишь одной фразой: «построить в деревне Безруковой вновь каменную церковь» и датой: «в лето от рождества Христова тысяча восемьсот шестьдесят второе, месяца июля в семнадцатый день»¹¹.

---

* Теплый храм кафедрального собора в Тобольске, построенный в 1746 г. В 1867 г. переименован во имя Покрова Пресвятой Богородицы — **прим. ред.**

Проект деревянного Петровского храма, по которому впоследствии строился каменный, был разработан в Тобольском губернском строительном правлении. На нем начертана резолюция, «дозволяющая» постройку и заверенная несколькими лицами, среди которых есть подписи гражданского губернатора Виноградского и губернского архитектора Д. Черненко, а над рисунком церкви слова: «Строение храма по чертежу сему Господь благословит! Феоно́ст Епископ Тобольский и Сибирский. 1860. Октября 16».

Одноэтажное здание храма в стилевом отношении представляет эклектичное соединение примет так называемого «русского» стиля, сформировавшегося в России в 30-50-е гг. XIX в. с барочными и классицистическими элементами. Оно имеет базиликальный или «кораблевидный» тип, как большинство храмов Западной Сибири XVIII-XIX вв., т.е. организовано по продольной оси: притвор с вырастающей из него восьмигранной колокольней в виде шатра и классицистическим портиком с двумя колоннами коринфского ордера соединяется с основным объемом небольшой трапезной. Основной объем имеет пятиглавое завершение и апсиду с главкой.

Форма основного объема необычна. Он представлен неравносторонним восьмигранником, расположенным поперек основной оси. Обращает на себя внимание и очень просторная (больше трапезной и равная двум третям основного объема) четырехгранная апсида с прямоугольным выступом — «своего рода» ризалитом. На южном и северном фасадах церкви по пять оконных проемов прямоугольной формы и по одному дверному проему. «Ризалит» апсиды имеет два окна аналогичной формы.

В декоративном оформлении фасадов наблюдается та же эклектичность: капители коринфского ордера, украшающие колонны портика западного входа и порталы южного и северного проемов, соседствуют с барочными фронтонами окон и входов. Центральная часть колокольни декорирована балясинами, а основание шатра — рядом килевидных кокошников. Верх притвора и основного объема имеет филенки и нишки прямоугольной, квадратной и восьмигранной формы.

При «перевосе» деревянного храма в каменный облик его стал несколько иным. Восьмигранный шатер приобрел опору в виде мощного куба звона. Единственным украшением этой части церкви стали полукруглые декоративные двойные фронтоны, а над ними — у самого основания шатра — треугольные выступы. Изменилась форма куполов главного объема, трансформировавшаяся из круглой в восьмигранную шлемовидную. Были построены и не предусмотренные проектом портики южного и северного входов. Сохранившиеся изображения дают представление и о характере кровли. Она кажется как будто «осевшей», почти плоской.

И в целом храм приобрел некую приземистость и тяжеловесность, но вместе с тем и особую монументальность. Он стал очень выразительной доминантой бескрайней лесостепной равнины, на которой и расположилось село Безруковское с рядом деревянных домиков.

Будучи уверены в получении разрешения на строительство каменной церкви безруковские крестьяне еще 26 марта 1862 года постановили на общем собрании иметь подряд на постройку каменного храма во имя Св. Петра Столпника. Постройку «единогласно присудили поручить знающему свое дело подрядчику Сибирского казачьего войска округа № 4 полка станицы Архангельской отставному казаку Фаддею Александрову Федорову» (Там же. Л.83). Перед Федоровым были поставлены условия: сделать кирпич «лучшей доброты, прокаленный по надлежащему, потпятный»; известь для кладки стен использовать ишимскую, для штукатурки — екатеринбургскую; заготовить железные решетки в окна «сколько таковых будет назначено по плану», три железные двери с наружными задвижками, с прочными петлями и крюками; внутри с северной и полуденной стороны сделать столярной работы полусветлые со стеклами двери и выкрасить белилами; во все окна сделать столярной работы двойные рамы, выкрасить также белилами на месте и врезать в них стекла; «самую как снаружи, так и изнутри церковь обштукатурить»; «для полов и потолков сосновые балки толщиной не тоньше 7 вершков в отрубе»; настлать полы сосновыми плахами «не тоньше двух вершков»; «представить кровельное железо и гвозди, сколько на всю церковь будет потребно»; «водосточные трубы с воронками красить черною краской» и т.д.

Общество, со своей стороны, принимало обязательства доставить для подмостков лес, построить сараи для хранения всевозможных стройматериалов, извести и пр. (Там же. Л. 7, 84, 85).

«Бригада» Ф.А.Федорова состояла из казаков «торгового общества» Сибирского казачьего войска 4-го полкового округа Алексея Муроя, Пимена Колесникова, Степана Друсевицкого, Трофима Павленкова, Демьяна Муроя, Петра Лямова, Александра Колесникова и Корнея Челапкина (Там же. Л.87). По всей вероятности, они и начали летом 1862 г. строительство храма.

Имя П.П.Ершова в документах за 1861-63 гг. уже не упоминается. Но из книги А.К.Ярославцова известно, что «заботы об устройстве церкви в селе Безруково составляли для него одно из самых отраднх занятий до последних минут жизни». Ему не удалось дожидаться окончания строительства и присутствовать, как ни желал он этого, при освящении церкви. «Свое посредничество для получения от правительства разрешения на сооружение церкви, всякое пожертвование, даже непосильное, в пользу церкви он делал охотно и в возможной тайне: так, для покупки некоторых церковных потребностей, заложил он однажды золотую цепочку от часов своих, о чем сказал жене уже только в конце своей последней болезни».

Рассказывает Ярославцов и трогательную историю встречи безруковцев с умирающим поэтом: «Ершов уже сильно изнемогал; он понял, что крестьянам нужна какая-либо помощь для отделяемой церкви, а он — ничем уже помочь не может. Проследился Ершов, заплакали крестьяне, да так и расстались с ним навсегда»¹².

А строительство храма было окончательно завершено, по свидетельству Н.И.Палопеженцева, только в 1876 году, то есть через семь лет после смерти Ершова¹³.

Но службы в храме совершались уже с 1866 года. В нем крестили, венчали, отпевали несколько поколений безруковцев и завьяловцев, имена которых, как и имена священников, от первого — отца Николая Агафонова и до последнего — отца Никифора Серебрянского, можно видеть в метрических книгах Петровской церкви с 1866 по 1919 год, хранящихся в Ишимском архиве¹⁴.

В 1919 г. храм закрыли, разобрал колокольню и превратив его в зерносклад, а потом и совсем забросили. Он стал использоваться как каменоломня для добычи кирпича в хозяйственных нуждах, а 20 июля 1969 г. его подвергли окончательному разрушению. Этот момент нашел отражение на фотоснимках ишимского фотографа В.И.Ипполитова, который в этот день оказался в селе и увидел только груды камней и деревянные балок. Двое мужчин сосредоточенно выбирали из этого завала отдельные уцелевшие кирпичи, относили их в сторону и укладывали в штабеля. Рядом с апсидой — единственной еще уцелевшей частью Петровской церкви, валялись два купола, ржавые листы кровельного железа и фрагменты кованых оконных решеток.

Так сибирская земля утратила одно из своих украшений, а вся Россия — памятник автору великой сказки, возведенный на месте его рождения.

И все же хочется надеяться, что новонайденные документы и чертежи храма во имя преподобного Петра Столпника будут способствовать его возрождению, а значит, и увековечиванию памяти писателя и просветителя XIX века Петра Павловича Ершова.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Палопеженцев Н.И. На родине автора «Конька-горбунка» // Нива. — 1898. - □ 46 (перепеч.: Коркина слобода: краеведч. альманах. - вып.1 — Ишим, 1999).
2. Беспалова Л.Г., Беспалова Ю.М. Тюменский край и писатели XVII — XIX веков. — Екатеринбург, 1998.
3. Дворяшин Ю.А. На родине автора народной сказки // Ишим далекий — близкий. — Ишим, 1997.
4. Ярославцов А.К. П.П.Ершов, автор сказки «Конек-горбунок»: биографические воспоминания университетского товарища. — СПб., 1872.
5. Там же. С.165.
6. Там же. С.179-180.
7. ТФ ГАТО. Ф. И-156. Оп.25. Д.231 «О разрешении крестьянам деревни Безруковой и Завьяловой выстроить вновь церковь в д.Безруковой».
8. ТФ ГАТО. Ф. И-156. Оп.25. Д.252 «То же к Безруковской вновь строящейся церкви дьякона Николая Агафонова».
9. ТФ ГАТО. Ф. И-156. Оп.25. Д.231. Л.71.
10. Софронов В.Ю. Светочи Земли Сибирской. — Екатеринбург, 1998. С.173.
11. ТФ ГАТО. Ф. И-156. Оп.25. Д.231. Л.100.
12. Ярославцов А.К. С.196, 198.
13. Палопеженцев Н.И. С.916.
14. ИФ ГАТО. Ф.829. Оп.1.

**«Только начинается Россия с городов таких, как мой Ишим»
(Ишим в жизни и творчестве В.Нечволоды)**

К моему глубокому сожалению, я не нашла в нашем домашнем архиве этих стихов моего мужа, поэта Владимира Нечволоды. Но, как сообщила мне Альвина Александровна Добрянская - член жюри конкурса «Тюменские имена», эти строки прозвучали в песне несколько лет назад на одном из конкурсов в исполнении ишимца Васи Финкеля.

...Когда-то, давным-давно, кажется, целую жизнь назад я, без особого сожаления, покинула Ишим, покинула места, где остались мое босоное детство, зачарованная есенинскими стихами юность, первая любовь, первые радости. В общем, все самое первое. Покинула в надежде найти другие, возможно, более счастливые места. Обуреваемая честолюбивыми замыслами, думала, что вряд ли вернусь когда-либо на свою малую родину, не ведая, что потом в далеком далеке меня, как птицу, потянет к родному гнезду.

Без печали, неоглядно счастлива, уехала я когда-то из своего родного Ишима. И только потом, после горьких потерь и утрат, поняла, что этот зеленый городок мне по-настоящему, по большому счету дорог. Там остались родительский дом, друзья-подруги, школа, мои учителя и такая Любовь, которая случается только однажды и выпадает далеко не каждому, и, как оказалось, - самая большая привязанность к красивейшим для меня заветным местам. Улочки этого города до сих пор, мнится мне, помнят меня молодой и красивой, неодинокой и бесшабашно храброй. И город этот, по моему глубокому убеждению, населен самыми умными, самыми добрыми и самыми дорогими моему сердцу людьми. И теперь, когда «я знаю боль и знаю мудрость ласки», меня все чаще зовет и манит к себе мой Дом - мой Ишим, где тихо-тихо живут мои воспоминания...

Знакомство

«Я родился 20 февраля 1945 года в семье офицера, политработника. Военная судьба - кочевая, поэтому мы с братьями рано узнали дороги, Родину. Почти каждый новый учебный год начинался для нас в незнакомом городе, школе. Камчатка, Прибалтика, Украина, Сибирь, Урал - всюду осталась частичка моего детства, юности. Ранние впечатления переосмысливались во взрослые годы, когда я вновь приезжал в знакомые места.

В 1962 году закончил школу рабочей молодежи в г.Ишиме Тюменской области. Работал тогда киномехаником в городском кинотеатре им. XXX лет ВЛКСМ, затем литсотрудником в газете «Ишимская правда», инструктором ГК ВЛКСМ, хударком в районном Доме культуры (Стрехнино). Закончив курсы рулевых, возил первую тюменскую нефть в баржах с севера области в Омск. Потом вновь вернулся к журналистской работе - корреспондентом и редактором Тюменского областного комитета по телевидению и радиовещанию, Северо-Казахстанского телевидения; четыре года отдал Бюро пропаганды художественной литературы тюменской писательской организации.

В 1975 году заочно закончил Литературный институт им. А.М.Горького.

Женат. Двое сыновей.

Автор шести сборников стихотворений, выходивших в Свердловске, Алма-Ате, Москве, и двух книг публицистики.

В.Нечволода

1 октября 1980 г.»

Эта автобиография была написана им для Свердловского книжного издательства в его последнюю книгу «На земле моей», вышедшую в свет в 1983 году. Но это было потом...

А сначала была хрустящая, со снежным конфетти Новогодняя ночь - сказка-выдумка моя... Реальность...

Мы познакомились в ночь с 31 декабря 1964 года на 1 января 1965 года в городском Доме культуры, в кабинете директора Кима Аркадьевича Осинцева. Почти нереальная, сумасшедшая ночь! А через две недели, в ночь с 13 на 14 января 1965 года, тайно «поженились», а еще через два месяца - 13 марта зарегистрировались в городском загсе. Присутствовали только работники горкома комсомола, где я работала техническим секретарем, и несколько друзей Володи из «Ишимской правды», литсотрудником которой был мой, теперь уже законный, муж, и его шафер и друг Володя Симагин. В свой дом по ул. Карла Маркса, 7, кв.9, где жила дружная нечволодинская семья, мы с Володей шли из загса пешком. Всю дорогу целовались. А вечером была небольшая дружеская вечеринка. Так началась наша супружеская жизнь.

Редакция

Коллектив редакции газеты «Ишимская правда» был небольшой, но очень веселый и находчивый. Редакторствовал тогда Николай Васильевич Бортвин («Шеф») - человек строгих правил. Но относился он к своим сотрудникам с суровой нежностью. Его и побаивались, и любили. Заведующим отдела писем был Гена Слесарев («Эстонец»), потом их связывала с Нечволодой долгая и нежная дружба; Гена Калабин, Валентин Законов, Миша Шамис, Слава Штейн («Шея», «Зюзя», «Штурман»), Женя Кулишев, Аркадий Петров, Гена Рябко («Эмигрант из Киселевки»), потом пришел Коля Денисов. Не так давно у него вышла книга «Пожароопасный период», где он рассказывает о своем «ишимском периоде» светло и сокровенно, с дружеской усмешкой. Выпускали, помню, несколько своих внутригазетных юмористических газет: «Ухо», «Яма»; был даже создан «Литературно-рыцарский орден им. Павла Машканцева», куда каждый вносил свою посильную лепту каким-то экспромтным, искрометно-смехотворным сюжетиком ли, стихами ли фривольного содержания, дружеско-гротескным шаржем, да много чего было там, всего не перечислишь, но все это хранится в моем домашнем архиве, доставшемся мне в наследство от мужа. Именно отсюда, из этого коллектива, из Ишима, начинался его путь в большую литературу.

Уже тогда он начал писать свою повесть «Будем счастливыми». Было создано несколько глав и отложено после отъезда из Ишима на потом. Позвольте привести лишь пару абзацев, потому что касаются они Ишима:

«В ржавом тупике Садовой улицы дни петляли сторожким кошачьим шагом. Темно-серый щербатый забор огибал Сенную площадь. Там она была, - помнил кто-то. Давно, не на нашей и не на отцовской памяти, на Сенную съезжались из окрестных сел мордатые прасолы. В их возах слоеным пирогом между кусков льда и соломы зябли коровьи туши; искали тень маслосбивы - их фанерные бочата, прикрытые мокрым холстом, пахли мягко и томяще. Знаменитое ишимское масло возили в Турцию, как и отборную пшеницу, которая нынче почему-то не вызревает до молочной спелости.

На Сенной в Дни ярмарок страстно бились цыганские бубны, сплетали голоса гармони, подначивали на пляс балалайки. Каждый на своем месте истово торговал, пел, пил, либо плясал - никому ни до кого не было дела в черед своих забот...»

Чувствуете, как вкусно и сочно написано. Это о давней Никольской ярмарке. И далее: «На Стальной улице ежегодно по весне обновляли вычурные вывески трактиры «Вельможий» и «Только для вас», у вокзальчика закусочная «Легкий путь» и чуть дальше, близ пристани, круглая, как китайская фанза, корчма «Перекаты»...»

Становление

Вот уже тогда у него зарождался интерес к истории края, ставшего родным. К истории города. В малом он видел большое, частичка для него не просто частичка, а неотъемлемая часть целого. Приметы пережитого сливаются с приметами родной земли, родных людей. По этой же причине так обостренно звучит и в стихах его тема родного края.

Над Ишимом белые туманы,
Холодок задумчивый речной,
Августовским этим утром ранним
Берег убаюкан тишиной.

Помнит степь рокот копыт эскадронов,
Гул атак в пулеметном бреду,
Как отстояли судьбу миллионов
Деда с отцами в двадцатом году.

За Ишимом белая равнина
И луна качается, как герб,
За Ишимом вдоль дороги длинной
К горизонту вытянулась степь.

Мой любимый город не согнули
Ни беда, ни голод, ни война.
Вписаны навек в названья улиц
Боевых героев имена. <...>

Это ранние стихи поэта, и несмотря на то, что они по-детски угловаты, нет в них и тени искусственности, фальши, сделанности. Он так жил, так дышал и так думал. В те, уже такие далекие, шестидесятые, многие, если не все, жили так.

В 1964 году В.Нечволода поступил в Литературный институт им.А.М.Горького на факультет поэзии, на заочное отделение. Работал, как я уже говорила, в «Ишимской правде», был также радиоорганизатором: два или три раза в неделю выходило в эфир минут на двадцать ишимское радио. В основном новости города и района, выступления руководителей различных рангов, маленькие поздравления. Это было в общем-то

скучновато, тогда В.Нечволода придумал сатирическую, минут на десять, программу «Медведь».

Володя был большим непоседой, его постоянные командировки приводили меня в отчаяние. А он просто не мог иначе. Не мог без знакомств с новыми людьми, в каждом из которых он находил что-то особенное, интересное. Потом знакомства выливались в стихи, репортажи, очерки, зарисовки, песни. Вот и эти стихи были в дальнейшем положены на музыку. Песня называлась «Утренняя баллада».

Мне томительно-нежно грустилось также под песню о реке Ишим: «Обмелели в старой речке камушки, опустили плечи берега, задержался за морем Иванушка, знать, ему любовь не дорога...» Песня эта была написана в содружестве с В.Востриковым. Вообще, когда Нечволода работал в районном Доме культуры, было написано им много песенных текстов, например «Ишимский вальс», который о многом скажет внимательному читателю: об истинной Любви, внимательном и чутком взгляде вокруг и внутрь себя:

Мне дорог этот городок ни красотой, ни громкой славой —
Детство мое, юность моя проходили в нем,
Среди немногих городов есть у него такое право:
Спрашивать по-дружески о самом дорогом.
Мне каждый дворик здесь знаком,
На каждой улочке уютно,
Утром окликаю я всех по именам,
Вот Киселевка, Стрехнино, сады Серебрянки и хутор,
Здравствуй, моя милая родная сторона.
Как хороши июнями большими
Город Ишим и Приишимье,
Лес и поля, эта земля —
Жизнь моя, юность моя!
Пройдя сумятицу дорог, как хорошо сюда вернуться,
Каждому прохожему кивать, как лучший друг,
Когда акаций и цветов губами хочется коснуться,
К яблоне застенчивой щекой прижаться вдруг.
И сколь меня бы не влекло к чужим местам, к чужим дорогам,
Знаю точно: отчий край нигде не заменим,
Порою в имени одном бывает Родины так много:
Счастье мое, годы мои в имени — Ишим.

Помню, пришли к нам целой гурьбой студенты Ишимского пединститута. Нужно было ехать на фестиваль туристской песни, и они попросили Володю выручить их. Две песенки, написанные В.Нечволодой «Новичок» и «Песня ишимских туристов» («Бор таежный, реки и озера любим мы сильнее с каждым днем. / От Ишима и до Самотлора все вам бивуаки назовем»), заняли второе место на этом конкурсе. Очень песенное было время. Легко рождались слова и складывались в строки под ласковым солнцем, среди веселых и любимых людей.

У поэта свое собственное мироощущение, он все пропускает через свое сердце. Владимира уже в четырнадцать лет волновали такие вопросы, как «где была Антарктида и где ее предположительно можно искать», а также «были гусяры иль не были?»

ГУСЛЯРЫ

Были гусяры иль не были?
Где их были и небыли?
Может быть, близ Тюмени
Гусли Садко утеряны?
Может быть, под Ишимом
Струны в озерах стынют,
Гусли заносит илом...
Были гусяры, были!

Пели они, гуляли,
Гусли свои теряли.
Там, где гусли упали,
Струнами прорастали
Березняки тугие
Сквозь брусниковые росы.
Вот почему в России
Любят березы.

Мой любимый был большой непоседа. Он объездил, и не только по линии бюро пропаганды художественной литературы, а так, просто, в отпусках, всю Тюменскую область: от Абатска до Ямала. И вот как он объяснил свою тягу к этим поездкам:

* * *

Спится.
Поначалу тяжело.
Будто тело молнией светло:
Мускулам,
    раскатами набухшим,
Тяжело ворочаться в подушках.
И неощутим уют простой:
То ли пол под боком,
    То ли стол...
А потом,
    на третий, что ли, день
Кружевные сны,
    как ивы тень.
Солнца блики бродят по лицу.
Снится бабка,
    ягоды в лесу,
Берега Ишима,
    краснотал...
Лодки у понтонного моста...
Ласковые плечи
    и глаза
И обида чья-то и гроза...
И опять деревня,
А потом
    начинаешь чутко слышать дом.
Вот отец вздыхает за стеной.
Мама шепчет —
    это надо мной.
Капает вода,
    зевает кот.
Сын спросонок двери не найдет.
У любимой сердце бьется часто.
Начинаю рано просыпаться.
И тесна,
    и тягостна кровать.
Видно,
    снова
        скоро
            улетать.

Наверное, покидал он дом и для того, «чтоб сберечь мгновенья, миг пережитый мной, твой станет он...». Немало у Володи стихов и о возвращении домой, о родных и близких. Жили мы сначала, как я уже говорила, в родительском доме мужа, по ул.К.Маркса - угол ул.Фрунзе, где в трехкомнатной квартире размещались семь человек. Душа дома, ее негасимый тихий свет, Володина мама Антонина Игнатьевна (светлая ей память), споро и ловко вела наше нехитрое домашнее хозяйство. А надо сказать, что, хотя и занимал Алексей Максимович Нечволода, как тогда говорили, - ответственный пост, жила наша семья очень скромно. Мама Тоня очень вкусно готовила (таких пирогов, солений, варений, да вообще - всего, я, сколько живу, ни у кого не едала), а какие у нее были простыни!..

***

Какие простыни у мамы —
Белей лебяжьего крыла!
Каким покоем необманном
Она покои убрала.
«Чего не спишь?» -
Присядет рядом,
Посмотрит, будто бы в укор,
Пригладит мне вихры, и разом
Сны оживают под рукой.
И сквозь цветную полудрему

Услышу: встала, отошла.
Вот чашкой звякнула дареной,
Вот, вроде тесто заведя.
Бормочет: «Кто в тайге накормит?
Да и жена, она - не мать...
Прожить бы только им без горя...
Володя, надо бы вставать».
И свет сметанный разольется,
И будет вновь хвалить отец
Блины горячие, как солнце.
Мы с ним блины умеем есть!

Именно мама подарила ему добрую и отзывчивую на чужую боль душу («Маме я говорю, ты не слушай разговоров худых обо мне. / Ты сама подарила мне душу...»), а другие, Богом данные качества, развивали и укрепляли его учителя.

Монументы есть в честь мыслителей,
В честь свершений и в честь побед,
Только памятника учителю
До сих пор почему-то нет.
Попросил бы я друга-скулыптора
Взять и вылепить на века
Человека с улыбкой мудрою
И со школьным мелком в руках...

Чтоб в Ишиме, в другом ли городе
Я сказал бы, цветы склоня,
Я приехал, Мария Федоровна.
Все ли правильно у меня?
Похвалите меня, как давеча,
Поругайте, коль заслужил...
Так живу ли я, Лев Николаевич?
Может, надо иначе жить? <...>

И когда мы получили первую в нашей жизни двухкомнатную квартиру, правда, совершенно неблагоустроенную в деревянном двухэтажном доме, что по ул. Пономарева, между кондитерской фабрикой и станцией скорой помощи, счастливы мы были так, будто заселились в царские хоромы. Здесь было написано много стихов, наверное, лучших, так кажется на мой непросвещенный взгляд. Как многие талантливые поэты Володя был наделен даром пророчества (напророчил мою судьбу: «...сам предскажу я, что в старости ждет: дым одиночества, вьюга забот...», судьбу своего младшего сына - «Мастер»; свою смерть: «На берег Конды или Ваха взойду под кедровую ветвь и сердце взволнованно ахнет...» - он умер на Вахе); многие его стихи афористичны:

Притушу свою грусть,
Пригублю сигарету.
Станет снова осинка в окно лепетать
Бормотаньем дождя,
Причитанием ветра,
Разве лето уходит?
Уходят лета.
Все по-прежнему будто.
Обветрены нивы,
Звезды росны и пахнут хлебами полей.
И надежды свежи,
Как рассвет над Ишимом.

И уверенность в важности
завтрашних дней.
Только осенью резче весь мир обозначен -
Вся мгновенность и неповторимость земли.
Не волнуют подолгу уже и удачи,
Если в небе курлычут мои журавли.
Приоткрою окно,
Пригублю сигарету,
Буду долго за небом следить в тишине.
И опять прогляжу,
Как в запеве рассвета
Невозвратно изменится что-то во мне.

Окно в прошлое

«Нет дороги в детство, но есть стальное полотно...» Вот и подходит время мне собираться на встречу с моим прошлым. В предвкушении дороги сладостно поднимает сердце, тревожно и радостно мне. Можно было бы купить билет на скорый. Да вот, почему-то каждый раз выбираю я «пятьсот веселый». Наверное, потому, что к счастью, как и к Жар-птице, нужно подбираться медленно и осторожно, чтоб не спугнуть... И как только тронется поезд, сами собой, под перестук колес, начинают звучать строки:

...А как на поезд сядешь,
То станции такие:
Андреевское озеро,
Ялуторовск...
За ним,
За речкой Карасулькой,
Околками сквозными,
За мелким поворотом
Настанет мой Ишим.
Живу я в самом центре,
В домишке деревянном.
Акации, березы и яблони вокруг.
И тянутся над дымом
Заводов или фабрик
Весной на север гуси,
А осенью - на юг.

Заварим чай ли, кофе,
Поговорим о книгах,
Помянем тихим словом
Ушедших имена.
Бумаги чистой вдоволь,
Машинка - наготове.
А вечером
Присядем, закурим у окна.
Идут с работы люди,
Здороваются разное.
Любой второй - знакомый,
А третий - мой дружок.
Горланят тепловозы,
Ругаются соседи,
Стучит у поликлиники
«Узика» движок.

Закроешься - не слышно.
Печалься над стихами.
Входи в них просветленно.
А если в чем нужда -
За стенкою - соседи,
За окнами - Отчизна.
Все, в общем, так, как надо,
Как быть должно всегда!

Лики прошлого и настоящего

Л.И.АФОНАСЬЕВА

Николай Иванович и Екатерина Васильевна Палопеженцевы

В прошлые века каждый сибирский город имел свое лицо. Ялуторовск не был похож на Тюмень, Тобольск, Ишим. У него был свой образ, свое настроение, свои носители духовности. Среди них Николай Иванович и Екатерина Васильевна Палопеженцевы, внесшие немалый вклад в развитие образования и культуры нашего края.

В 1882 году в женскую прогимназию Ялуторовска приезжает работать Екатерина Васильевна Словоцова. Ей 22 года. Позади Омская гимназия, учеба в которой позволила получить достойное образование. Она преподает арифметику и геометрию, одновременно является начальницей этого учебного заведения¹.

Через год в том же городе оказывается 19-летний Николай Иванович Палопеженцев, закончивший Екатеринбургское реальное училище. С 1883 по 1885 гг. он выполняет обязанности учителя чистописания, черчения и рисования в Ялуторовском уездном училище.

Спустя более чем сто лет можно лишь догадываться, как познакомились два молодых педагога, как пришли к обоюдному согласию соединить свои судьбы.

В метрической книге Соборно-Сретенской церкви г. Ялуторовска сохранилась запись от 1 июня 1884 года о бракосочетании учителя Ялуторовского уездного училища Николая Ивановича Палопеженцева, православного, вступавшего первым браком, в возрасте 20 лет с девицей Екатериной Васильевной Словоцовой, начальницей Ялуторовской прогимназии, православной, вступавшей первым браком, в возрасте 24 лет.

Таинство совершал священник Вознесенской церкви Василий Низковский. Поручителями жениха были штатный смотритель Ялуторовских училищ И.Н. Кизеров и учитель Ялуторовского уездного училища К.П. Паутов. Поручители невесты — помощник акцизного надзирателя коллежский ассессор К.П. Штейман и столоначальник полицейского управления М.П. Глухарев².

Екатерина Васильевна в должности учительницы математики и одновременно начальницы работала до 1885 года. В мае этого года рождается первенец — дочь Елизавета, но через 10 месяцев она умирает³.

4 декабря 1886 года родился сын Николай, крещение состоялось 14 декабря в Ялуторовской Вознесенской церкви. Об этом запись в метрической книге⁴. Восприемники (крестные) штатный смотритель ялуторовских училищ И.Н. Кизеров и вдова губернского секретаря К.И. Словоцова.

С 1885 г. Палопеженцевы преподают русский язык: Николай Иванович в уездном училище, Екатерина Васильевна в женской прогимназии.

В 1891 г. Н.И.Палопеженцев назначается штатным смотрителем Ялуторовских училищ. Если вести счет с 1836 г., когда утверждена эта должность в Ялуторовске, то Николай Иванович 13-й штатный смотритель⁵.

Как можно заметить, девичья фамилия Екатерины Васильевны — Словоцова. Афонасия Федоровна Зубарева, работавшая в библиотеке Ялуторовска в 20 — 30-х годах и лично знавшая Екатерину Васильевну, утверждала, что она близкая родственница Ивана Яковлевича Словоцова⁶, ученого, автора многих книг и учебников, члена археологических и географических обществ нескольких стран, основателя Тюменского реального училища, педагога, одного из создателей Тюменского краеведческого музея.

Родословная Словоцовых еще не составлена, поэтому сложно подтвердить подобный факт.

Род Словоцовых непосредственно связан с Ялуторовском. Яков Корнильевич, отец И.Я.Словоцова, жил с семьей в нашем городе и с 1853 по 1866 гг. служил протоиереем в Сретенском соборе и законоучителем в Ялуторовском уездном училище. Осенью 1873 г. для училища у него был приобретен большой дом, расположенный в центре города⁷.

Личное знакомство, а может быть и родство с И.Я.Словоцовым, положительно сказалось на всей общественной деятельности Николая Ивановича Палопеженцева. История, археология края, статистика, библиография — вот далеко не полный перечень тем, интересующих Николая Ивановича.

По просьбе Ивана Яковлевича Словоцова, который исследовал курганы и городища в Тобольской губернии, Николай Иванович Палопеженцев провел измерения и нанес на карту курганы, расположенные в двух верстах от Ялуторовска вокруг деревни Томиловой⁸.

Под руководством Палопеженцева в г. Ялуторовске 7 февраля 1888 г. проводилась однодневная перепись населения. Данные переписи были обработаны, проанализированы, представлены автором в Губернский статистический комитет, но по ряду причин не были опубликованы.

Одна за другой выходят из печати его статьи, книги.

Он автор ряда исторических очерков: «Польская смута в Сибири в 1814 году», «К вопросу о положении крепостных в Тобольской губернии в конце прошлого столетия», написанных на основе дел Тобольского губернского архива, опубликованных в «Ежегоднике Тобольского губернского музея»⁹.

Заслуживает особого внимания и изучения главный труд Н.И.Палопеженцева — «Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии (Историко-статистический очерк)». Книга вышла в двух частях.

Ч. 1. История ялуторовских школ. Издана в Тобольской губернской типографии в 1894 году.

Ч. 2. Современное состояние народного образования. Тобольск, Типография Тобольского Епархиального братства, 1895.

В этой работе Николай Иванович сделал тщательный анализ состояния народного (т.е. всех сословий) образования с первого десятилетия XVIII века до современного ему последнего десятилетия XIX века. Таким образом, хронологические рамки, которые охватывает исследователь данной темы, — два столетия. Сведения об истории ялуторовского образования использованы Н.Палопеженцевым из исторических записок об уездном училище, составленных Е.Х.Крестьяниновым, исполнявшим должность смотрителя этого учебного заведения с 1851 по 1862 гг.

Во второй части автор анализирует состояние образования в городе и округе в 90-е годы XIX века — современный ему период. В тексте даны планы зданий учебных заведений.

В фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника в «Деле комитета Тобольского губернского музея на 1894 год» хранится рукопись второй части¹⁰. Ее сопровождало письмо с просьбой напечатать эту часть в «Ежегоднике музея». Н.Палопеженцев пишет: «...я постарался обрисовать со всех сторон состояние народного образования в округе, со всеми достоинствами и недостатками в его постановке и на последнее обращал большее внимание читателя, дабы, по возможности, устранить все то, что бы в силах и компетенции местной администрации и общества»¹¹. Здесь же автор отмечает, что преследовал цель политическую: «на основании точных цифр, в состоянии опровергнуть многие ложные представления о сибирской школе, представления, дающие возможность судить о ней совершенно неправильно и ведущие к ряду реформ, которые вредно на ней отзовутся ..., но главной целью было развить надежды, возлагаемые на духовенство в ... заведывания школами»¹².

Палопеженцев пишет, что хотел быть «беспристрастным наблюдателем», но это у него не получилось. Собственное мнение как учитель, как руководитель сети учебных

заведений большого Ялуторовского округа он высказал. В течение года он работал над сухими, черствыми и скучными цифрами. Как он сам утверждает, воодушевляла благородная цель.

Ялуторовск благодарен Николаю Ивановичу Палопеженцеву за организацию бесплатной общественной библиотеки в уездном и приходском училищах, женской гимназии, где доступ к книгам был только для учащихся и педагогов. Считая образцовой библиотеку Тюменского реального училища, Николай Иванович стремился создать для читающей публики такую же в Ялуторовске при местном клубе.

Н.И.Палопеженцев активно включился в работу по организации массовой библиотеки. Для того чтобы найти средства на приобретение книг, он организовал для ялуторовской публики спектакль. Полученные деньги в сумме 60 рублей были израсходованы на сочинения Гоголя и Достоевского. «Начало не было блестяще, — делал выводы Палопеженцев, — но интерес к библиотеке был уже возбужден, и в нее стали поступать пожертвования»¹³.

Н.Палопеженцев сумел привлечь крупнейших благотворителей Сибири: А.Ф.Поклевского-Козелл, Д.И.Смолина. А И.М.Сибиряков, русский золотопромышленник, покровитель всех открывающихся библиотек, прислал в Ялуторовск целый ящик книг¹⁴. Н.И.Палопеженцеву было поручено комплектование книжного фонда формировавшейся библиотеки и составление каталога. Новое дело увлекло. Были выписаны лучшие произведения русских и зарубежных писателей: А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, А.В.Жуковского, В.Г.Белинского, Н.М.Ядринцева, П.П.Ершова, П.А.Словцова, Д.Г.Байрона, И.В.Гете, В.М.Гюго, У.М.Теккерея и др.

Постепенно библиотека пополнялась литературой по истории, философии, социальным наукам, географии, статистике, детскими книгами.

Подводя итоги работы библиотеки при клубе, Н. Палопеженцев писал: «...ни один из отечественных классических писателей не остался непрочитанным молодым поколением интеллигентного круга... Остальные отделы очень бедны, причиною тому — малый спрос на серьезную книгу. Будем надеяться, что время возьмет свое, из молодежи, которая теперь воспитывается на лучших творениях нашей литературы, в будущем выработается и тип серьезного читателя, который возьмется за книги научного содержания»¹⁵.

Насколько серьезно Н. Палопеженцев занялся библиотечным делом, свидетельствует тот факт, что в 1885 и 1888 годах в газете «Восточное обозрение» были опубликованы две его статьи о развитии библиотек в сибирском крае: «Библиотечное дело в Сибири» и «Библиотеки в селах и городах Сибири»¹⁶.

За годы проживания в г. Ялуторовске Николай Иванович заслужил всеобщее уважение. Несмотря на достигнутые успехи, Н.И. Палопеженцев принимает решение все изменить. 4 августа 1895 г. по распоряжению Тобольского губернатора штатного смотрителя ялуторовских училищ, коллежского асессора Палопеженцева переводят чиновником по крестьянским делам 1-го участка Тарского округа¹⁷. Но уже на следующий день, 5 августа, также по указу Тобольского губернатора, временно командируют исправлять ту же должность по 4-му участку Ишимского округа¹⁸. С 15 ноября Н. Палопеженцев утвержден в этой должности постоянно¹⁹.

Об ишимском периоде деятельности Н.И.Палопеженцева известно немного. С первых дней пребывания на новом месте Николай Иванович в первую очередь заботится о строительстве церквей и школ. В Управление комитета Сибирской железной дороги поступает ходатайство о постройке храма в поселке Шаблыкинском. С февраля 1897 г. завязывается переписка с представителем комитета А.И.Куломзиным, который желает выяснить, готовы ли крестьяне поселка оказывать помощь в строительстве церкви, а также возможности их вклада — бесплатный труд, сбор средств²⁰.

Уже 1 марта Н.И.Палопеженцев отвечает А.И.Куломзину о согласии крестьян выполнять ряд работ непосредственно на строительстве. Палопеженцев сумел убедить комитет в возможности постройки храма силами крестьян и нанятых специалистов при условии государственного финансирования. 7 апреля 1897 г. комитет известил о выделении 3000 рублей на сооружение храма в поселке Шаблыкинском из фонда имени Императора Александра III.

А.И. Куломзин просит Н.И. Палопеженцева «принять на себя ближайшее руководство и надзор за сооружением этого храма²¹, в составлении плана церкви и представлении его на утверждение по принадлежности», сообщая, что комитет в свою очередь берет на себя обязательство просить Тобольского губернатора выхлопотать храмовую грамоту и ускорить утверждение плана.

В числе других задач, которые предстояло решить Палопеженцеву, была организация производства кирпича и кладка фундамента. А так как эти работы крестьяне должны были выполнить бесплатно, требовалось выяснить, что будет дешевле: купить строительные материалы или вывезти лес из казенных дач. Нужно было также сообщить, какие поселки могут войти в приход. 22 октября 1897 г. Н.И.Палопеженцев телеграфирует А.Куломзину, что 20 октября состоялось освящение места под храм. Сам же храм был освящен 20 декабря 1904 года, но к этому времени Николай Иванович уже покинул Ишим.

К ишимскому периоду относится и небольшая статья Н.Палопеженцева «На родине автора «Конька-Горбунка», опубликованная в журнале «Нива» в 1898 г. в □ 46. Современный читатель смог познакомиться с ней в первом выпуске альманаха «Коркина слобода»²². В статье речь также идет о сооружении храма, но уже в другом селе — Безруково. Автор утверждает, что инициатива строительства церкви принадлежит поэту-сказочнику П.П. Ершову.

В этом очерке ярко проявился публицистический дар Николая Ивановича Палопеженцева. Сухой, деловой, с избытком исторических дат, статистических данных стиль книги «Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе» сменился на яркий динамичный, с диалогами в статье «На родине автора «Конька-Горбунка».

Причина возвращения Н.И.Палопеженцева в Ялуторовск, как и выезда в 90-е годы, неизвестна. Сохраняя должность крестьянского начальника, но уже 3-го участка Ялуторовского уезда, Николай Иванович переселяется снова в наш город. В книге приказов Тобольского губернатора от 12 мая 1902 г. сохранилась запись об увольнении его «в отпуск с сохранением содержания сроком на 28 дней»²³.

Как в дальнейшем сложилась судьба Николая Ивановича Палопеженцева, требуется еще выяснить.

В ряде же документов, хранящихся в фондах музейного комплекса, встречается имя Николая Николаевича Палопеженцева, сына Николая Ивановича. В 1902-1905 гг. в Ялуторовске по инициативе представителей социал-демократической партии был организован «Кружок саморазвития», цель которого состояла в распространении грамотности и повышении кругозора. В кружок входила заинтересованная молодежь. В 1904 — 1905 гг. кружковцы занимались пропагандой революционных взглядов. Писались и распространялись листовки о событиях в стране и на фронте. Из письма В.Филиппова, одного из организаторов кружка, известно, что к участникам примкнул Н.Н.Палопеженцев, студент, исключенный из Томского университета за революционную деятельность²⁴.

Уездный исправник писал в губернское управление о «политической неблагонадежности» ялуторовских учителей, служащих и крестьян, среди которых был указан Н.Н.Палопеженцев²⁵.

В Ялуторовске до преклонного возраста дожила жена Николая Ивановича Палопеженцева, Екатерина Васильевна. Горожане по сей день благодарны ей за то, что краеведам 20-30-х годов она рассказала о месторасположении дома декабриста М.И.Муравьева-Апостола.

Письмо, написанное Матвеем Ивановичем 19 августа 1849 г. и найденное в 1935 г. при ремонте дома И.Ю.Озолиным, ученым-агрономом, краеведом, первым директором Ялуторовского музея, лишь подтвердило факт принадлежности здания М.Муравьеву-Апостолу. В 1832 году Екатерина Васильевна была вынуждена на правах совместного проживания продать свой дом, в котором она проживала с больной дочерью Валентиной Николаевной. Старость, немощность, материальные затруднения были тому причиной. Помощи от других родственников не получала.

18 мая 1935 г. Екатерина Васильевна Палопеженцева в возрасте 75 лет скончалась, похоронена на старом Ялуторовском кладбище. Могила ее не сохранилась. После

смерти Екатерины Васильевны осталось много книг и бумаг, но их никто не разбирал. В предвоенное время документы были сданы как макулатура в обмен на товары. Из всего большого архива Палопеженцевых сохранилось несколько фотографий, которые находятся в настоящее время в фондах Ялуторовского музейного комплекса.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. — 1882. — □ 1. С.10.
2. Ялуторовский районный архив, Ф.200, Оп.1, Ед.хр.17. С.76.
3. Ялуторовский районный архив, Ф.200, Оп.1, Ед.хр.18. Л.36.
4. Ялуторовский районный архив, Ф.200, Оп.1, Ед.хр.18. Л.245.
5. Палопеженцев Н. Народное образование в г.Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии. Ч.1. Тобольск, 1894, С.77.
6. Ялуторовский музейный комплекс, КП □ 519. История музея.
7. Палопеженцев Н. Народное образование в г.Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии. Ч.1. Тобольск, 1894, С.58.
8. Словоцков И.Я. Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии. Томск, 1890, С.17.
9. Палопеженцев Н. Польская смута в Сибири в 1814 году // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.7. С.62-72.
- Палопеженцев Н. К вопросу о положении крепостных в Тобольской губернии в конце прошлого столетия // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.9. С.1-10.
10. ТГИАМЗ. Ф.898. Оп.99. Л.170-171.
11. Там же. С.170.
12. Там же.
13. Палопеженцев Н. Народное образование в г.Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии. Ч.1. Тобольск, 1984. С.68.
14. Там же. С.69.
15. Палопеженцев Н. Народное образование в г.Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии. Ч.2. Тобольск, 1985. С.15.
16. Палопеженцев Н. Библиотечное дело в Сибири // Восточное обозрение. 1885. □ 46.
- Палопеженцев Н. Библиотечное дело в Сибири // Восточное обозрение. 1888. □ 15.
17. ТФ ГАТО. Ф.И-479. Оп.6. Д.2. С.74.
18. Там же. С.76.
19. Там же.
20. РГИА (СПб). Ф.1273. Оп.1. Ед.хр.492.
21. РГИА (СПб). Ф.1273. Оп.1. Ед.хр.492.
22. Палопеженцев Н.И. На родине автора «Конька-Горбунка» // Коркина слобода. Вып.1. Ишим, 1999. С.62-63.
23. ТФ ГАТО. Ф.И-479. Оп.6. Д.6. С.8.
24. Ялуторовский музейный комплекс, КП 1. Ф.170/10.
25. Зубарев Н. Ялуторовск. Свердловск, 1978. С.64.

О.А. МИШКИНА

Аркадий Антонович Смолич - ученый и педагог

В 30-е годы XX столетия в Ишимском педагогическом техникуме преподавал человек, выделяющийся из общего числа преподавателей того времени своей эрудицией, особой интеллигентностью и творческой энергией. «Ни минуты без дела» - жизненный принцип преподавателя ботаники и географии Аркадия Антоновича Смолича. Всю свою жизнь он придерживался этого правила, приучая и учеников, и своих собственных детей следовать ему. Необычайное трудолюбие, глубокое знание своего предмета, высочайший такт вызвали уважение коллег и студентов А.А. Смолича. До сих пор бывшие студенты, которым довелось учиться в то время в Ишимском педа-

гогическом техникуме, вспоминают своего педагога. И из этих воспоминаний складывается образ яркой и неординарной личности. «Могучий богатырь, очень высокого роста, с крупными сильными руками, энергичными чертами лица и добрыми красивыми глазами. Вьющиеся непослушные волосы, на висках подернутые сединой...» Именно таким запомнился Аркадий Антонович Анне Аксентьевне Янушевской.

«К нам на урок он входил только с указкой и классным журналом. Никогда он не пользовался материалами учебника, потому что со многими положениями не был согласен... Запомнилась его фраза: «... Ну, Баранский (автор учебника географии) тут завирает» и высказывал свою точку зрения. Аркадий Антонович преподносил нам новый материал в легкой и доступной форме, хотя некоторые темы были очень сложными, и мы с интересом слушали его. Нас удивляло то, как в середине своего рассказа он, практически не глядя на карту, мог показать любые географические точки. Для нас это был человек-загадка, мы восхищались им, нам импонировала его манера ведения урока, его отношение к нам, ученикам...» (из воспоминаний Дмитрия Ивановича Носова).

Тогда его питомцы даже не подозревали того, что перед ними стоит профессор Белорусского государственного университета, один из основоположников Белорусской академии наук, автор более тридцати научных работ по географии, две из которых отмечены высшей наградой Всероссийского географического общества - золотой медалью.

Как же случилось, что такой видный ученый, пользующийся большим авторитетом в научных кругах Санкт-Петербурга, Минска, Киева, попал в наш небольшой сибирский городок, который в то время насчитывал не более 35 тысяч человек?

Родился Аркадий Антонович Смолич в 1891 году в деревне Бацевичи Минской губернии. Его отец Антон Алексеевич был учителем народного училища. Для того чтобы обеспечить детям бесплатное обучение и содержание в средней школе, Антон Алексеевич переходит на должность псаломщика. Аркадий первоначально пошел по стопам отца: с 1901 по 1905 гг. он учится в Минском духовном училище, а с 1905 по 1909 гг. является студентом Минской духовной семинарии, но в дальнейшем, после окончания общеобразовательных классов, поступает сначала в Киевский политехнический институт, а затем переводится в Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства - одно из старейших высших учебных заведений в Европе. В этом институте начинается политическая деятельность будущего ученого. Он принимает активное участие в студенческих и революционных кружках.

Осенью 1910 года за участие в студенческих забастовках А.А. Смолич был исключен из института и выслан из Привисленского края. Он возвращается домой, работает топографом и землемером. В 1913 году ему было разрешено вернуться в институт. Одновременно с учебой он работает в химической лаборатории Либаво-Роменской железной дороги. Но проработать там ему удастся всего три месяца, так как по требованию жандармского управления его увольняют как политически неблагонадежного. Безденежье заставляет А. Смолича зарабатывать на жизнь репетиторством. Однако в это трудное для него время он не теряет связи с институтом и усиленно занимается наукой, специализируясь по почвоведению и сельскохозяйственной географии, накапливает материал по экономической географии. В 1916 г. А. Смолич заканчивает Ново-Александровский институт, который в годы Первой мировой войны был эвакуирован в Харьков и преобразован в Харьковский институт сельского хозяйства и лесоводства имени В.В. Докучаева.

После окончания института А.А. Смолич уезжает на Энгельгардтовскую¹ станцию и самостоятельно начинает свою научную деятельность. Не прекращает он и занятий политикой. Входя в состав Белорусской Социальной Громады, А.А. Смолич придерживается Циммервальдской платформы. Большое влияние на его взгляды оказал член этой партии поэт Максим Богданович (1891 - 1917), воспевавший в своих произведениях родную белорусскую землю.

В это же время Аркадием Антоновичем была основана первая легальная белорус-

---

¹ Энгельгардт Александр Николаевич (1832 - 1893 гг.) - русский агроном, профессор земледельческого института в Санкт-Петербурге.

ская организация - Общество помощи жертвам войны. Обществом были организованы несколько мастерских для беженцев, столовая, приют для детей, а при нем первая в Минске белорусская школа, существовавшая негласно. Все свои силы и энергию Смолич стал вкладывать главным образом в развитие культуры. Были созданы хор и театр, гастролировавшие в провинции.

В 1918 году А.А.Смолич был избран в Думу от партии Белорусская Социалистическая Громада, где он ставил вопрос о создании городских белорусских школ и занимался их организацией. Минск в то время был оккупирован поляками, которые не выражали особого недовольства по этому поводу. Сеть белорусских школ все разрасталась и для них нужна была программа, учебники, кадры. А.А. Смоличу удалось наладить работу педагогических курсов и Высшего педагогического института. Обширна и многогранна в это время и научная деятельность Аркадия Антоновича. В 1919 - 1920 году выходит его первая книга «География Белоруссии», которая явилась и первым учебником географии в стране, ряд научных статей. За работу «Типы географических ландшафтов Белоруссии» он избирается профессором Белорусского государственного университета. Созданная им карта Белоруссии переиздается в Берлине. Смолич становится известным за пределами республики.

Но трагические события прерывают его деятельность. В 1930 году Аркадий Антонович Смолич был осужден на пять лет за участие в «антисоветском национал-демократическом движении» и сослан в административную ссылку в город Оса Уральской (ныне Пермской) области. В 1932 году А.А. Смолич добивается перевода в город Ишим. В то время в Осе не было средних школ, а детям - их у него было трое: Максим, Анна и Мария - нужно было дать образование, и ссылка Аркадия Антоновича продолжается в нашем городе. Лишенный политических прав, бывший профессор, носящий позорное клеймо «враг народа», Смолич поступает на работу в педагогический техникум. Принимает его на работу Сергей Илларионович Дремин, не побоявшийся помочь опальному профессору.

Ишимский период жизни А.А. Смолича мало изучен, нам пришлось восстанавливать его буквально по крупицам. Очень помогло то, что этого человека помнят жители города, его коллеги и ученики.

Вот что вспоминает об Аркадии Антоновиче один из старейших педагогов Ишима Пелагея Андреевна Гашкова: «Смолич преподавал в техникуме географию. Уроки его проходили на высоком уровне. Студенты боготворили его, а он всегда очень хорошо, внимательно относился к ним. Между ними была та невидимая нить, которая связывает педагога и ученика».

Да и как было не любить Аркадия Антоновича, ведь студенты чувствовали высочайший уровень знаний! В техникуме он основал лабораторию, в которой исследовал состояние воды в реке Ишим. Он установил, что вода в реке для питья не пригодна. Конечно, студентам было очень интересно быть свидетелями научных экспериментов, которые происходили на их глазах.

Смолич провел исследование на горе Кучум и пришел к выводу, что она возвышается на 50 метров над уровнем моря. Но записей со ссылкой на данное исследование, к сожалению, нами не обнаружено.

После изучения ландшафта и климатических условий близлежащих окрестностей А. Смолич пишет статью «Зона лиственных лесов и займищ на меридиане города Ишима», впервые опубликованную лишь в настоящее время на страницах альманаха «Коркина слобода».

Многие его ученики, всю жизнь проработавшие учителями географии, с благодарностью вспоминали своего педагога и говорили о том, что именно Смолич сыграл важную роль в выборе их специальности. С большим интересом слушали студенты лекции Аркадия Антоновича о Северном полюсе. Их педагог рассказывал об этом увлеченно, подтверждая свои суждения фактами, которые он знал от Г.Я. Седова (1877 - 1914), знаменитого исследователя Арктики. Некогда он вел переписку с полярником, узнавая из его писем множество интересных фактов.

Параллельно с работой в техникуме А.А. Смолич вел курсы экономической географии, ботаники, организации сельского хозяйства на вечернем отделении коммунистического университета и в медицинском техникуме.

В 1935 году заканчивается срок ссылки ученого, его восстанавливают в политических правах с единственным ограничением - запрет проживания в больших городах и погранполосе. Профессор решает остаться в Ишиме. Он продолжает изучение нашего края, где волею судьбы обрел свой дом. Максимально загруженный в течение дня, Аркадий Антонович продолжал свою работу и дома, в ночные часы, когда все домашние укладывались спать.

Вот что вспоминает его дочь Анна Аркадьевна (р. 1923), оказавшая, как и ее сестра Мария Аркадьевна (р. 1929), неоценимую помощь в изучении жизненного пути ученого: «Семья наша была большая: отец, мать, бабушка, бабушка и нас трое. Я очень хорошо помню жизнь в Ишиме. Жили мы бедно, как впрочем и другие семьи в то время. За пять лет мы несколько раз меняли адреса в Ишиме. Последние два года мы жили по улице Киселевская*. Как сейчас вижу отца за письменным столом в кабинете. Свет от лампы с зеленым абажуром бросает блики на его бледноватое лицо и крупную голову с волнистой шевелюрой. Читает, подчеркивает, чертит, пересматривает массу книг, благо, что библиотека у нас была огромной. Вокруг тишина, слышно, как тикают ходики на стене».

В такие часы тишины и покоя из-под пера ученого выходят научные статьи. В 1934 году он пишет статью «О подготовке преподавателей географии в условиях города Ишима», рукопись которой находится в фондах Ишимского краеведческого музея.

В памяти его детей сохранились и редкие часы отдыха.

«... Когда выпадали свободные дни, - вспоминает Анна Аркадьевна, - мы ходили в походы. Зимой катались на лыжах с горок. А летом, через заливной луг с изумрудными травами и цветами, мы устремлялись в сосновый бор. Иногда к нам присоединялись соседские ребята, и мы, окружив отца и мать, веселой ватагой со смехом и песнями направлялись в лес. Часто нам, детям, приходилось видеть, как отец с рыцарской галантностью преподносил маме скромный букетик полевых цветов, а мама, ласково улыбаясь, благодарила его за знаки внимания. И, глядя на них, мы, дети, учились человеческим отношениям. Через всю жизнь пронесли мы эти негласные уроки в своем сердце. Отец очень трепетно и нежно относился к своей семье, заботясь о ней, стараясь облегчить жизнь родным.

Нас манил к себе первозданный лес: чистый, благоухающий запахами сосны и разнотравья, краснеющий полянами земляники. Мы, ребятня, сразу погружались в поедание этой вкусной ягоды, которой на каждой полянке было видимо-невидимо. Потом, где-то в тени деревьев раскладывали «скатерть-самобранку». И на ней появлялись картошечка, огурчики, всякие яства, бутерброды, яички - все, что мы брали с собой из дома. Утолив детский голод мы отправлялись в обратный путь. Эта дорога была еще интересней. Мы, благодаря отцу, узнавали много нового о сибирских травах, природных особенностях, свойственных этому удивительному краю. Отец знал каждую травинку, каждый цветок. Он бережно срывал его, называя нам его по-русски, по-белорусски, по-латыни. Он знал народное название растения и его применение, затем передавал маме, которая бережно складывала их в специальные сетки для гербариев. Домой мы возвращались радостные и отдохнувшие душой.

Очень часто впоследствии вспоминая эти походы, мы понимали, насколько были счастливы оттого, что мы были вместе, и тогда нам казалось, что никто не сможет разлучить нас и лишит этих счастливых минут...»

Младшая дочь Аркадия Антоновича - Мария Аркадьевна вспоминает семейные посиделки после тяжелого трудового дня: «После ужина вся семья собиралась в гостиной. За окнами догорал день, свет не зажигали. Рассаживались поудобнее на диване, в креслах. Это были упоительные минуты отдыха, отдыха и семейного пения. Анна и отец запевали, а все остальные подхватывали или слушали их дуэт. Пели чаще всего душевные песни, романсы, русские и белорусские народные песни «Горные вершины», «Пряха», «Пташечка». Сильный голос отца звучал тоскливо и трагично, а мысли неслись далеко-далеко, к родной земле, оставленной нами навсегда.

---

* Дом, в котором проживала семья Смоличей, сохранился - ул. Коркинская, 35.

Динь-бом, динь-бом, слышен звон кандалный,
Динь-бом, динь-бом, путь сибирский дальний,
Динь-бом, динь-бом, слышно как идут,
Нашего товарища на каторгу ведут.

Будто чувствовал, предвидел, что дни его на свободе сочтены...»

В ночь с 17 на 18 июня 1937 года на квартиру А.А. Смолича нагрянули с обыском. Хозяин, как обычно, в эти часы работал. Он понял, что случилось. Прикрыв ладонью потухшие глаза, он безучастно наблюдал за тем, как три сотрудника районного отдела НКВД перетрясали вещи. Особый интерес проявили они к книгам и рукописям ссыльного профессора, то и дело поднося заинтересовавшие их бумаги начальнику РО НКВД Н.А. Бараусову. Под утро обыск завершили и составили протокол. Приказали собираться с вещами. Аркадий Антонович тяжело поднялся из-за стола, подошел к спящим детям, минуту смотрел на них, ком подкатил к горлу, но он справился с собой и тихонько тронул за плечо младшую дочь Машу, та после тяжелого приступа малярии спала крепким сном. Аркадий Антонович нежно обнял полусонную девочку и сказал по-белорусски: «Расти, доченька, все будет хорошо». Попрощался с остальными и, не оглядываясь, вышел. Июньская ночь поглотила его навсегда.

В дальнейшем стало известно, что он был отправлен в Ишимскую тюрьму, где провел полгода, подвергаясь жутким допросам и издевательствам. Жене Александре Игнатъевне приходилось выстаивать многочасовые очереди для того, чтобы узнать о судьбе своего мужа и передать через тюремное окошко передачу.

В январе 1938 года - перевод в Омскую тюрьму. В обвинении были следующие строки: «... будучи одним из лидеров белорусско-буржуазно-националистической организации, в 1922 году прибыл из Польши в СССР для активного участия в антисоветской деятельности, был связан с фашистской группой, проводившей вредительски подрывную работу...»

Семья Аркадия Антоновича переезжает в Омск, чтобы быть поближе к нему. В июне 1938 года приходит последняя записка, в которой Аркадий Антонович успокаивает жену и детей, сообщает, что у него все хорошо. А потом - молчание.

На все вопросы жены тюремное начальство отвечает одной фразой: «Десять лет без права переписки...» Сейчас мы знаем, что означал этот приговор, но тогда жена и дети Аркадия Антоновича надеялись и ждали. Ждали 18 лет, и лишь в 1957 году из Тюмени пришло сообщение о том, что «Дело по обвинению Смолича А.А., 1891 года рождения, рассмотрено Президиумом Тюменского областного суда 09. 02. 1957 г. Решение тройки УНКВД по Омской области от 10 июня 1938 года отменено и делопроизводство прекращено». А еще через месяц стало известно, что «Смолич А.А. умер 17 марта 1943 года от миокардита в местах заключения». И лишь недавно, когда были открыты архивы ФСБ, стала известна истинная причина смерти профессора А.А. Смолича.

«... 10. 06. 38 г. тройка при УНКВД по Омской области приговорила Смолича А.А. по статье 58-10 УК РСФСР к расстрелу. 17. 06. 38 г. приговор приведен в исполнение в городе Омске».

Сегодня можно лишь предполагать, где захоронен А.А. Смолич. По всей вероятности, это территория, прилегающая к концу улицы 20-летия РККА в г. Омске. Данное место массового захоронения попало в зону застройки.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. ИФ ГАТО. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1178.
2. ИФ ГАТО. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1178. Л. 8 - 12.
3. РУ ФСБ РФ по Тюменской области. Выписка из уголовного дела N 2033 на А. Смолича.
4. ГАОО. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 120. Л. 102 - 102 об.
5. Ридневский Г., Болотов А. Ссылный профессор // «Ишимская правда», 4 августа 1989 г.
6. Аркадий Антонович Смолич. Биографический справочник. Минск, 1991 (на белорусском языке).

Зона лиственных лесов и займищ Сибири на меридиане г.Ишима*

Обычно считают, что зона смешанных и лиственных лесов, так характерная для Европы, под совместным действием возрастающей суровости зим, сокращения вегетационного периода и усиливающейся сухости климата выклинивается к востоку, доходя только до Уральского хребта (или даже до устья Оки). Дальше к востоку, в Сибири, ландшафтная зона тайги и лесостепи, которые в Европе разделены зоной смешанных лесов, начинают будто бы соприкасаться, имеют общую границу. Высказывались, однако, уже давно взгляды, что и в пределах Западно-Сибирской низменности, имеющей так много общего с Восточной Европой, между зонами тайги и лесостепи следует выделить промежуточную «подзону лиственных лесов»¹, «зону лугово-солончаковой лесостепи», «переходную болотно-подзолисто-луговую полосу». Чтобы осветить этот вопрос, имеющий немаловажное значение в смысле познания нашей страны и установления «дифференцированного подхода к каждой из географических зон»² при решении различных вопросов социалистического хозяйства, мной была предпринята в сентябре 1936 г. поездка приблизительно по меридиану г. Ишима (69°30' в.д.) на север. Во время этой поездки степная зона была дважды пересечена целиком. Был пройден маршрут: г. Ишим - с. Песьяново - Буракаловская ферма - Долгушинские базы - д. Мураши - д. Успенка - с. Кротово - д. Б. Кусеряк и дальше на север до верховьев р. Малый Ик (приток р. Агитки, впадающий справа в р. Вагай) и обратно на ур. Кордон - Б. Кусеряк - М.Кусеряк - д. Ворсиха - с. Б. Сорокино - с. Прокуткино - г. Ишим. Во время поездки производились географические наблюдения и собирался материал, главным образом почвенный и геоботанический.

Общая характеристика ландшафта

Та часть Западно-Сибирской низменности, где лежит зона лиственных лесов и в частности описываемый маршрут, представляет собой совершенную равнину с еле заметным уклоном на север (не более 0,00006), покрытую послетретичными, главным образом озерными, аллювиальными и, быть может, флювиоглациальными отложениями. Залегающие непосредственно к югу отсюда, в Ишимской лесостепи, неогеновые толщи, здесь были, как полагает Я. Эдельштейн, смыты действием послетретичных вод. Как в неогене, так и позже, в четвертичный период, в предледниковую эпоху и наконец в эпоху оледенения Северной Сибири, здесь существовал, вероятно, громадный, постепенно опреснявшийся и усыхавший в неогене и затем вновь пополненный ледниковыми водами бассейн, или, как думают некоторые авторы (Драницын), ряд отдельных меньшего размера озерных бассейнов, простиравшихся от границ современной Ишимской лесостепи на север до Васюганья и р. Оби. Ледники, занимавшие более северные части Западно-Сибирской низменности (приблизительно до 60 с.ш.), подпуживали реки Обской системы, вызывая образование громадных водных скоплений между 56 и 60 с.ш., в которые вливались талые воды ледниковых рек. Само собой напрашивается здесь аналогия с полосой великих долин Средней Европы, по которой устремлялись к Немецкому морю талые воды скандинавских ледников; аналогия эта выдерживается до некоторой степени и в общем характере ландшафта.

Надо сказать, что однообразие рельефа, его равнинность, поражавшая многих исследователей края, говорит скорее в пользу одного крупного пресноводного бассейна, чем целой системы озер или беспорядочной аккумуляции флювиоглациальных потоков. И в особенности это относится к громадному району займищ, лежащему в Ишимо-Вагайском междуречье и производящему впечатление как бы осушенного дна большого моренного залива, далеко на юго-запад выдающегося отростка болотистого Васюганья.

У берегов такого крупного бассейна его эрозионная и аккумулятивная деятельность должна была быть особенно сложной и привести к образованию как положительных, так и отрицательных форм рельефа. К последним могут быть отнесены, например,

---

* Статья 1936 г. Представлена к публикации дочерью Аркадия Антоновича Анной Аркадьевной Смолич. Публикуется впервые.

современные озерные котловины (Савинские, Песьяновские озера), на которые и было взято направление маршрута.

С исчезновением ледника на севере должны были исчезнуть и околледниковые озера. Потоки вод, устремившихся к морю, способствовали выработке речных долин и весьма характерных, обычно вытянутых с юго-запада на северо-восток, грив и увалов. Реки Обской системы, получив выход к морю, начинают медленно дренировать обнажившееся дно около ледниковых водоемов. Прилегающие к речным долинам полосы суши, находясь в отношении дренажа в наиболее благоприятных условиях, давно уже успели сохнуть и нередко бывают покрыты неслоистыми лессовидными суглинками, для которых характерны значительные содержания углекислот извести и вертикальная отдельность. В ксеротермический век, когда степи заходили значительно дальше на север, чем теперь, здесь, вероятно, располагались участки степной растительности.

Водораздельное пространство дренировало гораздо хуже. До настоящего времени здесь сохранились большие травянистые болота, что приходится объяснять как незначительностью общего уклона местности, так и влиянием подстилающих водоупорных пород. В результате получается высокий уровень грунтовых вод и заболачивание. Для грунтовых вод здесь характерна их значительная засоленность, объясняемая соленостью пород (например, неогеновых глин), или во всяком случае - жесткость. Поэтому сфагновые болота здесь встречаются довольно редко, преобладают же осоковые болота.

Однообразный равнинный характер рельефа Западно-Сибирской низменности, очевидно, не мог вызвать тех значительных и характерных особенностей, которыми отличаются ее ландшафты, довольно быстро и резко сменяющие друг друга. В полосе шириной в каких-нибудь 300 км (от 54 30 с.ш. до 57 20 с.ш.) по меридиану Ишима сменяется ряд ландшафтов, начиная от зоны открытых степей с недостаточным увлажнением через лесостепи типичные и северные, зону лиственных лесов и до избыточно-увлажненной тайги. В европейской части СССР для подобной смены ландшафтов понадобилось бы не 300, а 900 км (например, от Харькова до Ярославля). Следовательно, зонально-климатические факторы в Западно-Сибирской низменности выступают особенно ярко, как решающий фактор, вызывающий смену растительности и почв.

Западно-Сибирская низменность довольно четко характеризуется особенностями климатических характеристик отдельных зон. По-видимому, в зависимости от указанных отношений находятся прежде всего почвообразовательные процессы, протекающие здесь, главным образом, в направлении засоления или осолодения почвенных разностей в зависимости как от климатических причин, так и от местных, интрозональных факторов рельефа и материнской породы. В результате сочетания этих факторов и причин, несмотря на незначительные различия в количественном выражении, многие из них характеризуются значительной пестротой почвенного покрова. В зоне лиственных лесов по приречным увалам довольно часто попадаются еще деградированные черноземы и другие темноцветные почвы, характерные для лесостепи; основной тип почвенного покрова, однако, здесь уже подзолистый. В понижениях и на равнинных водоразделах громадные пространства здесь занимают займища - открытые травяные болота и заболоченные луга с солончаковыми преимущественно почвами. Роль займищ в ландшафте этой зоны очень велика, что желательнее отразить и в самом названии зоны (зона лиственных лесов и займищ). В смежных районах лесостепи преобладают черноземы и солонцы, в урманах почвы подзолистые и торфяноболотные.

Еще более резко выделяется зона лиственных лесов своей растительностью, ее подчеркнутым однообразием: при полном отсутствии хвойного леса, занимающего здесь уже больше половины площади, состоит исключительно из березы с более или менее значительной примесью осины и ивы, а в северной части и липы. При этом следует заметить, что лиственные леса указанного состава в условиях нормального увлажнения и вообще плакорного положения составляют здесь обширные сплошные массивы, лишь отчасти разряженные человеком и прерываемые не менее значительными пространствами займищ. Эта часть Западно-Сибирской низменности вполне оправдывает свое название зоны лиственных лесов и займищ. В лесостепи березовые по преимуществу леса разбросаны среди степи, делянкой или распаханной, в виде рожищ-колков. Урманная зона по характеру растительности представляет слишком резкий контраст с описываемой зоной, чтобы на ней подробнее остановиться.

Таким образом, зона лиственных лесов и займищ, как показывают литературные данные, имеют вполне выраженный характер ландшафта, отчетливо, а иногда и резко выделяющийся среди других частей Западной Сибири. С этим обстоятельством необходимо считаться и в исследовательской работе, и в школьном преподавании, и в практике социалистического строительства: своеобразию ландшафтов зоны должен соответствовать подбор технических и хозяйственных мероприятий. Для этого необходимо детальное и всестороннее изучение зоны, по отношению к которому моя настоящая поездка представляет собой только беглую предварительную рекогносцировку. Ниже прилагаются основные результаты произведенных во время этой поездки географических наблюдений.

Путевые наблюдения. Ишимская лесостепь

Северную границу черноземной лесостепи обычно проводят в 10 - 15 км от г. Ишима - отправного пункта нашей поездки. Сам г. Ишим и его ближайшие окрестности расположены на широкой равнине, представляющей собою надпойменную террасу р. Ишим и покрытую в основном черноземами; в блюдцах и других понижениях встречаются и оподзоленные почвы.

Впрочем весь этот участок лесостепи слишком сильно изменен деятельностью человека. Лет пятьдесят тому назад здесь, по рассказам старожилов, росли обширные старые березовые леса, остатком которых можно считать «Мещанскую рошу» к западу от города. С проведением железной дороги леса были вырублены и на их месте расположены новые кварталы и предместья Ишима.

У деревни Стрехнино, в 3 км к северу от города, наша дорога пересекает р. Карасуль, левый приток Ишима, вытекающий из займищ к северу от ст. Карасуль, и вступает на характерное для Ишимской лесостепи черноземное плато. Плато это представляет собой открытую равнину с тучными черноземами (мощность гумусового горизонта до 40 - 50 см), в настоящее время целиком распаханную. Только по неглубоким впадинам, вытянутым обычно с северо-востока на юго-запад, расположены кустарниковые заросли из березы и ее обычных спутников - осины, ивы, калины, боярышника, шомпольника; такого рода заросли здесь обычно называют «чаща». По одной из таких ложбин протекает в юго-западном направлении ручей Таловка, впадающий в р. Карасуль у д. Мезенка. Это типичная стойная речка, почти пересыхающая к концу лета.

Кроме вытянутых ложбин попадаются и округлые котловины: маленькие и мелкие блюдца, в которых также растет «чаща» или даже «околки» из взрослой березы; в более крупных располагаются болота и озера. Так, к востоку от нашего пути, по дороге на Б. Сорокино имеется две котловины диаметром около 1 км каждая и глубиной свыше 10 км. В одной из них лежит озеро («Чортово озеро»), другая представляет собой высохшее озеро, на дне которого расположилось травяное болото, обрамленное кустарником. Его название вполне соответствует форме котловины: это болото Чашам. Весьма характерно, что обе эти котловины лежат среди увала шириною до 4 - 5 км, поднимающегося на 5 - 7 км над черноземным плато.

Савинско-Песьяновский озерный район

В 7 км от д. Стрехнино к северу черноземное плато оканчивается. Мы въезжаем в полосу сухих березовых лесов с более или менее оподзоленными почвами. Такие леса здесь носят название «дуброва», хотя, конечно, ни одного дуба здесь нет. Учитывая условность этого названия, принесенного когда-то переселенцами из Восточной Европы, мы им будем пользоваться в дальнейшем.

Полоса «дубровы» имеет довольно пестрый почвенный покров. На некоторых полянах среди «дубровы» попадаются черноземы без ясно выраженных следов оподзоливания. Несколько в стороне от дороги виднеется небольшое озеро, одно из целой группы озер, окружающих д. Савино. Полоса «дуброва» скоро кончается - ее ширина около 2 км, и мы выезжаем на открытую широкую низину с идеально ровным микрорельефом и солончаковой почвой, покрытую однообразным злаковым покровом. В этой низине лежит ряд озер и среди них д. Савино. Можно думать, что вся эта впадина, шириной до 3 км, представляет собой днище древнего озера, это говорит и ее равнинность.

Происхождение Савинских озерных котловин, расположенных в непосредствен-

ном соседстве с краем черноземного плато, может быть поставлено в связь с деятельностью третичного и послетретичных морей и громадных озер.

За Савинской озерной впадиной к северу на увалах и растительный, и почвенный покров отличаются пестротой. В основном это редкие березовые леса с многочисленными полями, занятыми частью культурной, частью заброшенной пашней. На залежах высокий травостой из вейника и других злаков и разнотравья. Но уже и здесь, несмотря на близость города (20 км), значительная часть травяных пространств остается нескошенной. На некоторых полях встречаются темноцветные почвы, но обычно почвы эти более или менее оподзолены.

В 8 км от Савинской впадины расположена другая, похожая на нее, около с. Песьяново, которая также расположилась на берегах довольно большого озера. Вокруг села к югу от озера - открытая, совершенно плоская равнина до 3 - 4 км в диаметре с солончаковой почвой и однообразным злаковым покровом нескошенных лугов. Впрочем, по берегам озера попадаются черноземные почвы, на которых растет прекрасная пшеница.

Займища

Дальше к северу ландшафт резко меняется. Село Песьяново стоит на краю огромного и почти безлюдного пространства, которое до революции именовалось «Пустопорожним», а лучше было бы именовать Балахлейским, потому что здесь берет начало р. Балахлей (крупный правый приток Вагая). Важнейший лесной массив в этом пространстве называется Балахлейской лесной дачей. Оно заполнено главным образом займищами, травянистыми болотами с более или менее засоленными водами и почвами. Пространство это занимает почти весь водораздел рек Ишима и Вагая и тянется от Песьяново на север километров на 70, а с востока на запад километров на 100. Из березовых перелесков, окружающих с. Песьяново, мы вдруг выехали на широкую открытую низину, простирающуюся в направлении ЮЗ - СВ до линии горизонта и, вероятно, на десятки километров долготы; с севера горизонт ограничен уже в расстоянии 3 - 4 км березовыми лесами на более приподнятых гривах. Обширные и совершенно ровные луга были уже скошены и по всему их простору высились стога сена («зароды»). Луга принадлежат Песьяновскому животноводческому совхозу, как и вообще восточная часть описываемого «пустопорожного» пространства.

От полосы «дубров» займища отделены еле заметным уступом. Тем не менее физико-географические элементы складываются здесь совершенно иначе, чем в полосе «дубров». Во время нашей поездки займища были совершенно сухи: 1936 г. в этих местах был на редкость беден осадками, и по пересохшим займищам можно было проехать в любом направлении. Больше того, здесь, как и по другим травяным болотам, нигде не видно воды - ни ручья, ни озера. Займище на время превратилось в безводную степь.

Не то, конечно, бывает здесь весной или во влажные годы. Займище становится непроходимым. Почвы на распаханых участках займищ вымокают. В условиях временно избыточного увлажнения сформировались и почвы займищ. Это главным образом солончаки и солончаковые черноземы, достигающие нередко значительной мощности и при надлежащей регулировке увлажнения, по-видимому, вполне пригодные для распашки. Дикую растительность займищ составляют осоки, злаки (вейник, мятлик, половица, тростник и др.) и двудомное разнотравье (таволга, тысячелистник, чертополох и т.д.). Местами голая поверхность солончака покрыта солеросом и другими галофитами, местами - выцветами солей. Характерно почти повсеместное отсутствие мхов. Займища - это чисто травяные болота, в этом их существенное отличие от обыкновенных низинных болот.

Среди моря трав кое-где появляются островки древесной растительности. На юго-запад они подходят к самой линии железной дороги у ст. Карасуль, а между ст. Карасуль и Гольшманово железная дорога пересекает полосу займища шириной до 18 км, которая направляется к югу, к верховьям р. Емца. К северу полосы займищ, пересеченные гривами и островами, тянутся от основного массива Балахлейских займищ до сильно болотистых Икских лесных массивов. До революции эти пустопорожние пространства не заселялись, по-видимому, из-за рискованности здесь экстенсивного земледелия; использовались они частично окрестным крестьянством как сенокос-

ные уголья. В настоящее время здесь разместились два крупных животноводческих совхоза - Песьяновский и Карасульский. Среди безлюдья пустопорожного пространства идет строительство ферм, предприятий.

Десятки тысяч голов скота уже выкармливаются на просторах займищ. Однако природные возможности позволяют содержать здесь сотни тысяч голов, увеличивая совхозные стада в 5 - 10 раз.

Среди займищ по еле-еле приподнятым гривам расположены довольно значительные пространства, относящиеся к лесным дачам Балахлейской, Долговской, Толстовской. Состоят они из светлых березовых лесов 30 - 40-летнего возраста, с небольшой примесью осины, ивы с густым и высоким (до 1/2 метра) травянистым покровом. Полосы луговых формаций прерывают эти леса в разных направлениях.

Луга и поляны во многих местах кажутся (нрзб); их покрывают высокие заросли из отцветших кипреев выше роста человека, переплетенных мятликовыми, чередующимися с зарослями вейника.

Фермы совхозов располагаются вдали от деревень, по краям упомянутых лесных дач. Характерно, что они тем не менее испытывают острую нужду в строевой древесине, так как в местных лесах кроме березы, осины и ивы других древесных пород не встречается, а строевые леса (сосна, ель) расположены отсюда за 80 - 100 км к северу. Точно так же на территории займищ чувствуется и недостаток в воде. Расположенные на водоразделах займища не имеют протоковой воды. Грунтовые же воды, которые стоят здесь неглубоко (1 - 2 м) и являются главным источником водоснабжения, часто бывают негодны для питья благодаря своей солености. Весьма характерно, что многие дикие животные (млекопитающие и птицы), для которых грунтовая вода недоступна, по-видимому, из-за недостатка питьевой воды в сухие годы покидают эти места и уходят к лучшим водоемам.

Такова эта местность лесов и болот, страдающая от недостатка и дерева, и воды. Еще немало черт сходства между займищами Западной Сибири и болотами белорусско-украинского полесья. Такие же географические положения между лесной зоной и лесостепью, так же слабо дренированы водоразделы, так же развиты преимущественно травяные, главным образом осоковые, болота. Но там обилие влаги не иссякает все теплое время года, там по гривам среди болот растут великолепные сосновые боры, дающие достаточно строевой древесины. Здесь и почва другая - она гораздо более мелкоземистая, песчаные почвы и приуроченную к ним сосну встретить можно только у северных границ зоны займищ; дубовые рощи европейских полесий по более низким гривам здесь заменяются березовыми колками и «дубровами».

Побережья Балахлея

Целые сутки времени нам потребовалось для того, чтобы пересечь Балахлейские займища на лошади по одному из наиболее коротких поперечников этого пространства. Причем следует отметить, что дорога по займищу почти всюду была сухой и ровной, так что ехать можно было рысью. Но вот местность становится несколько выше, и ландшафт меняется. Среди открытой равнины с характерной для сухих пастбищ приземистой серой растительностью мы натываемся на довольно глубокий (до 3 - 4 м) овраг, по дну которого протекает ручей, берущий начало в Балахлейском займище, край которого находится в 0,5 - 1 км к востоку от нашей дороги. Овраг такой глубины для ландшафта займищ представлял собою нечто необычное. Но дальше снова овраг. Мы вступаем на эрозионное плато, дренированное верховьями и притоками р. Балахлей. Здесь же расположилась и деревушка, носящая то же имя - д. Балахлей или иначе д. Мураши.

От самого с. Песьяново до д. Мураши - свыше 50 км. На нашем пути не попадалось сколько-нибудь значительных и старых селений. Их почти нет среди займищ. Дальше к северу и северо-западу картина меняется. По р. Балахлей деревни расположены густо - одна около другой, заселение здесь, по-видимому, довольно старое, и местность принимает характер культурного ландшафта. Луговая площадь и здесь еще значительна, тем более что к востоку параллельно долине Балахлея все еще тянутся займища. Но уже около реки и деревень преобладает пашня.

Почвенный покров на пашне отличается здесь значительной пестротой: на небольшом участке в десятки га несколько раз чередуются светлые и темные окраски пахот-

ного слоя, причем закономерности в этом чередовании установить трудно. По-видимому, все же сильно оподзоленные почвы занимают здесь несколько повышенные места пашни, а по понижениям почва становится темноцветной. Расспросы местных крестьян также подтвердили подобный характер чередования почв, как в бассейне р. Балахлая, так и в ряде других мест этого же пояса лиственных березовых лесов, переходных от типично черноземной полосы к типично подзолистой. Подзолы занимают вершины грив, темноцветные (деградированные черноземы, серые лесные суглинки, луговые и солончаковые почвы) - по склонам и в понижениях. Это чередование противоположно тому, которое обычно встречается в Ишимской лесостепи: черноземы на вершинах увалов, в западинах, блюдцах и на краю болот - оподзоленные почвы. Там это и понятно: в западинах и на краю болот больше влаги, необходимой для образования подзола. Здесь же расположение темноцветных почв по склонам и западинам может быть объяснено отчасти явлениями смывания. Можно думать также, что подзолистые пятна на поверхности увалов представляют собой следы выровненных путем распашки мелких блюдцев, в которых все же когда-то располагались березовые леса-колки. Во всяком случае, несмотря на наличие черноземных почв, берега Балахлая представляют собой ландшафт иного типа, чем Ишимская лесостепь.

Дикая растительность в этом ландшафте характеризуется главным образом березовыми лесами. Эти леса развиваются здесь достаточно богато, в подлеске у них разнообразная и густая травянистая растительность. Но все же бросается в глаза поразительное однообразие состава древесных пород: до 80% березы, 10 - 15% осины, 5 - 10% ивы. Ни одного хвойного дерева нет на всем протяжении этой полосы. Не растет здесь еще и липа, которая великолепно удаётся уже в 50 - 60 км к северу. Очевидно, сухость климата и значительная концентрация солей в подземных водах ограничивает выбор древесных пород для этих лесов перечисленными 3 - 4 видами.

Наиболее населенной и распаханной местностью в бассейне р. Балахлая является его левобережье, особенно около с. Кротово. Оно же и несколько выше поднято, чем правобережье р. Балахлая (на 2 - 3 м). Здесь чаще попадаются и черноземные почвы. Наоборот, на правобережье р. Балахлая, граничащем непосредственно с районом займищ, почвы почти исключительно подзолистые. Вся эта местность заросла сухими березовыми лесами, среди которых на островах почв расположены редкие селения и поляны с заброшенной пашней.

Однако и по левобережью р. Балахлая темноцветные почвы простираются только до д. Усть-Лотовки. В 2 км к северу от нее на прибрежном увале характерные для него прежде черноземы уступают место типичным подзолам. Приводим для сравнения два почвенных разреза: к югу от д. Усть-Лотовки - деградированный чернозем и к северу от этой деревни - подзол.

Деградированный чернозем на увале к югу от д. Усть-Лотовка
А - 35 см черный, комковатый
В - 10 см переходный, темно-бурый, зернисто-ореховатый
С - светло-желтый, лессовидный суглинок,
вскипает с 65 см.

Подзолистый суглинок на увале в 2 км к северу от д. Усть-Лотовка
А₁ - 12 см темно-серый, пылевато-глыбистый
А₂ - 20 см белый с бурыми пятнами, подзолистый
С² - вязкая безвалунная, темно-желтая глина,
не вкипает.

Дальше к северу от этого места мы встретили только два острова черноземовидных почв, один на левом берегу р. Кусерли к востоку от д. Новоберезовки. Всюду же, вокруг этих островов, встречаются исключительно подзолистые почвы, вполне типично выраженные. Интересно, что северная граница черноземов в этом месте совпадает с границей солончаков, которую разные авторы проводят по линии Аромашево - Усть-Лотовка - М. Кусерли - Круглый¹.

Если до сих пор темноцветные почвы не имели количественного преобладания в ландшафте и обращали на себя внимание потому, главным образом, что их избрал местом своего обитания и объектом хозяйственного воздействия человек, то дальше к

северу господство подзолистых почв в плакорном залегании становится безраздельным. На подзолистой почве уже расположены и пашни, и усадьбы, но главным образом ее занимают березовые леса. Первоначально в окрестностях старого Сибирского тракта у деревень Б. Кусеряк, Новоберезовка и других местность имеет еще открытый характер. Леса здесь давно и основательно вырублены. Но уже сразу за трактом, в 2 - 3 км к северу от него, начинаются сплошные безлюдные массивы, которые отсюда тянутся на север до Васюганья. По южному краю этих лесов, в полосе шириною до 5 - 10 км, еще попадаются довольно часто поляны, расчищенные под пашню жителями окрестных деревень, еще существуют более или менее проезжие дороги. Дальше к северу идут леса и болота, на которые человек не успел еще наложить отпечаток своей деятельности. Здесь нет уже и проезжих дорог, если не считать еле заметного зимника, ведущего в глубь лесов, по которому летом, даже в такой сухой год, как 1936, проехать можно только с большим трудом.

Граница липы

По южному краю упомянутых лесных массивов тянется полоса чистых березовых лесов типа «дуброва», иногда со значительной примесью осины. Никаких хвойных лесов теперь здесь нет и следа. Местные старожилы, однако, заявляют, что будто лет 25 - 30 назад у самого тракта были участки хвойного леса: у д. Большой Кусеряк - соснового, а у д. Новоберезовка - елового и липового, о чем будто бы свидетельствуют и названия двух речек, впадающих в этом месте в р. Балахлей: Ельничная и Липнинка. Строевую ель будто бы вырубил новоберезовские крестьяне для построек и с тех пор ее в этом месте и нигде по близости не стало: за строевым лесом надо ехать километров 30 - 35 на север. Вероятно, уничтожение данного островка местонахождения ели имело место гораздо раньше указанного срока, иначе его несомненно заметили бы исследователи начала XX века, например, профессор Гордягин, который обследовал окрестности старого Сибирского тракта, проходящего через Н-Березовку 35 лет тому назад². Сам факт очень правдоподобен по каким-то причинам, скорее всего благодаря деятельности человека, граница ели за последние десятилетия передвинулась в этих местах на 20 - 30 км на север.

Граница липы проходит южнее, чем граница ели. До сих пор, передвигаясь по полосе лиственных лесов и займищу, мы не встречали липы и не слышали о ее существовании здесь хотя бы в прошлом. По словам местных жителей, наиболее южные заросли молодого липняка попадают в настоящее время вблизи Новоберезовки, около речки Липнянки. Лично мне пришлось встретить липу впервые в 12 км к северу от д. Б. Кусеряк среди березовых и березово-осиновых лесов типа «дуброва» на гриве (пропущено). Вначале она появляется в виде сравнительно мелких кустарниковых форм в подлеске, но вскоре достигает роста обычных здесь древесных пород - шестидесятилетних берез и составляет заметную долю среди других древесных пород. Однако хозяйственное ее использование в этих местах почти не имеет места: за лыком и мочалкой приходится ездить далеко на север, на остров Армячный, в 25 км от д. Б. Кусеряк. Примесь липы, а главное - удаленность от селений и дорог и, следовательно, меньшая доступность эксплуатации делают леса к северу от Б. Кусеряка более богатыми и разнообразными, чем встречавшиеся до сих пор. При движении на север обнаруживается здесь не оскудение, как обычно, а, наоборот, обогащение растительности. Очевидно, не тепло, а влага была в достатке на юге полосы лиственных лесов, что и не позволяло расти как липе, так и хвойным деревьям. Чем дальше на север, тем роскошнее разрастается липа, тем гуще становится лес, тем хуже наша дорога.

Икские болотные массивы

Новым характерным моментом являются громадные полосы болот шириною от 1 - 2 до 4 - 10 км и длиною в десятки километров (даже до 100 - 120 км), которые нам пришлось пересечь по пути. Это обширные, вытянутые в широтном направлении среди еще более обширных лесных массивов Икской лесной дачи. В них преобладают разные виды осоки, в особенности же так называемый круглец. Это не особенно крупный вид осоки, стебли которой настолько закруглены, что ее можно принять за злак. Сено круглеца считается менее съедобным, хуже других видов осок, которые также попадают в этих болотах. По-видимому, круглец лучше других видов приспособился к данному типу болот: он покрывает их на громадных пространствах, состав-

ляет почти совершенно однородные чистые формации. Древесная растительность здесь почти совершенно отсутствует. Дело в том, что на этих болотах во влажные годы сверху на 5 - 10 см стоит вода. Тогда даже круглец растет плохо, образуя редкий травостой. Береза, всходы которой местами обильно появляются в сухие годы на болоте и которой иногда удается даже вырасти до величины тонкого жердняка, достигнув 20 - 30-летнего возраста, затем, обычно в годы особенного избытка влаги, погибает. Ее заросли превращаются в целые леса мертвых стволов, как это мы видели уже и на Балахлейских займищах. Вообще можно сказать, что эти травяные болота ничем существенным не отличаются от займищ. Впрочем наш проводник, охотник-профессионал из Б. Кусеряка, отказывается признать их займищами: на займище они не вышли, по его мнению, так как займища - это, мол, косимые болотные луга, а никак не эти безлюдные «тундры».

Совсем необычное впечатление производят эти травянистые болота в сухой год. Полное отсутствие воды как проточной, так и стоячей гонит отсюда и зверя, и птицу поближе к водопоям. Оттого эти болота делаются безжизненными. Только изредка можно здесь встретить крупных быстробегающих копытных - лося, оленя, козу. По торфянистой почве этих болот можно пройти и даже проехать в любом направлении, где встречаются только высокие и узкие кочки.

Кое-где среди болот поднимаются острова с древесной растительностью из березы, липы, ивы. Больших размеров острова и гривы отделяют одну болотную полосу от другой. Так между Армячным болотом (ширина 2 км) и громадным Сиверным болотом лежит остров Армячный с поперечником до 3 км. Уже упоминалось, что Армячный остров - это главное место промысловой разработки липняка. Остров покрыт густым лиственным лесом, в котором содержание липы нередко превышает 50%. Липа представляет собой здесь крупное дерево диаметром до 30 - 40 см. Хотя Армячный остров лежит всего в каких-нибудь 11 - 12 км к северу от южной границы липы, тем не менее это дерево чувствует здесь себя вполне нормально и никаких следов угнетенности не обнаруживает.

На том же Армячном острове, по словам проводника, в одном месте попадаются единичные экземпляры ели. Среди болота Сиверного, которое лежит дальше к северу от острова Армячного, также растет ель; здесь она уже высокая, строевая, благодаря чему этот островок («Собор») далеко виден по болоту. Сиверное болото как раз и является границей сплошного распространения ели: дальше к северу идут сплошные елово-пихтовые таежные леса с большей или меньшей примесью других пород.

Такая роль Сиверного болота вполне понятна из вышесказанного. Это широкое, открытое болото, водный режим которого невыносим даже для обыкновенной березы, составляет, несомненно, существенное препятствие для распространения хвойных пород. Как и другие встреченные нами по соседству болота, Сиверное болото является в основном травянистым болотом с преобладанием осок, в частности круглеца. Значительные части его представляют пространства с однообразным круглецовым покровом. Ближе к северному берегу болота появляются заросли карликовой березки, различных кустарниковых ив, увеличивается количество мхов; далее идет полоса заболоченного березового леса - согра, еще далее появляется сфагновое болото - рям с карликовой сосной 6 - 8 м высотой, несмотря на свой возраст, исчисляемый десятками, если не сотнями лет, и наконец болотные леса сменяются елово-пихтовыми таежными лесами.

Таким образом, мы видим, что от границ черноземной лесостепи под г. Ишимом и до границ настоящей елово-пихтовой тайги ландшафт остается довольно однородным: это мелколиственные березовые леса с небольшой примесью других мелколиственных пород, и только на самом севере - липы, чередующиеся с травяным болотом. Почвы разной степени оподзоленности - от деградированных черноземов до злостных подзолов, побелевших до самой поверхности под березовыми лесами и на месте их более или менее засоленные почвы под займищем. Таков почвенно-растительный комплекс этой полосы.

Здесь много мхов, и в разных направлениях лежат поваленные ветром и гниющие на месте стволы деревьев, в особенности огромных осин. С большим трудом удастся пробираться через эту «тайгу» (так здесь называют непроходимые густые заросли или

по единственному проложенному (пропущено) болота). После небольшого подъема рельеф вообще березового леса - согра, затем один за другим появляются сфагновые болота - рям и неглубокие овраги - их появление сказывается близостью р. Малого Ика, который берет начало из болота Сиверного и уходит в тайгу сначала в северо-западном, а затем в северном направлении. Мы достигли этой реки уже в 45 км от болота Сиверного, у Сазоновой избушки, где эта река все еще является небольшим, почти пересыхающим ручьем с еле заметным течением. Ручей этот, однако, выработал себе довольно глубокую долину и вокруг себя целую овражную сеть.

Двигаясь вдоль течения р. Ика мы достигли Мельниковой избушки - главной базы собирателей ягод и орехов в здешних местах. Елово-пихтовая тайга в этом направлении сначала разбавляется примесью сосны, а затем сменяется сосновым бором с покровом из мхов и ягодников. Такие боры тянутся отсюда на запад и юго-запад. Их появление связано, по-видимому, с характером почв и материнских пород. Разрез почвы под сосновым бором дает следующую картину: сверху тонкий темный слой из корней и почвы A_1 - 5 см, сразу под ним белый подзолистый горизонт, A_2 - 10 см, дальше желтый горизонт В и наконец материнская порода - светлый мелкий безвалунный песок.

Почва под тайгой более богатая, черная и глубокая. Мощность гумусового горизонта достигает 40 и более см, а глубже идет материнская порода, обычно супесчаного состава. Оподзоливание во многих случаях почти незаметно, если не считать появления желтых пятен в материнской породе. Яснее сказывается оглеение этой породы, благодаря чему она принимает сизоватый оттенок.

Тайга над р. Иком представляет собой богатое сообщество растений, которые все чувствуют себя здесь достаточно хорошо. И ель, и пихта, и кедр достигают крупных размеров первоклассного достоинства. Еще более крупных размеров достигает осина (до 60 - 70 см в диаметре). Только березе и липе здесь уже становится тесно. Лиственница здесь попадается редко. Большую роль в составе лесных пород начинают играть кедровые леса, расположенные в 10 км к северо-западу от Мельниковой избушки и к северо-востоку, на таком же расстоянии, на Кулагиной гриве. Здесь главным образом и производится сбор орехов. Вообще формация тайги над Иком принимает характер смешанного леса, в котором только недостает дуба. Липа, обвитая хмелем, жимолость, черемуха, рябина разнообразят величавую простоту пихтовых и еловых пирамид. Если одним из признаков зоны смешанных лесов считать разнообразие древесных пород в противовес однообразию северной тайги, то эти леса, где и почвенные, и климатические условия складываются, по-видимому, благоприятно для самых разнообразных древесных пород, можно было бы считать аналогом европейских смешанных лесов. Отчасти, конечно, их пышность объясняется и тем, что их почти не коснулась рука человека. Благодаря удаленности и плохим дорогам здесь пока не заготавливают ни строевого леса, ни дров. В рядом лежащих сосновых борах человека можно встретить чаще. Сюда приходит он в конце лета за кедровыми орехами и за ягодами, которые в чрезвычайном изобилии растут на боровой почве, сюда легче добраться и в целях лесозаготовки. В тайгу же заходят главным образом охотники.

От Мельниковой избушки с берегов М. Ика мы повернули в обратный путь, на юго-запад через сосновые боры, которые тянутся отсюда километров на 25 до местности Кордон (дом лесника). В нескольких местах, правда, прерываются эти боры рьями (сфагновыми болотами), согрой (березняк по болоту) и узкими полосками травянистых болот, отходящих к западу от болота Сиверного и других с ним смежных. Попадаются и небольшие елово-пихтовые группы крупных деревьев, а также ель в подлеске. Границей распространения ели можно считать здесь громадный Топкий рям в 15 км от Мельничной, южнее которого мы ели уже не встречали.

Топкий рям тянется от болота Сиверного к истокам р. Ергеня, который впадает в Вагай около Истяцких юрт. Это типичное сфагновое болото, поросшее угнетенной старой сосной высотой 3 - 4 м. Липа доходит до самого Кордона, сохраняя и у границ своего распространения достаточно хороший вид и рост. Так недалеко от Кордона расположен старый осиново-липовый лес, где отдельные экземпляры липы достигают значительной толщины. У Кордона кончаются и сосновые боры. Дальше начинается полоса уже известных нам чистых березовых лесов типа «дубровы». Среди них только

в одном месте, на Змеиной гриве, в 2 км к югу от Кордона, сохранился сосновый бор. Сосна чувствует себя здесь вполне хорошо, но бор сильно изрежен рубкой, и, по-видимому, вмешательство человека отодвинуло в этом месте границу сосны к северу.

Сорокинский район

От с. Новой Березовки мы направились на юго-восток по дороге на Б. Сорокино. Подзолистые почвы за д. Б. Кусеряк сменились темноцветными почвами следующего строения: А - черный - 15 см; В - темно-серый - 15 см; С - серо-желтый суглинок с ореховатой структурой - до 30 см. Такие почвы тянутся до д. М. Кусеряк, составляя упомянутое выше пятно деградированных черноземов.

От д. М. Кусеряк дорога пересекает полосу займищ шириною до 12 км. Кругом громадные луговые пространства характерного для займищ вида; участки пашни встречаются как исключение. По-видимому, эта полоса займищ представляет собой связующее звено между Балахлейскими и Икскими займищами.

Дальше идут обширные березовые леса типа «дубровы» с подзолистыми и темноцветными почвами, и наконец, от д. Лазарьяк мы попадаем в местность с открытыми широкими горизонтами, густым расположением селений и отчетливым преобладанием пашни над другими видами угодий, характерных для сельскохозяйственных районов. Это окрестности районного центра с. Большое Сорокино. Среди почвенных типов в этой местности преобладание принадлежит все же подзолам. Однако среди них у деревень Борсихи, Фомихи и других расположены острова черноземных почв.

За с. Большое Сорокино по направлению к Ишиму местность снова принимает безыгодный характер. На протяжении 10 км от Б. Сорокино к югу тянутся березовые леса на подзолистых почвах, только изредка прерываемые полянами, которые представляют собой давно не паханные залежи. Затем среди березовых лесов начинают появляться полосы травянистых болот, которые постепенно разрастаются в громадные пространства болотистых займищ.

Этот район займищ Сорокинский большак пересекает на протяжении 20 км. Только к югу от деревни Казанки начинают появляться острова пашни, на которых наблюдается чередование подзолистых и черноземных почв примерно такого же типа, как мы видели над Балахлеем. Наиболее значительные острова черноземных почв лежат по берегам р. Китерни у с. Прокуткино. Здесь же в 7 км к северо-западу от Прокуткино обнаружен рям диаметром до 1,5 км. В других местах этой полосы сфагновых болот не встречалось, по-видимому, они здесь очень редки. Так по распросным данным, рям начинается среди Балахлейской лесной дачи в 20 км от с. Б. Сорокино.

К югу от Прокуткинского пятна чернозема расположены значительные березовые леса, среди которых на полянах попадаются темноцветные почвы. Еще дальше лежит полоса займища в 4 км шириной, представляющая собой продолжение Савинской озерной впадины, и за нею значительный подъем на увал, господствующий над местностью к югу и покрытый черноземными почвами. Это уже Ишимская черноземная местность.

Заключение

Наблюдения, произведенные нами во время поездки, позволяют прийти к следующим выводам: 1) на меридиане г. Ишима между полосой типичной черноземной лесостепи и типичной тайги расположена зона шириною свыше 100 км с довольно однородным характером ландшафта - зона лиственных лесов и травянистых болот (займищ) Западной Сибири; 2) характер ландшафта этой зоны обусловлен равнинным рельефом и вследствие этого недостаточной дренированностью почв, с одной стороны, и сравнительно сухим климатом (около 400 мм в год) и, наконец, значительной засоленностью грунтов; 3) изложенные причины создают неблагоприятные условия для роста большинства древесных пород, в особенности хвойных. С другой стороны, суровая зима Сибири не дает возможности поселиться здесь большинству представителей европейских смешанных лесов, и прежде всего дубу. Только береза способна выносить как климатические, так и гидрологические и почвенные условия этих мест; 4) по берегам рек в условиях лучшей дренированности грунтов развивается более разнообразная и богатая растительность и возникают почвы черноземного типа; 5) такой характер ландшафта вызвал заселение главным образом вдоль рек и оставил

безлюдными громадные водораздельные пространства, где земледелие в условиях экстенсивного крестьянского хозяйства казалось слишком рискованным.

И до сих пор еще огромные кормовые ресурсы этой зоны используются крайне недостаточно (во время поездки большая часть займищ оставалась нескошенной), между тем социалистическое хозяйство предъявляет огромный спрос на корма и продукты животноводства, а социалистическая техника вполне в силах справиться с задачами мелиорации громадных пространств займищ и превращения их в пашни и высокопроизводительные угодья, с задачами проложения здесь усовершенствованных дорог, устройства колодцев и заселения этой местности. Только на площади Балахлейского займища можно было бы поселить до 50 тысяч человек населения и 100 тысяч голов скота. Если к тому же принять во внимание, что аналогичные ландшафты тянутся от Уральского хребта до Оби, то возможности колонизации и развития животноводства и земледелия в этой полосе можно выразить в очень крупных цифрах.

Наблюдения, произведенные мною во время поездки, приводят к следующим выводам:

1. На меридиане г. Ишима между полосой типичной черноземной лесостепи и типичной тайги расположена зона шириною свыше 100 км с довольно своеобразным и однородным характером ландшафта - зона лиственных лесов и травянистых болот (займищ) Западной Сибири.

2. Зона эта выделяется среди других, лежащих рядом, однообразием и бедностью видового состава древесных пород, образующих тем не менее значительные и сомкнутые лесные массивы, прерываемые обширными пространствами болот, почти исключительно травянистых и также довольно однообразных по видовому составу. Почвенный покров составлен целым рядом переходных почвенных разностей от черноземов к подзолам, а также засоленных болотных почв.

3. Такой характер ландшафта обусловлен равнинным рельефом и вследствие этого недостаточной дренированностью почв, с одной стороны, и сравнительно сухим климатом (около 400 мм осадков при довольно теплом лете), с другой стороны, а также общей континентальностью климата и наконец значительной засоленностью грунтов.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Городков Б.Н. Опыт деления Западно-Сибирской низменности на ботанико-географические области. 1916.

2. Булатов. Речь на сессии зерновой секции Академии с/х наук. 26. 7. 19

1. Баранов В.И. Растительность черноземной полосы Западной Сибири. 1927, стр. 27.

2. Гордягин А. Материалы для познания почв и растительности Западной Сибири. 1900 - 1901 гг.

Н.Л. ПРОСКУРЯКОВА

Генерал Иван Копец

Осенью 2000 года на Киселевском мысе проходили археологические раскопки Коркинского острога. Полевая кухня находилась на огороде полуразрушенного дома, стены которого были оклеены несколькими слоями простеньких бумажных обоев и поздравительных открыток. Раз в два дня сюда приходила молчаливая пожилая женщина с хлебом для пары маленьких дворняжек, которых мы тоже пытались подкармливать, но они забирали еду только после нашего ухода.

Я не предполагала, что через год буду разыскивать эту женщину - Ольгу Максимовну Щавель и найду только на четвертый день после ее смерти и через полчаса после того, как новые хозяева ее благоустроенной квартиры вывезут в двух мешках на свалку весь ее нехитрый скарб. Выбросят и фотографии дома, в котором она прожила почти всю свою долгую жизнь, работая сторожем в институте, чтобы купить три машины дров на зиму, так как ее ветхое жилище совсем не держало тепла.

Фотографией этого дома я заинтересовалась не случайно: с конца 1917 года здесь проживала семья Копецов, приехавшая по воле случая из финского города Гельсинг-

форса в Ишим. Старшему сыну Ивану Копецу, будущему генерал-майору Военно-воздушных Сил, одному из первых Героев Советского Союза, шел тогда десятый год. В нашем городе он закончит школу, увлечется авиацией. Впоследствии станет знаменитым летчиком, а на второй день войны трагически погибнет в возрасте 32 лет.

Более двадцати лет занимался изучением истории семьи Копецов ишимский краевед Николай Петрович Столяров, собрал огромный архив, мечтая написать книгу об Иване Копеце, с которым не был никогда знаком, но которого он, как ему казалось, видел в далеких тридцатых у входа в горпарк. Он и сейчас почти уверен, что этот военный в летной форме был Иваном Копецом.

Благодаря Н.П. Столярову, сотрудники музея заинтересовались этой темой. Поиск продолжался. Ольга Николаевна Маракулина получила интересные фотографии и документы от дочери Ивана Ивановича Наталии Ивановны Копец, проживающей ныне в Минске.

Иваном Ивановичем Чашковым, нашим постоянным помощником, были обнаружены неизвестные архивные документы Министерства обороны г. Подольска и партийного архива г. Екатеринбурга, которые помогли восстановить некоторые моменты биографии Ивана Копеца.

19 сентября 1908 года в Царском Селе, ныне город Пушкин Ленинградской области, в семье рабочего-моториста Ивана Иосифовича Копеца и портнихи Наталии Григорьевны Гончаровой родился первенец Иван. Родители не раз вспоминали забавный случай, когда, проснувшись утром, не обнаружили младенца, заглянули под кровать - нет нигде. Наташа в слезах объясняла: «Я взяла его из колыбельки, покормила и положила рядом, поверх одеяла!»¹ Иван Иосифович догадался заглянуть в пододеяльник и обнаружил там Ваню, который «спал как в мешке». Семье часто приходилось переезжать: Петроград, Гельсингфорс и вот - Сибирь. В 1920 году от сыпного тифа в Ишиме умирает мать, на руках у Ивана Иосифовича остается четверо детей, старшему Ивану 12 лет, Сергей на год моложе, Лиле 9 лет и два года Георгию. Отец женится вторично, в доме появляется Евгения Николаевна, ставшая детям хорошей и заботливой матерью. У нее была девятилетняя дочь Надежда, а Люба стала совместным ребенком в новой семье. Заработка отца не хватало, Евгении Николаевне приходилось подрабатывать стиркой белья, а ее первым помощником был Иван, который полоскал белье в реке, зимой в проруби, носил в ведрах воду.

Детям запомнился случай, когда в один из голодных дней мать натерла чесноком куски черного хлеба. Соседи, почувствовав запах, зароптали: «Вот у партийных дети колбасу с чесноком жрут, а нашим и хлеба не хватает»².

«Какое замечательное у нас было детство!» - вспоминала Надежда Копец в письме от 1969 года соседу А. Жемантаеву в Ишим. Играли в «казаков-разбойников», ватагой носились по «пескам» реки Ишим, купались, а потом с затаенным дыханием, провинившиеся, пробирались домой, зная, что мама «пошумит», накажет, а завтра все повторится вновь. Рассказывала о Борисе из Ташкента, гостившем у бабушки, часто битом детдомовцами за чистую белую рубашку и красный пионерский галстук.

О том времени вспоминал и старожил нашего города Георгий Иосифович Валеишо, который часто бывал в доме своего друга Гоньки (Георгия Копеца), замечал, что во дворе и в доме всегда был порядок, видел Ивана - боксера и футболиста, крепкого и спортивного.

В школе Иван учился хорошо, особенно любил физику и математику. Учитель математики Постников привил мальчику любовь к авиации, создав в школе кружок друзей воздушного флота. У Постникова с детства недугом были поражены обе ноги, он передвигался на костылях и только раз в жизни видел самолет. Но очень увлеченно рассказывал о воздухоплавании своим ученикам.

В 1925 году после окончания восьми групп ишимской школы II ступени им. К. Маркса по разрядке комсомольской организации Иван был направлен на учебу в Ленинградскую военно-теоретическую школу, но с первого раза не поступил: подвело зрение, так как по дороге в Ленинград долго стоял у открытого вагонного окна и глаза воспалились (была склонность к конъюнктивиту). В течение года работал счетоводом-практикантом, затем чернорабочим на Турксибе, потом судебным исполнителем в окружном суде в Ишиме.

Мечта сбылась 1 декабря 1927 года. Ивана зачислили в Ленинградскую военно-теоретическую школу, а через год отправили на практику в поселок Каче под Севастополем обучаться летному мастерству. Он оказался способным летчиком. Однажды, совершая штопор, сумел выровнять и поднять самолет в небо почти с самой земли. А другой случай, едва не закончившийся трагически, произошел во время парашютных прыжков. Бортмеханик, находясь на крыле самолета, замешкался, вставляя выскочившее кольцо от парашютного ранца. От внезапного рывка шелковый купол запутался в хвосте самолета. И тогда Иван с силой втокнул в кабину неудачливого парашютиста. Перед летчиком стояла сложная задача - благополучно совершить посадку. Самолет болтало, машина то падала, то, наоборот, задирала нос. С большим трудом они приземлились.

В Каче Иван нашел друга - Владимира Павловича Шундрикова, с которым отправились вместе в отпуск в тихий, похожий на Ишим, белорусский город Рогачев. Поехали друзьями, а вернулись родственниками. Володина сестра Нина стала Ивану женой. Известно, что в Великую Отечественную Владимир Павлович водил в бои дивизии штурмовиков, был ранен в позвоночник. Последние годы жизни провел в полной неподвижности.

В 1929 году, закончив Качинскую летную школу на отлично и заслужив самые похвальные отзывы командиров, Иван Копец был назначен летчиком-инструктором в Военно-воздушную академию им. Жуковского в Москве.

В августе 1935 года проводилась IV Всероссийская альпиниада РККА по восхождению на вершину Кавказского хребта - Эльбрус, в которой приняли участие 300 человек из всех военных округов и флотов, а также альпинисты-колхозники Кабардино-Балкарии. Для обслуживания альпиниады выделили авиазвено на самолетах У-2, один из которых пилотировал Иван Копец. Летчики следили за каждым шагом альпинистов, высматривая сигнальное полотнище - попхем, сбрасывали на грузовых парашютах продовольствие, снаряжение, газеты, письма.

Во Всесоюзный день авиации 18 августа звено самолетов направили в Сванетию для участия в празднике. Летчики совершили несколько показательных полетов, подняли в воздух 106-летнего свана Бажидаева, восторг которого, почти детский, был неописуем. Все годы он ходил по земле, а теперь увидел с воздуха ущелье. С борта самолета произнес речь на родном языке секретарь райкома Сванетии тов. Берзино, который сказал: «Сегодняшний день для Сванетии имеет огромное значение, как день дружеского единения народов Сванетии с представителями доблестной Красной Армии»³.

На этом празднике Иван Копец прыгнул на парашюте и точно приземлился на Местийском аэродроме, чем привел в изумление несколько тысяч сванов. Через Кавказский хребет летчики совершили первый в истории перелет планера на буксире, исследовали возможности маломощных самолетов У-2. Используя воздушные потоки у Эльбруса, Иван Копец поднялся на высоту 5400 метров при потолке 4200 метров. Будучи вторым пилотом в звене командира Липкина, блестяще выполнил полет по неизведанной авиатрассе Нальчик - Сочи, через Кавказский хребет к Черному морю.

В 1936 году его назначают командиром 70-го отдельного авиационного испытательного отряда при ВВА им. Жуковского. В Москву Иван Копец переезжает с женой и сыном Аликом, по метрике - Аскольдом. Они жили на Ленинградском проспекте, недалеко от аэродрома, и, как рассказывает писатель А. Старков в книге «И далее везде», «среди множества взлетающих и идущих на посадку однотипных машин Нина по неуловимым признакам безошибочно угадывала Ванину»⁴.

В августе этого же года Иван Копец находится уже в Испании, охваченной гражданской войной. Под именем Хосе летает на «гробах» - старых самолетах, сохранившихся в испанской авиации с 20-х годов. А с первых чисел ноября - на первых советских самолетах И-15, прозванных испанцами «чатос» (курносые) и И-16 - «москас» (мушки). Именно на таких самолетах наши летчики 5 ноября в бою над Мадридом уничтожили целую группу немецких истребителей. В своих воспоминаниях Иван Копец достаточно подробно описывает этот факт: «Над Мадридом появилась группа черных «юнкерсов-52» - немецких бомбардировщиков. Они шли медленно, покачиваясь, на сравнительно небольшой высоте. Мы поднялись им навстречу и застали за «работой» - они спокойно бомбили окраину города. Наше появление было настолько внезапным,

неожиданным, что «юнкерсы», не закончив бомбометание, резко развернулись и стали удирать. Один из «юнкерсов», подбитый нами, тяжело рухнул в город. Пока бомбовозы, взяв курс на запад, уходили от Мадрида, на нас бросились сопровождавшие их истребители. Немцы, решив, вероятно, что встретили старые испанские машины, не разобравшись, ринулись в бой, я бы сказал, нагло, без всякой тактики, скопом, и получили урок, который запомнился им надолго. Они потеряли пять самолетов, мы - ни одного. Любопытно отметить, что в этом бою нам пришлось сразиться с отборными летчиками - бойцами из эскадрильи Рихтгофена, «красы и гордости германской авиации». Эта эскадрилья принадлежит к личной охране Гитлера»⁵.

Истребительная группа республиканской армии, в которую входили советские летчики, была малочисленна и не могла противодействовать всем налетам авиации мятежников. Она охраняла, главным образом, места разгрузки судов. Приходилось часто менять аэродромы с целью сохранения самолетов Испанской республиканской армии. Летчики постоянно несли боевое дежурство, не имея времени на отдых. Замена летного состава происходила только через шесть месяцев, а командиров - по мере выполнения задания.

18 июня 1937 года первая группа «испанцев» вернулась в Москву. В тот же вечер их пригласили в Кремль, они явились в штатских костюмах с записными книжками, в которых заранее сделали заметки для выступления перед членами Политбюро. Первым докладывал комбриг, начальник ВВС Испании Я.В. Смушкевич, выступление которого было выслушано с большим вниманием. Члены Политбюро задавали много вопросов и высказывали немало лестных слов в адрес Якова Владимировича и его летчиков.

«После того как мы закончили наши доклады, - пишет Д.Я. Зильманович в книге «На орбите большой жизни», - К.Е. Ворошилов предложил членам Политбюро поблагодарить нас за выступления и на этом закрыть заседание. А все, мол, остальное решим завтра.

- Зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, - возразил Сталин.

- У нас ведь уже решено. Нужно только сообщить товарищам.

... Речь шла о новых назначениях... Члены Политбюро подходили к нам, жали руки, одобряли. Пожимая руку Я.В. Смушкевичу, Сталин сказал, что действия авиации, которой Яков Владимирович командовал в Испании, выходят за рамки обычного, и он, как и другие смелые летчики Страны Советов, будет за это отмечен особо»⁶. На первых страницах всех газет было опубликовано постановление ЦИК СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Я.В. Смушкевичу, Д.Г. Павлову, М.И. Петрову, И.И. Копецу и И.И. Проскурову.

После Испании Копец и Смушкевич подружились, вместе с семьями отдыхали в Сочи. Однажды друзья заплыли далеко в море. Иван, получив солнечный удар, стал тонуть. Яков Владимирович помог ему добраться до берега.

В 1938 году семью Смушкевича постигло большое горе: с балкона упала и разбилась младшая дочь - красавица Ленина, попал в аварию и сам Яков Владимирович. Срочная операция могла закончиться ампутацией обеих ног, но благодаря искусству профессора М.Д. Фридмана все обошлось благополучно, правда, одна нога стала короче. Заставляя больные ноги подчиняться, учился вновь ездить на машине, потом поднялся в воздух. За Халхин-Гол получил вторую Звезду Героя. Ему не пришлось принять участие в Великой Отечественной войне. Опытнейший командир был расстрелян «как враг народа» в начале 1941 года.

В 1937 году Иван Копец был назначен командующим авиацией Ленинградского округа, занимался летной и боевой подготовкой авиационных частей. В дни государственных праздников 1 мая, 18 августа и 7 ноября не только организовывал воздушные парады, но и сам участвовал в них. Газета «Ленинградская правда» от 10.11.1937 года писала: «Город Ленина празднует 20-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Ровно в 10 часов фанфаристы возвестили начало торжественного парада. На миг площадь опустела, а затем, грохоча и сотрясая пространство, промчался сухопутный броненосец - гигантский танк, на башне которого вычеканена бронзовая надпись «Маршал Ворошилов», который повел за собой сотни новеньких танков, начиная от легких танкеток, кончая массивными движущимися фортами!

В это самое время над дворцом показалась эскадрилья штурмовиков. Почти с быстротой снаряда пронесся над площадью самолет. Это Герой Советского Союза полковник Копец молнией промчался на новейшем скоростном самолете. За ним летчик-орденоносец Анисимов повел за собой целую эскадрилью скоростных истребителей.

Ушли последние танки, улетели последние самолеты. Чувство гордости, радости охватило каждого после этого замечательного парада»⁷.

Колхозники сельхозартели «Красный летчик» Новгородского района Ленинградской области выдвинули Ивана Копеца кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Их поддержали коллективы Тесово-Нетельского строительства, Новгородской пристани, Северо-западного пароходства и воинских частей Новгородского избирательного округа.

Свыше 10 тысяч трудящихся г. Новгорода собрались на митинг, посвященный очередной годовщине Сталинской конституции. На фасаде Дома культуры были развешаны огромные портреты кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Бурной овацией встретили собравшиеся Ивана Ивановича Копеца. «Его выступление неоднократно прерывалось громкими «ура» в честь вождя народов тов. Сталина, в честь товарищей Молотова, Калинина, Кагановича, Жданова, Ворошилова, Ежова», - писала газета «Красная звезда»⁸. 12 декабря И. Копец был избран депутатом, а в январе 1938 года принял участие в первой сессии Верховного Совета СССР.

С началом военных действий в Финляндии он назначается командующим Военно-воздушными силами 8-й армии. «Ворошиловскими килограммами» предлагалось «славным сталинским соколам бомбить, штурмовать белофинских бандитов», как писалось в пропагандистских листовках того времени. Но с первых же дней этой войны упорное сопротивление оказали малочисленные финские пограничники и части прикрытия границы. По мере продвижения войск Красной Армии в глубь финской территории это сопротивление усиливалось и становилось все более организованным. Вскоре стало ясно, что наша армия оказалась неподготовленной к ведению войны. В суровых зимних условиях застывала орудийная смазка, замерзала вода в двигателях, буханки хлеба на морозе превращались в булыжники. Глубокий снежный покров до двух метров затруднял действия танков, срывая подвоз боеприпасов и продовольствия. Боевые действия авиации останавливали частые бураны, метели, сплошная облачность и обледенение самолетов. Как рядовой летчик Иван Копец непосредственно участвовал в боевых вылетах. «О храброе человеке иногда говорят: он не знает страха в борьбе, - вспоминал А.Г. Рытов, военный комиссар 8 армии. - Эту поговорку можно было отнести без всяких колебаний и к Ивану Ивановичу. Мне не раз приходилось его упрашивать, когда он без особой надобности вылетал на боевые задания: «Ну зачем ты рискуешь? Разве без тебя не найдется кому слетать на разведку? Ты же командующий, а не комэск (командир эскадрильи - *Н.П.*)». А он посмотрит осуждающе, махнет рукой и пойдет на взлет»⁹.

Война на Карельском перешейке была короткой, чуть больше трех месяцев. 12 марта 1940 года Советский Союз и Финляндия подписали мирный договор.

В канун Великой Отечественной войны Иван Иванович Копец командовал Военно-Воздушными Силами Западного особого военного округа.

Осенью 1940 года, собирая грибы в лесу, он случайно наткнулся на сук, сильно поранил глаз, долго лечился, не летал. Врачи опасались, что левый глаз вряд ли удастся сохранить, но несмотря на это большую часть времени проводил в штабе или в поездках по округу. Домой приходил всегда усталый.

«Как-то вернувшись из командировки раньше, чем мы предполагали, он неслышно вошел в спальню, где я сидела на тахте с детьми, - вспоминала Нина Павловна Копец, - схватил дочку, стал ее подбрасывать, называя ласковыми именами. Я взглянула на сына - глаза полны слез. Я сказала мужу: «А с нами ты забыл поздороваться?» Ваня тут же подхватил и Алика. Мальчик так любил отца, так гордился им и всякое даже невольное пренебрежение к себе переживал с горчайшей обидой»¹⁰.

За две недели до войны Нина Павловна сняла дачу в деревне Зацепо близ Минска и отправила вместе с бабушкой детей: десятилетнего Алика и полуторагодовалую

Наташу. Иван Иванович жену не отпустил: ему было неприятно жить одному в пустой пятикомнатной квартире. По ночам часто не спал, о чем-то напряженно думал, время ведь было тревожное. Войну ожидали, гадали: нападет немец или нет? Неоднократно в городе устраивались учебные тревоги, проверялась светомаскировка в домах. Ничего не говоря мужу, Нина Павловна подготовила ему чемодан с самыми необходимыми вещами и сменой белья на случай внезапного отъезда на фронт.

Повидаться с сыном заехал Иван Иосифович, в то время переехавший из Ишима в Свердловск. Нина Павловна повела его в Дом офицеров на спектакль «Школа злословия» гастролировавшего в Минске МХАТА.

Всю ночь отец с сыном проговорили. Они не догадывались, что это была их последняя встреча.

«Уже рассветало, когда Иван лег спать. Уснуть он не успел - зазвонил телефон. Он вскочил и быстро пошел в кабинет, вернулся бледный как смерть. Я поняла все сразу, но все же спросила:

- Что случилось?

- Война, немцы напали ...

Он мигом оделся и ушел. Я не успела отдать ему чемодан, да и не знала тогда, что вижу его в последний раз. В тот проклятый день, 22-го. Все валилось у меня из рук. Отправила детей, маму, Ивана Иосифовича в Москву. Сама осталась дома»¹¹.

В первый день наступления немецкая авиация нанесла удар по 26 аэродромам, где базировались части трех наиболее подготовленных и боеспособных авиационных дивизий. Аэродромы Тарново, Долубово, расположенные недалеко от границы, были обстреляны тяжелыми орудиями полевой артиллерии врага. ВВС округа в первый же день потеряли 738 самолетов. Истребители в течение всего дня совершили 1896 боевых вылетов и в воздушных боях сбили 100 вражеских самолетов, но сорвать их налеты или хотя бы ограничить их действия они не могли. Слишком неравными были силы. После нанесения массированного удара по нашим аэродромам Иван Копец сел в самолет и решил разобраться в обстановке. Потери оказались огромными. Он вернулся в штаб, закрылся в кабинете и застрелился*.

В первые дни войны Минск не бомбили, но воздушные тревоги были уже не раз. «Мы ушли в бомбоубежище под нашим домом, - вспоминает Нина Копец, - наши друзья Олейниковы сидели вдвоем и о чем-то тихо разговаривали. Вдруг Нина как-то сдавленно вскрикнула и упала в обморок. Позже я узнала, что ей сказали о гибели Ивана. Зная, что у нее большое сердце, я побежала домой за таблетками. От меня скрывали страшную весть, видимо, по распоряжению свыше. Звонил телефон, это была моя подруга с АТС, которая сказала, что дежурит уже сутки и никто не меняет, а у нее двухлетний сын лежит в больнице. Минск начали бомбить в полдень 24 июня. Я уехала в Москву»¹².

По приезду в Москву Нина Павловна в первую очередь начала разыскивать Якова Владимировича Смушкевича, надеясь на его помощь в поисках жилья, но в управлении человек в форме работника НКВД, не употребляя слова «товарищ», сказал, что Смушкевич в отпуске. Она ловила на себе странные взгляды знакомых людей, чувствовала, что что-то случилось. Решила поехать к Валентине Гризодубовой, надеясь, что близкий человек скажет ей правду. Из десяти прожитых в Москве лет три года они жили в одном общежитии, даже в одном коридоре. Звали ее тогда Валентина Соколова, по мужу Виктору Соколову, летчику той же эскадрильи, в которой служил Иван Копец до гражданской войны в Испании.

«И вот я пришла к ним на новую, незнакомую мне квартиру, полученную после ее знаменитого перелета. Дома застала только мать. Она сказала, что дочь придет очень поздно, а Виктор должен вот-вот прийти обедать, ты с ним, мол, и поговори. Виктор действительно вскоре появился и все, что знал, честно выложил мне без утайки»¹³. Так узнала Нина Павловна о гибели мужа. Она долго и безутешно плакала на балконе гризодубовского дома.

Через два месяца, в августе 1941 года, ее арестуют, дадут пять лет и отправят в лагерь.

---

*Этот момент отражен в художественном фильме режиссера Ю. Озерова «Битва за Москву» - прим. автора.

В августе 2001 года в возрасте 93-х лет Нина Павловна скончается, сохраняя до последней минуты преданность своему мужу и твердую уверенность в том, что это был «честный, чистый и сильный человек, который мог совершить ошибку, но подлость - никогда. Никогда»¹⁴.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Письмо Н.П. Копец из Минска Н.П. Столярову в Ишим (без даты). Архив Н.П. Столярова.
  2. Письмо Н.П. Копец из Минска от 30. 11. 1988 года Н.П. Столярову в Ишим. Архив Н.П. Столярова.
  3. Мазур «День авиации в горах Сванетии» // «Красная Звезда» (газета) от 19. 08. 1935 г.
  4. Старков А. «И далее везде». - М., 1985. С. 282.
  5. Там же. С. 285.
  6. Зильманович Д. «На орбите большой жизни» (выходные данные не установлены).
  7. «Ленинградская правда» (газета) от 10.11.1937 г.
  8. «Красная Звезда» от 22.11.1937 г.
  9. Старков А. «И далее везде». - М., 1985. С. 301.
  10. Там же. С. 304.
  11. Там же. С. 305.
  12. Письмо Н.П. Копец из Минска от 30. 11. 88 Н.П. Столярову в Ишим.
  13. Письмо Н.П. Копец из Минска за 1978 год (дата не установлена) Н.П. Столярову в Ишим.
  14. Там же.
- Все письма Н.П. Копец к Н.П. Столярову публикуются впервые.

Н.П. КОПЕЦ

На пять лет без суда

Воспоминания жены Героя Советского Союза, генерал-майора авиации И.И. Копеца Нины Павловны Копец были написаны в 80-е годы. Она прожила долгую и трудную жизнь, побывав в заключении и сталинских лагерях.

Нина Павловна Копец (до замужества Шундрикова) родилась в г. Рогачеве Могилевской области в 1908 году. Ее отец Павел Андреевич Шундриков был штабс-капитаном царской армии. В гражданскую войну на стороне Красной Армии командовал полком. Нина была талантливой девочкой, знала французский язык, любила стихи, умела рисовать, мечтая о поступлении в художественное училище. В родном городе окончила педтехникум и здесь же работала учителем начальных классов. Со своим будущим мужем познакомилась летом 1929 года, когда Иван Копец вместе с ее братом Володей приехал в отпуск в г. Рогачев. Их совместная жизнь продолжалась двенадцать лет. У Нины Павловны и Ивана Ивановича было двое детей: сын Алик (Аскольда) и дочь Наталья. Нина Павловна умерла в Минске 20 августа 2001 года. Ее воспоминания, переданные в редакцию «Коркиной слободы» дочерью - Натальей Ивановной Копец, публикуются впервые.

О.Н.Маракулина, научный сотрудник Ишимского краеведческого музея.

Нас было девять женщин в камере - девять матерей.

Самая старшая Елена Сергеевна - женщина-врач. Маленькая, худенькая, желчная, раздражительная - казалось, обозлена на весь мир.

Она рассказывала нам: «Все мои беды из-за сына. Единственный, любила его без памяти, мужа рано потеряла. Жили материально хорошо, работала врачом в деревне. До революции врача высоко ценили и хорошо обеспечивали. А во время революции сын ударился в политику - стал анархистом. О судьбе его я так и не знаю. Может, погиб, а может, за границу сбежал. А меня с тех пор преследуют. Чуть что - мать анархиста!

А как война началась - посадили. Да мне все равно - за решеткой или на воле. Вся наша страна - большой концлагерь».

Иногда она плакала горькими, злыми слезами, проклинала своего сына-анархиста и страну, «где так больно дышит человек». Она была очень одинока и ожесточена.

Самой младшей была Вера Либерман, учительница немецкого языка с Украины.

Она пришла к нам в камеру с забинтованной грудью: у нее отняли двухмесячного ребенка, девочку (позже Вера узнала, что девочка умерла в доме младенца).

Обвиняли ее в шпионаже в пользу немцев. На допросы вызывали часто ночью или перед самым обедом, держали подолгу голодную, измученную. Приходя с допросов, она рассказывала: «Спрашиваю их: почему вы обвиняете меня в шпионаже, какие у вас доказательства?»

- Доказательство - ваша жизнь. Немцы уничтожают евреев, а вы с такой типично еврейской внешностью сумели уцелеть и с грудным ребенком перейти линию фронта. Значит, вам помогли. Зная немецкий язык, вы сумели с ними столкнуться, и вас отправили с особым заданием.

- Нет, не немцы, а свои советские люди помогли мне выбраться: крестьянки в деревнях прятали меня с ребенком, ребятишки провожали и показывали путь, а через линию фронта пробиралась вместе с отступающими частями. Вы недооцениваете советских людей».

Думаю, что следователи и сами не верили в свою выдумку, не то держали бы «шпионку» в отдельной камере и допрашивали иначе.

В первый день войны муж Веры, партийный работник, ушел на фронт, не успев эвакуировать семью. Вера пробиралась с другими беженцами с ребенком на руках.

Это был долгий, трудный, опасный путь, но она прошла его и сумела сберечь ребенка, пока не попала в тыл на Урал. Здесь «добросердечные» люди, оберегающие материнство от младенчества, предоставили ей «теплый приют» за решеткой.

Приходя с допросов, Вера бросалась на кровать и долго безутешно рыдала. Потом кто-нибудь из женщин пытался ее успокоить и заставить поесть (баланду в миске мы укутывали в полотенце и прятали под подушку, чтобы Вере был хоть чуть теплый обед). Поев, Вера долго сидела в раздумье уставившись в одну точку, затем, встряхнув буйными кудрями, принимала бодрый вид и начинала рассказывать еврейские анекдоты.

Рассказывала она их неподражаемо, серьезно, с еврейским акцентом: «Вай, цигель Перчик, какой же вы наивняк!..» Все слушавшие ее смеялись, невозможно было удержаться от смеха, даже в таких мрачных стенах, как подвал НКВД.

Слушать ее всегда было интересно. Живая, остроумная, она выделялась среди других женщин, казалась интересной и привлекательной, хотя лицо ее не было красивым.

С Верой мне еще много раз приходилось встречаться, жить вместе, и тогда я больше узнала ее.

Почти ничего я не знаю о другой молодой женщине-матери, пробывшей с нами не больше пяти дней.

Молодая, красивая немка, очень плохо говорившая по-русски. Она говорила только о своих детях - мальчике и девочке двух и трех лет. Плакала непрерывно, рыдала неудержимо, на допросы ее не вызывали, потом как-то днем вызвали, и мы ее больше не видели.

Я так и не знаю, была ли в чем повинна эта женщина, или ее арестовали лишь за то, что она немка.

Зоя Кипцова, местная, уралка, ей около тридцати. У нее тонкие черты лица, тонкие губы и голубые, холодные, жестокие глаза. Она говорит спокойным, ровным, монотонным голосом.

- ... Меня свекровь посадила. Не любила она меня. Я им говорю: война будет, скоро-скоро начнется война. Не верят. Откуда тебе знать? Вот перед самой войной и посадила. Донесла, что я жду войну. А зачем?..

... Раньше мне нипочем было теленка или курицу прирезать, а когда родила ребенка - не могу. Думаю, ведь это тоже дитя, хоть и животное.

По утрам Зоя рассказывала свои сны - длинные, скучные, однообразные.

- ... Иду бы я лугом зеленым, а день такой яркий, солнышко светит, цветы кругом...

Зоя держалась сдержанно, редко плакала и с допросов приходила спокойной.

Айна Луома - финка. Обвиняют в шпионаже. Когда она погружена в свои мысли, на лице выражено недоумение. Словно спрашивает «за что?». Она с мужем работала в редакции какой-то (советской) газеты на финском языке.

Сначала посадили мужа, затем, перед самой войной, и ее.

Приходя с допросов, рассказывала: «Спрашивают, как и какие сведения я передавала в Финляндию. А что я им скажу? Никуда и ничего я не передавала - не верят».

Позже эту «шпионку» осудили, как и меня и других, на пять лет.

Не забуду нашей последней встречи. Это было уже в лагере, в ноябре 1942 г. Мы с Айной работали на пару на стройке, носили кирпичи. Спецодежды не выдали, работали кто в чем был. Айна была в летнем костюме и босоножках на босу ногу. Было очень холодно, дул сильный ветер. Порой моросил дождь со снегом. На мне было две пары чулок, одни я отдала Айне. Увы, не спасло ее это.

Айна сказа мне: «Знаешь, я верю в хиромантию. Мне одна гадалка еще в Финляндии предсказала всю мою жизнь, и все сбылось. Осталось только умереть в этом году. Она сказала, что я умру в 35 лет. Сегодня - мой день рождения».

На другой день Айну положили в больницу с сильнейшим воспалением легких, и она умерла.

Много тогда поумирало голодных, истощенных, полураздетых людей.

Соня (не помню фамилии) держалась спокойно, плакала редко. Ее дети (двое) остались с матерью. Она, как и я, больше читала, чем разговаривала. Однажды с допроса пришла с большим синяком на лбу. На наши расспросы ответила:

- Следователь спрашивает: «Где ваш муж?» Отвечаю: «Мой муж на фронте, с фашистами воюет, а вы здесь с бабами воюете». Подошел, схватил меня за волосы и стукнул головой об стол. Веский аргумент!

Полина С. — колхозница. Единственная из нас действительно совершившая преступление. Работала кладовщицей в колхозе. Вместе с председателем колхоза утаила часть зерна, где-то запрятали.

Плакала и проклинала себя не только за зерно, а больше за сына. Втянула подростка в такое дело, вместе перевозили и прятали. Искалечила жизнь и себе, и ему.

Ее вскоре увели от нас.

Евангелистка (не помню имени, фамилии). Ее привели вечером, перед ужином.

Пришла улыбаясь, приветливо поздоровалась со всеми, держалась очень спокойно. Сказала, что ее мужа, проповедника, посадили месяц назад, теперь вот и ее взяли.

Я спросила, есть ли у нее дети.

- Да, сын семи лет. Я за него спокойна: мои братья и сестры во Христе в беде не оставят, досмотрят и воспитают.

После ужина встала, помолилась молча и сказала:

- Давно я так вкусно не ела.

На ужин почему-то вместо обычной баланды дали густой перловый суп с красной рыбой.

С допросов всегда приходила спокойной, никогда не плакала. Говорила: «Я радоваться должна, что Господь избрал меня пострадать за него».

Мы интересовались, как ее допрашивают. Она ответила:

- Это скорей на диспут похоже: он меня убеждает, что Бога нет, а я ему доказываю - есть!

Позже, в лагере, она так же спокойно держалась и добросовестно работала.

Осудили ее (конечно заочно) на пять лет, как и прочих.

Один из допросов (ночью)

Следователь, пожилой полуседой капитан, за своим столом, как обычно, читает газету. Я за своим столом дремлю, положив голову на руки. Время идет, деньги идут, преступница не сознается.

Наконец отрывается от газеты:

- Ну как, будем сознаваться?

- В чем?

- Как вы помогали мужу изменять родине? Чем и как помогали?

- Если вы знаете - расскажите, а я вот не верю, что он был изменником.

- Ну, это доказано неопровержимо, когда-нибудь и вам станет известно.

Ага! Значит он отлично понимает, что я ни в чем не виновна, и все же ведет «дело». Он снова берется за газету. Погружаюсь в свои мысли.

- Ох, скорей бы это кончилось! (Вырвалось вслух).
- Что именно?
- Да все! Эти пустые, никчемные допросы, эта «жизнь» за решеткой.
- Вас не освободят.
- Так пусть скорей осудят и отправят в лагерь.
- На каторгу захотелось?
- Лучше каторга, чем каменный гроб.

Следователь встает и подходит ко мне. Говорит очень тихо:

- Никто вас судить не будет, но и не выпустят - будете сидеть, пока война.
- А если война продлится четыре года?
- Будете сидеть четыре года.
- Ну нет. Столько я не выдержу.
- А что же вы сделаете?
- Сама добьюсь осуждения.
- Зачем вам такое пятно? Подумайте о детях!
- Вы о них подумали! Полусирот сделали круглыми сиротами. (О «пятне» я не говорю, знал бы он, как это мне теперь безразлично!)

Следователь берет бумагу, что-то пишет на ней и говорит мне:

- Если хотите быть осужденной - подпишите.

Я подписываю не читая. Он удивленно смотрит на меня, затем рвет бумагу на мелкие клочки и тихо спрашивает:

- А знаете, что вы сейчас подписали?
- Нет, я ведь не читала.
- Смертный приговор себе, вот что. Но я вовсе не добиваюсь ложных признаний, вовсе не добиваюсь осуждения. Каждый человек для нас - драгоценный клад.

- Вот это верно сказано! А клад либо держат под замком, либо зарывают в землю.

Он молчит - возразить, видно, нечего. Подходит к телефону и вызывает конвой.

А я всерьез решила сама ускорить свое «дело». Посоветовалась с сексоткой (по ее собственному признанию, была сексоткой, не угодила - посадили). Та сказала: «Надо переменить статью. У тебя ЧСИР (член семьи изменника родины), за это не осудят, надо 58-ую - антисоветская агитация. Я тебе помогу». Садимся с ней под микрофон и начинаем антисоветский разговор, не помню уж о чем.

Микрофон, вделанный в стенку, мы давно обнаружили и уже не раз замазывали его мылом и залепляли хлебом.

В ту же ночь меня вызвали на допрос.

- Так вы еще и антисоветской агитацией занимались?
- Да.
- Ну, расскажите.
- А зачем? Вы же все слышали. Мы сидели у самого микрофона.
- Ну, это меня не интересует. А на воле тоже агитировали?
- Да!
- Кого?
- А я не помню фамилий, только имена Катя, Люся, Лена.
- Что же вы им говорили?
- Что этот пакт Молотов - Риббентроп не предотвратил, а ускорил войну.
- А они что?
- А они помалкивали.
- Не верю, говорите правду.

Он смотрит на меня сердито, словно хочет сказать: чего лезешь на рожон? Я же предупреждал! Я отвечаю торжествующим взглядом: «И в вашем застенке можно повернуть оглобли в нужную мне сторону».

Этого «признания» оказалось вполне достаточно, чтобы завершить мое «дело», переименовав статью на 58-ую и «осудив» на пять лет без суда, заочно, без всяких свидетелей, очных ставок, адвокатов и прочего. ОСО действовало безотказно.

Следователь все же тихонько сказал мне: «Ох и пожалееете, да поздно будет».

Ни разу я не пожалела о том, как сама повернула свою горькую судьбу, хотя пришлось перенести массу трудностей, невзгод, лишений, болезней и проч.

Последнее страшное испытание в тюрьме НКВД.

- Ваше дело закончено, вот прочитайте.

- Зачем? Я и так все помню.

Протягивает папку, повторяет настойчиво:

- Прочитайте!

Перелистываю, просматриваю и вдруг... Незнакомый мне листок я читаю очень внимательно.

Протокол допроса Смушкевича Я.В. от 21 июня 1941 года (ага, значит его посадили еще до начала войны!). Больше многоточий, чем слов (мне не положено знать правду).

«... Копец Ивана Ивановича сагитировал и втянул в нашу группу лично я сам».

У меня потемнело в глазах, глухое рыдание перехватило горло. Не помню, как привели в камеру.

Значит, испанская группа действительно существовала?.. Чего же они хотели? В измену родине не верю, по-прежнему не верю. Так что же? Заговор против Сталина? Возможно. Ваня покончил с собой, Смушкевича и других героев Испании, наверное, расстреляли.

Но как мне жить теперь, зачем жить? Чтобы всю жизнь преследовали? Надо умереть. Эта мысль сразу решительно и бесповоротно овладела мной.

Открылся глазок со слабым щелчком, закрылся. Считаю: раз, два, три, четыре... Снова щелчок. Прошло полторы минуты. Проверить еще раз. Да, полторы минуты - этого достаточно. Привязываю ноги полотенцем к спинке кровати, жду и считаю: точно, полторы минуты. В следующий заход привязываю к изголовью шелковую косынку, повязав вокруг шеи. Ставлю одеяло горбом, жду. Щелчок - открыли, снова щелчок. Одним рывком сбрасываю свое легкое, худое тело с кровати и моментально теряю сознание.

Какой болван выдумал, что человек за какие-то мгновенья перед смертью мысленно переживает свою жизнь, все и всех вспоминает - не верю! Есть только нестерпимая боль в сердце и одна-единственная мысль - умереть. А у меня был еще и расчет, точный, чтобы не помешали. Расчет был верный - охранник ничего не заметил.

Помешала случайность. Проснулась соседка по кровати и подняла тревогу. Позже мне рассказывали, что я была уже посиневшая и очень долго не приходила в чувство. Очнувшись я от запаха нашатырного спирта и моментально все вспомнила, показания Смушкевича и мое неудавшееся самоубийство. Я не могла вымолвить ни слова, только беззвучное рыдание сдавило горло.

Меня увели в холодную одиночку. Не знаю, сколько прошло времени. Я лежала на топчане, обитом клеенкой, в легком шелковом платье, но, кажется, холода не чувствовала, только боль, острую, нестерпимую боль в сердце.

Дверь с лязгом открывается. Кто-то спрашивает «что вам нужно?».

- Ничего.

Приносят пальто. Еще через какое-то время снова:

- Что вам нужно?

- Ничего.

Приносят одеяло и чайник с горячей водой. Тут я почувствовала, что порядком озябла, закуталась в одеяло, чайник в ногах, греюсь.

Только на четвертый день на вопрос «что вам нужно?» ответила «книгу». Мне принесли однотомник Пушкина. Я словно заново читала и переосмысливала все: его стихи, сказки, повести, письма. Я испытала неописуемое наслаждение этим непревзойденным талантом. Из страшного мира тюрьмы и холодной одиночки переносилась в эпоху Пушкина, в мир его тревог и волнений, совершенно забывая о своей горькой доле, потеряв счет дням, читала, перечитывала как никогда раньше... Мне кажется, Пушкин меня исцелил.

Когда я вернулась в общую камеру, меня спросили: знаешь, сколько дней ты там просидела?

- Не знаю, не считала. Наверное, дней десять.

- Двадцать дней!

В пересыльной тюрьме я пробыла полгода. Условия кошмарные. Камера набита до

отказа. Не было даже матрацев, спали кто где мог - на кровати, под кроватью, на цементном полу. Подстилали у кого что было.

Женщины всех возрастов, самые разные. Много немок из Поволжья. Рассказывали, как их гнали этапом (пешком). Не давали по нескольку дней ни воды, ни еды. Отстающих расстреливали. До места добралось меньше половины.

Была какая-то девушка-идiotка, она со смехом рассказывала, как подохла колхозное поле. Понять ее было трудно, она плохо говорила, больше жестикулировала и бессмысленно смеялась.

Книг не давали. Женщины черепком от миски очищали прутья из веника и вязали нитками из какой-либо одежды. Из зубчика гребешка делали иголку и шили. А больше всего вели разговоры, чтобы время убить.

Я тоже знакомилась и разговаривала то с одной, то с другой. Все надоедало. Хотелось порой только одиночества, уединения.

Сажу, опустив голову на руки, а Зоя Кип[□]ва словно выговаривает мне:

- ... Как вошла ты в камеру, поклонилась молча, я подумала: «Королева!», а теперь что с тобой стало? Седеешь прямо на глазах, кожа да кости, молчишь часами. Надо бодриться, держаться, надо жить.

У меня началась цинга, да и у многих других. Витаминов не было.

Иногда продавали лук, но у меня не было денег. Их прикарманили в НКВД, когда перевозили в пересыльную тюрьму. Предложили расписаться в получении сумки с деньгами, документами, фотографиями. Я расписалась - и получила пустую сумку. Успокоили: «Получите при освобождении». Как же! Все исчезло бесследно.

Там я подружилась с Мотей.

Ей было всего 25 лет. Работала инспектором школ в гороно. Рассказывала, как насмотрелась на убогую жизнь сельских учителей, на кучу всяких несправедливостей. Все осточертело. Высказалась где-то, пооткровенничала и попала в тюрьму. Обычная история.

Держалась она спокойно, уравновешенно. С ней было легко и интересно разговаривать.

В лагерь нас привезли поздней осенью и поместили в одном бараке с «блатнячками». Новый кошмар. Ссоры, угрозы, блатные песни, матерщина - все непривычно и противно. На работу (строительство алюминиевого завода) выгоняли в своей одежде, многих в летней, спецодежды не выдали.

Дизентерия, дистрофия, цинга, простуда и прочие болячки косили людей десятками, может, сотнями - не знаю.

Айна умерла. Вскоре и я свалилась. Лежала в бараке, видела, как ежедневно тихо, безмолвно, незаметно умирали женщины. Елена Сергеевна умерла раньше Айны в больнице. Мне рассказывали, что умирала она страшно. Металась, сбрасывала с себя все, бросалась на пол, проклинала, рыдала, кричала - не дай Бог никому такую жуткую агонию.

Видно, больница больше не могла вместить больных и умирающих - лежали и умирали просто в бараке. Ни врачей, ни сестер, ни лекарств и никакого ухода.

«Не турбуйся, куме, опускайся на дно...»

Я лежала в полузабытьи. Кто-то рядом сказал: первая на очереди. Я поняла: обо мне. Подумала: «Умереть, как это хорошо и просто. Сразу избавишься от всех страданий. Но я не умру. Я должна дожить до свободы, вырастить детей.

Я уверена, что изверг умрет раньше, я еще узнаю о его смерти и его позоре. Рано или поздно все его злодеяния получат огласку, люди узнают и поймут, какому «богу» они так долго поклонялись, перед кем пресмыкались. И еще... - это для меня самое главное - я хочу, чтобы честное имя Вани и его боевых друзей было восстановлено. Чтобы никто больше не посмел назвать их изменниками родины.

Вся беда в том, что слова «родина» и «Сталин» отождествляют, а они несовместимы. Пока жив этот тиран, все его недруги будут «изменниками родины» и «врагами народа», словно родина и народ - это он».

Однажды я проснулась всхлипывая. Соседка спросила:

- Что тебе приснилось?

- Приснилось, что муж несет меня на руках, потом поставил и сказал: «Возвращайся домой, дальше пойду один». Я стала плакать и просить, чтобы он не уходил или взял меня с собой. Он молчит, улыбается и отрицательно качает головой.

Она сказала: «Теперь ты начнешь поправляться!»

Вскоре нас всех, кто выжил, отвезли на другой ОЛП в стационар.

Здесь было хоть какое-то лечение, были врачи и медсестры, был уход, но ... пожирали клопы, несметные полчища клопов. Они не давали спать по ночам, а ведь именно сон так необходим больным, так целителен он для всех. Я давила их прямо на стене.

Утром на обходе врач спросил:

- Это еще что за персидский ковер?

Я сердито буркнула:

- И бухарский разрисую, если от клопов не избавите.

Этого избавления пришлось долго ждать. Чтобы вытравить всю нечисть, больных переводили из одного стационара в другой, а пустой «обкуривали» внутри какой-то вонючей смесью, серой и еще не знаю чем. Несколько дней ОЛП был окутан «ароматами», но клопы исчезли.

Лагерные знакомства

Вера Григорьевна Гаухман работала медсестрой в стационаре, где я медленно поправлялась после дистрофии и цинги. Не знаю, чем я привлекла ее внимание. Коротко стриженная, полуседающая (в 34 года!), худая, я еле передвигалась на толстых, как тумбы, отекавших ногах.

Ежедневно она зазывала меня в дежурку, совала в руки ломоть хлеба с накопанным на него рыбьим жиром (драгоценное лакомство!) и приговаривала: ешьте, ешьте!

Вначале я отказывалась: «Не хочу отнимать у вас пайку!», но она уверила меня, что это не ее «пайка», это от одного человека, которого вы не знаете, но он вам сочувствует.

Как ни пыталась я узнать, она упорно скрывала от меня имя этого человека.

- Не могу сказать, пока не могу - слово дала. Когда-нибудь узнаете.

Потом, когда я уже поправилась, она открыла секрет: моим благодетелем был убийца. Яков Геляер, завхлеборезкой, отбывал свой срок за убийство жены из ревности. Позже ему еще добавили срок за недостачу в хлеборезке. А ведь он не спекулировал, не обогащался - просто помогал многим «доходягам» выжить...

Вера Григорьевна много рассказывала мне о своей прежней жизни.

Ее муж работал в торгпредстве в Китае. Там они жили, там выросли их сыновья. Муж умер (еще до конфликта на КВЖД), она решила остаться в Китае. Открыла шляпную мастерскую, дело шло хорошо, жили в большой благоустроенной квартире, держали боя (слугу китайца), сыновья учились, младший заканчивал школу, старший - уже в университете.

Начитались советской литературы о «стране чудес» и заладили: «вернемся на родину». Еще знакомые собирались уехать и уговорили Веру Григорьевну ехать с ними. Знакомая старая эмигрантка усиленно отговаривала:

- Подумайте, куда вы едете? Там всех сажают! Особенно тех, кто жил за границей. Вас посадят! Без причины, как многих.

- Не за что меня сажать, я не преступница. Буду жить, как другие.

Договорились, что Вера Григорьевна будет ежемесячно посылать ей открытку, чтобы она знала, что ее приятельница не арестована.

Вера Григорьевна успела послать ей только одну открытку.

В Одессе, куда прибыли, жилось трудно, квартиры не было, деньги таяли. Младший сын связался с каким-то жульем (может, спровоцировали) и бесследно исчез. Ее и старшего сына Ионю вскоре арестовали и дали по десять лет «за клевету на советский строй и восхваление капиталистического образа жизни» и т.п.

Долго были в разных лагерях, но теперь вместе, и этому она рада. Ионя работает бухгалтером, она - медсестрой, а о младшем сыне так ничего и не знает.

Вера Григорьевна часто рассказывала мне о своей жизни в Китае, перевозносила китайцев: это такой честный, трудолюбивый народ.

Как-то она сказала: «Больше всего я хотела бы вернуться туда, к своей прежней жизни, а вообще-то хотела бы жить где угодно, в любой стране, только без чудес!»

С Чаритой я познакомилась, когда она уже отбыла свой трехлетний срок и освободилась. Она приходила навестить Веру Григорьевну.

Девушка показалась мне знакомой. Я сказала ей:

- Мы где-то встречались. Может быть, в Ленинграде в Доме ученых на вечере 8-го Марта, меня тогда познакомили с тремя испанками. Кажется, вы одна из них, но хорошо запомнила только одну - Анхелес Прието, она неплохо говорила по-русски.

Чарита сразу помрачнела.

- Анхелес Прието - мой враг. Это она меня пошадиль! Я наклеил усы, ходил по комнате руки назад и говорил «тонто, тонто!» (дурак), все смеялись, а Анхелес доносил.

Еще до знакомства я знала о Чарите от Веры Григорьевны, они вместе были в этом же лагере на другом пункте. Незадолго до освобождения Чариты ей сделал предложение молодой повар из Одессы, красивый, кудрявый, похожий на цыгана, тоже вскоре освобождался. Она посмеивалась.

И вдруг ночью ее обокрали: унесли всю одежду, туфли - осталась в одной рубашке.

Общими усилиями сшили ей платье. Она иронически оглядела себя и сказала: «Какой жених, такой и платье».

Когда шла к оперуполномоченному сообщать о краже, старая женщина-врач наставляла ее как говорить.

- Он непременно спросит, все ли у тебя украли, отвечай «ни ... осталось».

Чарита так ему и заявила:

- Все унесли, ни ... осталось.

- Ничего не осталось?

- Да, ни ...

Позже ей объяснили, как она выразалась.

Врач, которая научила Чариту «выражаться», была очень любопытная особа, высокого роста, мужского сложения, с большими ногами, как говорят, солдат в юбке. Злая на язык, несдержанная в словах, в лагерь она попала именно из-за своего языка.

Это было в Свердловске. Купила в магазине большие калоши, принесла домой, смотрит - оба левых. Понесла в магазин обменять. Ей отказали: больше таких нет.

- Ну так деньги верните.

И деньги не возвращают. Рассвирепела, бросила калоши на прилавок и сказала:

- Ну так отдайте Сталину, пусть себе на ... повесит!

И посадили на пять лет.

О ней мне рассказывали и Вера Григорьевна, и Чарита. С Чаритой мы много разговаривали, хотя она и плохо говорила по-русски. Иногда прибегали к помощи французского, хотя обе знали его плохо, но помогало. Не помню, о ком я сказала «он противный», Чара не поняла:

- Что это «протывни»?

- Vilain, desagreable.

Теперь понятно. В ее лексиконе новое слово «протывни», она его часто употребляет.

Чара нередко находила время и возможность повидаться со мной, пришла ко мне и на стройку, когда я попала на общие работы.

Когда я освобождалась, Чарита встретила меня и повела к себе. И потом, когда я уехала, мы долго еще переписывались с ней, с Россарио Альварес. Не знаю, удалось ли ей вернуться в Испанию.

Кто-то (не помню кто) сказал мне, что со мной непременно хочет увидеться Стась Климовских.

- Стась Климовских? Не знаю такого.

- Он вас знает, точнее хорошо знал вашего мужа. Он работает в промзоне чертежником.

Очень скоро мне устроили выход в промзону с какой-то бригадой. Взаимопомощь у эзков на высоте.

В чертежной, большой комнате, где работал Стась, нашелся укромный уголок, где мы могли поговорить без помех.

Стась, совсем молодой, лет двадцать с небольшим, рассказал о себе. Его отец был начальник штаба ЗайОВО в Минске. Иван Иванович иногда бывал у них, и Стась не раз с ним разговаривал. По его совету поступил в ВВА им. Жуковского. Там, в Москве, его и застала беда.

В первые дни войны в академии вывесили список «изменников родины». Стась своими глазами прочитал фамилию отца, Павлова, Рычагова, Смушкевича и других.

- Фамилии Копец там не было, уверяю вас!

- Но вы были так расстроены, что могли и не заметить.
- Нет, я дважды внимательно прочитал список. Много знакомых, но Ивана Ивановича там не было! Тогда я еще не знал, что он застрелился.

Вскоре посадили его, мать и младшего сына. Стась получил десять лет, мать - восемь, а младшему, пятнадцатилетнему, «подарили» пять лет. Всех отправили в разные лагеря. Отца, конечно, расстреляли.

Невольно приходит сравнение. В 1825 году семьи декабристов не трогали (даже казненных декабристов), их не лишали свободы, дворянства, имущества. Их никуда не ссылали. А теперь вот даже мальчика пятнадцати лет сажают в тюрьму за отца «изменника родины».

Климовских был реабилитирован посмертно в 1956 году. О семье ничего не знаю.

Как-то меня познакомили с бригадиром плотников. Высокий, плечистый, лет пятидесяти, красное обветренное лицо, выправка военная, несмотря на лагерный бушлат. Назвал себя: Сулацкий.

- Я прежде никогда вас не встречала, но фамилия мне очень знакома. Надо вспомнить.

И вспомнила:

- Я когда-то читала интересную брошюру о японской контрразведке. Автор - Сулацкий.

- Да, это моя брошюра, я работал в контрразведке на Дальнем Востоке.

- И попали сюда?

Усмехнулся, пожал плечами:

- Такова система (Яснее не скажешь!)

Как-то Сулацкий сказал мне: «На днях я должен освободиться, но уверен, что меня не освободят. Вызовут и прикажут расписаться «до особого распоряжения». Он не ошибся.

А.Н. КОСОВИЧЕВА

Гелиофизик Александр Георгиевич Косовичев

Очень трудными были для нас декабрьские вечера восемьдесят девятого года. Днем от тревожных мыслей отвлекали дела. А вечером, даже когда молчали, мы знали: думаем об одном и том же. Наш сын защищает докторскую диссертацию. И вот пришла телеграмма. 20 декабря 1989 года Александр Георгиевич Косовичев защитил диссертацию по теме «Исследование газодинамических процессов на Солнце методами математического моделирования». Проголосовали единогласно. Это был несомненный успех. И только мы, родители, знали, что за ним скрывается. Не везение, не удача, не деньги и не одни лишь способности - увлеченность наукой, терпение и многолетний труд.

Это был один из ярких дней. С ним могло сравниться лишь одно событие - рождение нашего единственного сына. 3 июля 1953 года так же радовался отец. А потом дни шли быстро-быстро. И не успели мы оглянуться - сын пошел в первый класс. Небольшое одноэтажное деревянное здание шестой школы не сохранилось, сейчас на его месте новый корпус Ишимского пединститута. Там Саша учился восемь лет. А потом перешел в городскую среднюю школу № 1 и в 1970 году окончил ее с золотой медалью. Все эти годы сын учился живописи у Григория Ивановича Шарапова, в Доме пионеров. Записался туда сам и начал ходить на занятия один. Очевидно, занимался неплохо и проявились некоторые способности, если как-то раз Григорий Иванович пришел к нам домой и разговор повел о том, не будет ли Саша поступать в художественное училище. Но наш сын, по-видимому, решил продолжить дело отца. Или просто его больше интересовали точные науки. В его профессии счастливо переплелись физика и математика - предметы, которые преподавали в институте родители.

Начиная с восьмого класса, Александр учился в заочной физико-технической школе при Московском физико-техническом институте, которую также успешно окончил. Это давало ему возможность спокойно поступить в московский вуз. Но он выбрал Новосибирский университет. Несмотря на золотую медаль и документ об окончании физико-технической школы, ему пришлось держать экзамены. На экзамене по математике сел на последнюю скамью. Его посадили на первую, отобрав предварительно

чертежные инструменты. Впереди было «некомфортно» еще и потому, что преподаватели довольно громко беседовали, чем мешали сосредоточиться. И, действуя только карандашом и расческой вместо линейки, наш абитуриент сдал экзамен и был зачислен на физический факультет, который окончил в 1975 году, получив диплом с отличием по специальности «Физика плазмы и прикладная математика». Его оставили стажером-исследователем в Институте теоретической и прикладной механики Сибирского отделения АН СССР.

Осенью 1976 года наш сын поступил в аспирантуру на кафедре кибернетики и вычислительной математики МГУ, а 29 декабря 1980 года успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Исследование численными методами некоторых задач физики Солнца». Так начался его «путь к Солнцу».

Молодой специалист был приглашен на работу в Крымскую астрофизическую обсерваторию, ведущим научным сотрудником которой является и по сей день. Сначала он работал под руководством А.Б. Северного. Академик, удивляясь его трудолюбию и уму, говорил: «Такого ученого у меня еще не было». Однако для успешных исследований личных данных было мало. Нужны были финансы, а в этом плане дела обсерватории шли все хуже и хуже. Многим начинаниям грозил срыв, и приходилось «кооперироваться» с зарубежными научными центрами. Осенью 1990 года Академия Наук СССР командировала А.Г. Косовичева на три года в Великобританию на стажировку в институт астрономии Кембриджского университета. А в 1994 году, преодолев конкурс, он стал старшим научным сотрудником Стэнфордского университета в США. Александр все время рассказывает нам о своей работе, присылает статьи. Вот как характеризует он свою деятельность:

«Сейчас я работаю в Стэнфордском университете по международному космическому проекту «Солнечная и гелиосферная обсерватория». Целью этого проекта, в котором участвуют ученые многих европейских стран, России и США, является изучение активных процессов на Солнце и их влияния на Землю, функционирование космической техники, электрических систем, радиосвязи и т.д.

Солнечная активность, которая измеряется по числу пятен, изменяется с одиннадцатилетним циклом. В настоящее время Солнце находится в максимуме активности. Максимумы активности сопровождаются большим количеством солнечных вспышек, выбросами облаков горячей плазмы, усилением солнечной радиации, особенно в ультрафиолетовом и рентгеновском диапазонах.

Главная цель моей работы состоит в изучении процессов внутри Солнца, природы солнечной активности, механизма одиннадцатилетнего цикла и происхождения вспышек. Для этого используется метод гелиосейсмологии, который позволяет получать изображения различных структур и плазменных потоков внутри Солнца путем наблюдений распространения акустических волн на Солнце. Эти волны свободно проходят через внутренние слои и дают информацию о том, что находится на их пути под видимой поверхностью. Этот метод подобен ультразвуковой диагностике в медицине.

Недавно нам удалось изучить внутреннюю структуру солнечных пятен, которые представляют собой области сильного магнитного поля, в несколько тысяч раз более сильного, чем поле Земли. Эти области являются источником наиболее сильных солнечных возмущений. Оказалось, что солнечные пятна, подобно ураганам, образуются за счет сильных вихревых движений под поверхностью Солнца. Мы надеемся, что дальнейшие исследования Солнца помогут предсказать всплески солнечной активности».

А в одной из статей сообщается: «Совместные усилия солнечной обсерватории СОНО..., европейского и американского космических агентств привели к открытию мощных струйных потоков на Солнце. Их вполне можно называть и реками, только состоят они из раскаленной газовой плазмы. «Обнаруженные нами движения плазмы очень похожи по структуре на климатические картины нашей планеты, - говорит Джаспер Шоу из Стэнфорда. - Еще одна неожиданность: потоки у полюсов, расположенные в глубине Солнца и не видимые с поверхности». Д. Шоу и его коллега Александр Косовичев обнаружили достаточно широких полос (по 70 тысяч километров) в южной и северной полусферах, которые движутся с разными скоростями. Они считают, что эти полосы уходят на 20 тысяч километров, вращающихся как вихри. Это самые мелкие из найденных до сих пор структур на Солнце... И наконец, весь

поверхностный слой Солнца медленно перетекает от экватора к полюсам. Поток этот достаточно медленный - около ста километров в час - по сравнению со скоростью вращения самого Солнца (семь тысяч километров в час), но тем не менее за год вещество с экватора добирается до полюса. В общем, пристальное изучение нашего светила показывает, что это невероятно активная среда, поведение которой далеко еще не понято астрономами.

Исследовательская группа из Стэнфорда изучает Солнце при помощи прибора «Допплеровская камера Михельсона», который измеряет движение миллиона точек поверхности Солнца раз в минуту. Измерения позволяют отследить движение волн возмущений через солнечные внутренности, а потом делать выводы о составе и структуре этих внутренностей. «Нечто похожее делают врачи, просвечивая ваши внутренности ультразвуком», - говорит Д. Шоу. Более точное понимание того, как устроено Солнце, поможет ученым понять причины одиннадцатилетнего цикла его активности и даст возможность предсказывать магнитные бури, которые влияют на наше самочувствие, а порой и на поведение наших приборов».

Однажды по телефону мы услышали, что Александр и Валентина Жаркова из Университета Глазго (Великобритания) создали теорию, которая объясняет, как возникают в недрах Солнца волны, похожие на те, которые рождаются при землетрясениях. Солнцетрясение напоминает волны, разбегающиеся по поверхности воды от брошенного камня. Но масштабы сопоставить трудно: всего за час волны на Солнце успевают «пробежать» расстояние, эквивалентное десяти диаметрам Земли. Кроме того, в отличие от кругов на воде, расходящихся с постоянной скоростью, солнечные волны сначала преодолевают за час 35 тысяч километров, а перед тем, как исчезнуть, мчатся уже со скоростью примерно 400 тысяч километров в час. Звездный катаклизм во много раз превосходит земные. Если бы его энергию удалось собрать и применить на Земле, США оказались бы (при современном уровне энергопотребления) обеспеченными ею на 20 лет. А если бы всю земную сушу покрыть слоем динамита толщиной в 0,9 метра и подорвать, выделилось бы примерно такое же количество энергии.

Ученые Стэнфордского университета получили первую достоверную картину того, как солнечное пятно выглядит с «изнанки» светила. В основе лежит деятельность электрически заряженных потоков газа, которые достигают поверхности Солнца со скоростью 4500 километров в час. В группу исследователей, занимающихся этим вопросом, входят вместе с Александром Цзюньвэй Чжао, Джунвей Жао и Томас Дювалль. Они измерили скорость прохождения звуковых волн через солнечные пятна и окружающие их области (звуковые волны проходят быстрее через горячий газ, чем через холодный). Эти измерения позволили создать карту движения газовых потоков в районах пятен. Оказалось, что пятна действуют, как гигантские воронки, засасывая под себя окружающий газ со скоростью около 4000 километров в час. Захваченное вещество, охлаждаясь, становится все более плотным и постепенно погружается все ниже. Оказывается, в то время, когда Солнце усыпано пятнами, оно становится более ярким и горячим по сравнению с «незапятанными» периодами.

Когда я была в гостях у сына, я поразились, как много он успевает делать. Его рабочий день начинается с 8 - 9 часов утра и продолжается до полуночи: лекции, семинары, беседы со студентами и аспирантами, которые могут прийти к своему руководителю и ночью. Работая увлеченно, он за 25 лет ни разу не брал отпуск, не признавал выходных и праздников. Много времени отнимает подготовка выступлений на различного рода семинарах, симпозиумах, конференциях. А когда в семье его призывают «сократить темп», он говорит: «Работа для меня не в тягость». Но соглашается на семейный отдых: путешествия в национальные парки, в горы.

Свой первый доклад на английском языке наш русский ученый сделал в Дубровнике (в Югославии) в 1976 году, и так как он в то время не владел в совершенстве английским, отвечать на вопросы ему помогал другой сотрудник. То и дело сын писал нам об очередной поездке в какую-нибудь азиатскую или европейскую страну. Например, в 1994 году: «В июле я еду в Гамбург, где у меня на 16-е поставлен доклад на Генеральной ассамблее Комитета по исследованию космоса». С апреля по сентябрь 2001 года он побывал на конференциях в Голландии, Франции, в Вашингтоне, Пекине. Иногда возникают трудности, связанные с национальными особенностями, традици-

ями. К примеру, в Пекине читал лекции в школе ученых. После первой лекции сказал руководителю, что слушатели сидят с такими лицами, как будто ничего не понимают, а вопросы не задают. Ему ответили, что они все понимают, а вопросы задавать не принято. Почти весь июль 2001 года вашингтонское телевидение готовило передачу о деятельности Стэнфордской солнечной лаборатории. В начале ноября ведущие сотрудники ездили на съемки в Вашингтон, затем фильм был показан по американскому телевидению.

Часто приходят нам письма. Вот одно из них:

«Здравствуйте, дорогие мама и папа! У нас все в порядке. Все новости мы стараемся сообщать по телефону. Звонить сейчас очень просто, обычно номер набирается с первого раза. Аня и Павлик сейчас на каникулах после первой четверти, которые всего четыре дня, считая выходные. Однако у Ани все равно есть занятия в русской школе. Сегодня у нее был драмкружок, а завтра будут занятия по математике, русскому и географии. Она ходит туда с удовольствием. На драмкружке они сейчас готовят «Снежную королеву». Аня будет играть Герду в первом действии. Они уже давали спектакль по Сказке о рыбаке и рыбке. Кроме того, она ходит на кружок рукоделия - изобразительного искусства. В американской школе в этом году задают домашние задания, некоторые бывают трудные, так называемые «поисковые». Так что она все время чем-то занята. Все учителя в русской школе (при еврейском обществе) очень опытные. Есть даже возможность брать уроки музыки у преподавателей консерватории, но в этом году оказалось, что на музыку у Ани времени нет, так как она не захотела бросать драмкружок. Павлик всю четверть занимался самостоятельно, как захотел сам, и все было хорошо почти до самого конца, но в конце он выдохся и получил В+ (4+) по английскому и немецкому и В (4) по математике и истории, а по химии, компьютерам и физкультуре у него А (5). В таблицу идут оценки за семестр, поэтому ему нужно будет приналечь, чтобы по большинству предметов были отличные отметки. За прошлый учебный год он получил несколько почетных грамот: по биологии, компьютерам, физкультуре (за подписью президента Клинтона), а также благодарственное письмо от учительницы по английскому, которая написала, что Паша был один из двух отличников в ее классе. В этом году английский ведет какой-то дед, который Паше не нравится, так как говорит витиевато, так что трудно понять. История в этом году тоже нравится меньше. Они проходят современную историю и политику, почти каждый урок начинается с просмотра новостей по телевизору. Раз в неделю нужно готовить сообщение по газетам. Друзей у него так и нет. Сейчас сидит дома, читает книгу про Суворова, которую я взял в университетской библиотеке. Спросите, пожалуйста, у Димы, какие книги читают дети Пашиного возраста. Мне становится трудно выбирать. Недавно я ходил на родительское собрание. Там, в основном, говорили, как нужно готовиться к колледжу или университету. При поступлении засчитывается большинство семестровых отметок и отметки за обзорный экзамен по математике и английскому, который проводится одновременно во всех школах и одинаковый по всей стране, и результаты за выпускное сочинение, которое пишется дома. Паше учиться еще почти три года. Пока он не знает, чем хочет заниматься.

Я сейчас курирую небольшую группу студентов-первокурсников в Стэнфордском университете. Большую часть времени (четыре раза по 5 часов в неделю) у них занимают общественные предметы, так называемое «свободное образование». Им приходится читать много литературы, писать рефераты по определенным правилам. Студенты все очень серьезные, и все беспокоятся о своих успехах. У меня все в порядке. Работы, как всегда, очень много. Запуск солнечной обсерватории намечен на 23 ноября. Ожидается большой поток данных, которые нужно обработать. Однако компьютеры в нашей группе очень мощные, поэтому проблемы быть не должно. Кроме того, сейчас поступают данные с глобальной сети станций по наблюдениям за Солнцем. Я в этом проекте тоже участвую и в декабре поеду в Тусон (в Аризоне), где находится Национальная солнечная обсерватория, видимо, на неделю, чтобы работать по этому проекту. Первые результаты должны быть объявлены в начале января на заседании Американского астрономического общества в г. Сан-Антонио, штат Техас, куда я, видимо, тоже поеду. Кроме того, начал работать совместный проект Крымской обсерватории и обсерватории Маунт-Вилсон, который я пробывал. В августе в

КраО было доставлено оборудование для башенного солнечного телескопа, и сейчас Дидковский проводит наблюдения. Видимо, в январе он поедет в Маунт-Вилсон, чтобы обрабатывать данные. Я, очевидно, тоже буду участвовать. Работы много, но все очень интересно, а также важно для моего будущего. Я стараюсь отдыхать. По воскресеньям мы стали ездить в заповедник, где дикие олени почти как домашние животные. Стараюсь регулярно ходить в бассейн. На работу я либо хожу пешком (примерно 35 минут), либо часть дороги проезжаю на бесплатном автобусе. Однажды ходили в кинотеатр, в котором показывают старые классические фильмы, часто немые, в сопровождении настоящего органа. Смотрели фильм, снятый в тридцатые годы по «Дубровскому». Главная проблема у нас сейчас - найти работу для Тани. Она уже извелась за столько лет без дела. Наиболее реально для нее - получить должность среднего медработника, для чего нужно сдать квалификационные экзамены. Однако для того, чтобы допустили к экзаменам, нужен диплом медсестры. Диплом врача не годится по правилам, несмотря на то, что в нем написано, что она проходила соответствующие курсы и практику. Получать новую специальность уже поздно, а врачебные экзамены и последующую интернатуру ей не потянуть. На этом кончаю. Крепко целуем и обнимаем. Аня, Таня, Павлик, Саша. 10 февраля 1995 года».

Не реже одного раза в неделю сын звонит в Ишим, заботясь о нашем здоровье, быте, материальном благополучии. Трубку берут по очереди и внуки, и Таня.

Таня вошла в нашу семью в 1977 году. Она училась в медицинском институте с двоюродным братом Сашей. Кузен женился, еще будучи студентом, и на свадьбе познакомил Сашу с подружкой жены. Так у нас появилась дочь. Поженились Таня и Саша, когда она была на последнем курсе, а он в аспирантуре. С тех пор жена следует за мужем. Работала в Калуге, потом в Балабанове, поближе к Москве. И поехала с мужем в Крым. Там сначала не имела работы по месту жительства. Приходилось ездить в Бахчисарай из поселка, в котором жили работники обсерватории. Потом стала там терапевтом и лором. Верная и преданная жена и хорошая мать, она спокойно переносит все трудности, связанные с несколько необычной судьбой мужа. Наверно, некоторые ей завидуют. Но судьба русской женщины за рубежом не так уж и проста. Пришлось основательно осваивать английский язык, учиться водить машину. Работу по специальности так и не получила. Стала помощником врача и регистратором одновременно (по-нашему - медсестрой).

Немало усилий, несмотря на современное техническое оснащение, требует домашнее хозяйство. Куплен в рассрочку большой дом: четыре спальни, гостиная, столовая, кухня, три ванные комнаты. Во дворе флигель, где установлен тренажер для ходьбы и бега. Гараж на две машины. Около дома довольно большой двор, посажены фруктовые деревья. Газоны во дворе и перед домом, много цветов. Оставлено немного земли под мини-огород. Дом расположен в стороне от дорог, есть все условия для отдыха. В двух минутах ходьбы от него два больших стадиона без трибун, то есть просто для занятий спортом, тренировок. Есть хорошо обустроенные детские площадки.

Дети сейчас вполне самостоятельны. Павлу 21 год. Он учится в филиале Калифорнийского университета в городе Дэвис последний год на бакалавра по специальности геология. Хочет заниматься тем, что ему нравится. Хотя отец пытался его склонить к математике, ничего не вышло. Но он прошел хороший курс математики и сейчас может помогать Анне. Причем объясняет толково и терпеливо. Выписывает газету «Нью-Йорк-Таймс», журналы «Время», «Мир» («Национальное географическое общество США»). Много информации черпает по Интернету. Неплохо пишет, любит рассказывать, особенно о геологии. Помогает пополнять семейный бюджет: летом работает лаборантом в одной из научных лабораторий, хотя у отца неплохая зарплата. В благотворительный фонд инвалидов перевел 36 долларов. В фонд «Помощь детям, больным раком» сдали подержанный автомобиль. Потом часто приходили письма с благодарностью и просьбой присылать еще деньги. Из всей семьи он больше всех любит Россию. Это ярко проявлялось еще в детстве. Однажды он на пляже рядом с собой поставил красный флаг, гордясь тем, что он из СССР. Везде проявляет интерес к истории России. К примеру, эта тема интересовала его при посещении Лондонского Национального музея: он искал экспозиции, посвященные его Родине.

Аня же, приехавшая за границу очень маленькой, ничего о России не помнит и

говорит: «Я девочка русская и английская». Но воспитана как американка. Учится в девятом классе средней школы, в основном на отлично. У нее много подружек, с которыми она играет в школьной команде в теннис, поет в школьном хоре, летом ходит в кино, бассейн. Любит музыку, хорошо рисует и владеет компьютером, выполняя на нем все школьные задания и проекты. Очень ответственно относится ко всему, чем занимается, все делая самостоятельно.

Когда спрашивают, как эта семья воспитывает детей, ответ прост: личный пример родителей и самостоятельность. Точно так же мы воспитывали Сашу. Его дедушки и бабушки - крестьяне и рабочие, вечные труженики. Родители никогда не жили роскошно и всего, что имели, добились только упорным трудом.

Во дворе института стоял наш дом. Нам в нем принадлежала одна большая комната, разделенная на «спальню», «гостиную» и «детскую» мебелью и тонкой перегородкой. Кухня, общая с соседями. «Удобства» - во дворе, воду набирали в подвале института. Такое жилье получили заместитель директора и преподаватель общей физики. Через двадцать лет нам дали двухкомнатную квартиру.

Увлеченный делами Георгий Иванович стал уже забывать о том, что после окончания университета назначение в Ишимский учительский институт помешало его поступлению в аспирантуру. И тут пришло письмо из Института теоретической астрономии: «...В случае Вашего согласия на сдачу экзаменов и поступление в аспирантуру о Вашем увольнении с теперешнего места работы будет ходатайствовать не только институт, но и президиум Академии наук». Ленинград, Университетская набережная - прямой путь в науку... Косовичев путем теоретических расчетов занимался поисками малых планет, «потерянных» в годы войны из-за прекращения исследований. И это было самым желанным его занятием. А в институте он даже не преподавал астрономию. Она отсутствовала в учебном плане. Но как же можно было бросить начатое недавно дело?

Однако Георгий Иванович продолжил свои исследования, не прерывая связей с родным Томским университетом. Составил новую теорию движения малой планеты (716) Берклея, в дальнейшем предсказывал положение этой планеты для наблюдателей в международных академических сборниках. В пятидесятых годах Институт теоретической астрономии АН СССР ежегодно публиковал сборники с данными, пользуясь которыми ученые могли наблюдать за малыми планетами. Там были и результаты труда астронома из Ишима. В 1967 году в статье «История развития математики в Томске» уже рассказывалось о значительном вкладе в науку молодого исследователя Г.И. Косовичева. Но исследования ему пришлось прекратить. Начались скитания по больницам и клиникам Одессы, Киева, Москвы, Тюмени. Но никто не смог восстановить потерянное зрение. У меня уже была почти готова кандидатская диссертация, но ее защита не состоялась из-за тяжелой болезни мужа.

Дело отца продолжил наш сын. Недавно мы получили приятное известие. В послании Международного комитета по малым планетам говорится о том, что малая планета 8339, открытая 15 сентября 1985 года в Крымской обсерватории, будет названа в честь Александра Георгиевича Косовичева, солнечного сейсмолога, и его жены Татьяны Ивановны, врача амбулатории этой же обсерватории. Почему так долго утверждалось название? Каждое такое открытие проверяется тщательно, годами, и, наконец, планета, имевшая только номер, приобретает и имя. Как правило, оно женского рода. Так от фамилии Косовичевых родилось наименование небесного светила - Косовичея.

- Дорогие Саша и Таня! От имени открывателей малой планеты 8339 Николая и Людмилы Черных и администрации Крымской астрофизической обсерватории я счастлив сообщить вам, что, начиная с 12 сентября 2000 года, малая планета 8339 диаметром около 10 км - ваша! Она названа в честь вас обоих Косовичея за ваши выдающиеся исследования, медицинскую заботу и огромную поддержку КрАО! - пишет Леонид Дидковский, заместитель директора Крымской обсерватории.

Косовичев Александр Георгиевич. Родился в России. Работает в США. Но одновременно - член коллектива Крымской обсерватории на Украине. Чей он ученый? Не надо искать ответ на этот вопрос. Увлеченно мой сын изучает Солнце. Оно одно дает жизнь всей планете. Значит, труд моего сына нужен всем нам, он на благо граждан любой страны. Это главное.

Музей провинциальный

Т.И.ПРОКАЗОВА

Музей Второпесьяновской школы

На самой окраине Ишимского района, на границе с Казанским, в селе Второпесьяново в шестидесятые годы уже прошлого столетия открылась новая восьмилетняя школа. Ее директором был назначен уважаемый не только в селе, но и в районе человек, участник Великой Отечественной войны Федор Алексеевич Девкин (1921—1997 гг.). Он поставил перед педагогическим коллективом задачу: увлечь ребят каким-то очень интересным делом. Сам Федор Алексеевич много рассказывал детям о Великой Отечественной войне, о своей военной судьбе, о том, как в одном из боев был ранен и попал в плен, а потом с тысячами других военнопленных оказался в концентрационном лагере Бухенвальде.

Жизнь в лагере была невыносимой. Но Федор Алексеевич выжил и даже стал членом международного нелегального комитета. Члены комитета, несмотря на то, что находились под постоянным наблюдением эсэсовцев, делали оружие для заключенных, с помощью которого они смогли сами себя освободить в апреле 1945 года.

У Федора Алексеевича сохранились фотографии, документы того времени, рассказывающие об ужасах лагерной жизни. На протяжении многих лет он поддерживал связь со многими узниками концлагеря, оставшимися в живых. Каждый День Победы они встречались в Москве, обменивались впечатлениями, воспоминаниями, выступали перед молодежью столицы. Несколько раз по приглашению правительства ГДР бывшие узники посещали музей Бухенвальда.

Шли годы, друзей оставалось все меньше и меньше. И Федор Алексеевич по совету своих товарищей решил собрать все имеющиеся у них материалы о жизни и деятельности русских пленных в лагере и создать экспозицию в сельской школе. С этой идеей он ознакомил учителей и учащихся Второпесьяновской школы. Мысль о создании выставки, а затем и музея была встречена с большим энтузиазмом. В течение года ребята вели активную переписку с бывшими узниками Бухенвальда, встречались с некоторыми из них, установили связь с музеем Вооруженных Сил в Москве и музеем «Бухенвальд» в Германии. А руководили ребятами Новикова Елена Николаевна, Белова Екатерина Андреевна, Морозова Елена Ивановна, Филатова Людмила Афанасьевна, Данько Михаил Николаевич.

В результате поисковой работы был накоплен богатый материал. В школьный музей поступили из вышеназванных музеев различные документы, фотографии и воспоминания узников. Этого материала оказалось достаточно для оформления экспозиции, для которой была выделена классная комната. В школьной мастерской руками учащихся были сделаны стенды, витрины. Центральное место занимал стенд с фотографиями, присланными из Бухенвальдского музея, который состоял из разделов: «Бухенвальд», «Прибытие в лагерь», «Работа в лагере», «Пытки в лагере». Большой интерес представлял стенд «Бывшие узники», рассказывающий о жизни и деятельности бывших пленных. В витринах располагались их письма, документы, книги о Бухенвальде.

Открытие музея с нетерпением ждали и школьники, и жители села. Среди детей был объявлен конкурс по названию музея. Одновременно формировались библиотека и фонотека о Великой Отечественной войне. Песня «Бухенвальдский набат» натолкнула многих ребят на мысль назвать музей «Бухенвальдский набат».

Торжественное открытие школьного музея состоялось в феврале 1967 года. Это событие было значимым не только для села Второпесьяново, но и для всего Ишимского района. Музей такого направления был единственным и во всей области. О нем стали много писать и говорить, его стали посещать. Гостями музея стали представители власти, жители села, школьники Казанского, Ишимского, Гольшмановского, Бердюжского, Абатского и других районов, городов Тюмени, Ялуторовска, Ишима, Заводоуковска. Посетили музей и некоторые бывшие узники Бухенвальда, с которыми

велась переписка: узница Освенцима Цветкова Надежда Тимофеевна, Герои Советского Союза С.С. Чижиков и Л.И. Васильев.

Переписка по основной музейной теме продолжалась многие годы, но одновременно с этим ребята вели работу и по другим направлениям. Учащиеся собирали материал о своих земляках — участниках Великой Отечественной войны и трудового фронта. Членами совета музея было выяснено, сколько людей из села ушло на войну, сколько вернулось, кто где воевал, какие имел награды. Ребята посещали ветеранов и записывали их воспоминания. Во время беседы с Сергеем Романовичем Морозовым выяснилось, что он был солдатом 229-й стрелковой дивизии, которая формировалась в начале войны в Синицынском бору Ишимского района. Это явилось стимулом к формированию новой выставки в музее. Рядовой разведчик, стрелок С.Р. Морозов воевал на пяти фронтах: Сталинградском, Волховском, Ленинградском, Украинском, Белорусском. Вернулся домой в 1946 году и трудился в родном селе до выхода на заслуженный отдых. Он и по сей день живет в селе Второпесьяново.

Много сделал для музея и другой участник войны Михаил Николаевич Данько (1918 — 1995 гг.). Он был руководителем музея с 1975 по 1981 год. Он явился и зачинателем традиции — приглашать в школу на встречи с учащимися, на праздники всех ветеранов войны, живущих в селе.

В 1976 году музей решением коллектива учителей и учащихся был переименован в музей Боевой и Трудовой Славы. Под таким названием он существует и в наши дни.

В 1986 году руководителем школьного музея назначается молодая учительница, выпускница государственного педагогического института г. Ишима Ольга Александровна Медова. Ей удалось сохранить все, что было сделано, и многое приумножить. Был собран материал о солдатских вдовах и оформлен стенд. На нем разместились фотографии женщин, вынесших на своих хрупких плечах все тяготы военной жизни: их документы (трудовые книжки, наградные листы и др.), записи их воспоминаний. Пополнился музей и материалами о детях войны. В настоящее время в музее накапливается материал о воинах-интернационалистах.

В 1990 году в селе Второпесьяново открывается новая средняя школа. Экспозиция музея переносится в новое помещение с сохранением всех прежних разделов и формированием новых — по истории Второпесьяново с момента его образования. И ребята занимаются в архиве г.Ишима, изучают письменные источники о первых переселенцах, посещают старожилов, которые передают им рассказы своих дедов и прадедов. Сведения об истории села отразились в его новых экспозициях.

В результате поисковой работы было выяснено, что село Второпесьяново образовалось в 1851 году панцирными боярами и первоначально называлось деревней Посьяно. Панцирные бояре — небольшое сословие, существовавшее в средние века в Белоруссии. Оно занимало промежуточную ступень между шляхтой и крестьянами в Речи Посполитой. Обязанность у них была одна — военная. Они служили на конях в полном рыцарском вооружении: панцирь, шлем с забралом, копьё, меч и шпоры.

Численность их росла и в середине XIX века достигла 11,5 тыс. человек, что послужило толчком к их переселению в Тобольскую губернию. За период с 1849 по 1859 годы в Сибирь переселилось 508 семей панцирных бояр (3815 душ обоюбого пола). Первая партия, состоящая из двадцати семей, поселилась в деревне Посьяно. В 1855 году в эту же деревню определены переселенцы из Курской и Витебской губернии. Почему деревню назвали Посьяно? По этому вопросу существуют различные мнения. Одни предполагают, что у переселенцев не было мяса, то есть пища была постной; другие утверждают, что переселенцы хорошо пели (что характерно для жителей села) — отсюда Посьяно*.

Посещая старейших жителей села, ребята очень много узнали о роде занятий крестьян конца XIX — начала XX столетия, им довелось увидеть старинные предметы быта, орудия труда, одежду, обувь. Много старинных вещей с чердаков и из сараев переместилось в музей. Это прялки, мялки (любимое занятия переселенцев — льноводство), самовары; рукомойники, угольные утюги, чугунные и деревянные ступы, сельницы разных видов, грабли, серпы, фонари и т.д. Имеются и еще более примечательные экспонаты. Например, портрет Николая II, выполненный масляными красками.

---

* Пример так называемой ложной этимологии. Слово «посьяно», по всей вероятности, образовано от широко распространенного во многих областях России и Сибири определения «песьяный» - «песчаный» - прим. ред.

ми по железу в конце XIX века. Найден он был на чердаке хозяйкой дома Екатериной Ивановной Гультаевой, которая и принесла его в музей. Как он оказался на чердаке, Екатерина Ивановна ответить не смогла. В витрине, где находятся предметы быта, привлекает внимание еще один интересный экспонат — жернова. Этот предмет, доставшийся от отца, передал Иван Ефимович Медов. Или кандалы, отданные в музей Н.Г. Первышиным. Кому они принадлежали — неизвестно.

Старожилы села поведали ребятам и об одном из главных событий нашего края — гражданской войне 1921 года, в которую были втянуты почти все крестьяне. Устинья Степановна Шилова, Пелагея Степановна Трофимова, Марфа Семеновна Юринова подробно рассказали ребятам о гибели своих отцов. Погиб тогда 21 житель села. Материал об этом периоде хранится в музее.

За последние годы активисты музея по крупицам восстановили историю образования в селе. Ребята выяснили, когда открылась первая школа, в каком здании находилась и где располагалась, сколько было классов и количество учащихся в них и т.д. Собрали сведения и о педагогах, которые стояли у истоков образования в селе, работавших и работающих до сегодняшнего дня.

В середине 90-х годов Областным центром детско-юношеского туризма была разработана программа «Тюменский край — жемчужина Сибири», которая является туристско-краеведческой комплексной образовательной программой, разработанной на основе программы туристско-краеведческого движения Российской Федерации «Отечество». Программа включает в себя шесть направлений: «Память Отечества», «Судьбы, опаленные войной», «Истоки», «Живи, Земля», «Школьные музеи», «Школа выживания». Активисты Второпесьяновской школы выбрали для себя подпрограмму «Моя родословная» из направления «Память Отечества», чтобы изучить происхождение, историю и родственные связи родов и семей, их традиции и обряды. Сначала поисковую работу начали только кружковцы, затем включились почти все школьники. Работа велась по этапам, разработанным Ольгой Александровной Медовой: «Что в имени тебе мо□м» (происхождение имен, их значение), «Семейные реликвии» (написание сочинений), «Старый бабушкин сундук» (запись рассказов о вещах, хранившихся у бабушек), «Семья и семейный быт» (члены семьи и их обязанности, права по отношению друг к другу, глава семьи, рождение членов семьи), «История семьи во времени» (составление ленты времени или семейная летопись), «Троюродный плетень» (сбор фотодокументов о троюродных братьях, сестрах, дядях, тетях с указанием места их жительства, работы, рода занятий) и др. Работа продолжалась не один год. Многие ребята прошли все этапы. Это Настя Гультаева, Лена Тагильцева, Ира Зимина, Таня Губанова. Особый интерес представляет работа Насти Гультаевой. Она описала свою родословную по линии отца начиная с 1830 года, сумела восстановить историю восьми поколений, род занятий, отразила роль своих родственников в событиях, происходивших в стране и в селе за это время. Ею же были оформлены стенды «История семьи во времени», «Троюродный плетень». С работой «Моя родословная» Настя Гультаева выступила на районном слете актива школьных музеев и была награждена грамотой и ценным подарком. Е□ разыскания высоко оценили и на областном конкурсе туристско-краеведческого движения «Тюменский край — жемчужина Сибири» в 1999 году.

Сейчас кружковцы собирают фольклор и диалекты села. Их интересует традиционная крестьянская культура: праздники, обряды, обычаи. Собранный материал ребята используют при проведении экскурсий, классных часов для младших школьников, бесед, встреч, концертов для жителей села и учащихся, фольклорных праздников, театрализованных представлений.

Активисты музея ведут не только поисковую работу. Они являются еще и экскурсоводами, оформителями, артистами, а также организаторами всех школьных мероприятий. Юные экскурсоводы проводят экскурсии не только для учащихся своей школы, но и для гостей, число которых в последние годы резко уменьшилось из-за тяжелой финансовой обстановки в нашей стране. Зато частыми гостями музея являются жители села. Они приходят в музей и в День Победы, и в День защитника Отечества, и для бесед с ребятами за круглым столом. Сельчане очень благодарны ребятам за то, что в школе работает такой музей, в котором за короткое время пребывания можно соприкоснуться с событиями давно минувших лет. Музей Второпесьяновской средней школы участвует во всех краеведческих мероприятиях, проводимых Центром детско-юношеского туризма. В течение многих лет он является одним из лучших школьных музеев. И заслуга в этом актива ребят и их неутомимого руководителя Ольги Александровны Медовой.

Журналы и газеты лет минувших

Страницы «Тобольских губернских ведомостей»*

1857 год

Сообщено из Ишима

В Ишимском округе в нынешнем году две жатвы или, как их называют жители, страды: весенняя, уже кончившаяся, и летняя, как везде. В половине минувшего Апреля, на возвратном пути из Петропавловска, я был очевидцем весенней страды. Здешние поселяне, в прошлом году, по причине почти постоянно дождливой осенней погоды и рано выпавшего снега, не могли убрать весь хлеб с полей своих и его в округе тысяч до десяти десятин осталось под снегом. Будь эта неприятность, чего Боже сохрани, в другом, не столь плодородном месте, как наше, крестьяне были бы в большом затруднении найти себе продовольствие до будущей страды, а здесь они нисколько об ней не охали и не тужили. Надежда на Бога, подкреплённая могучим словом *авось*, их не обманула: зима нынешняя, по счастью, была, за исключением нескольких весьма холодных дней в Январе, довольно милостива, и несжатый хлеб остался цел и невредим от морозов, плотно укутанный в снеговой шубке своей. Только овес не везде можно было воротить без ущерба, от того, что тонкие стебельки, которыми зерно его держится на колосе, от осенней и частью от весенней мокроты, подгнили. Среди безжизненных полей, покрытых кое-где массами нерастаявшего снега, и озер и речек, только начинавших освобождаться ото льда, полевая деятельность крестьян, приличная жаркому лету, не лишена была занимательности.

Ишим вскрылся у нас 24-го числа Апреля. Лед в нем, от чрезвычайно извилистаго течения, редко, как говорят о других реках, проходит, а постепенно исчезает; но нынче, местами, хотя и с остановками, шел, что считается признаком большой воды. — 1-го ч [исла] Мая термометр показывал при ясной погоде и сильном северном ветре +1,0 [по Реомюру; = 1,2⁰ Цельсия].

Благодаря укоренившемуся обычаю Сибиряков пускать весною палы, в отдаленных краях здешняго горизонта часто виден был днём дым, а ночью сверкали огоньки; 5-го же ч. Мая палы эти, зажженные на довольно большом пространстве в разных местах луговой стороны Ишима, при совершенно тихой погоде, истребляя сухую траву и встречающиеся на пути группы деревьев из породы тальника, подошли вплоть к противоположному берегу реки, омывающей с восточной стороны наш город. Жители до глубокой ночи не переставали любоваться этой, достойной кисти художника, картиной, отражаемой в спокойных водах Ишима.

Вода в нашей реке и впадающем в нее под самым городом Карасуле прибывала до 19 ч. Мая и затопила, за исключением кое-где небольших релочек, все низкия места около города; с этого же дня она остановилась на одной мере и, через двой сутки, стала идти на убыль, впрочем едва заметно. Огибая с трех сторон возвышенную часть местности, занимаемой городом, Ишим каждый год, особенно в половодье, рвет берега ея. То и дело слышны, как пушечные выстрелы, звуки падения в воду подмытых береговых глыб. Нынешний раз он расположился шутить таким родом пока преиму-

* Газета «Тобольские губернские ведомости» выходила с 1857 по 1918 гг. Представляем вниманию читателей три заметки за 1857 год.

шественно около городских кузниц; а в минувшем году оторвал более полуторых сажен высокога берега, на котором расположен огород, принадлежащий к дому Приходскаго Училища. На задах этого Училища и вообще всех домов, расположенных по берегу реки, к Югу от Соборной церкви, лет за двадцать пять, по рассказам старожилов, были проезжая береговья улицы и крестные ходы возвращались по ним обратно в Собор; ныне же в тех местах проходит русло реки. Можно безошибочно предсказать, да и сами жители уверены, что эта часть города, названная быть может, по слабости грунта Киселевкою, со временем будет совсем смыта Ишимом. —

Ишимский обыватель.

(□ 8 от 15 июня; отделение II, часть неофициальная, с. 47-48)

Праздники Коронации в Ишиме

Читая статью о праздниках Коронации в Тобольске, пожелал и я последовать примеру тамошняго жителя и сделать, как очевидец, кое какой очерк дней 19, 20 и 21 Сентября минувшаго года, оставшихся у всех приятным воспоминанием среди однообразной жизни нашего маленькаго уезднаго городка.

Предпразднеством этих знаменательных дней было здесь 15 Сентября. В этот день, в доме Приходскаго Училища, давали бесплатный благородный спектакль. Играли «Приключение на водах» и «Петербургския дачи» и играли очень отчетливо.

На кануне празднования Священнаго Коронования, здешним духовенством было совершено, со всем приличным наступающему торжеству великолепием, всенощное служение.

19 числа, под звук торжественнаго и продолжительнаго благовеста, прибыли в Богоявленский Собор Гг. Окружный Начальник, Городничий, Исправник, все остальные чиновники, купцы и прочия обоего пола жители. Во время Божественной Литургии и благодарственнаго с коленопреклонением молебствия, совершеннаго городским духовенством вместе с некоторыми, приглашенными для усугубления величия этого всеобщаго празднества, сельскими священниками, молились мы Миродержавному Правителю, чтобы дал Он Царю нашему, Ангелу мира *желание сердца Его и предварил Его благословением благостынным*. Пред окончанием обедни О. Протоиерей Николай Кайдалов произнес полное назидательности слово об отношениях, в коих Царь поставляется свыше к своему народу, на текст Св. Писания: «вознесох избраннаго от людей моих» (: псал. 88, 20 :).

После молебствия, солдаты здешней инвалидной команды были угощаемы на возвышенной площади у Собора белым хлебом, говядиною и вином от откупа. Радостные клики *ура*, сливаясь с гулом колоколов обеих церквей, далеко разносились по городу и долине, с трех сторон его окружающей. Между тем духовенство, чиновники и почетные граждане отправились в дом Г. Окружнаго Начальника П.Д. Барцова. Здесь, после исполнения музыкантами и певчими народнаго гимна: *Боже Царя храни*, радужный хозяин, угощая гостей, провозгласил тост за здравие ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, сопровождаемый тоекратным *ура* всех присутствующих, проникнутых чувствами верноподданнической любви к Помазанникам Божиим.

Этот и следующие дни город был иллюминирован. Почитаю не лишним сказать несколько слов об освещении перваго дня. Кроме множества разноцветных фонарей, горело по всем улицам до 8-ми тысяч плашек; ими иллюминирована была вся, длиной чуть не с версту, Никольская улица. На всех концах ея сияли в огне Св. храмы и ярко горели большие щиты с вензельными именами их ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ, а в центре дом купца Постникова, с поставленными, среди покрытых разнообразными украшениями окон, транспарантом, будучи увешан разноцветными китайскими фонарями и унизан весь плашками, дополнял собою блестящий вид этой улицы. Фронтон здания Уезднаго Училища, внутри и вне освещеннаго, был украшен короною над выставленным в окне транспарантом. Дома купцов: Васильева, Еманаковых, Казанцова, Колосова, Управляющаго откупом и многих других жителей были также украшены транспарантами и хорошо освещены. За рекою Ишимом бросали ракеты. До поздней ночи улицы были оживлены толпами веселившагося народа; экипажи мелькали повсюду; в разных местах раздавались веселыя песни.

20 числа был общественный бал в доме Управляющего откупом. Все здешние дамы одеты были в национальном русском платье — пример единственный в Ишиме. Местность дома позволяла публике видеть из окон и с балкона за рекою весьма удачный и красивый фейерверк. Танцы продолжались далеко за полночь; массы народа ликовали около дома. Все были веселы и счастливы, как дети одного общего всем Отца. Горевший перед домом бенгальским огнем щит, с именами Виновников торжества, был последним действием фейерверка и сигналом к окончанию бала.

(□ 11 от 1 июля; отделение II, часть неофициальная, с. 94-95)

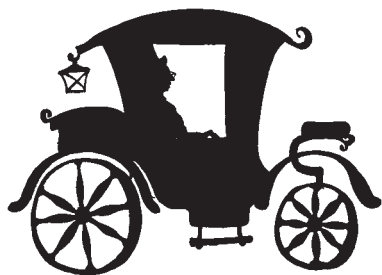
Периодическое возвращение вод в Тобольской губернии

Бывшее в 1854 г. наводнение постигло не один город Тобольск, а и города, стоящие на Иртыше, Ишиме, Тоболе и Туре, именно: Петропавловск, Ишим, Курган, Тюмень и все села и деревни, находящиеся на этих реках, или близ их в долинах на малых речках и протоках, и произвело большие опустошения. Умножению воды содействовали беспрестанные дожди, бывшие в течение лета 1854 г. Почти то же и там же было, только в меньшем размере, в 1856 и происходит в 1857 г. Умножение вод открылось в эти годы не только в реках больших и малых, но и в озерах, в кои нет притоков и из коих нет истоков. В Курганском, Ялуторовском, Ишимском и Петропавловском округах почти все села и деревни, удаленные от рек и речек, стоят на озерах. Назад тому около 35 лет, некоторые озера были еще довольно полны водою, другие стали высыхать и вода стала держаться только в самом центре, где была большая глубина котловины. Но с течением времени и эти озера высохли до такой степени, что по берегам их, а после и около самого центра котловин многих из них завелись сенные покосы и пашни, а в самом центре котловин образовались тонкие болота и зыби; на иных по дну можно было проходить, не замочив ног. Вследствие того поселяне прибегали к рытью колодцев, даже перенесению деревень на другие места. Рытие колодцев в Курганском округе во многих деревнях началось, сколько я помню, назад тому около 40 лет, прежде нежели вода совсем скрылась, оттого что, при умалении ее в озерах, она или делалась солоновата, или неприятна для вкуса и обоняния. То же было и в Петропавловском округе. Таким образом пред 1854 годом воды во многих озерах не было. В молодых летах слыхивал я от стариков, что в Курганском, Ишимском, Ялуторовском и Петропавловском округах озера, на их памяти, дважды наполнялись водою и дважды высыхали. Видя в последствии времени постепенное высыхание озер и помня слова стариков, я ожидал — не придет ли когда-нибудь эпоха наполнения озер водою снова. Это действительно случилось: в 1854 г. все озера наполнились водою; но на этом природа не остановилась. В 1856 и 1857 г., от таяния снегов и от дождей, вода возвысилась в озерах еще больше. Ныне все озера наполнились водою в бывшем прежде пространстве, а с тем вместе появилась и рыба, свойственная озерам. Мало того — образовались новые озера разных величин на всех тех местах, где вода могла найти себе логовище.

Из этого можно заключить, что когда-нибудь опять придет пора, что озера совсем высохнут, и пора, что они наполнятся водою. Будущий геолог Сибири не оставит без внимания этого явления природы и настоящего сведения, если время не истребит Тобольских Губернских Ведомостей и оне сохранятся у какого-нибудь библиофила.

Уроженец Курганского уезда.

(□ 15 от 20 июля; отделение II, часть неофициальная, с. 103)

Пытливый посох странника

В.Н. МАЛЫШЕВ

Встречь солнцу

Краеведы Маслянской школы давно мечтали совершить путешествие по родному Сладковскому району, пройти встречу солнцу от самой северной точки его до крайнего юга. Помнится, подобный вояж был на велосипедах четверть века назад. О нем любят вспоминать родители современных музейщиков. Но мечта оставалась мечтой, пока не получила материальную и организационную поддержку со стороны В.В. Иванищевой - специалиста районного отдела по делам культуры и спорта...

День первый

13 августа 2001 года. Наш автобус катился на поддень. Под колесами асфальт, уложенный дедами ребятишек на основание довоенной поры 1940 года. В салоне шестнадцать пытливых голов, два руководителя (энтузиасты-краеведы Ольга Романовна Прощенко и Марина Владимировна Гейнбихнер), директор музея, а за рулем наш никогда не унывающий водитель Сергей Николаевич. Мимо проносятся дороги, поля, перелески, урочища, названия которых незамедлительно сообщаются экскурсантам и фиксируются в полевых блокнотах вместе с краткими справками. С первых метров пути соблюдается золотое правило путешественников: «Не записанное - не наблюдалось!»

Поворот на Менжинское, и через 18 километров экскурсию по селу ведет, не выходя из автобуса, О.Р. Прощенко. Снимки значимых мест, мимолетная встреча с историком, патриотом своего села Б.Г. Герасимовым - и мы снова в дороге. Впереди нас ждет целая россыпь экзотических топонимов: Политотдел, Кичигино, Угловое, Денисова высота, Толстая грива, Мирониха, Парижка и самая протяженная в районе возвышенность - Беляевская грива. Останавливаемся для изучения растительности, почв, грунта, фиксируем с дороги пробегающих и пролетающих представителей животного мира. Все это важно, значимо и необходимо для познания. «Что ни песчинка, что ни камушек, то и исторический памятник», - говаривал когда-то бессмертный Чехов.

К вечеру оказываемся в Ново-Николаевке, где за деревней у проселочной дороги на Вакарино (Казанский район) разбиваем лагерь. Первый походный ужин, первые метеонаблюдения и первые взаимные визиты. Пока взрослые контактируют в деревне со старожилами, принимаем в базовом лагере юных гостей. С помощью местных подростков уточняем географические названия окрестностей. Около полуночи судьба дарит нам эффектный сюрприз. Очистившееся от облаков небо внезапно освещается сотнями летящих со всех сторон метеоров. За сутолокой похода мы просто забыли, что в эти календарные дни ученые и любители астрономии наблюдают сразу четыре звездных дождя, красивейшими из которых являются Персеиды. Впрочем к этому времени большинство юных путешественников, переполненных впечатлениями первого дня, давно уже пребывает в объятиях Морфея.

И был день второй

Он начался с посещения деревни. Гидами у нас были семидесятилетние старушки А.Т. Белослудцева и Д.П. Филимонова. Ребят интересовало буквально все: и прошлое деревни, и памятники старины, и личная судьба рассказчиц. Почти на все получили следопыты обстоятельные ответы. Краеведы были поражены известием, что от времени основания деревни (1895 год) сохранился колодезь, выкопанный в период подготовки участка к заселению. Сохранился потому, что своевременно вычистил и отремонтировал его местный умелец Колейник. Беспорочные услуги деревенского мастера до сих пор с благодарностью принимаются односельчанами.

Вопреки распространенному мнению, Ново-Николаевка заселялась не столь уж бедными и малопригодными для жизни людьми. К 1907 году жители ее сумели собрать в

своей среде на строительство храма Божьего значительную, даже по тем временам, сумму - около семи тысяч рублей (где-то около двенадцати миллионов по современному счету). Переселенцы открыли и содержали на свои средства школу. Перед революцией в поселке был маслозавод, три ветряные мельницы, две торговые лавки. Населенный пункт состоял из двух расположенных поблизости поселков: Беляевки и собственно Ново-Николаевки, в 147 дворах которых проживало 900 человек. Сейчас в деревне остались 31 усадьба и 51 житель. Регресс начался с момента коллективизации. Укрупнение и разукрупнение колхозов (их создано было в начале 1930-х годов целых три), ликвидация колхозной системы, передача «фермы» из одного совхоза в другой, упразднение местного сельсовета и, наконец, Отечественная война - все это исподволь подводило деревню к роковой черте. Держались в последнее время благодаря школе, но и ее закрыли в прошлом году. Учить стало некого...

И все же жители полны оптимизма. Они с удовольствием рассказывали ребятам о дореволюционном прошлом, спешили показать местные достопримечательности, с готовностью выносили из домов и разрешали фотографировать высокочтимые иконы, спасенные их родителями в период поругания храмов. Среди них был и алтарный образ архангела Гавриила, который любезно разрешили заснять на пленку сегодняшние хранители его - Сапельниковы.

Краеведы посетили обелиски погибшим и возложили к ним скромные полевые цветы. Провожал нас у околицы, опираясь на сучковатую палку, дед Филимонов. Никто уже не помнит, когда он взял на себя обязанность встречать и провожать каждого посетителя родной деревни. «Бессменный часовой» - отзываются о нем земляки.

Один из многих

Под Малым Курталом нас ждал поиск остатков древней казачьей крепости. Она нанесена на карты XVIII столетия, а местоположение ее до сих пор хранит название одного из урочищ. Мальчишечьи руки горели желанием порыться в земле, но, к сожалению, неистребимую страсть к раскопкам удовлетворить на сей раз не удалось. Урочище оказалось засеянным. Зато вознаграждены были редкостной находкой в деревне. Наше внимание привлек старинный дом, срубленный по канонам начала XIX столетия. Мобильный отряд из автобуса мгновенно обследовал его, сфотографировал и даже разыскал владелицу. Ею оказалась 78-летняя Тамара Владимировна Пневских. Она и поведала нам о своей судьбе. Старость всегда одинока, но владелица архитектурного уникама не сетует на пройденный путь. Много встречала она в жизни хорошего. Только вот лет двадцать назад скончался ее муж-фронтовик Великой Отечественной, кавалер боевых наград. А еще раньше скончался свекор. Он тоже воевал с германцем, только в Первую мировую войну, и был даже в плену. Позднее в своих музейных архивах мы разыщем сведения о свекре Евгении Васильевиче, о его дедушке Николае, о прадеде Иване и об основателе малокуртальского рода Пневских - Матвее Ивановиче (1755 - 1795 гг.). Но в тот момент мне припомнились два эпизода из биографии этой крестьянской династии. В юбилейном 1967 году моим дорожным попутчиком оказался двадцатилетний паренек. Разговорились. Зовут его Пневских и ездил он в Малый Куртал поклониться земле предков. Такой обет взял с него покойный дедушка, вынужденный покинуть в 30-х годах родную деревню и поселиться не по своей воле на Урале. Второй эпизод уносит меня во времена Великой Отечественной войны. Только что умер мой младший брат, и, чтобы отвлечь меня от печальных мыслей, родная тетюшка взяла с собой в Малый Куртал, куда мобилизовали ее на сельхозработы. Хорошо помню добротную крестьянскую усадьбу с амбаром, завозней, обнесенную заплотом, и деда, проводившего большую часть времени на печи несмотря на разгар лета. Но однажды солнечным утром он вышел за ограду, примостился на завалинке и подозвал меня, уминавшего босыми ногами дорожную пыль. «Ты хоть знаешь, сколько мне лет? - помолчал, удивленно качнул головой и сам ответил: - Минуту сто двадцать пять». Фамилия этого патриарха была тоже Пневских.

Там, где рождается хлеб

Наш автобус продолжает двигаться к югу. Мы стремимся достичь самой полуденной точки Сладковского района - деревни Красивой. Приходится с сожалением отсекать весьма заманчивые места, требующие кропотливой стационарной работы. Вот позади осталось Усово. Старинное сибирское село, начало которого восходит ко временам Сперанского и императора Александра I. В нем мы смогли лишь обследовать восстанавливаемую церковь да совершить обзорную экскурсию под руководством нашего юного гида Сережи Кузнецова. За кадром остались поиски могилы С.Е. Редюшкина (1843 - 1896 гг.), пожертвовавшего свой собственный дом под церковно-приходскую школу. За многие

богоугодные дела он удостоен был благодарности Святейшего Синода и имел тисненную золотом грамоту из самого Петербурга. Из этого села начал свой крестный путь на голгофу и последний настоятель храма М.Н. Комаров в зловещем 1937 году. А храм разграбили, обратили в склад, затем в клуб, а потом и совсем забросили. Усовские краеведы разыскали в одной из деревень переносную священную раку, принадлежащую их церкви. Теперь она экспонируется в школьном музее.

В 1898 году Усово становится волостным центром и почти одновременно начинается краткая слава местного маслоделия. Настоянное на целебных травах масло достигает Дании, берегов Туманного Альбиона. Об этом сейчас многие знают, но еще десяток лет назад такой факт воспринимался с явным недоверием. Советский период тоже оставил значимый след в истории села. Здесь внедряли и упраздняли коммуны, колхозы, совхозы, были местная МТС и головной маслозавод. Но главным богатством оставались простые люди, руками которых преображалась эта земля, наполнялась повседневная жизнь духовным содержанием. Их много, и даже перечислить невозможно. Это и спортивная династия Сучковых, и местные поэтессы Л. Бирюкова, И. Конопельцева, Т. Лукина, и создатель художественного коллектива М.А. Конопкина, и учителя-организаторы детского досуга, среди которых и Г.А. Анохина, успешно занимающаяся со своими питомцами проблемами экологии. Здесь работал когда-то директором совхоза председатель Тюменского облисполкома, министр сельского хозяйства нашей республики, первый заместитель правительства страны при М.С. Горбачеве В.В. Никитин. В Усово работал другой председатель облисполкома Н.А. Чернухин. Не лишне упомянуть, что Усово - родина нынешнего главы районной администрации А.Н. Анохина. За два с лишним века старинный сибирский род Анохиных дал многочисленные ответвления. Среди представителей его есть и защитники Отечества при Николае I, и в годы Великой Отечественной войны, и участники революционных событий в нашем крае в 1905 году, и противники революционного экстремизма на заре советской власти. Основной же заповедью из поколения в поколение оставалась приверженность земле. Анохины - исконные пахари, животноводы, механизаторы. За свой созидательный труд многие из них имели высокие правительственные награды.

Уже при отъезде ребята искренне сожалели, что не смогли встретиться с другой примечательной личностью села - Анатолием Даниловичем Солоненко, бывшим директором совхоза, страстным агрономом. Он на практике осуществил свою дерзновенную мечту. Вот уже десятки лет на обычном деревенском огороде лелеет многолетние лозы субтропического растения и получает увесистые плоды. И это в такой местности, где по болотам растет приполярная клюква. Именно здесь встретились два антипода: самый южный в области ареал арктического винограда и взращенный человеческими руками его субтропический собрат.

Домик окнами в сад

Около Усово экспедиция вступила в настоящее море пшеницы. Таких ухоженных массивов с наливающимся колосом не видели раньше в наших местах. Изумлению не было предела. Марина Владимировна и Настя Шаталова пытались на ходу чуть ли не спрыгнуть с автобуса, чтобы получить эффектные кадры. Далее нас ждала еще одна встреча: за деревней Красивой, что под Ново-Казанкой, не спеша перешли дорогу и скрылись в ближайшем подлеске великолепные бычки - коренастые «сутунки» (да простит мне читатель чадонский термин). Впрочем за реалиями сегодняшнего дня мы не забывали о целях нашего путешествия. Как только показалось на горизонте озеро Таволжан с его знаменитым островом, инициативу в салоне взяла Юлия Мусина. Она перед поездкой вернулась из экологического похода на остров и настолько красочно поведала о своих впечатлениях, что у краеведов единодушно вырвался стон. Но нас ждал впереди еще один природный феномен - встреча с новоказанским садом. Заложил его учитель-энтузиаст, директор местной школы Григорий Иванович Труш (1906 - 1960 гг.). В 1935 году на пятнадцать сотках размещены были саженцы плодовых деревьев, а в 1938 году собран первый урожай - девять центнеров сибирских яблок. Постепенно создавалось общество любителей природы. В школе работали четыре его секции, был даже отряд юных метеорологов. На своих делянках ставили они разнообразные опыты с новыми по тем временам для наших мест пищевыми культурами - помидорами, кукурузой. Не забывали и о традиционных растениях. В 1955 году на ученическом поле собрали рекордный урожай пшеницы - 55 центнеров с гектара. И все-таки главной заботой натуралистов оставался парк. Для него добывались экзоты из самых отдаленных мест, проводились опыты по акклиматизации редких растений.

И вот спустя полвека двигаемся мы пыльной полевой дорогой к рукотворному памятнику природы. В проводниках правнук основателя сада Денис Труш. Мы у цели. В

открытые окна автобуса, ставшего для нас за эти дни родным домом, смотрятся ветви невиданных деревьев. Экскурсанты мгновенно растворяются в обступившей со всех сторон зелени. Я же с несколькими помощниками иду обследовать находящиеся здесь руины местной церкви. Она десятилетиями служила прибежищем семилетней школы. Затем ходим по саду. Нас встречают могучие стволы представителей хвойных, широколиственных. В вершинах пихт, сосен, лиственниц, пирамидальных тополей где-то в вышине шумит ветер. Проходим под кронами нескольких сортов боярышника, вступаем в аллею кленов, в полумраке которой выделяются неясными пятнами силуэты могучих дубов, увитых лианами дикого хмеля. Нас обступают незнакомые запахи, неизвестные растения, зовут вглубь таинство заброшенного сада. Многое утеряно. Здесь когда-то плодоносили сливы и груши, возвращался орех маньчжурский, были заросли аронии черноплодной, рябины, сирени, собирались дары с экзотических плодово-ягодных кустарничков. Вкус некоторых из них я до сих пор помню. Меня угощали ими в детстве. Так и хочется броситься навзничь и забыться в воспоминаниях... Но раздается требовательный гудок автобуса. Вслед за ним раскаты грома. Срочно нужно в путь. В условиях непогоды мы обретаем уверенность лишь у кромки асфальта. А до него почти тридцать километров. Наш «поводырь» Сергей Николаевич облегченно вздыхает только тогда, когда колеса его транспорта привычно шуршат по битумному покрытию. Окраина лопазновского леса принимает нас на очередной ночевку. Дети не сразу разбредаются по палаткам. На просторной поляне долго еще рассыпается их смех и слышатся веселые возгласы. Там идет очередная игра - поднять взрослого одним детским пальчиком. Девиз ее - «И это мы сделали!» - становится рефреном всей нашей поездки.

Г.А. КРАМОР

Паломничество в «озерный край»

По безлюдным просторам

Идея экспедиционной поездки в Армизонский район давно витала в краеведческой атмосфере. Этот край, когда-то входивший в обширный Ишимский уезд (с XVIII века и до 1930 года), манил к себе загадочной природой и историческими тайнами. Был здесь и элемент иррационального — родословные корни большинства членов «экспедиции» уходили в армизонско-бердюжскую лесостепь. Но главным импульсом стали рассказы о дивной церкви, единственной на весь район, которая стоит посреди чистого поля; наконец, еще невидимое из Ишима великолепие и повело нас в путь.

Поездка как бы «случайно» выпала на особый день — праздник Рождества Богородицы, 21 сентября 2001 года. Все члены экспедиции — директор краеведческого музея Галина Евгеньевна Лукошина, старший научный сотрудник того же музея Надежда Леонидовна Проскурякова, преподаватель педагогического института Татьяна Павловна Савченкова и автор заметок — тесным сотрудничеством разместились в кабине грузовичка «Газели» с надписью на лобовом стекле: «Богоявленский собор града Ишима». Водитель — Николай (в просторечии Коля) Марков — своей комплекцией, подкрепленной бородой, вполне органичен такой машине. Правда, она все же мелковата для него — в отличие от тяжелого крана, на котором Коля трудился в прежние времена на «стройках социализма». Он и сейчас проявляет интерес к руинам ферм и прочих сельскохозяйственных сооружений, мелькающим за окном, вспоминая, каких трудов стоило когда-то их возведение.

Действительно, виды с холма и деревень вносят грустную ноту в тот восхитительный пейзаж, который открывается с каждым новым километром. «Золотая осень» только вступает в свои права, стоят первые дни чуть запоздавшего «бабьего лета», и еще не все купы березовых крон тронуты кистью осеннего солнца: местами сияющая бронза вдруг оказывается осыпана густой зеленью малахита. Кое-где мерцают багровыми рубинами россыпи осин; леса замыкают собою перспективы бегущих по неровному ландшафту полосок сжатой пшеницы и ржи, — словно драгоценный пояс стягивает пространство между еще хранящей тепло летних дней землей и с пожелтевшими травами — и холодным простором бирюзового сентябрьского неба, чуть подернутого рябью приближающихся туч — предвестниц осеннего ненастья.

Но в этот день погода благоволила. Мягкие солнечные лучи в просветах облаков неспешно передвигались от одного перелеска к другому; мы их догоняли и оставляли позади. Появившееся по правую руку село Локти с хорошо видимым и за три километра полуразрушенным, медленно восстанавливаемым храмом Вознесения Господня вско-

лыхнуло разговор. Говорили о недавнем чуде выпрямления креста — единственного, уцелевшего на колокольне — явленном лишь на несколько месяцев, но оставившем память в сердцах. Говорили о том, каким большим было когда-то это село — согласно «Описанию Тобольской губернии» 1903 года, в нем насчитывалось 200 дворов с 1086 жителями (530 — мужского пола и 566 — женского); для сравнения: в уездном городе Ишиме тогда же числилось 697 дворов и 11708 жителей. Теперь же — за один, за два километра от крайнего домика виднеются в степи тополя, когда-то росшие в палисадниках крестьянских усадеб, стоявших вдоль главной улицы — тракта. Новый тракт, по которому мы едем, проложили в стороне — и словно куда-то на сторону ушла и жизнь из старинного сибирского села.

У Коли Маркова на этот счет своя версия: Локти постигла участь всех сибирских старожильческих сел и деревень, в которых жили крепкими хозяйствами. Вот они-то, а точнее — крестьяне-труженики, без лености встававшие на работу до зари и всякий праздник переполнявшие вместительный локтинский храм, и стали первой жертвой сельской ленивой голытьбы, за которой стояла советская власть. Коля, — как с грустью вздыхает Надежда Леонидовна, — прирожденный историк, который просто не смог бы по независимости своих взглядов соскочить в прежнюю эпоху. Он большой любитель чтения, память — великолепная, и обширный кругозор подкрепляется оригинальными интерпретациями исторических событий. Правда, ему явно не хватает «профессорской» терпимости по отношению к оппонентам. Под добродушное молчание водителя был рассказан случай, когда Коля, подбирающий по дороге всех «голосующих» путников, однажды чуть не высадил на половине пути учительницу истории, решившуюся (она не знала, с кем едет!) прочитать краткую лекцию по истории Локтей. Потомок сибирских казаков терпел-терпел рассказ о зверствах белогвардейцев и героизме красноармейцев, а потом кратко изложил свою версию происходившего, предложив либо принять его, либо добираться далее пешком...

«Озёрный край», строго говоря, начинается ещё до Локтей; мост через последнюю речку у села Быково можно считать его границей. Речка впадает в большое озеро Мерген, начинающего собою цепь озёр, которая тянется вдоль русла реки Ишим к югу, в Казанский район; а дорога поднимается чуть вверх, вступая в немного странную страну, полную таинственных голубых зеркал.

«Меж широких озёр...»

Зеркала эти — озёра, порою притаившиеся в незаметной низинке, укрытые молодой берёзовой порослью; а порою — широкой гладью раскинувшиеся в солончаковой степи, где на километры нет ни одной былинки, кроме беседующего с ветрами тростника у низких и топких берегов. На озёрах расположились и все поселения, мимо которых мчится наша «кибитка». Мелькают названия: Новые Локти, Локти, Жена Жёл — казахский аул в один дом, сразу за которым — граница районов; далее — Пеганово (на берегу большого озера с названием Черёмуховое, посреди которого — остров с яблоневым садом) и — районный центр Бердюжье. Негусто заселён этот край, если учесть, что позади — восемьдесят вёрст. Возможно, дело в засолённости многих участков земли; а может, это — всё, что осталось после ликвидации «неперспективных» деревень в недавние годы...

В Бердюжье мы не заезжаем и, вспомнив лишь, какой прекрасный храм в стиле сибирского барокко, безжалостно снесённый в эпоху воинствующего атеизма, украшал когда-то Бердюжскую слободу (немалую и в 1903 году — 260 дворов, 1557 жителей), целеустремлённо направляемся по относительно новой, законченной несколько лет назад, асфальтовой дороге, в Армизонский район. До границы недалеко; по правую руку остаётся бердюжская «агломерация» — деревня Гагарина; почти сразу за границей также справа остаётся сереющая старыми избами вытянутая, как стрела, вдоль бывшего тракта деревня Новорямова... По левую руку среди двух мерцающих озёр виднеются тополя Калмака, в который так и манит заглянуть, — но сейчас у нас другая цель. За «свёртком» (как принято здесь называть боковые повороты) на Калмак начинается продолжительный подъём на довольно значительную возвышенность, природа которой не очень ясна: в этом краю нет ни древних каменных кряжей, ни рек, которые могли бы своими извилинами намыть такую «гриву». На ней, как ни странно, обнаруживается ещё одно озеро — и кажется, если прокопать канал, оно могло бы полностью утечь вниз. Дорога же начинает вилять, словно приготовляя нас к неожиданной встрече; каждый поворот отмечен участком леса, за которым вдруг открывается новый вид. Так, вдруг, за очередным поворотом, открылась она — церковь в «чистом поле»... Та самая единственная на весь район красавица.

«Наш Кремль»

Село Шабалино, в котором перед самой революцией была построена кирпичная Свято-Троицкая церковь, на нынешних картах не обозначено. Официально его нет с конца 1960-х годов, когда были закрыты и клуб, и магазин, и школа. Люди постепенно разъехались, и долгое время церковь стояла одна-одинёшенька, с выбитыми окнами и упавшими крестами, посреди чистого поля; и безмолвный разговор с нею вели только редкие деревья на кладбище напротив. Но вот уже больше десятка лет, как церковь восстанавливается, а в Шабалино появилось несколько домиков, к которым ведёт неширокая, но надёжная в распутицу асфальтовая дорога. О том, как и чьими стараниями изменилась ситуация, мы узнаем позже, а пока — едем по этой самой дороге. К бывшему селу она подходит несколько под углом, и ничто не закрывает вид на церковь, поэтому она постепенно вырастает перед нами, издали ещё призывно белая белыми «барабанами» изящных маковок. (Кстати, Коля долго не мог принять то, что «барабан» — это вполне научный, искусствоведческий термин.)

Остановившись на площадке перед храмом, нетерпеливо выбегаем осматривать его. Мои спутники, впервые видящие эту дивную церковь, не в силах сдержать восхищения. Даже Коля Марков удивлённо качает головой. Что и говорить — церкви, подобной шабалинской своей архитектурой, нет больше на юге Тюменской области. Построенная в популярном на рубеже XIX и XX веков «историческом», или «ретроспективном» стиле, она своими формами в целом воспроизводит московское и ярославское храмовое зодчество XVII века (недаром шабалинцы, как мы узнали потом, интуитивно чувствуя «столочность» архитектурных форм, называли её «наш Кремль»). В основе восприятия архитектуры храма лежит эстетика насыщенного сочным красным цветом кирпича бархатистой фактуры, аккуратно расшитого белыми швами известкового раствора. Плоскости стен изобилуют декором, который, однако, не производит впечатления «излишности», присущей некоторым образцам стиля. Основные, повторяющиеся декоративные приёмы — ритмически раскрепованные кирпичными поясками пилястры с квадратными ширинками, аркатурный подкарнизный поясик и ряд кокошников, завершающий по периметру кубообразный основной объём; их ритмику «подхватывают» килевидные завершения восьмигранной яруса звона колокольни.

Планировочная структура церкви в целом традиционна для русского зодчества, представляя собой тип «корабля». На ориентированной (с запада на восток) оси расположены вытянутый вверх квадратный в плане объём притвора, увенчанный грациозной восьмигранной колокольней с деревянным шатровым верхом; по сторонам притвора — небольшие служебные помещения; за ним — относительно небольшая трапезная, переходящая в основной объём — собственно храм, с деревянным куполообразным перекрытием под четырёхскатной высокой кровлей с пятью вытянутыми главками; завершает храм полукруглая в плане алтарная апсида с миниатюрной маковкой.

Выразительны обрамления полукруглых окон с традиционными для XVII века выпуклыми «дыньками»; особенно же выделяются удлинённые тройные окна северного и южного фасадов, «сомкнутые» поверху воедино широким арочным пояском (вероятно, символ Троицы) и монументальный портал западного входа, с высокими железными створками дверей. Красный цвет кирпича отнюдь не назойлив; напротив, он кажется очень тёплым и мягко соотносится с окружающим пейзажем. Нарядный, праздничный облик церкви удивительно гармонирует — и с зеленью лесов и полей, повторяющейся в покраске кровли, и с лазурью неба и окрестных озёр, отражённой в широких окнах храма и голубых маковках, — словно прославляя мироздание и его Творца.

Налобовавшись храмом, идём осматривать деревню. Это не занимает много времени: в ней всего четыре дома. По краю не очень изъезженной грунтовой дороги — кусты сирени, тополя — свидетельства былой жизни. В одном из домов на наш стук откликаются. Мужичок, представившийся Сергеем, поясняет, что соседи уехали в Армизон, что сам он — из Средней Азии, но сюда вернулся потому, что здесь жили его родители. Всего в селе живут три семьи, рядом — дом Надежды Шулеповой, тоже родившейся когда-то здесь (в этот день они уехали в райцентр). Вкратце рассказывает о церкви, упомянув, что во времена гражданской войны село периодически переходило из рук в руки — то «белых», то «красных»; обстреливали и церковь — один снаряд во время молебна пробил западную стену и упал на пол не разорвавшись (эта легенда в другом пересказе дополнилась возгласом священника: «Видите, вот что значит — святое место»); а гильзы от патронов и до сих пор в огородах находят. Слово в подтверждение этих слов Галина Евгеньевна обнаруживает под ногами, в дорожной колее, гильзу патрона для винтовки Мосина с надписью «Кайнокъ 17 — 7.62»; находка незамедлительно отправляется в сумку для экспонатов.

Однако храм, несмотря на праздник, закрыт: добираться до удалённой и от районного центра, и от большинства сёл и деревень района церкви затруднительно; главная же причина — до сих пор в Армизонском районе нет священника, и служба бывает только

раз в месяц, когда сюда приезжает из Бердюжья отец Сергей (прежний настоятель Свято-Никольского храма в Ишиме) и по большим праздникам, особенно на Пасху и в престольный праздник Троицы, когда приезжает сюда специально из Тобольска хор семинаристов. Поэтому, узнав, что нынешняя староста, Екатерина Александровна Ващенко (Ельшина) живёт в соседнем селе Орлово, направляемся туда.

Орловские извивы

Планировка Орлова совсем иная, чем у притрактовых селений, и подчиняется очертанию слегка обрывистого берега озера Поджильного, к которому как будто «прилепилось» село — отсюда, как кажется, и название озера, к которому выходят огородами многие усадьбы: «под жилым» (пространством). Адрес старосты нам известен, однако сначала мы хотим ознакомиться с местными достопримечательностями. И, надо сказать, не напрасно. В Орлово, как и в большинстве старинных поселений, осталось уже не так много домов с традиционными украшениями, мастерство изготовления которых давно утрачено. И тем драгоценнее всякие находки, вроде той, что ожидала нас в конце улицы Кирова в виде дома № 52. (Кстати, об улицах. В Орлово две главных улицы, идущих вдоль озера: Ленина и Кирова, точь-в-точь как в Армизоне. С Лениным понятно, но причина такой любви к Кирову не очень ясна. Что же касается нумерации, то мы бы никогда и не узнали номера дома — в деревнях традиционно ориентируются не по номерам, а по именам хозяев — если бы не подготовка к Всероссийской переписи, оставившая новые номерки даже на самых захудалых хибарах.)

Дом, пребывавший в крайне запущенном состоянии — лопнувшие оконницы затянuty полиэтиленовой пленкой (как когда-то бычьими пузырями), ставни осыпались, кровля кое-как залатана где рубероидом, где той же пленкой — был когда-то подлинным украшением села. По всем параметрам — пятистенок с обшитым досками уличным фасадом, богатая резьба наличников, тесовая крыша с вынесенным далеко карнизом — хозяин дома был зажиточным человеком. И, вероятно, раскулаченным — судя по тому, в каком небрежении сохранилась усадьба (хотя нынешние хозяева дорожат наличниками — не согласились их продать в музей ни за какую плату, несмотря на их бедственное состояние). Наличники же требуют особого описания, поскольку, как оказалось, они характерны именно для этого села (так бывало обыкновенно потому, что мастер или мастера, жившие в одном селе, изготавливали наличники для односельчан и для жителей окрестных деревень с применением полюбившегося им определенного набора мотивов; так формировался своеобразный художественный облик каждого поселения).

Общая композиция наличника типична, как показывают наблюдения, для армизонско-омутинского края: повторяющая лучковый (в виде слабоискривленной дуги) завершение окна форма широкой надоконной доски и также широкая подоконная доска с выразительными закруглениями, выдающими влияние стиля барокко. Специфика орловских наличников — в резьбе. На надоконной доске она накладная объемная и на разные лады обыгрывает мотив двух встречных тугих барочных завитков, с плотно сжатым между ними, в центре, «пучком» из стилизованных листьев. По краям доски — фигурные «уши» — тоже барочный элемент. Резьба подоконной доски — глухая, углубляющаяся в ее плоскость. Вариации — на тему четырех встречных завитков с разбегающимися за ними полосами (волн? листьев?); в центре — либо стилизованный солярный знак, либо трудноописуемое сочетание из линий и завитков. В целом мотивы резьбы проникнуты духом архаики, которая проявляется и в обращении орловских мастеров к более древнему приему глухой резьбы.

Это описание касается не одного только дома № 52, но и прочих наличников, встреченных при прогулке по улице Кирова, которую мы совершили с Татьяной Павловной, покуда музейщики занимались поисками уникальных экспонатов. Встреченные нами дома с резьбой можно пересчитать по пальцам: дом Степанова, дом № 38, дом № 18 и несколько других. Дом № 18, представляющий собой просторную крестовую избу, обшитую по-современному древесно-стружечной плитой, поразил особенно: все двенадцать наличников уличного и дворовых фасадов, единые по общей композиции, отличались друг от друга вариантами декора. Ни одного повтора! Хозяин дома на наши удивления ответил, что дом был куплен им в нынешнем виде (он только обшил его) и сетовал на то, что наличники не успели полностью покрасить из-за страды и они не могут предстать перед взорами наших фотоаппаратов во всем великолепии. Тем не менее с его любезного разрешения мы засняли всю коллекцию узоров, причина разнообразия которых так и осталась загадкой. Единственное, что удалось заметить — то, что размер окон дворовых фасадов не вполне соответствовал (в отличие от уличных) пропорциям наличника. И если разнообразие не было прихотью заказчика или мастера, то возможно, что это

— действительно коллекция наличников, снятых с разных домов (видимо, уже снесенных).

После наличников нас поразила вид, открывающийся с огорода: грядки, казалось, оканчивались прямо в озере. Банька, пристроившаяся ближе к берегу, выглядела весьма кстати. За озером, рябь волн которого отражала ряды плотно смыкавшихся облаков, открывался прекрасный вид на далёкие пашни и тонкую полосу берёзовых лесов на горизонте. По словам хозяина, на это озеро осенью и весной прилетают пеликаны и останавливаются здесь на день-другой для отдыха, а местные жители фотографируются на фоне такого зрелища.

В изобилии озёр — особенность поселений армизонского края. Куда ни приедешь — в просветах между домами, над заборами — голубые зеркала озёр; кажется, улица вместе с домами на ней парит в небесах, словно некий летучий остров. Дыхание близкой воды чувствуется в ветреный день даже в самом центре села (а ветреных дней здесь много — недаром у въезда почти в каждую деревню стояло когда-то по две-три мельницы). Из озёр берут питьевую воду, озёрами же, точнее, изобилующими в некоторых из них (несоленых) карасями, также и живут. (Что касается карасей — наверное, сия рыба попала в ишимский герб напрямую из армизонских и бердюжских озёр — других обитателей вод здесь почти не знают.) От озёр же бывают и неприятности — в последние годы в них поднялся уровень воды, отчего окраины того же Армизона напоминают венецианский пейзаж: насыпи дорог пересекают водную гладь. Подъём озёр — следствие общего подъёма грунтовых вод, от которого страдают многие жители, чьи подвалы и подполья оказались затопленными. Бороться с этим бедствием практически невозможно, поскольку подъём и опускание вод происходят на юге Западно-Сибирской равнины периодически, о чём есть множество исторических свидетельств с начала XIX века.

Озёрное ожерелье

Увлёкшись сельской архитектурой, мы не заметили, как музейные работники во главе с Колей пропали из виду. Думая да гадая, куда они могли исчезнуть, присели на скамейку у дома в центре села; так и просидели, беседуя об особенностях деревенской жизни, минут двадцать, пока не появились разгоряченные музейщики. Оказалось, Надежда Леонидовна обнаружила здесь некую родню по имени Матрёна Ивановна, которая из родственных чувств подарила музею деревянную расписную прялку. «Таких даже в Тюмени нет!» — потрясла перед нами новым экспонатом Надежда Леонидовна, после чего тот благополучно отправился в ту же безразмерную сумку. Затем наконец нашли Екатерину Александровну и вместе с нею снова отбыли в Шабалино.

И вот — высоченные двери растворились, и мы, благоговейно перекрестясь, вошли внутрь. Храм оказался очень светлым, благодаря белой покраске стен и большим окнам. Перед алтарём величественно возвышался новый иконостас в три чина (яруса), сооружённый из фанерных листов с накладными украшениями в виде точных балясин и пропиленной резьбы. Иконы — оригинальные писанные, не бумажные, какие часто употребляются в восстановленных храмах за неимением средств на постоянный иконостас. «Храмовая» икона Троицы вознесена в самый верх, над Царскими вратами и образом Спаса в силах. Манера письма — традиционная «рублёвская», в духе XVI века. Перед иконостасом — простые самодельные подсвечники, где свечи вместо лунок ставятся в густой слой песка. Такой же простотой веет от аналоев с иконами, покрытых белой материей с восьмиконечными крестами «свободных пропорций». По стенам — также иконы, многие из которых когда-то уже украшали шабалинскую церковь и были вновь собраны в пору восстановления. Пол пока не окрашен; под окнами — новые, тоже ещё не окрашенные, батареи: к храму подвели газ, и скоро он будет отапливаться.

Естественно возникает желание подняться на колокольню. Взираем туда по новой деревянной лестнице, устроенной в правой пристройке к притвору; Екатерина Александровна отпирает замок люка, и мы оказываемся на площадке, густо обжитой голубями. Колоколов нет — висит лишь некое самодельное устройство, напоминающее раннюю пору христианства, когда вместо колоколов употреблялись железные биты. Тем не менее, ударив в этот железный цилиндр, можно получить довольно отчётливый звук, который далеко разносится над полями и озёрами. Сверху хорошо видно, что и Шабалино стояло на нескольких озёрах. Одно, чуть продолговатое, серебристо поблёскивает к югу, за небольшой пашней, а другое, округлое, находится к северу; к нему сейчас и выходят огороды четырёх усадеб. Со слов Екатерины Александровны оказывается, что когда-то село окружало со всех сторон этот довольно обширный водоём, так и называвшийся — Шабалино (другой вариант — всё то же Поджильное). Теперь вместо улиц — бурьян да пашня. К северо-востоку от этого озера виднеется другое — Кривое; на нём стояла ферма. К востоку отсюда, невидимое за крышей храма — озеро Рям; то же, что

блестит на юге — Песьяное (собственно, Рямов в Армизонье ещё больше, чем Песьяных, поскольку рямом называют всякое старое, заболоченное озеро, а песьяным — всякое мелководное, «песчаное»). На северо-западе «скрываются» ещё два небольших озера — Травное (названное за болотный цвет воды) и Зубковик (солёное). На этих шести озёрах и стояло исчезнувшее село.

Все эти названия, конечно, поведала не сама Екатерина Александровна, поскольку — не шабалинская. Но она показала карту прежнего села, которую нарисовал в начале 90-х Валерий Сергеевич Степанов, родившийся здесь, а ныне проживающий в Тюмени. На карте, правда, потраченной мышами — две главных улицы, огибающих с разных сторон озеро и сходящихся на площади у храма. Одна улица, идущая прямо вдоль берега к северу от церкви — под названием Россия, другая, отходящая от церкви к востоку и поворачивающаяся с изгибом берега к северу — Сибирь. Отчего такие названия — никто не знает; можно лишь предположить, что «Сибирь» была улицей старожилов, а на «России» селились когда-то переселенцы; а может, это географическая шутка: «Россия» находится в западной, а «Сибирь» — в восточной половине села, разделённого центральной площадью при церкви. Вдоль линий улиц — простые квадратики, прямоугольники с поперечной линией, квадраты с крестами, обозначающие тип дома: избушка, пятистенок или крестовой; последних двух — значительно больше. У каждого квадратика — подробная подпись: кто жил, строил, кому приходился родной. В этой схеме — вся жизнь небольшого когда-то села, насчитывавшего до коллективизации 168 дворов (в то время как в 1903 году было лишь 90 с 675 жителями (соответственно 330/345) — это было лишь чуть меньше, чем в том же Орлово: 98 дворов, 692 жителя (345/327) или в нынешнем районном, а тогда волостном, центре Армизонском: 68 дворов с 400 жителями (196/204); но Шабалино тогда относилось, в отличие от Орлово, не к Армизонской, а к Истошинской волости — село Истошино и поныне существует в Бердюжском районе).

Имя Валерия Сергеевича нам уже встречалось. Он нам говорил местный житель Сергей, на принадлежащем Валерию Сергеевичу доме в Орлово мы обнаружили интересные наличники; он же, оказалось, был инициатором и главной «пробивной силой» восстановления Троицкой церкви. Екатерина Александровна дала нам его тюменский адрес; весной этого года состоялась наша встреча. И хотя она проходила на значительном пространственном и временном расстоянии от дня «паломничества», между ними была крепкая незримая связь: Шабалино и его дивная церковь.

«Стальные кони» вместо икон

Валерий Сергеевич оказался уже далеко не молодым, но весьма крепким на вид невысоким коренастым мужчиной. Родился он в Шабалино в 1928 году; кроме него, в семье было ещё четыре брата и две сестры. Отец крестьянствовал, был «крепким хозяином»: совместно с братьями приобретал различный инвентарь, держал много скота. В Юргинском районе купил сосновый сруб, который предназначался для амбара, поставил пятистенок под тёмной крышей, однако отделать не успел: началась коллективизация. Дом остался без карниза и наличников, с недостроенной оградой; скот и инвентарь были сданы в колхоз. Отец же «осердился» и пошёл в бухгалтеры; умер в 30-е годы. Усадьба находилась по правой стороне улицы Россия. По словам Степанова, она практически всегда была сухой: вся вода после дождя или весенней распутицы стекала в озеро; канавы вдоль дороги каждый год прочищались. По вечерам в тёплые дни вдоль улицы гуляли парни и девушки: играли на гармонии, пели песни; расходились порою только под утро.

В центре села, напротив церкви, размещались кузницы; неподалёку, на улице Сибирь, стоял церковный дом, который в советское время, добавив сруб, переделали под школу. На площади же стоял клуб, построенный ещё до революции. По сторонам большой и малой дорог на Орлово находились три участка церковной земли, называвшейся «Пашня Поповка» — всего 77 гектаров. В центре же села был магазин братьев Елисеевых, чья обширная усадьба находилась по другую сторону озера Шабалино. Братьев было классическое число — трое, но не все они «сеяли пшеницу», а только один; другой практиковался в животноводстве, третий — в торговле. Все вместе они выезжали и на Никольскую ярмарку в Ишим, уездную «град-столицу».

Церковь была и украшением села, и его судьбой. Справочник «Тобольская епархия» 1892 года сообщает, что «в селе Шабалинском церковь деревянная на каменном фундаменте выстроена вместо сгоревшей в 1873 году». Единственный престол был освящён во имя Рождества Христова. Во втором десятилетии XX века рядом с нею решили строить церковь каменную (кирпичную). Почему? Валерий Сергеевич так объясняет: или селяне решили, чтоб стояла «церковь так церковь», или батюшка был инициативный. Предпринятые автором поиски в архивах не дали точной даты постройки. «Тобольские

Епархиальные ведомости» за 1915 год сообщают, что по штату в церкви служили священник и псаломщик. До середины того года настоятелем был священник Алексей Турковский, который по его просьбе был «перемещен» в бердюжский приход, а взамен него из села Аджаж прибыл священник Лев Кондаков, который прожил в Шабалино как минимум до 1919 года (весною которого он был награжден скуфьею — особым головным убором). Если верить материалам Тобольского филиала госархива Тюменской области, именно о. Алексей был инициатором новостроя: в ноябре 1913 года им был представлен на рассмотрение в консисторию проект храма, который был доработан губернским архитектором Л. Андржеевским и утвержден на заседании строительного отделения Тобольского губернского управления 17 февраля 1914 года. Строительство готовилось исподволь и, вероятно, параллельно ему продолжался сбор денег: так, в июле 1915 года была объявлена «благодарность Епархиального начальства заштатному священнику Андрею Родионову за пожертвование 100 рублей на постройку нового Шабалинского храма, и крестьянину Федору Федорову Изюмкину за пожертвование 120 рублей на тот же предмет». А 27 ноября Епархиальное начальство официально разрешило сбор пожертвований (видимо, не хватило собранных самими селянами средств).

Возводили церковь «всем миром»: на общем сходе было решено, что каждый прихожанин должен обработать определенное количество дней на строительстве. Мать Степанова, которая была тогда еще «дивчиной» (незамужней) тоже работала со всеми — месила ногами глину для кирпича. Кирпич изготовляли неподалеку, за рямом, где были обнаружены залежи первоклассной глины; там же поставили и печи. Строили, с е слов, которые запомнил Валерий Сергеевич, три года, причём с 1913-го, «юбилейного» (300-летие Дома Романовых) до 1916-го. Вероятно, в 1913-м, пока составлялся проект, уже шла заготовка материалов, а собственно строительство началось в 1914-м; так или иначе, к 20-м годам церковь уже украшала село и округу. Удивительно то, что освящена она была во имя Троицы, а не Рождества Христова, как прежняя церковь — именно так, преемственно, освящали традиционно новые храмы. В печатных источниках название строящейся церкви не упоминается, однако Валерий Сергеевич помнит, что престольный праздник был в Троицын день — а это весомый аргумент. Объяснением может быть то, что новая церковь строилась не вместо, а рядом со старой, то есть некоторое время они сосуществовали (как в своё время в городе Ишиме рядом с деревянной Никольской церковью был построен каменный Богоявленский собор).

Однако, как считает Валерий Сергеевич, церковь же определила дальнейшую печальную судьбу села. После коллективизации, году в 1931-м или 32-м планировали южнее церкви, на старопахотной «поповской» земле, у озера, строить МТС. Привезли уже все материалы, не хватало только кирпича, который намеревались добыть, разрушив храм. На центральной площади собрали сход. Председатель, Фаддей Михайлович, повёл такую речь: «Товарищи! Будут стальные кони, нам надо матэс, а для не надо разобрать церкву на кирпич». В ответ один из селян залез к нему на трибуну и говорит: «Фаддей Михалыч, вот когда мы работали, когда церковь строили, ты сидел на своей избушечке и в прохожих пластами кидал». (То есть, поясняет Валерий Сергеевич, жил он в бедняцкой избушке, которую днём крыли.) «Так вот, ты не строи, ты нам и не предагай ломать», — взял его за руку и свёл с трибуны. Удивительно, но власть «отступила» — стройматериал увезли в Орлово и МТС появилась там. Таким образом, шабалинцы отстаивали церковь, — но, как считает Степанов, ценой своего будущего: если бы построили МТС, то центральной усадьбой колхоза (а потом совхоза) стало бы не Орлово, а Шабалино, которое бы тогда и не умерло.

Последний священник

Но пока село ещё жило. И службы в церкви продолжались, хоть и с перерывами, до самой Великой Отечественной войны. Известны имена и судьбы двух настоятелей. В конце 1920-х им был священник Роман Алексеевич Горбунов, о судьбе которого рассказывал в письмах Валерию Сергеевичу его внук. Родился он в 1872 году в деревне Мелехино Бердюжского района, закончил Тобольскую духовную семинарию, а до переезда в Шабалино служил в селе Истошино (там с 1853 года существовала каменная Свято-Екатерининская церковь). В Шабалино, судя по всему, прожил недолго, в феврале 1932 года был арестован с обвинением в том, что «в течение ряда лет занимался антисоветской агитацией посредством Библии, что советская власть падёт, колхозы будут гибнуть и вступать в них не надо»; в том же году, согласно справке, умер в казахстанских лагерях, куда был выслан на три года.

Видимо, после него в Шабалино приехал священник Василий Жилияков. В Тюмени живёт его дочь Фея (Анфия?), адрес которой дал мне также Валерий Сергеевич. Фея Васильевна, несмотря на свои 80 лет, ещё довольно-таки деятельна, ходит на службы в

ближайшую (хотя и не очень близкую) Крестовоздвиженскую церковь, но жалуется на ослабление памяти. «Вот ещё недавно всё помнила. Я ведь пела в хоре в соборе (Знаменском), и даже службы вела, все помнила наизусть, только нот не знала». Но кое-что узнать всё же удалось. Большая семья священника, в которой было семеро детей, приехала в Шабалино (где родился восьмой ребёнок) из села Заложного Курганской области в 1933 или 1934 году. В Заложном жили очень бедно, поскольку люди «в церкву ходили мало». Однажды к ним в гости заехала монахиня, матушка Серафима, и, увидев бедственное состояние семейства, обратилась к омскому архиерею с просьбой помочь; тогда о. Василия перевели в Шабалино. Здесь в церковь ходило много жителей (недаром ведь защищали от разрушения!) — «и мы стали питаться лучше».

Отец Василий был, судя по всему, из крестьянской семьи. Его родина — село Семикуль Курганской области, где и родилась Фея. Оттуда семья о. Василия уехала после его посвящения, в середине 20-х годов. Жили в селе Могильном, а после — в селе Манай Упоровского района. Там о. Василий служил несколько лет, сам пахал и сеял хлеб. Однако советская власть назначила огромный план хлебосдачи, а когда он не был выполнен, конфисковала имущество. По словам Феи Васильевны, «кое-что удалось спрятать, и потом, когда папа поехал за вещами, его остановили, обвинили в краже и посадили на два года». По отбытии срока о. Василий приехал в Заложное.

Шабалино Фея Васильевна вспоминает как лучшую пору детства. Прихожан было много — кроме шабалинцев, храм посещали жители окрестных сёл и деревень (Орлова, Забошного). Отец служил один, без диакона. На клиросе службы вёл старший брат Феи, Пётр; пели все дети и некоторые сельские жители. Внутри церковь была расписана; по праздникам били в колокола. Но сельским хозяйством отец уже не занимался, даже огорода не было, поскольку жили «на квартире». Мать с детьми работали в колхозе, а отец выплачивал 150 рублей — что-то вроде «отступных». По словам Феи Васильевны, за неуплату этих денег отца посадили второй раз — в конце 30-х, а скорее — в 1936 году, когда началась очередная массовая кампания по закрытию церквей. Почти всю войну о. Василий отсидел в тюрьме, а служб в шабалинской церкви больше не было.

Мать, Анна Иосифовна (девичья фамилия Рыльская), старалась поднять оставшихся детей, однако и она получила 10 лет «за колоски». Дети пошли «по миру» — ходили по деревням, прося пропитания. Узнав, что я из Ишима, Фея Васильевна с улыбкой заметила: «знаю Ишим, мы ведь и туда ходили пешком за милостыней». Мать из тюрьмы написала ходатайство Крупской, которое возымело действие: её освободили, она вернулась к детям в деревню Чёрную, а затем все переехали в село Пятково Упоровского района. Туда же возвратился о. Василий — видимо, после 1943 года, когда Сталин ослабил репрессии православной церкви.

В Пятково, однако, о. Василий «имел неосторожность» крестить детей по деревням (иного источника для пропитания, видимо, не было), за что получил третий срок. Примерно в 1947 году его отпустили на свободу; вернулся, как говорит Фея Васильевна, «не очень здоровым умственно», поскольку всякий раз в тюрьме следственные органы его били и истязали — «мученик он был за веру». После освобождения семья перебралась в Ялуторовск, где о. Василий стал служить в местной церкви (насколько можно понять из рассказа, диаконом), ему была наконец назначена пенсия. Брат Феи Ефим с начала 1950-х служил псаломщиком в тюменской Всехсвятской церкви. Служил долго, однако в январе 1967 года неожиданно выступил в областной газете с отречением от Церкви и уехал работать в Ялуторовск каменщиком. По словам сестры, этому акту предшествовало продолжительное давление со стороны тех же «органов». В Тюмень Фея Васильевна переехала в 1966 году; о. Василий жил в Ялуторовске и скончался уже после 1966 года.

После стольких мытарств и переездов в семье не сохранилось почти никаких документов или фотографий. Единственный снимок — семья Жилияковых в Ялуторовске, начало 50-х годов. В центре — о. Василий, чей взгляд — усталый и отстранённый. Рядом — тоже «болящая» Анна Иосифовна. По сторонам — довольно взрослые уже дети: Лидия (с мужем), Фея, Валентина, Фёдор — ученик 10 класса и самый младший — Коля, родившийся в Шабалино в 1936 году. Где-то за кадром остались Гурий, Михаил и Пётр, из которых, судя по рассказу, не все уже были живы.

Попрощались мы после двухчасового разговора очень душевно: Фея Васильевна благословила на дорогу и как-то очень живо, неожиданно проворно поцеловала в лоб. После столь трогательного прощания я шёл по окраинной тюменской улице, удивляясь и восхищаясь судьбой этой старушки и её отца, последнего шабалинского священника, которые в самые тяжкие годы испытаний не отказались от своей веры и не возроптали на выпавшую им долю.

«Чем я хуже Хрущова?»

Однако вернемся к судьбе Валерия Сергеевича и его родного села. После окончания школы он работал в шабалинском колхозе, а в 20 лет (в 1948 году) приехал учиться в тюменский сельскохозяйственный техникум. Два года проучился, а потом началась «холодная война», и всех отсрочников призвали в армию; три года Степанов прослужил в Польше, потом восстановился в техникуме, в 1955 закончил и вернулся в Орлово (где уже проходил практику в МТС) и полгода проработал главным агрономом в МТС. В это время в порядке эксперимента в Орлово организовали большой колхоз, в котором было 13 тракторно-производственных бригад. Председатель колхоза Бутаков взял Степанова себе «правой рукой» — по растениеводству (соответственно, «левая рука» ведала животноводством). Работы хватало на круглые сутки, и здесь Валерий Сергеевич проявил свои деловые и организаторские способности. «Даже зараза никакая не брала, — говорит он, — кроме радикулита. Летом работаю, а зимой радикулит донимал — простыну или где надсажусь — и по зиме лежал. Но ни один из руководителей не убирал меня, потому что пока работаю, шору дам, а там по инерции идут». (От болезни Степанов избавился только через много лет, что очень помогло при восстановлении церкви.) С 1963-го он стал главным экономистом совхоза «Орловский».

Все эти годы Валерий Сергеевич, как мог, поддерживал родное село. В Шабалино совхоз построил клуб, магазин, ставил новые дома, помогал содержать школу — все ради того, чтобы люди не уезжали. Решительный перелом в судьбе села наступил в 1969 году, когда Степанова пригласили в Тюмень работать в областном овощном тресте. И словно распрямилась та пружина, которую сдерживали добрый десяток лет. В Шабалино закрыли клуб, магазин, школу, которые разобрали и перевезли в другие деревни. Люди стали разъезжаться — в Орлово, Забошино, Калмак, Армизон — кто куда. Потом, когда Валерий Сергеевич стал восстанавливать историю своего села, следы многих шабалинцев обнаруживались на огромном пространстве от Петербурга до Магадана и от Салехарда до Алма-Аты. Храм, в котором после закрытия хранили хлеб, оказался заброшенным, а в одну из ночей (или даже дней) замок на церковных воротах был взломан и из правого притвора начали растаскивать хранившиеся там храмовые иконы и ковры. Постепенно обветшала кровля, упали кресты, исчезли рамы, пол. Церковь была разорена, как и село, в котором к середине 80-х не осталось ни одного дома.

К тому времени Степанов уже сменил место службы: с 1974 работал в центре внедрения достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве, где вскоре стал директором, с 1981 — начальником отдела труда и заработной платы в сельском хозяйстве (в облсельхозуправлении). А в 1988 году его вызвали в обком партии и предложили (хотя и был беспартийным) организовать кооператив по внедрению методов аренды и арендных отношений. К нему потоком шли люди, желающие ехать в деревню, и вот, как говорит Валерий Сергеевич: «Я стал сам хозяин, и появилась такая мысль: Хрущев в Калиновку лошадей с бричками отдал, отобрал у батареи, Андропов Карело-Финскую АССР начал возрождать, а я чем хуже? Я возьмусь за Шабалино».

Возрождение храма

На работу и жительство в Шабалино согласились приехать четверо арендаторов («ондатров», как их незамедлительно прозвали в соседнем Орлово). Степанов помог им построить дома, стали они гусей да картошку растить, а один, Коля Власов, бывший преподаватель труда из Красноорлова, взялся бычков выращивать. Дела у них пошли в гору, а Валерий Сергеевич тем временем добился того, чтоб провели асфальтовую дорогу к усадьбам и церкви. За церковь он взялся решительно. В Орлово нашлась деятельная женщина — Мария Александровна Егорова, которая согласилась возглавить инициативную группу по восстановлению храма и стать старостой прихода; 21 августа 1990 года община зарегистрировалась в Армизонском районном совете. Вдвоём с Егоровой ездил Степанов по окрестным деревням, собирал пожертвования; заодно по списку искали пропавшие иконы.

Конечно, все иконы собрать не удалось. Кто их отдавал даром, узнав, что храм будет восстановлен, кто — за деньги или «за бутылочку», а иные и бутылочкой не размягчались. Однажды за иконой ездили даже в соседний район: она была у некоего Павла Лазаревича, который после смерти жены вновь женился на забошинской и уехал туда вместе с иконой; после их смерти икона оказалась у её сестры в деревне Кутырво Бердюжского района. «Мы поехали по следам этой иконы, — рассказывал Валерий Сергеевич, — сначала нам отпились, а потом — продавцом работает их родственница, она втихаря и говорит: есть икона у свекровки, но только там внук командует. Мы снова вернулись к нему, стали говорить, что ты икону-то отдай, а то мы в суд подадим, ведь это имущество церкви. Но он ни в какую не отдал. А продавщица-то говорила ещё, что к

ним уже приезжали чуждые, скупать эту икону. Видно, о чем-то договорились». Зато неожиданно обнаружился один колокол, который принесла Клавдия Андреевна, учительница. Колокола снимали уже в тридцатых годах, когда закрыли храм. С одной стороны колокольни даже сняли решётку, чтобы сбросить большой колокол, который при этом разбился. А Клавдия Андреевна сохранила небольшой колокол, несмотря на три переезда. Этот колокол сначала подняли на колокольню, а потом, когда началась охота за цветным металлом, спрятали до лучших времён; висеть остался только самодельный.

Восстанавливали церковь и нанятые бригады, и сам Степанов с помощниками. Качественно работы наёмников он не всегда был доволен: так, в 91-м году работники «тянули-тянули, а потом за десять дней, как узнают, что я приеду, что-нибудь маленько да сделают. Денег они лишних не просили — но время отнимали». Крышу ремонтировали вместе с Борисом Семёновым, заново покрыли все прогнившие стороны — кроме южной; он же настлал пол на колокольне, сделал деревянную лестницу, дверь. Одиноким житель Красноорлова перекрыл крышу алтаря и перебрал потолок. Маковки восстанавливали Овчаренко с зятем Собяниным, будущим председателем сельсовета — одна у них получилась более приплюснутой. Пол в церкви настилала бригада, чья работа и материал были оплачены по распоряжению главы Армизонской администрации Спиридонова. Это, конечно, не все фамилии. А в основном работали с Владиславом Тимкиным, сварщиком из Орлово; с ним, например, сделали кресты — не все прежние сохранились, а один, упавший когда-то с крыши, был подобран одним местным жителем, который приберёг его для своей могилы — выкапывать крест с кладбища, конечно, не стали. Ещё заложили пробоину от снаряда, которая до того была заделана «нарошно». Осталась лишь одна загадка: как отапливалась церковь. По словам Валерия Сергеевича, печи были в алтаре и у западной внутренней стены. Однако куда выходил дым — неясно; труб никогда не было, и следов их при ремонте не обнаружили.

Несмотря на то, что деньги на возрождение храма жертвовали не только жители армизонского края, но и многочисленные шабалинцы со всех концов страны, наибольшую пользу оказали связи Степанова в различных организациях, на пожертвования которых в основном и восстанавливали храм. В записной книжке Валерия Сергеевича десятки названий банков и фирм, многие из которых уже давно не существуют: Сбербанк, Стройбанк, Тюменьлескомбанк, Гарант-банк, АСКО, Профбанк, Агроторговый дом, Комбанк «Тюмень», НТЦ «Гермес», Тюменьпромстройбанк, Агропромбанк, Гермес-фонд, Торговый дом «Гермес», Тюменский торговый дом, Северкомбанк, филиал Сибнефтебанка, «Авантаж», Сибирский торговый дом... Как говорит Степанов, помогало то, что «во всех почти организациях были знакомые мне люди: или начальник, или полначальника, или бухгалтер, потому что когда я занимался арендой, помогал открывать счета крестьянским хозяйствам в Агропромбанке и Центральном банке, читал лекции по правильной организации арендного хозяйства, — и многие работники стали знакомыми. Прихожу, например, в Профбанк — а там главным бухгалтером сидит та, которая работала в Агропромбанке. В Гермес-фонд пришёл, а там сидит девушка, с которой мы на моторном заводе вместе работали, в плановом отделе. Вот так, сам и ходил». А в хозяйствах, которым он помогал когда-то оформиться, для восстановления храма выделяли бесплатно строительный материал, который Валерий Сергеевич привозил из Тобольского, Вагайского, Ярковского районов, из Армизона, Ялуторовска... Ездил сначала по выходным, потом оставил работу в кооперативе и с марта по ноябрь 1993 года проработал в Шабалино. В этом году и закончили в целом восстановление храма.

Что движет человеком

Теперь нужно было поставить иконостас. Этот этап восстановления начался с визита в филиал знаменитой фирмы-«пирамиды» «Хопр». Здесь у Степанова не было вовсе знакомых; он просто пришёл со статьями о церкви, представился и сказал: храм восстанавливаю, надо денег. «А они же все по первостыней благотворительностью занимались», — говорит Валерий Сергеевич, — «там согласились, но назначили встречу с художником для поездки на место, чтобы убедить начальство». В назначенный день, однако, в фирме случилось какое-то мероприятие, поэтому им доверили съездить вдвоём. Степанов с художником съездили, сфотографировали всё, что нужно, но на обратном пути, под Заводоуковском, попали в аварию. Машина художника была разбита, и хотя виновник аварии выплатил ему компенсацию, тот почему-то «осердился» на Степанова, требуя денег ещё и от него. Так что с ним дело не пошло; зато в «Хопре» Валерию Сергеевичу дали-таки, когда он оправился после аварии, 5 миллионов.

Деньги положили на депозит в банке; на следующий 1996 год стало уже 6 миллионов. Тут вдруг объявился живописец Анатолий Кваснецкий, которому рассказал о потенциальной работе племянник Валерия Сергеевича. Он взялся изготовить иконостас,

бросив ради этого пить и курить — хоть это и любимое занятие богемы, но иначе не получить благословения. Дело стало за деньгами. В это время в Тюмень приезжал патриарх Алексей II, вёл службу в Знаменском соборе. Степанов отправился туда в надежде пробиться на встречу. Однако пока шла служба, увидел чинно прогуливавшегося по храму губернатора Леонида Рокецкого, который непринуждённо разговаривал с неким гражданином. Степанов представился, поздоровался. Рокецкий подал руку и заметил, смеясь: «Я тебя помню по Сургуту» (по делам аренды Валерий Сергеевич и туда ездил). Рассказал Степанов о своей заботе, Рокецкий согласился выделить 30 миллионов. После того художник набросал эскиз двухрядного иконостаса на 12 икон. Но кто-то подсказал: этот не примут, надо больше, и Кваснецкий нарисовал вариант на 42 иконы. «Поехали мы в Тобольск. Эскиз просмотрел отец Сергей, потом его утверждал владыка Димитрий, он две иконы предложил переставить. Я ему говорю: владыка, я экономист, чтобы эти две иконы переставить, нужно столько-то тысяч денег изъездить. Он только улыбнулся. После утверждения художник пошёл просить благословение у отца Тихона, а я пошёл выколачивать деньги из администрации, к Мартынушкину; их перевели на счёт. И глава Армизонской администрации Спиридонов пообещал 80 тысяч. Художник составил смету на 114 тысяч, и деньги со счёта до копейки сняли». Закончил он иконостас в 1998 году.

Десять лет занимался восстановлением шабалинской святыни Валерий Сергеевич Степанов. А на вопрос, что двигало им, получаю неожиданный ответ: «Я человек не церковный, неверующий. Например, и владыке говорил: для меня икона — это дочка, кого-то иконизировали на синоде в Москве, а за его заслуги перед церковью вот икона. Я не верю, что Бог есть, а вот что вера в Бога есть, я больше чем убеждён; она и движет, а не Бог — это моё родное убеждение. Я-то ведь никто, а вот датский учёный Ян Пютте говорил: «Есть Бог или нет Бога — об этом можно спорить и надо доказать, а вот что вера в Бога есть — это уже неоспоримо». Я и храм отремонтировал ради того, чтобы слово «Шабалино» не исчезло совсем». Хочется поправить Валерия Сергеевича: движет действительно вера, но только если объект веры существует для верующего, если он — реален для верующего. Вот и наш герой верит в своё родное село, пишет о нём для дочери и внуков стихи, выясняет родословные его жителей; верит в его возрождение, а если взглянуть ещё глубже — в то, что возможно возродить пространство его детства, тот край, который зарос теперь бурьяном и травой. Для него это возрождение — реально, но всё же — как верно поступил он, восстанавливая церковь! Изменился ветер экономических перемен, невыгодно стало сельскохозяйственное производство — уехали арендаторы, и живут теперь новые шабалинцы только своим хозяйством, но возрождаемая церковь возвышается над пустошью как надежда на новую жизнь.

«Не подведи деревню»

Мы покидали Шабалино, озаряемые появившимся из-за туч солнцем. Небо прояснилось, и погода снова порадовала ласковыми теплом «бабьего лета». Попрощавшись с Екатериной Александровной, бросив прощальный взгляд на Орлово и сияющую вдалеке белыми главками чудо-церковь, мы взяли курс на Ишим. Но экспедиция не была бы экспедицией без хотя бы небольшого костра, а праздник — праздником без хотя бы небольшого застолья. И мы не могли покинуть армизонской земли, не вкусив её щедрых плодов. Щедрыми плодами она нас наградила ещё утром, когда мы в ознакомительных целях заглянули в небольшой берёзовый колок недалеко от дороги, на полпути от «гривы» к Орлово. Теперь этот лесок вновь гостеприимно принял слегка усталых, но ещё бодрых духом путешественников. Пока разводился костёр и готовились колья, было обнаружено ещё несколько грибов — подберёзовиков и белых, которые составили основу блюда под таинственным названием «кондр». Его созданием занялся Коля Марков, имеющий богатый опыт таёжной кухни.

Пока он помещивал в котелке чрезвычайно привлекательное по запаху варево, на импровизированный стол были выложены все припасы. Их количество предвещало богатое кушанье, и лишь почти полное отсутствие ложек несколько умерило пыл проголодавшихся странников. «Кондр» вышел необыкновенно густым и питательным, так что содержимое котелка, даже поделенное на пять частей, расходилось медленно. «Раблезианское пиршество» сопровождалось воспоминаниями, впечатлениями и обсуждением планов на будущее — теми разговорами, которые кажутся ненужными с рациональной точки зрения, но без чего всякая рациональная идея теряет душевную теплоту и значимость для другого человека. Солнечные блики колыхались на трепещущей от лёгкого ветра листве, меж невысокими осями скошенной травы пробежали крупные муравьи, отогретая земля испускала токи мягкой истомы... Природа была исполнена величественного спокойствия, незнакомого коренному горожанину и ошеломляющего его,

заставляя чуть по-иному взглянуть на свою жизнь. Как-то незаметно каждый из нас проникся этим чувством, и благоговейное молчание овевало наше присутствие.

...Так, насытившись сначала духовно, а затем телесно, мы отправились в обратный путь. Однако солнце стояло еще высоко, и мы покорились утреннему желанию захватить в Калмак. Некогда это село, расположившееся меж озерами Калмакским и Сладким, было необыкновенно богатым и населенным: в 1903 году — 313 дворов, 1986 жителей (952/1034); мало того, рядом существовал еще и Калмакский выселок в 55 дворов (305 жителей). В центре села стояла деревянная Космо-Дамиановская церковь, сгоревшая в конце XIX века и восстановленная уже в каменном исполнении. Несмотря на такие свои размеры, относилось село к куда меньшему волостному центру Бердюжью. Теперь от бывшего великолепия мало что осталось. Разве что так же сияют в просветах между домами два озера. Церковь лишена куполов, колокольни и превращена в магазин (прежде же был клуб). Тем не менее и в таком куцем виде она достойно возвышается на холме посреди обширной площади. Безусловно, в былые времена ее силуэт (пятиглавие в «русском стиле» и шатровая колокольня, судя по чертежу из тобольского архива) выразительно завершал главную улицу, по которой въезжали в Калмак гости и жители, и наверняка она была видна изо всех концов огромного села, доминируя над окрестными полями и озерами.

Пока Надежда Леонидовна с Галиной Евгеньевной проводили разъяснительную работу среди столпившегося у магазина населения (которое ждало машину с хлебом и автобус из Армизона), мы с Татьяной Павловной предприняли очередную экскурсию. Улицы были уже не так безлюдны, как в Орлово (дело к вечеру), и отчего-то сложилось противоположное орловскому впечатление неприветливости: пока мы рассматривали наличник одного дома на площади, в оконном проеме показалась грозившая кулаком костлявая рука. Впрочем, этот наличник был не столь интересен, как другие, целый ряд которых мы встретили на центральной улице. Все они также носили единый характер с небольшими вариациями, но сам тип отличался от орловского. Верх наличника был почти таким же: лучковый изгиб, подобные же завитки декора. Однако здесь в профилированном завершении более отчетливо прочитывались две миниатюрные встречные волуэты, а в накладном узоре более явно проступали восточные мотивы. Подоконная же доска совершенно иная: прямоугольная, безо всяких закруглений, хотя также с глухой резьбой. Мотив декора тоже другой — это скорее архаический орнамент в виде ритмичных переплетений «ветвей» и завитков.

Присев на камне на окраине села, мы стали ждать музейщиков. Мимо прошли, направляясь к озеру и отчаянно матерясь, два парня в болотных сапогах и с двустволкой. Игравшие неподалеку дети робко и боязливо то и дело посматривали на нас. Наконец появилась «Газель» со знакомой надписью. Нам продемонстрировали очередной улов безразмерной сумки: две филейные скатерти середины XX века. Жаркая агитация с обещанием купить старинные предметы (эпоха дарений, видимо, минула десять лет назад, когда жители деревень, узнав о приезде музейщиков, порою незаметно оставляли у машины иконы) дала лишь такие плоды. На призыв сохранить для потомков в музее сибирские прялки отвечали, что все имеющиеся прялки сейчас в работе, однако под тихое воззвание «Не подведи деревню!» снарядили-таки некую бабульку, которая и предоставила за умеренную плату довольно милые экспонаты.

Целебный кладезь

Золотые вершины берез были озарены закатными лучами, когда мы подъехали к селу Окуньво. От районного центра Бердюжье его отделяет чуть более тридцати километров, из них десятков — по асфальтовой дороге в сторону от тракта. Сюда мы свернули по просьбе Коли, который решил набрать целебных грязей для матушки-настоятельницы Ишимского женского монастыря. Этими грязями славится озеро в километре к югу от села; в документах оно называется «Солонное-Окуньское». Своими лечебными свойствами озеро известно очень давно, еще первые поселенцы в этих краях обратили на него внимание. Вода же в нем кажется солонее и горше морской.

Заключение Екатеринбургского медицинского научного центра профилактики и охраны здоровья рабочих промпредприятий, сделанное в 1992 году, свидетельствует о высоких лечебных качествах вод и грязей. По химическому составу они подобны используемым на курортах Муялды в Казахстане и Красноусольск в Башкортостане; донные отложения относятся к высокоминерализованным сульфидным материковым илам. Список недугов, от которых помогает окуньский кладезь, довольно обширен: это такие заболевания органов движения, как артриты и полиартриты, переломы с замедленной консолидацией, оститы и периоститы, остеохондроз позвоночника, хронические спондилартриты и спондилозы, последствия травм периферической нервной системы, тро-

фические язвы; заболевания кожи — нейродермиты, экзема, псориаз; некоторые гинекологические заболевания. Грязи залегают по всему дну (площадь которого 0,77 м²) слоем до 1,8 м; их геологические запасы — 1981 тыс. м³, а балансовый запас по четырём участкам грязедобычи — 243,5 тыс. м³, которого при ежегодной добыче в 1 тыс. м³ хватит более чем на 200 лет.

Мы подъехали к озеру с восточной стороны по полевой дороге. Красное солнце опускалось прямо в его тяжёлые воды, по которым ветер с заметным усилием гнал невысокие волны. Они с шумом раскатывались по пологому берегу, рыхлому и чёрному от органических отложений. Края ослабшей волны обращались в стойкую пену, которая белой кромкой опоясывала озеро. На ощупь пена, как и вода, казалась мыльной. Чуть поодаль, на чистом белом песке росли диковинные багровые стебли, абсолютно лишённые листьев, высотой до 15 сантиметров (растение это населяет частые в «озёрном крае» солончаки; армизонские жители называют его «пальчиками»). Они также окаймляли озеро довольно широкой, метров до десяти, полосой, отчего окрестность озера, освещаемая оранжевыми лучами, приобретала вид совершенно фантастический.

Чтобы добыть грязь, нужно войти в озеро и пройти с десяток метров по мелководью, а уже потом, нагнувшись, набирать со дна целебную жижу. Вода по-осеннему холодна, однако Коля Марков самоотверженно раздевается и, перекрестясь, входит в воду. На берегу ему сопереживает «группа поддержки»; Надежда Леонидовна даже опускает в воду руку, словно желая согреть холодное озеро. Наконец Коля возвращается с двумя кулями грязи; тщательно обтерев с себя лечебную воду, садится в кабину, и мы потихоньку выезжаем на дорогу, с двух сторон которой колосится перезревшая пшеница. Уборочная страда в самом разгаре; виднеющиеся вдалеке комбайны уже включили фонари — видно, что с закатом трудового дня наступает трудовая ночь.

Чтобы согреться, Коля начинает петь песни — это ещё одна грань его талантливой личности. Разумеется, песни он поёт не всякие; его репертуар состоит исключительно из дореволюционных и преимущественно казачьих песен. Когда-то он раздобыл старинный толстый сборник традиционных песен казаков, почти все разучил и теперь исполняет в дальних и долгих дорогах. Это здорово помогает бороться со сном, что весьма актуально в данный момент. Накануне, в четверг, Коля ездил на «Газели» в город Богданович, что под Уралом, за известью для побелки восстанавливаемого храма Казанской Божией Матери в селе Боровом. После убеждающей речи ему нагрузили даром полный кузов извести — ради возрождения церкви. Вернулся в Ишим он уже почти ночью и, конечно, не выспался. И до этого некогда было спать — несколько дней подряд Коля вывозил картошку с монастырского поля в Борках (там находится мужской монастырь). Ради доброго дела он себя не жалеет.

Хотя женская половина нашей экспедиции достаточно «голосистая», подпевать Коле было невозможно по причине редкости песен. Однажды, впрочем, некий «хор» получился, когда он затянул вроде бы знакомую песню «Там, вдали за рекой...». Но вышла полифония: Коля упорно следовал «белогвардейскому» её варианту, а сопранное трио накладывало на его бас «красноармейскую» текстовку. Тем не менее он терпимо дошёл песню до конца, а потом дал комментарий вроде: «Что ж это за бойцы были, если один казак дюжину красноармейцев рубил?» А ближе к Ишиму по многочисленным просьбам исполнил-таки не военную, а лирическую песню «про любовь», но опять же — казака к казачке. Песня была длинной, состояла из ряда нанизывающихся одно на другое последовательных событий — а тем временем впереди уже мерцали огни нашего небольшого города, словно соревнуясь в яркости с первыми вечерними звёздами, выступившими на небосклоне. Мы словно возвращались из Зазеркалья, которым при внимательном взгляде оказывается привычное пространство. Кончался день — один из тех немногих, которые запоминаются на всю жизнь новыми открытиями — хороших людей и прекрасных краёв в своей малой родине.

Страницы мемуаров

М.Ф. КАЛИНИНА

Времена. Люди и судьбы

**(Из истории кафедры русской и зарубежной
литературы ИГПИ им. П.П. Ершова)**

Окончание. Начало см. «Коркина слобода». 2001. Вып.3.

...Перебирая в памяти прошедшее, я возвращаюсь к временам, событиям и людям, близким и далеким, коллегам по ИГПИ, товарищам и друзьям, в которых, как в зеркале, отразилась и жизнь страны, и моя собственная судьба.

Мы с мужем, Калининым Алексеем Ивановичем, в 1955 году по министерскому направлению прибыли на кафедру русского языка и литературы, открытую за год до нашего приезда на базе единственной на литфаке профильной кафедры Ишимского учительского института. В первый год своего существования она имела восемь штатных единиц и в их составе лишь двух преподавателей-литературоведов: Н.С.Шарапкова и М.Ф.Кардо-Сысоеву (по русской литературе XIX века и зарубежной литературе). Остальные литературные курсы вели почасовики и языковеды («в нагрузку»): древнерусскую литературу - В.Н. Перетрухин, XVIII век - зам. директора по заочному отделению Н.П. Замятин и др. Четвертого (выпускного) курса не было, и кафедра справлялась. Удачей для формирующейся кафедры оказалось то, что у ее истоков, первым ее заведующим стал Валентин Николаевич Перетрухин, выпускник филфака Саратовского университета, с золотой медалью окончивший школу, впоследствии языковед с именем, автор популярного в стране вузовского учебника «Введение в языкознание», проректор по учебной и научной работе, яркая личность, по внутреннему влечению и университетской специализации литератор, поэт, любимец студентов, человек независимый, «острый» и ироничный. Но не было ни одного члена кафедры с научной степенью, лишь двое - с законченным аспирантским образованием - те же два единственных преподавателя литературы, с минимальным вузовским и нулевым школьным стажем работы, зато с написанными диссертациями.

В год нашего приезда кафедра удвоилась, появилось сразу четыре кандидата наук: защитился Н.С. Шарапков, возглавивший кафедру, прибыли кандидаты наук А.М. Завалишина, Б.А. Островская, И.В. Пронина, принята ассистентом Н.А. Ивасенко, позже (в 1957 году) появился кандидат филологических наук Г.К. Кирий, определился основной состав секции литературы, оказавшейся в одной упряжке с языковедами и преподавателями иностранных языков. Однако общефилологический характер кафедры стал благом для ее роста: в маленьком вузе небольшого городка, отдаленного от центра на тысячи километров, создавалась естественная рабочая дискуссионная площадка для самовыражения и обмена свежей информацией, заменявшая, особенно для молодых, необходимую научную среду. Именно тогда определились общественное лицо и профессиональный уровень кафедры на многие годы вперед как «флагманской» в институте.

Десятилетиями, когда в стране бурлили споры о «физиках и лириках», у нас побеждал литфак (первые места в соревнованиях по успеваемости, творческой самодеятельности, высокие конкурсы абитуриентов и число дипломированных работников). Вниманием и уважением пользовалась кафедра и у словесников города. На редкой лекции Н.С. Шарапкова и М.Ф. Кардо-Сысоевой не присутствовали учителя литературы старших классов. Николай Степанович знал и понимал литературу, был сторонником строгого академического стиля преподавания литературы, требовал глубины знаний от студентов, системности мышления. Но как заведующий кафедрой, которая в те времена считалась идеологической (за ней строго бдрили 3-й секретарь по идеологии горкома и кафедра марксизма-ленинизма внутри института), он был дисциплинированным исполнителем «заказа времени». И никогда позже на кафедре так старательно не проводилась работа по изучению и пропаганде всякого рода постановлений и «документов», связанных с политикой партии. Наш первый зав. кафедрой - литератор, не был членом КПСС, но исправно служил официозу, отчасти по долгу службы, отчасти в силу деликатности (мяг-

кости) характера и отчасти в силу пройденной аспирант-ской школы, где он специализировался по советской литературе (хотя как преподаватель с самого начала сосредоточился на русской литературе XIX века). И защищался, и позже работал над большой монографией на тему «История советской революционно-героической драмы». Разрабатывая план кафедрального теоретического семинара, опорными сделал темы: «Атеизм в русской классической литературе XIX века», «Основные этапы 40-летнего пути советской литературы», «Соцреализм - основной метод советской литературы», регулярно выступал на заседаниях кафедры и перед студентами с докладами, темы которых зеркально отражали все политические и идеологические «кампании» в стране против очередных «врагов» (ревизионистов, защитников «реализма без границ», «отщепенцев» и т.п.): «Советская литература в борьбе за коммунизм», «О ревизионизме в современном литературоведении» и др. Н.С.Шарапков и Г.К.Кирий разработали и читали лекцию для студентов «Об антипартийном поступке Б. Пастернака». В памяти старых «кафедралов» облик уважаемого тогда всеми заведующего двоится. Н.С.Шарапков в 1959 году оставил ИГПИ, пройдя по конкурсу в Бельцуский пединститут (Молдавия), подписав за год до того заявление М.Ф. Кардо-Сысоевой об увольнении, написанном в знак протеста против несправедливого ущемления в нагрузке (два года подряд единственного зарубежника при нагрузке в 500 часов лекционных занятий держали на 0,5 ставки), чему нисколько не помешали мягкие манеры и интеллигентность Николая Степановича. Жаль было расставаться с хорошим человеком и прекрасным преподавателем: Марина Федоровна всем запомнилась, студенты ее любили восторженно за демократизм и открытость. Москвичка, 1917 года рождения («ровесница Октября»), полужанузенка, полурусская, дворянских кровей, она казалась экзотическим «цветком» среди вчерашних школьников почти сплошь из окрестных деревень, детей «самоходов», кержаков и прочего не очень-то «ласкового» сибирского народонаселения. Само ее присутствие рядом, бросающаяся в глаза внешняя и личностная нестандартность, за которой чувствовалась глубокая культура, будоражили... И когда случилась история с провалом защиты в Москве кандидатской диссертации М.Ф. Кардо-Сысоевой, бывшей блестящей студентки того же вуза, аспирантки известного специалиста по романоязычным литературам Дмитрия Евгеньевича Михальчи, по вполне для своего времени «благополучной» (проходной) теме «Отражение революционного движения во Франции в 20-х-30-х гг. XIX века в творчестве В. Гюго», тем не менее отвергнутой, как с горечью пошутила она вернувшись в Ишим, потому что деголлевский нос соискательницы кому-то в комиссии показался подозрительным, студенты (не в пример осторожным руководителям института) возмутились: для них она была не только интересным человеком и популярным преподавателем, но и надежным другом, способным на жертвы. Она спасла заболевшую открытой формой туберкулеза студентку А.Г., впоследствии ставшую заслуженной учительницей республики в г. Ишиме: первое студенческое общежитие ИГПИ в сырых полутемных подвалах корпуса N 1, где она прожила три года, оказалось опасным для жизни и было через несколько лет ликвидировано. Марина Федоровна в прошлом на себе испытала коварство этой страшной болезни, подхватив ее, мотаясь в санпоездах Центрального фронта по полевым госпиталям с самого начала Великой Отечественной до 1944 года в качестве военной медсестры. Жизнь научила ее милосердию и бесстрашию: поселив Айю рядом, в своей единственной комнате, она выходила ее собственными руками.

На место уволенной М.Ф. Кардо-Сысоевой на кафедру по конкурсу был принят Г.К. Кирий (1916 г. рожд.), тоже участник войны, имеющий боевые награды, общительный и редкий либерал по отношению к студентам, с талантом принимать за 2 - 3 часа экзамены у целой группы по курсам любой сложности. Как кандидату наук ему были поручены все дисциплины зарубежной литературы. Григорий Константинович ни от чего никогда не отказывался. Но с самого начала его работы на кафедре стало очевидно, что зарубежника кафедра потеряла, вероятно, надолго, а он, защитившийся (в 1955 г.) по теме «Вопросы мастерства П. Павленко в романах «На Востоке» и «Счастье», - не зарубежник и никогда им не будет. Изобилие публикаций, преимущественно газетных (Ю. Фучик, Т. Шевченко, Г. Марков, Бальзак, В. Заречный и Шиллер, Ник. Островский, китайская литература, сатира К. Чапека, Ярослав Галан и др.), обнаруживало определенную растерянность или отсутствие настоящих научных интересов нового коллеги. Однако именно эти публикации стали основанием для присуждения ему в 1961 г. доцентского звания. С этого момента он активно участвовал в конкурсах на замещение вакансий в других вузах, более масштабных, в других городах, более крупных, и вскоре покинул Ишим.

Специалисты приезжали на кафедру и через два-три года, часто защитившись или

получив ученое звание, уезжали, используя ИГПИ как стартовую площадку. Немало было новых лиц на кафедре с годичным сроком пребывания (или «отбывания») здесь, в глубинке, пенсионеров или потерявших работу в европейской части страны и в крупных вузах по известной причине - склонности русского человека «к питию»...

Но нередко серьезные обстоятельства вынуждали покидать кафедру до срока людей, оставивших след в ее судьбе и в памяти студентов и коллег.

Александр (Исай) Аронович Липелис (1928 г. рожд.) был принят на кафедру по конкурсу в сентябре 1961 г., а через два с половиной года вынужден был покинуть ИГПИ под мощным давлением «остракизма» и «изобличений» в идейно-политических и морально-нравственных, как тогда говорили, «ошибках». Кафедра марксизма-ленинизма во главе с ее заведующим П.В. Железковым развернула целую политическую кампанию против нашего коллеги, обвиняя его в «морально, политически и идейно вредном для института и советских людей поведении», в совершении «злой антисоветской вылазки», «компрометирующей нашу партию», за то, что на совете института и теоретическом семинаре не раз заявлял, что «пропаганда марксистско-ленинской теории» и «партийно-политических документов современности» - это «демагогия» и «пустозвонство», что в период «культы личности Сталина» советский народ «деградировал», и в своей собственной практике преподавательской работы «сознательно игнорирует использование идейного богатства ленинских партийных документов», от своей позиции не отказался, в ошибках «упорствует»...

Это было начало 60-х - годы «оттепели» в стране; и за такие громкие «откровения» уже не отправляли в ГУЛАГ, но не прощали, подвергая жестокому критическому пресингу с последующими оргвыводами о профнепригодности и т.п., что, естественно, нервировало, озлобляло, подталкивало к крайностям. А.А. и Е.В. Липелисы фактически были уволены из института. Позже, проработав недолго в Пермском пединституте, они оказались в эмиграции - в США. Для кафедры это была потеря... Александр Аронович был человеком мыслящим бескомпромиссно, и умные студенты тянулись к нему, ценили его эрудицию, профессионализм, умение и несложный курс (например, детскую литературу) сделать захватывающе интересным. Москвич по рождению, до ИГПИ он уже поработал учителем литературы, газетчиком, имел печатные научные труды в серьезных столичных изданиях («Вопросы литературы» и др.), работал над диссертацией по теории русской басни. Его путь, несомненно незаурядного критика и литературоведа, здесь, в России, был прерван на взлете. Его же безоглядно резкий критицизм и излишняя горячность беспартийного и «рассерженного русского интеллигента» были скорее данью времени и молодости, чем политической позицией, так нам тогда казалось. В литературе же, в ощущении ее природы, владении методологией ее изучения и преподавания он уже тогда был ближе всех своих коллег по кафедре к их сегодняшнему пониманию. Оппоненты никак не хотели и не могли тогда поступиться хорошо ими усвоенными принципами партийности, классовости и народности. В собственной практике лектора и исследователя художественной литературы, при обсуждении проблем ее преподавания в вузе и в школе он решительно отвергал догматизм и начетничество, вульгарный социологизм и идеологизацию литературы, ценил в классике прежде всего то, что она всегда обращена к нашему эстетическому и нравственному чувству и ориентирована на общечеловеческие ценности.

В Ишиме А.А. Липелиса знали: он работал в редакции «Ишимской правды», руководил городским общественным Университетом культуры и был «открыт» для критики, но не защищен от разгромной критики путем навешивания политических «ярлыков», критики одиозной, топорной. Но и позиция самого Александра Ароновича многим казалась небезупречной. Она раздражала чрезмерной политизированностью, перехлестами, отрицанием всего, на чем мы тогда, за сорок лет советской власти, выросли, что вошло уже в нашу «плоть и кровь». Пустить в разнос все, что мы привыкли считать основами, - к этому готовы были только единицы, и они стали «диссидентами». Но спорить с ним, с опытным полемистом, сведущим, умным и язвительным, на кафедре было некому. Его доводы представлялись убедительными, что было большим соблазном тогда, в начале 60-х, в условиях «оттепели», особенно для студентов, оказавшихся в поле излучения его личности и взглядов. Оба, Александр Аронович и Екатерина Васильевна, дружили со студентами. Вокруг них всегда был кружок из наиболее сильных, мыслящих, неординарных студентов - Нина Метелева, Алла Кириллова, мои лучшие ученицы - медалистки (тогда я, имея полную нагрузку старшего преподавателя на кафедре литературы, еще продолжала работать в школе) из самого «звездного» моего выпуска 1963 года ж/д школы № 1 замечательного педагога - фронтовика, директора школы Петра Дмитриевича Белозерова; ленинская стипендиатка Валя Козина (ныне В.И. Со-

вбанова, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка ИГПИ), Лариса Кучерявая, Лида Листопадова, Алла Аверина, А. Дмитриев и другие, в развитии которых Липелисы сыграли, в определенной мере, роль интеллектуальных «дрожжей». Тогда отношения между студентами и преподавателями были иными, чем сейчас, более короткими, тесными, личностными, и далеко не ограничивались аудиторными занятиями. Например, квартиры молодых преподавателей часто бывали своего рода молодежными «авангардистскими» клубами, пушкинскими «лицейскими садами». Так было с Липелисами и Г.И. Дербеневым, К.А. Субботиной, а позже с Е.Ф. Шефер и некоторыми другими интересными преподавателями, у каждого из которых был свой «конек», талант, пристрастие, которыми заражались студенты (к поэзии и литературному творчеству, театру и сцене, року и бардовской песне, журналистике и сочинительству всякого рода «юморин» и «хоxm» в самой популярной студенческой газете «Проба пера», которую придумал впервые, как и первый творческий литературный кружок, от которого и родилось наше ЛИТО, еще В.Н. Перетрухин).

«Своим» на кафедре литературы и постоянным активным участником всех официальных «собраний» и стихийных независимых студенческих «клубов» еще с того времени, когда у нас была одна на всех общепилологическая кафедра, и после отделения секции иностранных языков, был замечательный институтский библиофил и человек, преподаватель английского языка Михаил Георгиевич Величко. В его квартире также «днем и ночью» толпился студенческий молодой народ литфаковский, «хозяйничая» в его домашней библиотеке и очень солидной по тем временам коллекции кассет с самыми полными в городе, как тогда считалось, записями полудозволенных и недозволенных музыкантов, поэтов и певцов, кумиров и «властителей дум» молодежи и советской интеллигенции той поры: В. Высоцкого, Булата Окуджавы, А.Галича, Ю.Визбора, А.Дольского и других.

Это были любимые преподаватели, и жили они в студенческом общежитии или флигелях на территории учебного корпуса института, куда массовые «забеги» и многочасовые индивидуальные паломничества для «задушевных бесед» студентов были не «проблемой».

Спорить с А.А. Липелисом по существу, возражать ему «на уровне» на кафедре могли лишь Алексей Федорович Поляков, «ведущий специалист кафедры литературы», по определению (из отчета) заведующей кафедрой А.М. Завалишиной.

А.Ф. Поляков был из крестьянской семьи, 1924 года рождения, того самого «героического» поколения, которое почти полностью было выбито в годы Великой Отечественной войны, но не воевал. Он работал на военном номерном заводе, затем учился в Московском институте им. Крупской с 1946 года и далее там же - в аспирантуре, учился основательно, защитив диссертацию в срок (в 1954 г.). Его научные взгляды историка и теоретика литературы и идеологические ориентации определялись тем, что он был учеником Щербины Владимира Романовича, советского литературоведа и критика, автора известных методологических монографий («Актуальные проблемы литературоведения», «Проблемы литературоведения в свете наследия В.И. Ленина» и др.). Лекции, как писали тогда в характеристиках, он читал на «высоком научно-политическом и методическом уровне». Партийный, серьезный и ответственный, осторожный и трезвый (после окончания аспирантуры он работал за рубежом, в Албании, к нам перевелся из Тобольского пединститута), Алексей Федорович был оппонентом «заглавного крамольника» кафедры А.А. Липелиса. Но в первые годы своей работы человек не столько литературный, сколько «идеологический», проигрывал в стычках с ним - его позиция изначально была уязвима. Они принципиально расходились в понимании сущности литературы: для одного она - вид искусства, для другого важнее было подчеркнуть прежде всего, что это одна из форм идеологии. В отличие от Липелисов, он не запомнился студентам, и вскоре, после утверждения ВАКом в звании доцента, перевелся по конкурсу в Челябинский пединститут.

Значимой фигурой в ИГПИ в первое десятилетие его существования была кандидат филологических наук А.М. Завалишина (1904 г. рожд.), декан литфака (1956 - 1959 гг.), завкафедрой (1959 - 1965 гг.), преподаватель русской литературы XIX века (1955 - 68 гг.). Это был «кадр» Министерства высшего образования, управленческой номенклатуры предпенсионного возраста, «брошенный» на укрепление молодого вуза в момент его реорганизации - переводом из Борисоглебского пединститута.

Александра Михайловна приехала, имея большой стаж вузовской работы и большой опыт школьного преподавания: с 1924 года - учительница начальной школы, затем преподаватель литературы средней школы в г. Чите и старший преподаватель Читинского пединститута после заочного окончания в 1938 году Московского пединститута им. В.И.

Ленина и очной аспирантуры. Деятельная, инициативная, неизменный член партбюро института, исполнительная и ответственная, она многократно награждалась знаками отличия, в том числе и орденом «Знак почета», была несомненно способным человеком. В первые годы студентам нравились ее негромкие, но с настроением, «красивые» лекции по русской литературе XIX века. Но, к сожалению, Александра Михайловна появилась у нас на закате своих преподавательских и научно-исследовательских возможностей. Защита в декабре 1955 года кандидатской диссертации на тему «Художественная проза В. Катаева 30-х годов» оказалась последним результативным проявлением ее творческого потенциала.

Повседневная преподавательская и организаторская работа, требовавшая от Александры Михайловны огромных усилий, была достаточно профессиональна, но рутинна. Ее уважали в институте, но при ней (в роли заведующего) кафедра не имела достаточно авторитетного научного руководителя и организатора. С трудом уйдя на пенсию, она вскоре на почве тяжелого застарелого переутомления умерла в психиатрической больнице Тюмени.

Из преподавателей литературы первого «набора» самый большой стаж работы (более десяти лет) в вузе имела Островская Белла Абрамовна, кандидат педагогических наук, но, без опыта работы в школе, не справлялась с курсом методики преподавания литературы (основной своей нагрузкой) и продержалась в ИГПИ недолго, с 1955 по 1957 год.

Самый большой стаж преподавания в школе после А.М. Завалишиной был у Н.А. Ивасенко (1921 г. рожд.), позже замдиректора института по заочному отделению. Она закончила Тюменский педагогический институт (1939 - 1942 гг.), после чего до 1954 г. служила в СА и преподавала русский язык и литературу в Тюменском пехотном училище. В вузе начинала робко, с чтения курса по фольклору, а затем приняла от Б.А. Островской курс методики и обрела необходимую уверенность - это было родное, хорошо знакомое вчерашнему учителю. Но в 1963 г. уволилась в связи с переездом ее мужа, секретаря Ишимского горкома партии, в другой город.

Самой молодой из литераторов была я, успевшая уже поработать три года в базовой школе Оханского учительского института после окончания в 1952 году филологического факультета Саратовского университета. Моя основная учебная нагрузка складывалась, как у начинающей, из дисциплин первого курса (с опорой на древнерусскую литературу), а когда на следующий год институту не дали набора на первый курс, вернулась в школу: у пяти выпускных классов (десятых) не было учителя литературы в ж/д школе N 1. Это было правильное решение - поработать в старших классах, принятое по совету А.Ф. Полякова: институт не имел дипломированного преподавателя - методиста по литературе. И начинать надо было, «с головой» уйдя в школьное литературоведение и практическую работу. Но связи с кафедрой как почасовик и координатор программы «Школа - вуз» не прерывала до полного возвращения на кафедру в 1961 г. старшим преподавателем (по советской литературе и методике преподавания литературы).

В 1957 году на должность старшего преподавателя была принята Нина Васильевна Климова (1922 г. рожд.), направленная министерством после окончания аспирантуры по распределению. Она вела курсы УНТ, русской литературы XIX века (на заочном отделении) и работала над диссертацией на тему «Драматургия И.С. Тургенева». С учебной нагрузкой справлялась хорошо, но после защиты уволилась (в 1960 г.) в связи с переходом в другой вуз.

В пятидесятые годы, когда кафедра только складывалась, главным направлением в ее работе было повышение квалификации преподавательского состава, развертывание научно-исследовательской работы, подготовка к защите диссертаций, научных и научно-методических публикаций, повышение качества «Ученых записок» кафедры (у нее было право на это издание до 1959 года), сдача «кандидатского минимума» молодыми ее членами. На заседаниях кафедры остро ставились вопросы о преодолении догматизма, начетничества, школярства в овладении студентами учебными курсами, воспитания творческого отношения к науке. Поэтому исключительно серьезное значение придавалось разработке системы открытых занятий (лекций, семинарских, практических и других занятий, включая семестровые экзамены), их строжайше обязательному посещению и тщательнейшему обсуждению. Когда однажды М.Ф. Кардо-Сысоева задала громогласно «крамольный» вопрос, зачем все это, и попросила заведующего разъяснить назначение обсуждений открытых лекций, В.Н. Перетрухин ответил, что считает вопрос «несерьезным подходом к делу». Действительно, в тех условиях это было необходимо: на кафедре преобладала «неостепененная» молодежь, для которой такая форма кафедральной работы была существенной частью первичной аспирантской подготовки. Особенно

полезны были массовые предварительные обсуждения разработанных открытых лекций. Тон обсуждений с самого начала был корректен (и эта традиция на кафедре сохранялась во все последующие десятилетия), а критика - глубокой, позитивной и нелицеприятной. Особенно она «развилась» с приходом на кафедру Г.И. Дербенева. Сегодня такой основательной «трепки» и жарких многочасовых дебатов по темам и материалам представленных к обсуждению лекций, статей, диссертаций и практических занятий никто бы не выдержал, и они сошли на нет, за редким исключением. Тогда же было нормой «заседать» на кафедре по 4 - 6 часов «в поте лица», готовиться к очередной кафедре как к защите диссертации, независимо от того, тебя ли обсуждают или ты должен принять участие в обсуждении. Времена остались по-прежнему строгие, уже были позади XX и XXII съезды КПСС, но до «брежневщины» было еще далеко.

Лишь с приходом В.А. Андреева, четвертого заведующего кафедрой, обстановка стала смягчаться, «очеловечиваться», постепенно стал утверждаться более демократический стиль кафедральной работы, но одновременно набирал обороты и длительный процесс «отпускания тормозов» (спешка во всем, формализация, потеря интереса ко многим профессиональным проблемам, «дела» и т.д.). Но еще сохранялись достаточно долго серьезность и открытость кафедральных «обсуждений» занятий ли, методического семинара, новой ли монографии, или теоретических положений курса, лекций и т.п., что никогда не приводило к личным столкновениям амбиций и обидам. Типичную реакцию «тогдашнего» очередного автора обсуждаемых материалов мы бы назвали сегодня «согласительной» позицией, тогда же в ходу было другое слово - «самокритичность» как амортизатор острых ситуаций. Например, обсуждается открытая лекция по русской литературе XVIII века Н.П. Замятина (тема «Сатира Новикова»). Лектор во вступительном слове сам дает строгую оценку своей лекции (отмечает ее некоторую сумбурность, поверхностность освещения вопросов и т.д.). Затем с резко критической оценкой лекции, «развернув» собственный анализ направления и содержания сатирического журнала «Трутень», «Писем к Фалалею», выступают Н.С. Шарапков и В.Н. Перетрухин; в заключительном слове Николай Петрович соглашается с доводами коллег, поблагодарив их за содержательный и полный анализ его работы. Главное, что примиряло в критике, - это глубокое знание и понимание предмета спора оппонентами, что делало его конструктивным и не скучным. К кафедре готовился не только заведующий...

С открытием пединститута самое серьезное внимание уделялось разработке и предоставлению студентам права выбора спецсеминаров, спецкурсов, спецвопросов на экзаменах. Уже на второй год существования вуза на четвертом курсе были открыты спецсеминары: «Творчество Горького» (Шарапков Н.С.), «Поэзия Маяковского» (Калинина М.Ф.), «Детские писатели советской эпохи» (Островская Б.А.), обсуждались программы и методики четырех спецкурсов по литературе (Полякова А.Ф., Завалишиной А.М., Шарапкова Н.С., Климовой Н.В.), коллоквиумов, методики проведения экзаменов, программ предметных кружков по советской, русской, зарубежной литературам, выразительному чтению; читательских конференций, литературных вечеров. Все перечисленные виды учебной и кружковой деятельности рассматривались как формы стимулирования самостоятельной творческой работы студентов, их профподготовки. Поэтому все были внимательны к работе друг друга. Например, рассматривая план работы литературного кружка Н.С. Шарапкова, предложили ему отказаться от изучения повести И. Эренбурга «Оттепель» как слабой в художественном отношении вещи - и доказали это здесь же на кафедре с текстом в руках...

С самого начала своей истории на кафедре не боялись критики, отваживались на критику и принимали ее как нормальный обмен мнениями, но только критику доказательную - все, кроме А.М. Завалишиной, были молоды и увлечены своим делом; поэтому на бесконечные «разговоры» (споры) всегда находилось время, особенно они были интересны, когда в 60-е годы на кафедре появились Г.И. Дербенев и Г.Ф. Ануфриев. Рабочие заседания периодически перемежались с «Открытыми заседаниями кафедры и Учеными Советами» института, которые посвящались крупным событиям текущей литературной жизни (заседание кафедры по итогам очередной дискуссии о реализме - докладчик Поляков А.Ф.) или крупным литературным юбилеям, например, Ф.М. Достоевского (с научными докладами выступили Завалишина А.М. - «Великий русский писатель Ф.М. Достоевский», Калинин А.И. - «О некоторых особенностях языка Ф.М. Достоевского») и др.

Тогда же определились пороки и кризисные явления в развитии литфака, которые с разной мерой интенсивности, но всегда будут проявляться в последующие десятилетия: текучесть кадров, изначально низкий уровень общекультурной и литературной подготовки абитуриентов, что вынуждало снижать требования к студентам, мириться с учеб-

ными перегрузками, слабой постановкой научной работы в кружках СНО, замкнутостью острой с увлечением работающей кафедры. Однако она быстро набирала «обороты» в своем развитии. В 1958 году литфак был преобразован в историко-филологический факультет с пятилетним сроком обучения, и появилась сразу большая группа кандидатов наук и доцентов - историков, включая нового ректора института Шишлянникова. Его первый же выпуск в 1958 году (набора 1953 - года смерти Сталина) обнаружил: наши студенты не хуже, чем в других, более почтенных по возрасту и величине пединститутах. Мне же он напомнил наши послевоенные университетские выпускные курсы набора 1945 - 1946 годов - такие же серьезные, на треть и более мужские по своему составу, где встречались и участники Великой Отечественной войны, совершенно взрослые мужчины, старше своих преподавателей, особенно на заочном отделении, учителя-историки из сельских школ, которые пришли к нам за знаниями, пришли получить высшее образование. Тогда из них при выпуске сформировался первый директорский корпус: их сразу со студенческой скамьи направляли руководить школами, тогда во многих сельских школах почти не было учителей с высшим образованием. Директорами школ из того первого выпуска были «распределены»: Валентин Истомина, Василий Ракитин, Борис Шевелев, Алексей Неборский, Виктор Глазунов, Мария Савельева (Шевченко). Несколько позже директорами стали Владимир Глазунов, Виктор Ракитин, Сергей Баянов, Анатолий Модестов, Роза Скоробогатова (Загнеева) и другие.

В 60-е годы начнется медленное втягивание студентов в круг своих научных проблем и профессиональных интересов отдельными членами кафедры через дискуссионный клуб, которым руководили К.А. Субботина, Г.Ф. Ануфриев, а позже Т.П. Савченкова; литературное объединение - ЛИТО (рук. Г.И. Дербенев, а позже Е.Ф. Шефер); литературные вечера по зарубежной литературе К.А. Субботиной и т.д.

Тогда же изменился статус кафедры литературы - она обрела наконец (в 1966 году) полную самостоятельность.

В 1967 году кафедру принял Владимир Андреевич Андреев, прибывший из Павлодарского пединститута по конкурсу в 1966 году, защитив (в 1965 г.) кандидатскую диссертацию по советской литературе при МГПИ им. Крупской. Владимир Андреевич легко вошел в общеинститутский коллектив. Студенты с первой встречи полюбили нового преподавателя русской литературы XX века и советской литературы за веселый, добрый нрав, контактность, доступность. Он был человеком тогда не редкой общественной активности, неизменный член комиссий всех уровней, различных комитетов (месткома, парткома), руководитель студенческого агитколлектива, председатель ГЭК и т.д. Легкий на подъем, живой и быстрый, с широкими связями еще с аспирантских московских времен в научном мире всех поколений, В.А. Андреев постоянно выступал на разнообразных региональных, республиканских и союзных научных конференциях с докладами и сообщениями (в Москве, Ленинграде, Омске, Кемерово, Тюмени и др.). В 70-е годы работал над докторской диссертацией на тему «Проза Всеволода Иванова» и много публиковался в изданиях научных трудов вузов страны (МГУ, Алма-атинского ГУ, Калининского пединститута, Ленинградского пединститута, Тюменского пединститута и т.д.). Его все и всюду знали в преподавательской среде - и это было полезно для кафедры, укрепляло ее связи в «ученом» мире. Но в 1980 г. он оставил ИГПИ как избранный по конкурсу в Омский пединститут.

В 60-е годы коллектив кафедры почти полностью обновился. Кроме В.А. Андреева приехали в Ишим после окончания аспирантуры Ленинградского университета Г.И. Дербенев (в 1963 г.), ЛГПИ им. Герцена - Г.Ф. Ануфриев (1969 г.) и К.А. Субботина (1964 г.), специализировавшиеся по русской литературе XIX века и зарубежной литературе.

Это был период наибольшей привлекательности, популярности литфака для выпускников средних школ юга Тюменщины, что в значительной мере связано с именами этих первоклассных, ведущих преподавателей кафедры литературы.

Они были людьми литературы и искусства, науки и литературной критики. Для них это была «среда» существования, цель, смысл и содержание жизни. В повседневности они могли быть какими угодно, выше и ниже, с недостатками, но чем были похожи друг на друга, чем увлекали студентов и заложили традицию с очень высоко поднятой планкой профессионализма, так это тем, что все они были людьми глубоко самостоятельного мышления, одержимые литературой. Это определило стиль взаимоотношений на кафедре на многие годы - надбытовой, исключаящий неуважительный тон, обидные и оскорбительные стычки, склоки, сплетни, наушничество... Никогда ничего подобного на кафедре не было. Тогда на кафедре работали преимущественно выпускники ленинградских и московских аспирантур, были осуществлены крупные исследования по творчеству В. Брюсова (Дербенев Г.И.), Ф. Достоевского (Ануфриев Г.Ф.), А. Грина (Липе-

лис А.А.) и другие, завершившиеся рядом блестящих защит кандидатских диссертаций. Окрепили связи кафедры с ведущими научными академическими центрами и вузами Ленинграда, Москвы, Западной Сибири.

Герман Иннокентьевич Дербенев (1934 г. рожд.) в 60-е - 70-е годы в истории кафедры сыграл особую роль. Он был ее неформальным научным лидером. Своим примером и своей позицией во время обсуждений открытых занятий, статей, пособий, диссертаций, в выступлениях на теоретических кафедральных семинарах, при всей своей деликатности и старомосковской интеллигентности, абсолютно без всяких деклараций создавал то высокое поле напряжения научных интересов, которого порой не имели и более крупные вузы. И это пришлось ко времени: на кафедре большинство ее членов работали над диссертациями, т.е. активно «присутствовали» в науке, много времени отдавали творческим командировкам, занятиям в центральных научных библиотеках страны (гг. Москвы, Ленинграда и др.), выезжали на многочисленные научные конференции в Москве, Ленинграде, Томске, Свердловске, Омске, Челябинске, Куйбышеве, Ульяновске, Тюмени и др., наращивая, расширяя «географию» своих публикаций.

Не защищенный от внешней, порой грубой критики за «аполитичность», за «странное» пристрастие к «декадентской» литературе (сегодня мы называем ее «серебряным веком» русской литературы) - предмету своего серьезного исследовательского интереса и массового увлечения студентов литфака его спецкурсом о поэзии начала XX века, - он был сложившимся ученым, возможно, самым крупным за всю историю кафедры, безукоризненно честным в профессиональном смысле, человеком серьезным, ответственным в отношении к науке, к преподавательской работе, к своим студентам, родным и близким людям.

Основательность досталась ему от отца, вятского крестьянина по рождению: среднюю школу он закончил с медалью, потом так же серьезно и вьедливо учился в ЛГУ, сначала на восточном факультете, а потом на русском отделении факультета, три года учебы в университете специализировался по истории русского стихосложения и занимался изучением творчества В. Маяковского в спецсеминарах и спецкурсах Б.В. Томашевского, своего первого научного руководителя дипломной работы и кандидатской диссертации. После смерти Бориса Васильевича (в 1957 г.) по совету нового руководителя - Д.Е. Максимова, крупнейшего специалиста по творчеству Лермонтова, Блока, с большим трудом сменил тему диссертации: Дмитрий Евгеньевич справедливо считал, что работа над историей употребления в России стихотворных размеров и строфики скорее по плечу целому НИИ, чем одному аспиранту, хотя и успешному собрать огромный материал на тему, и предложил заняться изучением творчества В. Брюсова советского периода. Углубившись в новую тему, Герман Иннокентьевич понял, что ее изучение станет, как он сам говорил, основным делом его жизни на ближайшие 10 - 20 лет. Но случилось так, что, принципиально разойдясь с новым руководителем как ученик Б. Томашевского и последователь его школы в литературоведении, он лишь через 10 лет после окончания аспирантуры при ЛГУ - защитился в МГУ, получив звание кандидата филологических наук (в 1972 г.), все эти годы упорно работая над капитальной монографией «Летопись жизни и творчества В.Я. Брюсова». Брюсовская картотека из многих тысяч карточек буквально «забила» все пространство его ишимской однокомнатной квартиры. Она легла в основу его докторской диссертации «Борьба течений в русской поэзии конца XIX и начала XX веков», утвержденной в МГУ им. Ломоносова, в работе над которой пригодился, естественно, и его обширнейший материал по истории русского стихосложения. Но жить в Ишиме было негде, и, как избранный по конкурсу в Омский госуниверситет, в 1976 году Г.И.Дербенев покинул кафедру. К сожалению, он рано умер в г. Брянске, не завершив труда всей своей жизни.

На такой кафедре (с изначально высоко поднятой планкой профессионализма и интенсивности научной работы) как раз «ко двору» пришелся выпускник Ленинградского пединститута им. Герцена, только что окончивший аспирантуру при нем, ученик известных литературоведов А.В. Десницкого и Б.И. Бурсова, распределенный в 1969 г. в Ишимский пединститут Г.Ф. Ануфриев (1934 г. рожд.).

Геннадий Филиппович защитился лишь через пять лет работы на кафедре (в 1974 году), но уже с первых лекций стало ясно: на факультете появился новый талантливый преподаватель литературы, обладающий даром живого, вдохновенного, образного слова, прирожденный Учитель литературы, лектор, абсолютно свободно владеющий материалом, самый, возможно, яркий, «звездный» преподаватель в истории кафедры литературы. Его свободное «плавание» по морям и океанам русской и мировой литературы, неожиданные параллели и ассоциации, блестящее мастерство владения методом сравнительно-исторического и стилистического анализа литературного материала порой

поражало воображение слушателей неожиданностью, блеском, остроумием, живой «игрой» с материалом, будило мысль студентов. Необходимость в именно таком ведущем преподавателе литературы XIX века давно назрела. Он увлекал в мир классической русской литературы студентов не только легко, «играючи» творя «фанатов» среди них, но и как бы живой своей практикой обучая будущих учителей литературы методике преподавания литературы, сложного технологически для освоения курса. Интересно читал Г.Ф.Ануфриев спецкурс по творчеству Достоевского, здесь он выговаривался сполна: диссертация на тему «Раннее творчество Достоевского в русской критике» была для него лишь стартовой площадкой, с его, казалось, беспредельной эрудированностью и глубиной видения, ощущения Достоевского. Но публиковался, к сожалению, сравнительно редко. Он был несомненно очень умным человеком, но более художником, чем теоретиком литературы. В 1976 году Г.Ф.Ануфриев принял заведование кафедрой. И если перед Г.И.-Дербеневым подавленные его «ученостью» студенты трепетали, то Г.Ф.Ануфриева любили как лектора, преподавателя литературы. Но судьба его сложилась трагически: он был пьющим человеком, порой целые годы держал себя «в узде», много работал. Выходец из учительского рода нескольких поколений, он был не защищен от потомственного порока российской творческой интеллигенции - приверженности Бахусу. К тому же еще был хантом по национальности, жил изначально и работал (директором школы) на Крайнем Севере. И хотя вырос на традициях русской культуры, считая русский своим единственным родным языком, кажется, «чуял свой фатум» - тяжелая наследственность веками спаиваемых всеми властями России аборигенов русского Севера давила, он вновь и вновь срывался и тогда становился неузнаваем. Семейная катастрофа (повесился его 12-летний сын в подвале собственного дома) подтолкнула его к пропасти - в 1980 г. он был уволен из ИГПИ, и его понесло по свету... Где он сейчас, жив ли - неизвестно. Кафедра потеряла талантливейшего товарища, коллегу; и какова мера вины кафедры и каждого, теперь определить невозможно: сама она была всегда благополучной, «победной», ведущей и самой сильной в институте.

Но судьба Г.Ф.Ануфриева периодически повторялась в других: пропали для кафедры, общества, литературы, науки очень способные, молодые, отлично образованные преподаватели литературы: Петров Лев Алексеевич (1933 г. рожд., в ИГПИ с 1968, уволен в 1969 г.), преподаватель русской литературы XIX века, введения в литературоведение и античной литературы, саратовец по рождению и выпускник Саратовского пединститута, мягкий и интеллигентный; Тихомиров В.В., доцент из Костромы (в ИГПИ с 1972 по 1973 год), отличный специалист по русской литературе XIX века, и др.

Через кафедру тогда прошли, мелькнув в ее истории, начинающие, сделавшие или не сделавшие позже научную карьеру, но несомненно способные: Леонид Николаевич Соколов-Сыромятников, 1939 г. рожд., саратовец, успешно читавший с первого же года курс теории литературы (работал на кафедре с 1963 по 1965 гг. и поступил в аспирантуру по соответствующей кафедре МГУ); Зубарев А.В., хорошо начавший в ИГПИ в 1972 г. и поступивший в 1974 г. в аспирантуру ИГПИ им. В.И. Ленина при кафедре зарубежной литературы; Богутская Вера Васильевна, 1945 г. рожд., успевшая также проработать лишь год (с 1972 по 1973 гг.), но запомнившаяся случившейся с ней историей, по-человечески вполне естественной для юной и привлекательной девы, но скандальной по тем временам: она посягнула на семейные устои коллеги, строго охраняемые администрацией, и была уволена с соответствующей записью в трудовой книжке, хотя, выпускница Уральского университета, она отлично справлялась с курсами УНТ и введением в литературоведение и не собиралась так быстро покидать ИГПИ; Мышкина Нина Степановна - выпускница ИГПИ, перспективная студентка, интересный творческий человек, но, отработав год (с 1979 по 1980), выбыла по семейным обстоятельствам.

С 1963 работал в ИГПИ на кафедре Беспалов Петр Васильевич (1918 г. рожд.), выпускник филфака Чечено-Ингушского пединститута 1959 года, человек с биографией, интересной тем, что в ней отчетливо отразилось «то время» в истории Страны Советов, когда люди были особенно сильно зависимы от жесткого политического курса с крутыми виражами, по которому вожди вели государственный корабль: он - крестьянский сын, деревенский парнишка, и его, как песчинку, носило по свету, творя типичную судьбу человека из простого народа, которого поднял Октябрь, чтобы пройти известный путь - «кто был никем, тот...» Сначала рабфак Костромской текстильной фабрики, потом Казанский юридический институт, учеба в котором была прервана призывом в Красную Армию, затем Великая Отечественная война, демобилизация, работа в Грозном с 1946 года юрисконсульт, поступление в 1953 году в пединститут, работа учителем-словесником в вечерней школе, попутная сдача кандидатских экзаменов... Человека все несло и несло, куда-то он стремился и «тербился», казалось, «вперед и выше». В итоге

в 1963 году он оказался в должности ассистента на кафедре литературы, которая для перспективных молодых людей - путь в науку, а Петру Васильевичу было уже тогда около пятидесяти. Человек целеустремленный, даже удачливый, цепкий в жизни, не без способностей и талантов - он потрясающе читал «Я иду долиной. На затылке кепи...» Сергея Есенина:

Я - беспечный парень. Ничего не надо.
Только б слушать песни - сердцем подпевать,
Только бы струилась легкая прохлада,
Только б не сгибалась молодая стать...

Но кто он? Куда шел? (Выбыл из ИГПИ в 1968 году). И таких случайных людей прошло через кафедру немало, жесточайшим образом отсеиваясь во все десятилетия.

Были люди и другой судьбы, случайно, на время, по каким-то личным обстоятельствам занесенные к нам.

Энгельс Гаврилович Зыков проработал на кафедре один год (с 1973 по 1974). Известно, как он попал к нам, что привело его к порогу нашего института. Несомненно лишь, что на время, самое короткое, пока устроились в северной столице его личные дела. Это был специалист высокого класса в области древнерусской литературы, кандидат филологических наук с «положением» в науке, связями, опытом работы в Отделе древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Он отлично справился с годовой учебной нагрузкой: курс древнерусской литературы и методика преподавания литературы, блестяще прочитал спецкурс на тему «Кирилло - Мефодиевские традиции и Древняя Русь», за год подготовил три серьезных работы к публикации, отрецензировал статьи Дербенева, Ануфриева и др. Студенты оценили его знания, глубину и содержательность консультаций, самостоятельность, «размах» его критических суждений и оценок (он обещал им, что через год они будут изучать его предметы по его собственным программам, одобренным МНП), но не снесли бахвальства, спеси преподавателя, отвернулись от него, когда он обозвал их «тупыми сибирскими валянками».

С 1986 по 1987 год русскую литературу XIX века вел В.И. Курьлев, доцент из Горького, пенсионер, и исчез, не оставив никакого следа. А еще раньше, так же лишь год (с 1968 по 1969) проработал И.Н. Фешин, в судьбе которого отчетливо прослеживалась биография рабоче-крестьянской Страны Советов. Иван Николаевич прибыл в ИГПИ также почтенным пенсионером, уже завершив свой путь восхождения в науке, тяжкого и медленного. Он родился в деревне Марьевка, окончил Горьковский пединститут (1936 - 1940), служил в Красной Армии, воевал (в должности начальника штаба танковой бригады Украинского фронта), потом учился в аспирантуре при ЛПИ им. Герцена (1947 - 1949 гг.), в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию, работал старшим преподавателем и зав. кафедрой русского языка и литературы учительского института в г. Семенове (с 1945 по 1953 г.), с 1953 по 1959 г. был директором Арзамасского пединститута. Опубликовал ряд работ по советской литературе (статьи о Д. Бедном, Горьком, Шолохове и др.). В 1963 году наконец получил ученое звание доцента и в том же году ушел на пенсию. В 1969 году уволен из ИГПИ.

Смысл происходящего понятен: периферия - кафедра, несмотря на ее реальную стоимость, для многих периодически превращалась в трамплин или в «отстойник», где можно было что-то переждать, чего-то дожидаться, «перекантоваться». Кому-то это было обидно - работать на такой кафедре казалось непрестижным. Тем не менее появление очередных «фигурантов» кафедры всегда было небезынтересно, поучительно, а нередко и полезно. С некоторыми из них кафедра расставалась с сожалением, а с кем-то, облегченно вздохнув. Иван Николаевич Фешин сыграл роль в жизненной игре «на понижение», но чувствовал себя патриархом среди нас (все были молоды: вуз, кафедра, кафедры) - ни опасаться, ни стесняться не было нужды. Он репликой, точным доводом легко мог осадить, остудить самую горячую голову. Человек старой выучки, прошедший сквозь все политические и литературные дискуссии в стране, он не вдавался в полемику, а обрывал ее, «припечатывая»: «Нам нечего воскрешать труп формализма, он был похоронен еще в 30-е годы» и т.п. Или, например, полушутливо, но громогласно мог заявить: «Я не люблю умных людей - с ними как-то излишне хлопотно...»

В период с 1961 по 1980 г., с перерывами, на кафедре работала выпускница ИГПИ Л.Н. Нарышкина, ассистент, с 1977 г. - старший преподаватель. Вела курсы литературы XVIII века, античную литературу, практикум по выразительному чтению. Людмила Николаевна закончила ИГПИ, была заметной студенткой, хорошо училась, прекрасно читала стихи, но как преподаватель «потерялась» на кафедре среди других. Защитив в 1978 г. диссертацию по русской литературе XVIII века на тему «Романы М.М. Хераскова. Их

эволюция» в ЛГПИ им. Герцена, она через два года исчезла из Ишима и с обозримых для кафедры горизонтов.

Иначе сложилась судьба Скрыбковой Веры Андреевны (1937 г. рожд.), ассистента кафедры с 1972 года. Она прибыла на кафедру из Нижнетагильского пединститута, который окончила в 1965 г. и где проработала в той же должности 6 лет, порвав с родным вузом по неизвестным причинам... Принятая по конкурсу, В.А.Скрыбкова вела в ИГПИ курсы введения в литературоведение, древнерусскую литературу, после отъезда Нарышкиной Л.Н. - и русскую литературу XVIII века, спецсеминары по творчеству Тютчева, Фета, Некрасова. Долгие годы сферой ее особых научных интересов оставалась поэзия А.Фета. Считалось, что Вера Андреевна работает над диссертацией по Фету, но годы шли, намечаемые планы по завершению сдачи кандидатских экзаменов и научной работе срывались по разным причинам, публикаций практически почти не было. Из-за отсутствия научного руководителя по избранной теме ей пришлось в 1978 году сменить тему диссертации по предложению известного тогда ленинградского исследователя русской литературы XVIII века В.А.Западова, который согласился быть руководителем Веры Андреевны, но и работа над новой темой: «Творчество Г.Р.Державина 1790-1806 гг. Поэтика и стилистика» - с 1978 по 1985 год продвигалась крайне медленно. К этому времени отношения ее с заведующими кафедрой (сначала Андреевым В.А., а потом Дворяшиным Ю.А.) были безнадежно испорчены, и в 1985 г. Скрыбкова В.А. как не прошедшая по конкурсу на новый пятилетний срок (мотив - недостаточная перспективность преподавателя для научной работы) была уволена. Не согласившись с решением конкурсной комиссии, она начала борьбу, но повела ее так, что растеряла всех сочувствующих и осталась без поддержки. В этой тяжелой и горькой истории главная причина ее драматического исхода была не в способности или неспособности В.А. Скрыбковой к научно-исследовательской работе (как преподаватель она была достаточно опытным, квалифицированным и умным работником, хотя и скучноватым лектором, но студенты уважали ее, а ее научные статьи вполне отвечали требованиям вузовской нормы). Дело было в ее трудном характере, гипертрофированном самолюбии, нарастающей болезненной подозрительности, нетерпимости, неуживчивости в отношениях с начальством, а затем и с коллегами. И позже такие преподаватели, с такими недостатками не приживались на кафедре, покидали ее, и не всегда по своей воле. Лишь год проработал в ИГПИ (с 1986 по 1987 г.) способный, но с неуживчивым характером и совершенно неадекватными реакциями на малейшие критические замечания преподаватель из Томского университета, знающий и опытный зарубежник и теоретик Кондратьев Александр Генрихович. С еще более тяжелым характером оказалась М.С. Кузьмич, которую приняли по конкурсу на курс русской литературы XIX века (часть 2) и через год уволили за служебное несоответствие по докладной зав. кафедрой, с которой она попыталась «разправиться» по явно вздорному поводу с помощью дамской сумочки. Кафедра отторгала таких, не вмешиваясь: дух корректности, интеллигентности, определенной интеллектуальной высоты делал ее непроницаемой, как бы интернальной средой для житейской грязи, низости, даже простой обывательской пошлости. «Чистота» кафедры неощутимо оберегалась законом естественного отбора. Старожилы кафедры не помнят в обозреваемых пределах времени (с 50-х по 90-е годы) ни одного скандала на кафедре, либо интриги. Вопросы служебной дисциплины не обсуждались - не было поводов: учебный механизм был отлажен, и инерция предельной обязательности и исполнительности, заданная прежними, «строгими» временами, еще срабатывала. Нарушения обязательных для всех порядков происходили порой сознательно, по принципиальным соображениям, хотя в этих случаях и был риск, что тобой займутся, начнут «воспитывать» - и не на кафедре, а в «другом месте». Например, Г.И. Дербенев объяснял свои пропуски занятий общеинститутского теоретического семинара, который вела кафедра маркс-сизма-ленинизма, тем, что они носят догматический характер, неинтересны и бесполезны, а В.А. Скрыбкова демонстративно не ходила на торжественные вечера в честь революционных праздников и на майско-октябрьские манифестации, объясняя это тем, что нищенская зарплата ассистента «развязывает» ей руки...

Секция литературы на кафедре изначально была преимущественно мужской. В начале 60-х постоянно представляли ее женскую половину А.М. Завалишина и я, позже, к концу - я и К.А. Субботина.

Кира Александровна Субботина приехала к нам по министерскому направлению после окончания аспирантуры Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена, но... как-то уж очень неприметно. Однако некоторая робость начинающего вузовского преподавателя в сочетании со скромностью внешнего вида, манер и тихостью нежного голоса оказа-

лась обманчива: очень скоро новая «зарубежница» прибрала к рукам распушенных поблажками своего предшественника, Григория Кондратьевича, студентов, проявив волю, целеустремленность и отличное знание своего предмета. А защитившись через пять лет, была назначена деканом литфака... Никогда - ни до нее, ни после - зарубежная литература не имела столь высокого статуса на факультете и в сознании студентов, как при ней. Были периоды, когда они читали «взахлеб» и «учили», казалось, только «зарубежку». Особенно Кире Александровне удавались общеинститутские литературные вечера по зарубежной литературе, которыми она больше всего и запомнилась в институте.

К этому времени в ИГПИ уже сложились крепкие традиции студенческой самостоятельности: институтский хор был если не самым профессиональным в маленьком городке с населением в 60 тысяч человек, но с большой музыкальной школой, потом в 70-е годы разделившейся на две, то самым мощным, многочисленным и голосистым (первый его руководитель Н.И. Селянинов), мы имели свой «полнометражный» духовой оркестр, юношей хватало - физмат был тогда почти исключительно мужским факультетом. Стали привычными мужские концерты с участием преподавателей - мужчин нашей кафедры - В.Н. Перетрухина, М.И. Горцева, А.И. Калинина (к 8 Марта); вечера поэзии, встречи с местными поэтами и заезжими знаменитостями; очень популярные в 50-е годы литфакские концерты художественного чтения на «большой сцене» (для всего института), которые с беспримерным энтузиазмом готовила со студентами Людмила Семеновна Перетрухина (Волох), человек редкого обаяния и дара Учительства, сейчас доцент, кандидат педагогических наук Белгородского пединститута, вдова профессора В.Н. Перетрухина, неожиданно, к глубокой печали всех, кто знал и помнил его в Ишиме, рано умершего от инфаркта (в 1985 году) после отъезда из Ишима (в 1962 году). Они были наши с Алексеем Ивановичем друзья и однокашники по Саратовскому университету.

Я и сама ставила спектакли к юбилейным датам (помню, с каким увлечением повторила на институтской сцене свой школьный, очень светлый, романтический спектакль по пьесе в стихах М. Светлова «Двадцать лет спустя»). Но до знаменитых вечеров Киры Александровны никогда прежде не случалось, чтобы неделями и годами факультет буквально жил после учебных занятий репетициями очередных пьес, малоизвестных и неизвестных вчерашним, преимущественно деревенским ребятам зарубежных драматургов XX века. А потом весь институт, благо он имел всего два факультета, а не семь, как теперь, набивался в актовЫй зал корпуса N 1, заранее занимая места. Это был настоящий студенческий театр, любимый в студенческой и преподавательской среде.

В письме 1999 г. к своей бывшей студентке, сегодня доценту кафедры литературы Татьяне Павловне Савченковой, Кира Александровна Субботина, доцент Волгоградского пединститута, писала:

«В 1964 году я приехала в Ишимский пединститут после Ленинградской аспирантуры. Встретили меня дружелюбно. Ректор, Николай Иванович Толмачев, заботился как отец родной, студенты по-дружески советовали не отпускать их с лекций до звонка, чтобы не досталось от начальства. Кафедра литературы подобралась замечательная - мужчины в расцвете лет (от 30 до 40), умные, эрудированные и почти все «земляки» - тоже учились в Ленинграде. Время было хорошее - «оттепель». «Новый мир» публикует «Один день в жизни Ивана Денисовича», «Москва» - запрещенный роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Самое было время создать литературный дискуссионный клуб, что я и сделала. Обсуждали и роман Булгакова, и «Маленького лорда» Юхана Боргена, и «Носорогов» Э. Ионеско. Особенно запомнилось обсуждение романа Владимира Маканина «Прямые линии». Я написала ему письмо с рядом вопросов по этому роману и получила ответ. Теперь Маканин лауреат Букеровской премии, премии имени Пушкина, приятно, что мы заметили его тогда, когда он только начинал и был никому неизвестен.

Я всегда любила театр, вела спецсеминар по современной зарубежной драме, бывая в Москве, обязательно смотрела новые постановки пьес зарубежных авторов. В конце 60-х - начале 70-х годов особенно популярен был Брехт. Посмотрев в театре имени Маяковского «Кавказский меловой круг» Брехта, задумала поставить эту пьесу со студентами. Как ни удивительно - первая же попытка оказалась удачной, среди студентов были настоящие таланты - Юра Дворяшин, Виктор Гульяев, Таня Парубова и многие другие. На следующий год поставили «Антигону» Ануя, затем «Вкус меда» Ш. Дилени и, наконец, «Визит старой дамы» Ф. Дюрренматта. Нам, то есть мне и «актерам», все это принесло много радости, но и зрителям нравилось.

Некоторые «артисты» были так увлечены, что продолжали свою «театральную деятельность» даже после окончания института. Например, Юрий Дворяшин, уже работая

в сельской школе, приезжал на репетиции пьесы Ш. Дилени «Вкус меда», в которой он играл чудесную роль «юноши с материнскими наклонностями». Замечательными актрисами были Югова (имени не помню) - темпераментная Антигона - и обаятельная Верочка Власова — «сердитая молодая девушка» из «Вкуса меда».

Со многими студентами я была по-настоящему дружна: с молодой поэтессой Ниной Ющенко («Белье стираю на доске, а руки белые в тоске»), с Людой Мухиной, с которой уже после окончания ею института я встречалась дважды с перерывом в 12 лет (1976 и 1988), надеюсь, что встречу в 2000 г.), с Таней Савченковой, которая пошла «по моим стопам» и стала преподавателем зарубежной литературы. Нас с ней можно занести в Книгу Гиннеса - студентка и преподаватель переписываются 26 лет, именно столько времени прошло с тех пор, как я уехала из Ишима, но я всегда с любовью вспоминаю и город, и институт, и своих ишимских друзей и коллег.

Татьяну Павловну я считаю в какой-то мере и своей ученицей, но не по вузу, хотя она была и моей студенткой, а по школе, где мы с ней встретились впервые на факультативе по литературе для 8 - 10-х классов, который я продолжала вести в течение нескольких лет и после окончательного возвращения на кафедру в 1961 году, в 1-й железнодорожной школе. Помнится, тогда не было у меня более постоянного, внимательного и чуткого слушателя. Широко открытые глаза на не совсем обычном, приметном лице «нордического типа» длинноногой девочки-школьницы были для меня якорем и барометром наших занятий поэзией. Надеюсь, они как-то тоже повлияли на ее выбор вуза и литфака, откуда я, вырываясь, приезжала на очередные встречи.

Проработав шесть лет непрерывно при полной нагрузке учителем литературы в старших классах и еще ряд лет, имея лишь один экспериментальный класс и факультатив, я за 42 года работы на кафедре «перечитала» почти все курсы русской литературы, включая детскую литературу и фольклор, что практически чаще всего вынуждалось «производственной необходимостью» - на малочисленных кафедрах при текучести кадров всегда спасают положение постоянные их члены, «старожилы», кроме того «методист» в идеале должен быть специалистом широкого профиля, «многостаночником», в определенной степени энциклопедистом. Однако основными составляющими моей учебной нагрузки, кроме МПЛ, неизменно оставались советская литература, к которой привязывали годы работы над первоначальной темой диссертации по творчеству Ильи Эренбурга, до сих пор по-настоящему не изученного и не оцененного крупнейшего русского писателя XX века, сегодня незаслуженно, по конъюнктурным причинам «забытого»; а позже - русская литература XIX века (первая половина) - не отпускало все годы жизни застарелое пристрастие к пушкинской эпохе, родившееся еще в студенческие годы на спецкурсах и в спецсеминарах Ю.Г. Оксмана.

Однако моя преподавательская судьба складывалась так, что более всего мне приходилось заниматься методикой: школьный стаж «давил», спасал и обязывал. Аспирантская же специализация и общение с научным руководителем - выдающимся ученым и человеком, главным разработчиком отечественной истории методики преподавания литературы, которого чуть ли не все известные методисты-словесники страны считали своим Учителем, профессором Яковом Ароновичем Ротковичем, открыли мне смысл того, что мы делали, готовя учителей литературы для школы. Наверно, это понимание позволяло мне (я надеюсь) многие годы исполнять на кафедре роль свое-образного «корректива» реальности, что как-то уберегало нас в разные времена, то в большей, то в меньшей степени, от снобизма, которым страдает большинство чисто филологических кафедр российских педвузов и университетов по отношению к школе и методике преподавания литературы - «межумочного» учебного предмета и науки (то ли «школьного литературоведения», то ли «частной педагогики»). Поэтому периодические авральные включения («национальная особенность» трудового режима нашего родного отечества) в кампаниях реформирования, перестройки, спасения школы и «школьной» литературы для кафедры были хорошо знакомы и привычны: история нашей школы 50-х - 90-х годов это и существенная часть истории нашей кафедры.

В принципиальных вопросах преподавания литературы в вузе и в школе кафедра никогда не сбивалась с пути, в частности, в понимании литературы как искусства и целей изучения литературы в учебных заведениях. Положение ее двойственно - отсюда все противоречия: литература - вид искусства, но и предмет изучения; художественный текст - это форма эстетического познания мира, а изучается «как теорема», и как следствие этого - драматические перекосы в преподавании (идеологизация, логизация, вульгарный социологизм, упрощение и прочие пороки).

То, что сегодня ясно, в 50-е - 60-е годы не было столь бесспорным - методологические «схватки» постсталинской эпохи тогда только начинались. И сегодня, вспоминая те

времена, перечитывая протоколы заседаний кафедры, вдумываясь в скупые записи «дебатов» по этим вопросам, видишь, насколько «продвинута» была наша кафедра, настаивавшая, защищавшая позиции, которые лишь сегодня постепенно утверждаются в массовом сознании и практике учительства: в изучении литературы нужно идти от образного видения текста к чувствам, от чувства - к мысли, к постижению идейно-художественного богатства произведений; анализ должен опираться на восприятие художественного текста; воспитание читателя - главная цель преподавания литературы, - постоянно подчеркивали А.А. Липелис и Г.И. Дербенев, наши главные «ораторы» на заседаниях кафедры. Это была и моя неизменная позиция. И во все последующие десятилетия для кафедры эти подходы к изучению литературы оставались неизменными.

В 1970 году в Ленинграде, на курсах ФПК при подготовке выпускного научного реферата у проф. Марка Григорьевича Качурина по истории методики литературы, я погрузилась в чтение (в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина) тогда совершенно неизвестных школе и выпавших из научного оборота трудов методистов психологической школы, последователей учения о языке Александра Афанасьевича Потебни, и обнаружила, помню, удивившую и более того - поразившую меня близость наших взглядов на кардинальные вопросы природы словесного творчества и художественного восприятия литературы. Стало ясно, что еще в начале XX века потебнианцы знали, как надо учить литературе с учетом ее эстетической специфики, как развивать эмоционально-образное мышление и речь учащихся. Вернувшись, разработала спецкурс о потебнианской методике, съездила в город Куйбышев к Якову Ароновичу Ротковичу, который пригласил меня в годичную аспирантуру с моей темой и моими диссертационными материалами, за что, разумеется, я была ему очень благодарна, и в 1976-м году, уже после смерти своего руководителя, защитилась в Ленинградском пединституте им. А.И. Герцена на кафедре Зинаиды Яковлевны Рез.

Наша кафедра была «привязана» к школе множеством программ и планов (сегодня мы назвали бы их «проектами»). Особенно заметно прибавлялось работы в периоды введения очередных «новых» программ и внедрения по рекомендации свыше одобренного «передового опыта» и разного рода «новаций». На всех «этажах», сверху донизу действовали тотальный контроль и отчетность. Но, как я теперь понимаю, по своей идеологии и духу кафедра в основном все-таки была скорее «шестидесятнической». Даже А.М. Завалишина как заведующая обычно избегала диктовать, «пресекать», расставлять «точки над и». Корректность на кафедре сохранилась и при Владимире Андреевиче Андрееве, сменившем Александру Михайловну в 1966 году. Он умел ценить своих кафедральных «умников» и «гениев», не досаждал им мелочной и оскорбительной опекой, оберегая и защищая от «начальства» благополучие и демократизм отношений на кафедре, что поддерживало ее творческую и деловую активность. Вот несколько событий и штрихов из хроники кафедральной жизни «времен» В.А. Андреева:

1965 - 66 учебный год. Студенты толпами рвутся на спецкурсы Г.И. Дербенева «Поэзия младосимволистов», «Женская поэзия Е. Ростопчиной, Ю. Жадовской, М. Лохвицкой, А. Ахматовой». Обсуждаются подготовленные к публикации научные и научно-методические статьи. Прибыл после окончания аспирантуры Куйбышевского пединститута Смирнов Валентин Сергеевич (ему поручили курсы: древнерусская литература, введение в литературу). Я в первый раз читаю спецкурс «Писатель в школе» и веду спецсеминар по И. Эренбургу. Дербенев Герман Иннокентьевич отправляется с докладом на Всесоюзные Брюсовские чтения в Ереван. К.А. Субботина готовится к защите кандидатской диссертации на тему «Чехов в английской критике». Новый заведующий, В.А. Андреев, на заседании кафедры читает доклад «Новое о Маяковском», при обсуждении которого Г.И. Дербенев убедительно доказывает, что вот нового-то в нем как раз и нет - налицо старый социологический подход к Маяковскому и явная попытка оторвать его от футуризма...

1967 - 68 учебный год. Обсуждение монографии В. Пруцкова «Вопросы литературно-критического анализа» (Л., 1960 г.). Встреча студентов литфака с учителями литературы города: продолжается более пяти часов - так много вопросов. Еженедельные выпуски «Литературного бюллетеня», который придумала и веду со студентами я, разбираются основательно, въедливо. Критика: материалы выпусков тематически узки - в основном «отрабатываются» юбилеи, и потому они быстро стареют. Предложения: сделать его органом кафедральным, квалифицированным, «солидным», закрепить обзор серьезных изданий периодики (журналов «Русская литература», «Вопросы литературы», «Детская литература» и др.) за отдельными преподавателями, регулярно публиковать собственные рецензии на новинки художественной литературы, включать в редколлегии (сменные) выпусков студентов с журналистским и литературно-критическим укло-

ном. И многое другое. Г.И. Дербенев предлагает заменить его название на «Литературные известия». Обсуждается очень популярная среди студентов, полуподпольная (самостийная, не санкционированная никем) факультетская газета «Институточка» двух «самозванных» редакторов-сочинителей-художников-издателей в одном лице - студентов А. Бучинского (сейчас, к сожалению, покойного, известного в Тюменской области талантливого журналиста) и В. Пекарского. Отмечается: газета творческая, но «вольная», название двусмысленно, пошловато, авторы не бездарны, но «пора им взяться за работу всерьез», исключить сумбурность, безвкусицу, позаботиться о художественном качестве и большей содержательности. При большом стечении разношерстного «люда» идут диспуты по новым фильмам «Фараон», «Журналист» и новинкам зарубежной литературы (журнала «Иностранная литература»). Они проходят в самой большой аудитории (N 9), так много участников. Заседание кафедры - обсуждение последних номеров «Пробы пера» ЛИТО - проходит неожиданно бурно, остро и перерастает в дискуссию. Обсуждение же диссертации В.Г. Смирнова «Творческий путь Г. Маркова» - вяло, проблемно: и автор, и соискатель явно не интересны членам кафедры...

1968 - 69 учебный год. Обсуждение коллективной монографии «Советское литературоведение за 50 лет» (М., 1967) явно затягивается. Принято решение: считать обсуждение весьма плодотворным, способствующим повышению теоретического уровня преподавателей. Отмечены и развиты положительные или перспективные мысли в статьях Г.Н. Поспелова, А.И. Метченко и ряда других авторов. Резко отрицательную оценку книги в целом дает Г.И. Дербенев, как не выявляющей всего богатства литературоведческого наследия, созданного за последние полвека. В ней отсутствуют имена А.П. Скафтымова, В. Жирмунского, академика М.П. Алексеева, Б.В. Томашевского, не представлена интуитивная школа (М. Гершензон, Е. Максимов, В. Альфонсов), не упомянуты К.И. Чуковский, В.А. Десницкий, отсутствует текстология и выработанные ею принципы, сужено изучение проблематики и жанров, не раскрыты, не обоснованы принципы создания трехтомной «Истории русской литературы» (1958 - 1961 гг.), ничего не сказано о достижениях пушкиноведения, лермонтоведения, не указаны научные центры литературоведения, критика Г.Н. Поспеловым П.Н. Сакулина несостоятельна, как и отношение к формальной школе, хотя и заметно потеплевшее (не отмечены ее заслуги в выработке общих принципов анализа произведения и «литературного» историзма).

Приезд по приглашению В.А. Андреева в Ишим из Ленинградского пединститута В.Н. Альфонсова, чтение им спецкурса «История русской поэзии и послеоктябрьского периода» для студентов вызывает ажиотажный интерес в институте и в городе, аудитории 9, 26 (корп. 1) не вмещают всех желающих попасть на его лекции о Блоке, Асееве, Сельвинском, Пастернаке, Ахматовой, Цветаевой, Мандельштаме, все еще полуразрешенных, но в чем-то подозрительных для «власти» как и прежде. Доклад Владимира Николаевича на заседании кафедры, посвященный проблемам изучения творчества Горького на современном этапе (к столетнему юбилею), о необходимости отказа от тенденции упрощения, выпрямления, наведения хрестоматийного глянца на фигуру Горького, ввиду очевидной для многих широты горьковского метода отображения человека, сложности и драматизма человеческой и художественной судьбы Горького: философствующие купцы и босяки из непролетарских слоев общества не просто отпечаток своей эпохи, но любимые горьковские герои, что явно не укладывается в общепринятое представление о нем как классике соцреализма в советской литературе, а роман «Мать», «библия» соцреализма, наиболее слабое из произведений писателя.

Утверждать подобное вслух, азартно читать лекции о поэтах, признанных «официозом» буржуазными, декадентствующими, - и в конце 60-х годов было, как оказалось, небезопасно. Не успел Владимир Николаевич закончить цикл своих лекций и выступлений (перед отъездом он весь вечер читал «на память» в актовом зале, опять-таки при огромном стечении народа, любимых поэтов. Особенно поразило тогда студентов мощное концертное исполнение поэмы Александра Блока «Двенадцать», целиком, без купюр), как «кафедралов» потянули поодиночке в «органы» госбезопасности и потребовали от беспартийных «честного анализа» лекций ленинградского гостя, а от членов КПСС - партийной их оценки. Мы были молоды и большие любители «пообсуждать» что угодно из области наших профессиональных интересов. Но о чем нас тогда спрашивали и как мы вели себя в этой ситуации - не обсуждали, даже и словом не обмолвились: ведь нас (правда, помню, мягко, вежливо) предупредили о неразглашении. Но тогда, слава богу, все обошлось: кафедра не сдала своего коллегу, да и диковато было все происходящее («Это после XX, XXII съездов? За что?»). Студенты же от Владимира Николаевича, что называется, были в восторге. И все-таки позже стало известно, что «кашу заварили» по заявлению институтского работника, искренно возмущенного «антиисторизмом» и

«антипартийностью» позиции «заезжего» лектора. Мы знали, что этот человек в свое время закончил истфак МГУ, и Герман Иннокентьевич скептически заметил, что он все забыл, чему его там учили. Но, возможно, прямого «доноса» тогда все же не было.

После отъезда В.Н. Альфонсова все идет своим чередом: обсуждается диссертация Г.И. Дербенева о творчестве В. Брюсова; обсуждается сборник статей «Проблемы типологии русского реализма» (М., 1969), обсуждается работа студенческого клуба «Кино и литература», кафедрального лектория для института и города по эстетике и искусствоведению. Обсуждаются результаты проверки кафедры комиссией Облпрофсоюза учителей высшей школы. Под огнем критики лекция Г.И. Дербенева о Пушкине за то, что «поэт представлен пессимистом», что «материал лекции подобран произвольно» и т.п. Преподавателю припомнили некоторые материалы «Пробы пера» его учеников - студентов, тоже как «пессимистичные и полные растерянности», его собственные стихотворения с «душком» и чуть ли не с «антисоветчиной» («Барабанщики», «Раки» и др.) - и на глазах у всех «раскручивается» так называемое личное дело старшего преподавателя Дербенева. Не позиция кафедры и заведующего останавливают это: Владимир Андреевич, большой мастер компромиссов и улаживания «дел», был последователен и настойчив в отстаивании прав и доброго имени кафедры и ее членов. В том числе, например, права самостоятельно отбирать своих выпускников для работы на кафедре и направлять их в аспирантуру. При нем начался процесс вливания в кафедру молодой «крови» новой научной и преподавательской «поросли». Десятки лет нам, как одной из «идеологических» кафедр, не разрешалось «брать» своих выпускников - студентов, попытки переломить ситуацию заканчивались поначалу неудачами. Но справилась с курсами зарубежной литературы после отъезда Кирия Г.К. Шлапак З.В. (1963 - 64 уч. г.), переехавшая в Омск и благополучно защитившая кандидат-скую диссертацию по эстетике. Проработав год-полтора, покинула ИГПИ Козыро Л.А. (1971 - 72 уч. г.), поступив в аспирантуру МГПИ им. Ленина, Омарова Д.А. и Мышкина Н.Е. (1981-83 уч.г.) - по семейным обстоятельствам. Не приживались на кафедре интересные, опытные учителя литературы, наши выпускники, хорошо подготовленные теоретически, но не сумевшие расстаться со школой: М.И. Васильева, Н.И. Старкова, Л.К. Рожкова - преподаватель литературы городского лицея, несколько лет успешно читавшая на литфаке античную литературу, моя надежда и опора в профподготовке будущих словесников, - яркие «звезды» на педагогическом «небосклоне» г. Ишима. Реформа школы 1961 - 1963 гг. и введение новых учебных программ, реализующих идею «За тесную связь школы с жизнью», потребовали открытия отделений ФОПа (факультета общественных профессий). На кафедре разрабатываются и обсуждаются планы и программы лекционных курсов, семинаров, практикумов, готовящих студентов к практической работе, во многом опережающих изменения в министерских учебных программах. Кафедра ввела тогда впервые на литфаке такие отсутствовавшие в учебных планах курсы, как «Выразительное чтение», «Детская литература», «Плакатное перо и оформительское искусство», «Технические средства обучения», «История живописи». У истоков курса «История живописи», его первым и самым блистательным из лекторов была известная в городе, выдающаяся учительница литературы ж/д школы Канахина Мария Гавриловна, вырастившая для нашего института еще и замечательную внучку - человека большого сердца и высокого долга, бывшую прекрасную студентку ИГПИ, аспирантку Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена, талантливого учителя литературы и языковеда - вузовского преподавателя, многолетнего бессменного зам. декана литфака и мать троих замечательных детей, выпускников ИГПИ, а ныне аспирантов Санкт-Петербургских вузов - Нину Константиновну Метелеву. М.Г. Канахина, бывшая студентка Бестужевских женских курсов Петрограда («курсистка»), до конца жизни оставалась классической «идеалисткой», восторженно влюбленной в Великую русскую литературу и искусство. Часами она читала своим ученикам наизусть (по памяти) роман «Евгений Онегин», от первой до последней строчки, первые шесть глав поэмы «Мертвые души» и многое другое (это был ее «конек»). До утра готовясь к урокам, сама рисовала портреты писателей и литературных героев, как видела их, конструировала и лепила из папье-маше макеты - и домик Арины Родионовны в Михайловском, и снаряжение русичей-дружинников князя Игоря из «Слова о полку Игореве», и многое другое, засиживаясь со своими учениками — «помощниками» допоздна в школе после второй смены. Мария Гавриловна была живым пособием для наших студентов (в высоком смысле и для членов кафедры), нагляднейшим образцом идеального учителя литературы и русской интеллигентки в высшем смысле этого слова.

70-е годы потребовали от кафедры «нового витка» практических дел «для школы»: пришла пора собирать битые горшки после реформы начала 60-х годов и пытаться «пе-

ресять» заново ниву просвещения, но опять-таки теми же «черепками» от битых горшков, хотя и под новые «заклинания»: страна потеряла систему образования ради принципа «связи школы с жизнью» и реализации закона о всеобщем обязательном среднем образовании - «учить всех» и на основе единства требований для всех, т.е. на деле настолько опустить планку, чтобы все взяли заданный барьер. В итоге выпускники «реформированной» школы «колоннами» выпускаются «в жизнь» (на производство, фермы и поля) - им достаточно, например, истории русской литературы XX века в виде советской литературы из шести имен «классиков»: Горький, Маяковский, Фадеев, Н. Островский, Шолохов, А. Толстой.

В 70-е годы вводилась одиннадцатилетка и восстанавливались утраченные основополагающие принципы всякого серьезного образования: научность, академизм, историзм - начинался обратный процесс возврата к историко-литературному принципу преподавания литературы в старших классах, восстановления и расширения программы по русской литературе XIX - XX веков. Тогда впервые после 30-х годов были возвращены имена Блока, Есенина, Достоевского, Фета, Тютчева и др. По всей стране в школах началось массовое введение факультативов и приглашение в школы вузовских преподавателей, писателей, людей искусства - это был первый послевоенный «забег» высшей школы в среднюю, быстро захлебнувшийся, мало что изменив в уровне преподавания литературы. Но работы для нашей кафедры тогда заметно прибавилось: разрабатывались программы факультативов для подшефных сельских (Ларихинской, Мизоновской, Викуловской) школ, для городских школ по заявкам, для студентов - будущих учителей в рамках читаемых курсов. Кафедра вела коллективный факультатив в подшефной Ларихинской средней школе Ишимского района. Работа была трудоемкая, усилил и времени затрачено немало... Но в целом факультативы не спасли школу и в большинстве случаев тихо «угасли» к середине 80-х годов.

Школа вновь «призвала» кафедру как «скорую помощь». А между тем никогда прежде она не была столь малочисленной и «малоостепененной», как к началу 80-х годов. Ослабевшая к этому времени (уехали Г.И. Дербенев, Г.Ф. Ануфриев, К.А. Субботина, В.А. Андреев - основной ее состав), она лишь через десятилетие как бы заново наберет «вес» и окрепнет. Из восьми ее постоянных членов лишь трое имели ученые степени кандидатов наук. Юрию Александровичу Дворяшину (в ИГПИ с 1975 года), принявшему кафедру после отъезда В.А. Андреева, пришлось «выстраивать» ее заново. Недавний прекрасный студент ИГПИ, дипломник Владимира Андреевича, успевший отслужить в армии, приобрести некоторый учительский опыт и закончить аспирантуру в Ленинградском пединституте им. А.И. Герцена, он в 1976 году защитил кандидатскую диссертацию под руководством А.И. Хватова, известного советского критика и литературоведа, специалиста по творчеству М. Шолохова, и уже через год стал заведующим кафедрой - первым из наших выпускников. В истории кафедры Юрий Александрович многократно бывал первым: первый выпускник кафедры, направленный в аспирантуру, первый из «своих» кандидат наук и доцент, первый старший научный сотрудник Московского пединститута им. В.И. Ленина - докторант ИГПИ, первый на кафедре «собственный» доктор филологических наук после защиты докторской диссертации по творчеству Шолохова (в 1994 году), что потребовало от него гражданского мужества и веры в свои силы - шли «революционные» годы антисоветской ревизии широким фронтом, в том числе и литературного наследия XX века, первый на кафедре профессор литературы, здесь выращенный или выросший (думаю, и то, и другое верно). А в 1995 году он уже первый зам. ректора, проректор по учебной работе - прямой и на редкость честный «карьерный» путь. Удивительно целеустремленный, работоспособный и организованный, он прошел его самостоятельно, без всяких «двигателей» и «поддержек», если не считать поддержкой всегда неизменную доброжелательность и уважение к нему на кафедре, факультете, в институте во все те десятилетия, пока он жил, учился и работал рядом с нами - вечный пример и «образец» для всех: и когда студентом изо дня в день после занятий до десяти часов вечера (до закрытия) сидел в читальном зале (в каб. N 1, корп. 1) за книгами, и когда секретарем парторганизации во время службы в армии и в институте решал принципиально, справедливо большие и малые проблемы. Мы ценили его и гордились им... И когда в «высоких инстанциях» началась (уже в 90-е годы) «кадровая война», мы не «отдали» его, мы были с ним. И тогда, как говорится, справедливость восторжествовала, но вскоре (в 1996 году) Ю.А. Дворяшин вместе с женой, Н.А. Дворяшиной, уехал работать на Север, где начинались новые дела, открывались новые вузы, проректором по науке одного из них.

За десять лет заведования кафедрой Юрий Александрович многое сделал для укрепления, объединения кафедры и повышения ее научного уровня. Ее «корифеи» давно ра-

ботали в других городах и вузах, и твердый курс заведующего на подготовку собственных кадров оказался спасительным: к началу 90-х годов семь преподавателей из одиннадцати уже были выпускниками ИГПИ.

Первой среди них была Татьяна Павловна Савченкова, принятая на кафедру за год до появления Ю.А. Дворяшина, в 1974 году, защитившая кандидатскую диссертацию после окончания аспирантуры в Ленинградском пединституте им. А.И. Герцена по теме «Путевые картины Г. Гейне. Жанр и метод» в 1988 году, доцент с 1992. Сегодня она интересный и самостоятельный исследователь литературы и культуры, известный в городе и области краевед, главный редактор отличного краеведческого альманаха «Коркина слобода», автор ряда оригинальных статей о сказке «Конек-Горбунок», любимый студентами преподаватель зарубежной литературы, заведовавший кафедрой литературы в период с 1988 по 1991 год. Никогда - ни прежде, ни потом - на кафедре не было так мирно и удобно всем, по-человечески тепло и «слаженно» в работе, как тогда. Помимо давно известного и ценимого всеми дара доброго человеческого общения, в Татьяне Павловне тогда обнаружился редкий талант быть признаваемым и принимаемым всеми руководителем (лидером) при высочайшей ответственности за все и требовательности, конечно, прежде всего к себе.

В 1979 году по моему предложению и настоянию на кафедру была принята наша выпускница и замечательная молодая учительница литературы городской школы № 8 Нина Алексеевна Дворяшина - преподаватель детской литературы и русской литературы начала XX века, влюбленная в свою литературу и обожаемая студентами за умение заражать их своим вдохновением, горячим, проникновенным словом прирожденного учителя - литератора, своей захваченностью любимыми поэтами и готовностью читать и цитировать их всегда, всюду и в любом объеме. Сейчас она доцент, кандидат филологических наук, зав. кафедрой литературы Сургутского пединститута, отличник народного просвещения (диссертацию защитила в 1998 году в Москве (в МГПУ) по теме «Художественный образ детства в творчестве Федора Сологуба»).

Валерий Николаевич Евсеев, дипломник Ю.А. Дворяшина, сейчас доктор филологических наук, профессор, был принят по личной рекомендации Юрия Александровича в 1983 году, в 1988 году закончил аспирантуру при Московском пединституте им. В.И. Ленина и там же вскоре защитил свою кандидатскую диссертацию по творчеству Василия Белова; с 1997 по 1999 год находился в докторантуре и в 2000 году защитил докторскую диссертацию в МГПУ по творчеству Е.Н. Замятина, литературовед «новейшей формации», автор множества статей и ряда книг, всегда глубоких и содержательных, преимущественно по русской литературе XX века, интересный исследователь творчества Петра Павловича Ершова; с 1991 по 1995 год заведующий кафедрой литературы, сумевший сохранить сложившийся на кафедре дух демократичности и человечности, удерживать рабочий темп ее функционирования, набранный за несколько лет движения вперед.

Вместе с Ю.А. Дворяшиным они составили теперь «костяк» кафедры литературы 80-х - начала 90-х годов.

Легко и органично вошла в ее состав Елена Федоровна Шефер (в ИГПИ с 1974 по 1993 годы), выпускница Свердловского пединститута, в прошлом учительница литературы вечерней школы, корректор журнала «Уральские нивы» и сотрудник издательства, кандидат филологических наук с 1984 года, после защиты диссертации в Ленинградском пединституте им. А.И. Герцена по новеллистике Джека Лондона; с 1984 года - доцент, преподаватель зарубежной литературы (сейчас работает в Екатеринбургском университете), с 1989 по 1991 годы - декан литфака. Елену Федоровну студенты любили за мягкость, доброту и множество разнообразных талантов, которые проявлялись в умелом редактировании студенческих газет «Словесник», «Проба пера», «Литошка», в ее нежных лирических стихах, часто появлявшихся в местной городской и студенческих газетах, в многочисленных остроумных рисунках, веселых добродушных карикатурах и поделках типа «мягкой игрушки», которые рождались в ее руках чудесным образом, мгновенно, на глазах у всех из любого бросового материала, наконец, в характере ее ежегодных литературных вечеров с постановкой спектаклей по зарубежной литературе, всегда необычно и ярко оформленных ее пером и кистью. Рядом с ней студентам было интересно; творческий человек, она будила в них творческое начало, разыгрывая сказки Андерсена, «Маленького принца» Сент-Экзюпери и др., сочиняя костюмы для персонажей, разрисовывая интерьеры. Это было возвращением к любимым студентами в 60-е годы литературным вечерам Киры Александровны Субботиной. Многочасовые «бдения вечерние», а порой и ночные (в общежитии) над выпуском очередных номеров «Пробы пера» (в 6 - 8 листов), набитых красочными остроумными комиксами, подбор-

ками стихов факультетских поэтов, комическими словарными «энциклопедиями» и всякой всячиной, смешной и грустной, возрождали некогда популярные в институте и известные в городе заседания Творческого объединения институтских поэтов, начинающих писателей и критиков. Они проходили в обычной учебной аудитории или в комнате студенческого общежития, или на квартире у руководителя, в товарищеской форме, не ограниченные временем или правилами субординации. Много лет в свое время вел их Герман Иннокентьевич Дербенев, сам будучи серьезным поэтом с двадцатилетним стажем¹. На этих заседаниях оттачивались «золотые перья» Тюменщины: газетчика и журналиста Анатолия Бучинского, о котором мы уже вспоминали выше; поэтессы Нины Ющенко (Нина Дмитриевна Свяженина, автор сборника стихов о «земном и небесном» - «Лирика» (Тюмень, 2000), отразивших ее творческий путь длиной в тридцать лет, и последнего сборника «Первый снег» (Тюмень, 2001), замеченного и поддержанного известными «мэтрами» поэтического Олимпа современной России Е. Евтушенко и Б. Ахмадулиной) и других наших выпускников. А уже в другие времена - другие люди: Н.К. Метелева, Ю.А. Дворяшин, Т.П. Савченкова - своим интересом к необычному студенту-умнице, человеку зрелому, разносторонне талантливому и самобытному, - вниманием и поддержкой «пестовали» духовные силы и глубокий лирический дар талантливого нижевартовского поэта-самородка Владимира Алексеевича Мазина, в прошлом ларьякского (Ханты-Мансийский округ) ученика и воспитанника Нины Константиновны Метелевой, тогда совсем еще молоденькой словесницы. В те далекие «шестидесятые» Тюменский Север начинал осваиваться и спрос на вакантные места в школах при обязательном распределении на работу по окончании вуза был ажиотажный. Молодые ехали не за «длинным рублем», а за «романтикой» - и ей это право досталось как одной из лучших выпускниц. Тогда она забрала к себе подростка из интерната. С тех пор он считал и считает ее своей второй матерью, и они всю жизнь переписываются - четыре десятка лет, а приезжая в Ишим, живет в ее замечательной семье, как дома, как у собственной «матушки». Владимир Мазин публикуется в периодической печати давно, а в 90-е годы «пошли» сборники, отдельные издания, в том числе и московские. Один из последних сборников «По собственной гамме» (М., 2001) он посвятил своей «Дорогой учительнице Нине Константиновне Метелевой, филологу и музыканту». Живя с детства у своей хорошо образованной интеллигентной бабушки, Нина Константиновна училась музыке (бабушка специально для нее приобрела фортепиано, что тогда было явлением знаковым и указывало либо на особую состоятельность семьи при всеобщем более чем скромном городском быте, либо на высокую степень интеллигентности владельцев). Там, в глухом поселке Ларьяке, владение инструментом очень помогало в литературных занятиях с детьми, не зря же она была внучкой, на моей памяти, самого удивительного по своей талантливости преподавателя литературы и искусства М.Г. Канахиной.

С середины 80-х годов в стране начались перестроечные времена. Поначалу казалось - они мало что изменили в жизни института и кафедры: достаточно велик был запас инерции. В тяжелом положении оказалась лишь кафедра марксизма-ленинизма, спешно переименованная в кафедру общественных наук, люди растерялись: мгновенно исчезло положение ведущей в вузе - идеологической кафедры, отменены льготы и та, что более всего вызывала недоумение и раздражение у преподавателей других кафедр - ее члены всегда имели «на ставку» лишь половинную часовую нагрузку... Ввели избираемость «начальников», включая ректора института. Но наши «науки» пока принципиально не менялись по содержанию - и учебный процесс, и научно-исследовательская работа осуществлялись в привычных рамках. Однако стало как-то беспокойно жить и работать, будто нас «позвали куда-то» (время, «прорабы перестройки», руководители всех уровней и подразделений), а куда - не сказали. Но особенно возмущали «инновации», в большинстве своем, даже с точки зрения здравого смысла, ложные: перестройку «начни с себя» - и началась «возня» с личными сообязательствами на производстве, в учебе и науке - с бесконечным подсчетом «очков» для определения «победителей соцсоревнований»... Мы, наша кафедра, первыми воспротивились и отказались участвовать в этом абсурде. Идея «ускорения» перестройки вызвала новый всплеск чисто внешней активности для высоких показателей, для отчетов, которых расплодилось тогда «несть числа», и все новые и новые планы, обязательства, мероприятия - суета пустая и бег на одном месте.

---

¹ См. «Приложение»: Герман Дербенев. Лирика (цикл стихотворений, написанных с 18 по 25 марта 1972 года) / Подготовка к печати и публикация М.Ф.Калининой.

Но на кафедру прибывали все новые и новые люди, все сплошь начинающие в качестве вузовских преподавателей.

Зоя Яновна Селицкая приехала в 1985 году после окончания аспирантуры по распределению министерства из Латвии - прекрасно образованный преподаватель фольклора и русской литературы XX века, «университетский человек» по способу мышления, лояльный и мягкий по натуре. В 1989 году она защитила кандидатскую диссертацию по творчеству крестьянского поэта Сергея Клычкова, с 1993 года - доцент кафедры литературы, с 2001 - ее последний заведующий, со множеством интересных «проектов» и большим желанием сделать вновь кафедру привлекательной и творчески активной.

В том же 1985 году на кафедре появился Алексей Вячеславович Маркин - очень способный молодой человек, серьезный начинающий литературовед, выпускник Уральского госуниверситета им. А.М. Горького. Он хорошо начал, но был не наш - и в 1988 году уволился в связи с поступлением в аспирантуру родного университета.

В 1988 году приехала на кафедру по министерскому направлению после успешного окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации по теме «Романтические поэмы М.Ю. Лермонтова и традиции русской романтической поэмы» при Ленинградском пединституте им. А.И. Герцена Наталья Геннадьевна Федосеева, преподаватель русской литературы XIX века, знающий, волевой, требовательный, доцент с 1995 года, зав. кафедрой литературы с 1995 по 2001 год.

С 1986 года начала свою преподавательскую работу на кафедре литературы выпускница литфака, недавняя отличная студентка-заочница с солидным стажем практической работы руководителя детских учреждений Валентина Павловна Ткач как преподаватель выразительного чтения и детской литературы, декан факультета общественных профессий (бессменный), прирожденный методист, организатор и наставник молодежи, «палочка-выручалочка», безотказная в общеинститутских и кафедральных «делах» и мероприятиях, человек неутомимой творческой энергии и ответственности.

В 80-е годы кафедра вновь, как в 60-е, была молодой, активно включенной в литературную науку, повышено (в несколько раз по сравнению со многими другими институтскими кафедрами) затратной, с точки зрения бюджетной статьи «Научные командировки». Но это была уже другая историческая эпоха, и на кафедре многое переменилось. Как и прежде, внешне оставалась, как церковный приход, вне политики, индифферентной к социальным и партийным бурям, исповедуя те же «святости» (наука, литература, искусство). Но они стали частным (личным) делом и заботой каждого, утратив соборность, публичность. Развалились теоретические семинары, пропали желание и азарт к обсуждению «животрепещущих» научных проблем, дискуссиям и обмену впечатлениями по поводу громких «новинок» в литературе и искусстве: всем стало не хватать времени ни на что - все заторопилось... Наметилась тенденция нарастания «делового стиля» проведения научных конференций, заседаний кафедры («быстрее, быстрее...»), все более и более редко обсуждались статьи, доклады, диссертации коллег... В центре внимания оказались чисто «производственные», учебные и учебно-методические проблемы - на заседаниях кафедры, в разнообразных, многочисленных, как никогда прежде, «справках», цифровых показателях количества проведенных мероприятий, прочитанных лекций для населения и т.д.

Нарастание формализма «делового стиля» кафедральной жизни в какой-то степени притормозилось с переменой курса, которым шла страна до 1991 года, и сменой руководства в институте и на кафедре.

Удивительно, как сильно на характере, качественном уровне и «повадке» кафедры всегда сказывались историческое время и индивидуальность заведующего. При В.Н. Евсеева на ее «старожилов» пахло временами Г.И. Дербенева - наступила вторая «оттепель», вновь начались многочасовые «посиделки» и литературоведческие «бдения»... Но в 60-е - 70-е годы Герман Иннокентьевич был в этом смысле неформальным лидером, в лице же Валерия Николаевича кафедра впервые за свою историю получила прежде всего научного руководителя. И не в последнюю очередь благодаря этому фактору первая половина 90-х годов стала периодом форсированного развития научно-исследовательской работы, наращивания количества и качества публикаций, количества и уровня проводимых на базе нашей кафедры институтских и межвузовских, региональных конференций.

В активизации работы кафедры, определении направления и проблематики ее научных исследований большую роль сыграл приезд в Ишим на постоянную работу в конце 80-х годов из Ленинградского госуниверситета крупного ученого, «живого классика» языкознания и славистики, профессора Виталия Ивановича Кодухова на «братскую» кафедру русского языка, что не мешало ему быть и нашим неформальным лидером. Его

энергии, научного авторитета, широты эрудиции, живого интереса ко всему, чем жил институт, прошлому и настоящему города Ишима и всей Западной Сибири, неиссякаемой способности генерировать все новые и новые научные и краеведческие идеи, интегрировать на всех уровнях: интеллектуальном, духовном, организационном - усилия всех гуманитарных кафедр, держать в напряжении всех, кто хочет и может работать, хватало на всех. Ему мы обязаны обретением и успешным началом крупной и значимой для нас кафедральной научно-исследовательской темы «Жизнь и творчество нашего земляка Петра Павловича Ершова», открытием на факультете ежегодных Ершовских чтений, активизацией издательского дела в ИГПИ, проведением в 1989 году первой Всероссийской ершовской научной конференции, открытием аспирантуры по русской литературе в нашем институте. К середине 90-х годов на кафедре уже работали одновременно восемь кандидатов и три доктора наук.

В том же 1989 году в ИГПИ из Павлодарского пединститута (Казахстан) перевелась по семейным обстоятельствам Салтанат Жолдасбековна Макашева, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель теории литературы, уже с солидным опытом вузовской работы (в том числе и в столичном вузе, Московском пединституте им. В.И. Ленина, где она проходила аспирантскую подготовку и защищала кандидатскую диссертацию), крепкий профессионал с уже сложившимися научными интересами и ориентациями.

Через год (в 1990-м) на кафедру была принята Татьяна Михайловна Чечулина на должность старшего преподавателя по МХК (мировой художественной культуре). Кафедра приступила к подготовке студентов по трем специальностям: русский язык, литература и МХК. Новая коллега имела восемнадцатилетний стаж преподавания литературы и эстетики в средних учебных заведениях и была бесспорно человеком, «очарованным» искусством и преданным ему, быстро обратившим в свою «веру» толпы своих студентов. Высокий потенциал одухотворенности, «света» и любви в ее учебных занятиях и общении с коллегами и студентами, конечно, был бесценным приобретением кафедры и факультета и был в лучших изначальных ее традициях.

В 1991 году на кафедру был принят только что закончивший вуз, выпускник Омского пединститута, талантливый, «многообещающий» юноша, Д.В. Ларкович, но, успешно защитив кандидатскую диссертацию, он, к сожалению, не вернулся к нам.

С 1992 года работает на кафедре Валерия Николаевна Устинова, недавняя выпускница литфака ИГПИ, одна из лучших, человек способный и в высокой степени современный и целеустремленный. Ей удалось быстро справиться с поисками «темы» и научного руководителя, и, закончив аспирантуру при Омском пединституте у проф. А.А. Асояна, она успешно защитила кандидатскую диссертацию. Ее основная учебная нагрузка связана с МХК.

С девяностых годов на кафедре работают («по совместительству») доктора филологических наук, профессор Арам Айкович Асоян, преподаватель зарубежной литературы (из Омского педагогического университета), и профессор Николай Романович Скалон (приехал из Алма-атинского университета в 1996 году, с этого же года по 2000-й - проректор по учебной, а потом научной работе в ИГПИ, преподаватель русской литературы XX века, на сегодняшний день - заведующий кафедрой русской литературы Тюменского университета) - высококлассные преподаватели высшей школы, университетского уровня, и ученые (литературоведы) - для кафедры тот необходимый *корректив* ее научной и научно-методической состоятельности, без которого кафедра перестает быть таковой.

Однако при всех своих достижениях именно в это время, с середины 90-х годов, кафедра изменяется, меняется ее микроклимат, понемногу исчезает ее прежний «дух» - «потянуло» кризисом внутрикафедральных отношений, кризисом эффективности прежде всего той области, ради которой и создавался педвуз, кафедра литературы - учебной и учебно-воспитательной работы в целом, качества, уровня подготовки Учителя средней школы.

В большей степени он был спровоцирован новыми учебными программами с их чудовищной неоправданной многопредметностью и смещением акцентов с основных, профилирующих дисциплин (современного русского языка, литературы и методики их преподавания, ведь факультет, профилирующие кафедры по-прежнему обязаны готовить и выпускать учителей-словесников) на беспрецедентное число новых для освоения, а потому более трудоемких и «затратных» во всех смыслах предметов, лоскутных курсов и курсиков общеобразовательных и прикладных дисциплин, по «европейским стандартам» (культурология, антропология, социология, право, информатика, экономика, современное естествознание и другие - и все это втискивается, «трамбуется» в расписание

занятий и бедные головы студентов литературного факультета), ради этого сокращаются учебные часы на основные курсы, снимаются лабораторные занятия, консультации, коллоквиумы и т.д.

А главное, вероятно, наступила пора пожинать и на «ниве просвещения», в высшей школе плоды разрушительных для всей страны реформ и повсеместного либерализма, который мы всегда понимали по-своему, по-русски, как «наплеватьство» и безответственность. Однако сегодняшний день - еще не история, «осмысливать» и «вспоминать» его будут другие авторы «мемуаров» и в другие времена.

Я же в заключение могу сказать одно: мне везло на хороших и умных, порой очень умных людей, я любила свою кафедру и жила ее жизнью и делами. Для нас (близких мне по духу людей и не только моего поколения) труд был единственной дорогой к благосостоянию семьи и опорой во всех житейских испытаниях, исцелением от всякой душевной смуты, основным содержанием гражданской и личной жизни.

Подозреваю, что в этом главный секрет, причина нравственного благополучия моих собственных детей, дочерей, и четверых, уже почти выросших, внуков: Елены, Ольги, Александра, Юрия, Ярослава, Евгения, которых я люблю и которыми горжусь, - я так привыкла заботиться о них, и не только о них: любить и гордиться теми, кто рядом со мной, кто часть моей души и часть моей жизни.

Лирика. Цикл стихотворений, написанных
с 18 по 25 марта 1972 года

Подготовка к печати и публикация М.Ф. Калининой
РАЗДЕЛ I

1. ЗАПЕВ

Кто меня вызвал из мрака земного?
Чья это воля?
Не возродиться, не видеть мне снова
Чистого поля...

После глубокой могилы не верю
Я возрожденью.
Тихо стою под набухшею вербой
Робкою тенью.

Но розовеют поблѣкшие руки -
Не понимаю...
В слух проникают неясные звуки -
Я оживаю!..

Кровь заструилась в иссохшие жилы,
Сердце забилось,
С каждым мгновеньем растут мои силы.
Чья это милость?

Мягкой волною меня поднимает
Ритм возрожденья,
Сердце опять глубоко понимает
Радость движенья.

Кто меня вызвал из мрака земного?
Где ты, скажи мне!
Словно лучи, отливается слово
В солнечном гимне!

Мощной волною мне грудь распирает
Песнь беззаботных,
Руки вздымает певучая стая
Рифм перелетных.

Кто пробудил меня к жизни из тленья?
Выйди, скажи мне!
Вот выплывает из тени забвенья
Милое имя.

Вот из пространства прозрачно сияет
Облик прекрасный,
Четче и четче лицо проступает
В дымке неясной.

Ближе и ярче, как солнышки, светят
Два изумруда.
Есть ли любовь, говоришь, на свете?
- Есть, мое чудо!
15 - 20 / III - 1972.

2. КАЗАЛОСЬ, В КЕЛЬЕ ГРОВОВОЙ...

Казалось, в келье гробовой
Навек теперь я заперт -
Иди с поникшей головой
На плаху иль на паперть.

Но не однажды в тишине
Мечталось осторожно:
А можно ль выпрямиться мне?
И оказалось: можно!

Казалось, стоя на весу,
Что дело-то не чисто:
Я все же не перенесу -
Роль эквилибриста.

Но так манил далекий путь,
И думалось тревожно:
А можно руку протянуть?
И оказалось: можно!

Теперь я знаю: мелкий страх
Меня не одолеет.
Цветет улыбка на устах
И милый взор светлеет.

Ты близ меня - и в этом суть.
Я знаю непреложно,
Что можно жизнь перевернуть
И все на свете - можно!
18 - 19 / III - 1972.

3. В НЕВЕСОМОСТИ СЧАСТЛИВОЙ...

В невесомости счастливой
От земли отдалено
Дремлет полночью дождливой
Это милое окно.

Вся стена вокруг намокла
Под небесною рекой.
Дождь целует эти стекла,
Гладит бережно рукой.

А потом смелее станет
И неробкою рукой
В переплет забарабанит,
Настоятельный такой.

А когда его ладошки
Просыхают от воды,
Остаются на окошке
Поцелуйные следы.

4. ЧТО ВПЕРЕД ЗАГАДЫВАТЬ...

Что вперед загадывать?
Ни к чему,
Если можно радоваться
Дню сему.

Места нет обиде.
Жизнь легка,
Если можно видеться
Хоть издалека.
18 / III - 1972.

Ветер в форточку ворвется,
Поиграет, пошалит,
То по комнате пройдет,
Локон твой пошевелит.

Я б хотел дождем пролиться,
И готов... «мосты сожжем»...
Только трудно мне решиться -
Стать землею и дождем.
20 / III - 1972.

5. ПОЕЗД ПРОКЛЯТЫЙ УЖЕ ВЫЕЗЖАЕТ...

Поезд проклятый уже выезжает
Из отдаленных мест.
Рок надвигается и заставляет
Мой торопить отъезд.

Двери откроет с притворною лаской,
Чтоб увезли меня прочь.
Пусть он окрашен красною краской,
Все же он черен, как ночь.

Буду глядеть я в напрасной надежде:
Нет на перроне? Нет...
Сонный кондуктор в черной одежде
Тихо возьмет билет...

Поезд помчит по безлюдной планете,
Прошлого след губя;
Но ты - это ты, и никто на свете
Мне не заменит тебя.
25 / III - 1972.

РАЗДЕЛ 2

1. КОГДА НА УЛИЦУ...

В.Е.Ларичеву

Когда на улице гулять
Являются немые,
У них возможности болтать
Как будто нулевые.
Но разрешают пальцы их
Противоречья эти -
И разговорчивей немых
Нет никого на свете.

Прашур — галл, друид, казах
Еще до нашей эры
Долбил рисунки на стенах
Какой-нибудь пещеры.
Но знатоки с тех давних пор
Прочли рисунки эти —
И разговорчивее гор
Нет никого на свете.

Видны в степи издалека
Высокие курганы.
Стоят, как будто облака,
Немые великаны.
Не пожалей труда и сил,
Разрой курганы эти —
И разговорчивей могил
Нет никого на свете.

Для всех настанет немота,
Но будет сон не долгот:
Откроет вещие уста
Грядущий археолог.
Не станет псов сторожевых
На голубой планете -
И разговорчивей немых
Не будет в целом свете!
21 / III - 1972.

2. РАКИ

Прямо под тело, странное дело!
Пышет таинственным жаром.
Тело замлело, все заболело.
Тянет горячим угаром.

Прячьтесь за куст, за деревья, за дом,
Пячьтесь быстрее друг за другом.
Ну, поскорее, задом, задом,
Садом ползите и лугом!

Все вы погибнете, раки, раки,
Все на костер попадете.

Жаждут они столкновенья и драки,
Смерть на огне приемлют.
Остановитесь, раки, раки!
Не понимают, не внемлют.

Клацают клешни, вздымаются спины,
Черные раки бунтуют.
Не понимая причины кончины,
Злобно шипят, негодуют.

Пламя все ярче, угли краснеют,
Раки по веткам лезят.
Ракам все жарче, они соловеют,
Тихо шипят, пучеглазят.

Не помогают их перископы,
Не помогает шипенье.
Что погубило вас, дурошлепы? -
Странная форма движенья.

Где же вы, раки, раки, раки?
Воздух уже холодеет.
Ни одного не видать во мраке.
Лишь пепел костра седеет.

1971 - 22 / III - 1972.

3. НЕ НУЖНО СЛАВЫ НИКАКОЙ..

Не нужно славы никакой
Моим стихотвореньям.
Стихам внимаем мы душой,
Не слухом и не зреньем.

Хулу оставьте и хвалу
Другому в назиданье:
Пусть пепел сыплет на главу
И плачет в мирозданье.
20 / III - 1972.

Вкратце об авторах

1. **Афонасьева Людмила Ивановна**, заместитель директора по научной работе Ялуторовского музейного комплекса.
2. **Калинина Мария Федоровна**, профессор Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова, кандидат педагогических наук. Автор статей, посвященных Ершову, и книги «Жизнь и творчество П.П.Ершова. Семинарий» (Ишим, 2002 г.).
3. **Коновалова Елена Никифоровна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории науки и техники Зауралья при Тюменском государственном нефтегазовом университете, доцент кафедры библиотечных технологий Тюменского института искусств и культуры. Создатель клуба «Тюменская старина». Автор книг «Виктор Ефимович Копылов. 70 лет». Библиографическое издание (Тюмень, 2002), «Книгоиздание Тобольской губернии в XIX — нач. XX вв.» (Тюмень, 2002).
4. **Крамор Геннадий Андреевич**, выпускник Тюменского государственного института искусств и культуры, специализация «Культурология». Автор краеведческих публикаций на страницах альманаха и местной прессы. Основные интересы — история сибирского православия, провинциальная архитектура. Входит в городское общество по охране памятников истории и архитектуры «Собор».
5. **Курышев Игорь Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, экономики, истории ИГПИ им. П.П. Ершова, автор работ по истории сибирского крестьянства, гражданской войны в Западной Сибири и Северном Казахстане, сибирской периодической печати 1918 — 1921 гг.
6. **Малышев Владимир Николаевич**, учитель истории средней школы ст. Маслянской Сладковского района Тюменской области, создатель школьного музея. Автор книги «Земля Сладковская» (Тюмень, 1998), а также многочисленных статей по истории Приишимья.
7. **Меньшиков Владимир Николаевич**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории гуманитарного факультета Омского государственного аграрного университета, член Омского отдела Русского географического общества. Автор научных и популярных статей по истории Тобольской губернии.
8. **Мишкина Ольга Анатольевна**, научный сотрудник Ишимского краеведческого музея.
9. **Нечволода Ольга Петровна**, автор статей о жизни и творчестве поэта В. Нечволоды, живет в Тюмени.
10. **Пашков Федор Максимович**, исследователь Ишимского края, автор публикаций по истории Коркиной слободы. Составитель сборника архивных документов «Коркина слобода — город Ишим» (машинописный вариант в 4 экз.). Живет в Москве.
11. **Примаков Илья Васильевич**, орнитолог-любитель, член Мензбиревского и Уральско-орнитологического обществ, участник орнитологических экспедиций по Тюменской, Омской, Оренбургской областям, Красноярскому краю. Автор статей в ежегодном сборнике «Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири» (Екатеринбургский университет). Живет в Ишиме.
12. **Проказова Татьяна Ивановна**, методист по краеведению Центра детского и юношеского туризма Ишимского района.
13. **Проскурякова Надежда Леонидовна**, старший научный сотрудник Ишимского краеведческого музея. Тематика исследований: Ишимская Никольская ярмарка, крестьянское восстание 1921 г., культура края. Автор сценариев документальных фильмов по истории Ишима и Приишимья. Призер IV, VI, VII межрегиональных фестивалей телевизионных фильмов «Белые пятна истории Сибири» (г.Тюмень). Член городского общества по охране памятников архитектуры «Собор».
14. **Савченкова Татьяна Павловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы ИГПИ им. П.П. Ершова. Автор научных и популярных статей по литературному краеведению, истории сибирской архитектуры. Редактор ряда краеведческих сборников и альманаха «Коркина слобода». Член городского общества по охране памятников истории и архитектуры «Собор».
15. **Симонов Дмитрий Геннадьевич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник института истории СО РАН, преподаватель гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, автор книги «История II-го Степного корпуса белой сибирской армии (1918 г.)».
16. **Филь Сергей Генрикович**, заведующий отделом польской культуры ТОКМЦ — НКиНТ, заслуженный деятель культуры Республики Польша. Автор сценариев документальных фильмов и создатель музея о поляках Тюменского края. Основная тема исследований — 400-летняя история поляков в Сибири.
17. **Шуддяков Владимир Александрович**, кандидат исторических наук, доцент, методист учебного отдела Омского кадетского корпуса. Автор научных и научно-популярных работ о сибирском казачестве, Омском кадетском корпусе, истории революции и гражданской войны в Сибири.

КОРКИНА СЛОБОДА.
Краеведческий альманах.
Выпуск 4.

Художник: Р.Симанов.

Издательская лицензия ЛР № 020036 от 22.11.1996 г.

Набрано, сверстано и отпечатано в ДГУП «Ишимская типография» ГУП ТО «ТИД».
ул.Чкалова,17. Заказ № 1595. Формат 60x84 ¹/₈. Тираж 999 экз.
Объем 19,53 усл.п.л. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Лазурская». Подписано в печать 09.08.2002 г.

Наши вернисаж

Художник Владимир Кривых

